

СТАЛИНГРАД: УРОКИ ИСТОРИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ УЧАСТНИКИ
БИТВЫ НА ВОЛГЕ







В этой книге собраны главы из воспоминаний советских военачальников о Сталинградской битве: Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, В. И. Чуйкова, А. И. Еременко, Н. Н. Воронова, А. И. Родимцева, И. И. Людникова. Они рассказывают, как был подготовлен и осуществлен разгром гитлеровских армий на Волге, как завершилось это величайшее в мировой истории сражение

В книге представлены главы из воспоминаний немецких авторов — бывших офицеров немецкой армии, окруженной и плененной советскими войсками в битве на Волге: Ф. Паулюса, В. Адама, Л. Штейдле, И. Видера. Они рассказывают о том, что происходило в окруженной немецкой группировке, как рухнули планы гитлеровского командования, что привело к закату всего гитлеровского вермахта, а затем и к его полному разгрому и капитуляции.

В сборник включены главы из книги английского писателя Александра Верта «Россия в войне 1941—1945 гг.» — личные впечатления о Сталинграде в дни битвы.

СТАЛИНГРАД: УРОКИ ИСТОРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БИТВЫ

Под общей редакцией
дважды Героя Советского Союза
Маршала Советского Союза
В. И. ЧУЙКОВА

Предисловие
дважды Героя Советского Союза
генерала армии П. И. БАТОВА

Составитель: З.С.Шейнис

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «ПРОГРЕСС»
Москва • 1980

Редакция литературы по вопросам международных отношений

© Составление Издательства «Прогресс», 1979

С $\frac{11101-269}{006(01)-80}$ без объявления



Бессмертный подвиг советского народа на Волге

Эта книга посвящена Сталинградской битве. Уже одно это определяет ее большое политическое значение. Но важно и то, кто являются авторами книги. Издательство «Прогресс» собрало под одной обложкой воспоминания участников битвы — победителей и побежденных, русских и немцев, а также других свидетелей сражения на Волге. Но это не обычная документальная книга. Ее авторы были в гуще борьбы, прошли через тяжкие испытания, и этот факт придает их свидетельству неповторимую ценность.

Битва на Волге занимает особое место не только в истории Великой Отечественной войны советского народа, но и в истории второй мировой войны, которая оставила неизгладимый след в памяти народов, особенно тех, кто на себе испытал ее истребительную и разрушительную силу и чья земля стала ареной жестоких сражений.

Глубочайшее влияние войны на последующий ход мирового развития определяется, во-первых, участием в ней Советского Союза, его решающей ролью в завоевании победы над германским фашизмом, во-вторых, теми последст-

виями, которые логически вытекали из политических целей Советского Союза в навязанной ему войне.

Снова подтвердилось положение В. И. Ленина о том, что характер политической цели имеет решающее влияние на ведение войны.

Всемирно-историческое значение победы Советского Союза состоит главным образом в том, что это победа социалистического государства, показавшая политическое, экономическое, военное и идеологическое превосходство социалистического строя над строем капиталистическим.

Главным содержанием второй мировой войны была Великая Отечественная война советского народа, в которой против Советского Союза действовали ударные силы мирового империализма. Разгром германского фашизма явился и поражением империализма.

Именно этим объясняется тот факт, что оценка роли в войне ведущих стран антигитлеровской коалиции стала в послевоенный период одним из центральных вопросов идеологической борьбы между силами прогресса и силами реакции.

В этом же скрыты истоки фальсификации истории второй мировой войны некоторыми кругами буржуазного запада, особенно событий, связанных с характеристикой и оценкой деятельности в этой войне Советского Союза и его Вооруженных Сил.

Указанные мотивы обусловили «западное толкование» истории победы над Германией и предопределили выбор как самих событий и проблем, ставших предметом фальсификации, так и характер их освещения.

Цели фальсификации, поставленные перед недобросовестными историками их хозяевами, определялись стремлением защитить и обелить фашистскую агрессию, дискредитировать политические задачи и решающую роль Советского Союза в войне, затушевать и принизить социальное и историческое значение последствий победы советского народа над фашизмом, отвести от фашистских главарей обвинения в развязывании войны и в невиданных зверствах над мирным населением, снять с немецкого генералитета ответственность за поражение в войне против Советского Союза.

Для наиболее реакционных кругов одной из основных целей фальсификации являлось распространение и внедрение среди широких народных масс Западной Германии

идей реванша и пересмотра итогов войны, проигранной немецким фашизмом, а также пропаганда и разжигание чувства ненависти к советскому народу.

На службу этим целям были призваны самые разнообразные, но одинаково нечистоплотные методы и приемы фальсификации с использованием средств массовой информации — радио, телевидения, кино, печати и устной пропаганды.

Фашистская пропаганда прибегала к фальсификации уже с самого начала и в ходе войны против Советского Союза. Ведомства Геббельса и Риббентропа, каждое в своей сфере, изощрялись в словесной эквилибристике, чтобы обосновать нападение на Советский Союз, или старались, особенно в кризисные моменты, скрыть от германского народа и от своих союзников по фашистскому блоку действительную обстановку, создававшуюся на советско-германском фронте в результате поражений немецких войск под ударами Советской Армии.

Но широким фронтом и с высокой активностью фальсификаторская деятельность западных буржуазных историков и исследователей проблем войны развернулась после войны. В историографическом потоке большое место занимают послевоенные писания и мемуары бывших гитлеровских генералов: Манштейна, Типпельскирха, Гудериана, Дитмара, Рендулича, Вестфалья, Цейтцлера, Блюментрита и других.

Западная буржуазная историография наряду с объективными исследованиями поставляет также немало книг, авторы которых уходят от анализа и показа внутрисполитических причин, породивших агрессивный внешнеполитический курс германского империализма, целью которого был разгром и уничтожение Советского государства.

На совещании политических и военных руководителей германского рейха, состоявшемся 30 марта 1941 года, Гитлер заявил: «Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство. Уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Речь идет о борьбе на уничтожение. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника.

Будущая картина политической карты России: Северная Россия отойдет к Финляндии; протектораты в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии.

Эта война будет резко отличаться от войны на Западе.

На Востоке сама жестокость — благо для будущего». (Ф. Гальдер. Военный дневник. М., Воениздат МО СССР, 1969, т. 2, стр. 430—431.)

Далее. В разработанном Гиммлером и Розенбергом и одобренном Гитлером так называемом генеральном плане «ОСТ», рассчитанном на 30 лет, была изложена членовоенно-ненавистническая программа порабощения и физического уничтожения советского народа и народов других стран.

В этом плане записано: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве; дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ.

Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого».

Агрессия фашистской Германии являлась военно-политической акцией, давно задуманной и заблаговременно подготовленной в стратегическом и экономическом отношениях.

Аншлюс Австрии и лишение ее самостоятельности как государства, оккупация Чехословакии и ряда других стран Европы, захват в результате военного разгрома Польши и Франции явились стратегическим обеспечением Германии в Европе. В результате этого экономика этих стран оказалась в распоряжении фашистской Германии, развернувшей непосредственную подготовку к вторжению в Советский Союз.

В полном соответствии с политикой и стратегией Германии, были решены также и военно-экономические проблемы в расчете на использование европейских экономических ресурсов, захваченных к 1941 году. Ставка делалась на успех молниеносной войны, на окончание войны с Советским Союзом до наступления зимы.

К лету 1941 года страны фашистского блока добывали почти в 2,5 раза больше угля, выплавляли примерно в 1,5 раза больше стали, в 1,3 раза больше чугуна, чем Советский Союз.

Таким образом, «План Барбаросса» — план войны против СССР — обеспечивался мощной экономикой всей Западной Европы.

Немецкое командование было убеждено в том, что эта задача вполне достижима. Успехи первых месяцев войны после вероломного нападения на Советский Союз вскружили головы фашистским стратегам. Используя оттоблизованность фашистского вермахта, покорившего Западную Европу, немецкая армия оккупировала значительную часть советской территории. Но это продвижение немецких армий не имело ничего общего с характером войны на Западе. Советская Армия отступала, нанося врагу тяжелейшие потери, заставляя его истекать кровью.

Под Москвой гитлеровский вермахт впервые понес самое сокрушительное поражение, был остановлен, а затем отброшен на сотни километров на запад от советской столицы. Гитлеровский блицкриг потерпел крах.

Однако немецкая армия, питаемая военной промышленностью оккупированной Европы, оставалась мощнейшей военной силой, какую знала история вооруженных сил капиталистических стран. Оправившись от поражения под Москвой, вермахт начал новое мощное наступление на другом стратегическом направлении. Это наступление, отмеченное жесточайшими сражениями, с переменным успехом длилось до зимы 1942—1943 годов и переросло в величайшее сражение на Волге. Там, на берегах русской реки, в Сталинграде вермахту было нанесено такое сокрушительное поражение, которое положило начало не только изгнанию врага с временно оккупированной им территории Советского Союза, но также полному и окончательному разгрому германского фашизма, завершившемуся безоговорочной капитуляцией гитлеровской Германии. Эта великая победа была достигнута под руководством Коммунистической партии Советского Союза, которая спаяла в единое целое армию и народ.

Предыстория Сталинградской битвы, ход этой битвы, окружение и разгром немецких армий на Волге, исторические уроки Сталинграда шаг за шагом прослеживаются в главах этой книги. Перед читателями разворачивается грандиозная панорама крупнейшей операции, беспрецедентный героизм советских армий, защищавших свое социалистическое отечество, а с другой стороны — авантюристичность гитлеровских планов, голый цинизм фашистского командования, которое обрекло на гибель сотни тысяч немецких солдат, посланных на убой во имя захватнических, грабительских целей германского империализма.

Следует отметить, что в виду особого места и значения Сталинградской битвы ей уделено значительное внимание в исторических исследованиях и советских, и зарубежных авторов.

Привлечение к освещению событий, связанных с окружением и пленением 6-й немецкой армии под Сталинградом, не только советских, но и немецких источников не случайно. Это позволяет, с одной стороны, ярче и полнее представить глубину и масштаб катастрофы, поразившей немецко-фашистскую армию и фашистскую Германию в целом.

С другой — высказывания немецких авторов, которые были непосредственными участниками этой катастрофы, хотя и не во всем последовательные и объективные, помогают в известной мере разоблачению фальсификации истории войны, извращающей действительные причины и содержание этих событий.

Так, например, попытки Цейтцлера, Фуллера, Джексона отрицать закономерность победы Советской Армии в битве на Волге, а окружение немецкой группировки численностью в 330 тысяч человек считать случайностью, опровергаются Паулюсом и Адамом. Буржуазные фальсификаторы — Фуллер, Кейдал и др. — утверждают, что Сталинград не имел большого стратегического значения и наступление немецко-фашистских войск велось с ограниченной целью. Однако Паулюс и Видер отрицают это, ссылаясь на «высшие стратегические соображения». К тому же трудно объяснить и никто не пытается это сделать, почему же гитлеровское руководство пошло на так затянувшуюся борьбу в районе Сталинграда и на такие огромные потери, если политические и стратегические цели немцев были ограниченные.

Вопреки фактическому положению Цейтцлер и Типпельскирх объясняют поражение немецко-фашистских войск под Сталинградом подавляющим численным превосходством советских войск. Документальные данные опровергают эти объяснения и вынуждают немецких авторов, да и не только их, признать высокий уровень руководства советского командования и мастерство советских воинов.

Главы из книг немецких авторов показывают также человеконенавистнические планы и действия немецко-фашистских захватчиков, истребительный и разрушительный характер тотальной войны, развязанной германским

фашизмом против Советского Союза. На фоне этих свидетельских показаний еще ярче выступает величие гуманистических идей советского народа и его армии.

В главах из книг советских авторов, вошедших в сборник и принадлежащих известным советским полководцам и командирам, героям битвы на Волге, раскрывается напряженная творческая деятельность Коммунистической партии и советского военного командования всех степеней. В них рассказывается также о высоком массовом героизме, мужестве и преданности Родине советских людей — в солдатской шинели и рабочей блузе, — своей кровью и трудом завоевавших победу над врагом на сталинградской земле. «Здесь, на этой земле, они повернули ход судьбы, заставили ее идти от мрака к свету, от порабощения к свободе, от смерти к жизни» (Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2, стр. 69).

Победа в Сталинградской битве, помимо решительного влияния на полное и глубокое изменение стратегического положения на советско-германском фронте, по своим политическим и военным последствиям имеет всемирное значение. Она стала историческим рубежом не только коренного перелома в ходе всей второй мировой войны: победой в этой битве был решен исход войны. В докладе на XVI съезде Коммунистической партии Англии Гарри Поллит говорил: «Мы еще недостаточно полно оценили глубочайшую военную, политическую и моральную перемену, которую внесла в международное положение победа под Сталинградом, и тот потрясающий удар, который испытал германский народ в результате величайшего поражения, которое когда-либо переживала германская нация» *.

Важнейшим результатом Сталинградской битвы явился переход стратегической инициативы к Советскому Верховному Главнокомандованию, к Советской Армии. Этот переход, закрепленный летом 1943 года в битве на Курской дуге, означал, что в дальнейшем характер и ход военных действий — и не только на советско-германском фронте — будет определяться Советской Армией и ее стратегическим руководством, что и имело место до полного окончания войны.

Чтобы полнее оценить значение Сталинградской бит-

* Unity and Victory. Report of the 16-th Congress of the Communist Party. London, 1943, p. 4.

вы, следует вспомнить военно-политические цели, намечавшиеся немецким руководством в летней кампании 1942 года.

В январе 1942 года в беседе с японским послом Осима Гитлер заявил, что важнейшим направлением наступления немецких войск летом этого года будет направление на Кавказ. «Нужно выйти к нефти... Конечно, кроме того, я позабочусь о том, чтобы уничтожить Москву и Ленинград». Эти цели были конкретизированы в директиве Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года, в которой немецко-фашистским войскам ставились задачи: «снова овладеть инициативой» и, сохраняя положение на центральном направлении, на севере взять Ленинград, а на южном фланге осуществить прорыв на Кавказ. Так как сил для одновременного решения этих задач явно не хватало, то было предписано в первую очередь имеющиеся в распоряжении силы сосредоточить для проведения главной операции на южном крыле с целью уничтожения советских войск западнее Дона и захвата нефтеносных районов Кавказа. В отношении Сталинграда в директиве было указано, что «в любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или по крайней мере подвергнуть его воздействию тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций».

Однако события развивались не так, как намечало немецкое командование. В результате активных действий советских войск ряд задач, поставленных перед вооруженными силами фашистского блока — а на южном крыле действовали также венгерская, румынская и итальянская армии, — не были решены. Упорное сопротивление, оказанное Советской Армией на Воронежском направлении, в большой излучине Дона и в районе Сталинграда, привело к тому, что Сталинградское направление из вспомогательного переросло в главное. Здесь потерпели полный крах и немецкий план летней кампании, и план дальнейшего ведения войны против Советского Союза.

Разгром сил фашистского блока под Сталинградом имел важнейшее значение и в том отношении, что вызвал глубокий военно-политический кризис в фашистском лагере. Италия, Румыния, Венгрия оказались перед серьезными трудностями, связанными с огромными потерями на фронте, падением боеспособности войск и с нарастанием недовольства широких народных масс. Так, например, на тре-

бование Гитлера о направлении на фронт новых контингентов румынских войск Антонеску ответил, что боеспособность дивизий такова, что если их «в таком состоянии отправить на фронт, то мы скорее увеличим ничем не оправданные потери, чем будем способствовать улучшению положения на фронте».

Правительства сателлитов Германии стали усиленно искать пути выхода из фашистской коалиции и вести зондаж относительно заключения сепаратного мира с Англией и США.

Япония и Турция, стоявшие на грани вступления в войну против Советского Союза, сочли более благоразумным воздержаться от этого шага.

Как отмечает Маршал Советского Союза А. М. Василевский, «именно Сталинградская победа предопределила начало распада фашистского блока, увеличила размах освободительного движения в странах, подпавших под ярмо нацистской оккупации, воочию показала, что на страже социализма не только правда, но и жизненная сила, что фашизм обречен на неминуемую гибель». (А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., изд-во «Наука», 1973, стр. 272.)

В итоге победы Советской Армии под Сталинградом повысился международный и военный авторитет Советского Союза, еще теснее сплотились народы антигитлеровской коалиции и укрепилась их уверенность в близком окончательном крахе фашизма.

Наступивший коренной перелом охватил политические и военные отношения воюющих сторон, а также глубоко повлиял на отношения между государствами внутри обеих коалиций.

Можно утверждать, что со Сталинградской битвы начался новый период второй мировой войны. И это поняли многие политические и военные деятели стран Запада, в том числе и некоторые представители разгромленной немецко-фашистской армии. Так, например, немецкий генерал фон Бутлар пишет, что «Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию, она потеряла ту славу, которую она приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 года. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны и в первую очередь поколебать внешне-

политические позиции Германии». (Мировая война. 1939—1945 годы. Сборник статей. М., Издательство иностранной литературы, 1957, стр. 203.)

Начальник генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал-полковник К. Цейтцлер, автор статьи о Сталинградской битве, написанной по заданию министерства обороны США, приходит к такому же выводу. «В ноябре я говорил Гитлеру, — пишет он, — что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат — значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав.

Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны». (Роковые решения. М., Воениздат, МО СССР, 1958, стр. 209.)

И. Видер, глава из труда которого вошла в сборник, также отмечает, что катастрофические последствия Сталинградской битвы далеко выходят за рамки обычного военного поражения, как это пытаются представить Манштейн и ряд других гитлеровских генералов. Он пишет: «Учитывая, что Германия вела тотальную войну, в которой моральный фактор играет решающую роль, следует признать, что Сталинград был из ряда воп выходящим, беспрецедентным и немыслимым дотоле поражением, поворотным пунктом всей минувшей войны... Голгофа германской армии на берегах Волги затмила все военные трагедии прошлого». (И. В и д е р. Катастрофа на Волге. М., 1965, стр. 200, 201.)

Одним из распространенных приемов фальсификации истории второй мировой войны и, в частности, роли сталинградской битвы является необоснованное раздувание роли военных действий армий Англии и США, имевших частное, весьма ограниченное значение в масштабе всей войны.

Сталинградской битве обычно противопоставляется или к ней приравнивается сражение, проведенное 8-й английской армией под командованием генерала Монтгомери в Африке, в районе Эль-Аламейна. Английский военный историк Дж. Фуллер утверждает, например, что сражение под Эль-Аламейном — «самое решающее сухопутное сражение с целью защиты интересов союзников». (Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., Издательство иностранной литературы, 1956, стр. 313.) Ему вторит Р. Томпсон, считающий Эль-Аламейн «одной из ве-

ликих и решающих битв второй мировой войны. Вместе с морской победой Соединенных Штатов у Мидуэя он означал поворотный пункт второй мировой войны». «В то же время русские предприняли крупное контрнаступление против немецкой шестой армии под командованием фон Паулюса под Сталинградом, и величайший климактерий второй мировой войны был достигнут» *.

Что же представляет собою операция под Эль-Аламейном? Не останавливаясь на самом ее построении и ведении боевых действий, рассмотрим показатели, характеризующие размах операции.

Немецко-итальянские войска под командованием Ромеля общей численностью 96 тысяч человек состояли из 8 пехотных и 4 танковых дивизий, развернутых на фронте протяженностью около 70 км; в армии насчитывалось 500—600 танков.

8-я английская армия численностью 150 тысяч человек включала 7 пехотных дивизий, 3 бронетанковые дивизии и 7 бронетанковых бригад с 1114 танками.

Операция продолжалась с 23 октября по 4 ноября 1942 года и закончилась поражением немецко-итальянских войск, потерявших, как указывает Фуллер, 59 тысяч убитыми, ранеными и пленными, в том числе 34 тысячи немцев, около 500 танков, 400 орудий и тысячи автомашин. Остатки армии были отведены на запад.

Данные о размахе Сталинградской битвы показывают, насколько с ней несопоставимо то, что имело место под Эль-Аламейном. Сталинградская битва велась в течение шести с половиной месяцев, а если считать от дня перехода советских войск в контрнаступление, то непосредственно в районе Сталинграда боевые действия продолжались два с половиной месяца.

К началу перехода советских войск в контрнаступление, 19 ноября 1942 года, соотношение сил сторон было следующим.

	Советские войска	Немецкие войска (с учетом армий сателлитов)
люди	1 000 500	1 011 500
танки	894	675
орудия и минометы	13 541	10 290
самолеты	1 115	1 216

* R. T o m p s o n. The Yankee Marlborought, p. 319—321.

Приведенные выше данные свидетельствуют, что Советская Армия блестяще осуществила прорыв обороны противника и окружение 330-тысячной армии Паулюса, не имея превосходства в силах. Такое положение было и в ряде других операций.

Победу одержало советское военное искусство, высокое военное мастерство советских воинов, офицеров, генералов, и не случайно эти качества отмечали многие политические и военные деятели, в том числе У. Черчилль, Ф. Рузвельт, Д. Эйзенхауэр, Ш. де Голль и другие. В частности, У. Черчилль, далеко не щедрый на похвалы, подчеркивал, что, кроме Советской Армии, не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машины, что эта машина была сломлена превосходством русской доблести, советского военного искусства и прекрасным руководством советских генералов.

Убедительным подтверждением этому служат результаты стратегических операций, проведенных советскими войсками, среди которых Сталинградская битва по праву занимает особое место.

«Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда, — пишет Г. К. Жуков, — составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии». (Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, М., 1969 г., стр. 459.)

В итоге были разгромлены две немецкие, одна румынская и одна итальянская армии.

Не менее безнадежны и попытки западных, особенно западногерманских, буржуазных историков снять ответственность за катастрофу немецких войск под Сталинградом с немецко-фашистского генералитета и переложить вину на Гитлера. В стремлении показать непогрешимость генералитета особую активность по вполне понятным причинам проявляют сами бывшие генералы немецкой армии. Они пытаются объяснить неудачи немецкой армии случайными обстоятельствами, неблагоприятно сложившимися для военного руководства и войск; реабилитировать генералитет перед общественным мнением, а заодно показать высокие боевые качества немецкого солдата, который «не был

побежден», и свести поражение к «просчетам политики», к ошибкам Гитлера и других политических фашистских лидеров. Особенно усердствовал в этом направлении фельдмаршал Манштейн, командовавший группой армий «Дон», на которую была возложена задача деблокировать окруженную группировку. Манштейн настойчиво пытался доказать, что виновником катастрофы немецких войск в Сталинградской битве является Гитлер и только Гитлер.

Эта версия является продолжением общей концепции германского генералитета, состоящей в том, что война против Советского Союза была проиграна Германией по вине Гитлера, что, по выражению Манштейна, «потерянные победы» — это результат руководства войной «азартного игрока», «фанатика», «дилетанта» Гитлера.

Но Манштейн забывает о своей роли и роли гитлеровских генералов, стоявших во главе высшего военного руководства немецко-фашистской военной машины: Кейтель, Гальдер, Гудериан, Йодль, Роммель, Клюге, Рундштедт, Вейхс и другие.

В частности, по важнейшему вопросу — о выводе группировки Паулюса из окружения, а в нее входили не только 6-я армия, но и основные силы 4-й танковой армии, Манштейн считал возможным пойти на риск и оставить эту группировку в окружении... (И. Видер. Указ. соч., стр. 167, 168, 171.) В полном соответствии с мотивировкой Гитлера, Манштейн считал, что армия Паулюса была принесена в жертву «соображениям высшей стратегии» и что эта жертва оправдана. В донесении Гитлеру от 9 декабря 1942 г. он писал: «Оставив 6-ю армию в «крепости», мы, вполне возможно, добьемся того, что русские застрянут здесь и, истекая кровью в бесплодных атаках, растратят впустую все накопленные силы. В этом случае их наступление выдохнется под Сталинградом».

Все эти фальсификаторские построения разоблачаются немецкими авторами второй части этой книги. Они, пережившие немецкую катастрофу на Волге, беспощадно опровергают утверждение Манштейна и других фальсификаторов Сталинградского сражения.

Нельзя, в частности, не согласиться с выводом И. Видера, что «бывшие участники Сталинградской битвы — и не только они одни, — несомненно, еще более критически от-

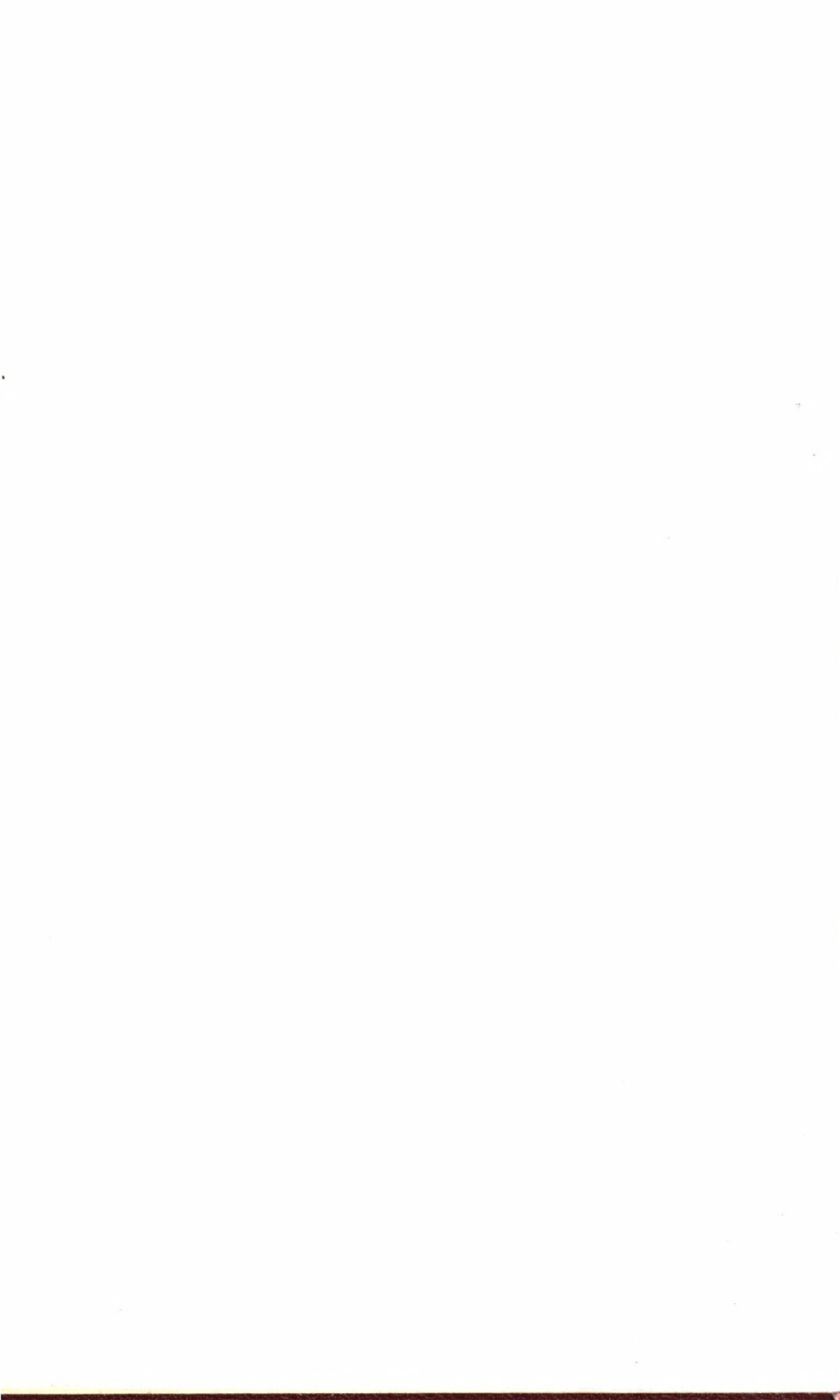
несутся к попыткам Манштейна истолковать катастрофу на берегах Вслги как трагедию, полную высокого смысла». (И. В и д е р. Указ. соч., стр. 175.)

9 мая 1975 года советский народ и все прогрессивное человечество отметили 30-летие Победы Советского Союза и его Вооруженных Сил над германским фашизмом. Это был всенародный праздник трудящихся Советского Союза и интернациональный праздник прогрессивных сил всего мира, для которых эта победа явилась всемирно-историческим событием, оказавшим глубокое влияние на весь ход мирового развития. Вот уже более трех десятилетий человечество пользуется благами мира. В этом огромная заслуга советского народа, его Коммунистической партии. Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС, именно потому приветствуется и одобряется всеми народами, что она явилась мощным оружием всего человечества в борьбе против войн, за мирный труд всех людей на земле. Жизненность этой программы подтверждена всем ходом развития за последние годы.

Однако, как отметил XXV съезд КПСС, в мире есть еще силы, отклоняющие принцип мирного сосуществования, мечтающие о реванше и новых войнах. Так пусть же свидетельства участников величайшей в мире битвы, собранные в этой книге, напомнят всем тем, кто забыл уроки истории, чем кончаются агрессивные, грабительские войны.

*Генерал армии П. И. Батов
Дважды Герой Советского Союза*

Часть I





Маршал
Советского Союза
А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Между Доном и Волгой

Летом 1942 года в Генштабе шла напряженная работа. Весенние неудачи советских войск на юге переживались нами тяжело. Мы сознавали и свою долю вины в этом, хотя в приказе Верховного Главнокомандующего о Генштабе ничего не говорилось. Просчеты при проведении весенних операций послужили для нас серьезным уроком. Оперативный состав внимательно анализировал события на фронте, особенно на юге и в излучине Дона. Перед работниками Генштаба вставали все новые задачи одна другой сложнее. Первейшая среди них — организация постоянного и прочного управления войсками, подчинение их действий единому замыслу Ставки.

Как ни тяжело было это сознавать, на повестку дня встал вопрос защиты Сталинграда. Его географическое и экономическое положение определяли и его стратегическое значение.

Три десятилетия назад слово «Сталинград» вошло в словарный фонд всех языков мира и с той поры напоми-

Глава из книги маршала А. М. Василевского «Дело всей жизни». М., «Политиздат», 1973.

нает о битве, которая по размаху, напряжению и последствиям превзошла все вооруженные столкновения прошлых времен.

Когда иностранные делегации или туристы посещают Советский Союз, в числе маршрутов их путешествий есть и тот, что ведет к городу, расположенному на нижней Волге, у ее крутого изгиба. Паломничество сюда не простое любопытство. Ибо этот город долгое время был центром ожесточенных и кровопролитных боев, здесь неумолчно дни и ночи гремели взрывы бомб и снарядов, дымились развалины зданий, плавился асфальт площадей и улиц, бушевал огонь на самой реке, покрытой нефтью, хлынувшей из разрушенных хранилищ.

В течение четырех месяцев немецкое командование, несмотря на огромные потери в живой силе и в технике, предпринимало многократные попытки овладеть городом. «Мы штурмуем Сталинград и возьмем его», — хвастливо твердил Гитлер. Тщетно! «Выстоять и победить!» — эта лаконичная заповедь прочно, как нерушимая клятва, вошла в сознание защитников волжской твердыни, выражала непоколебимую решимость обескровить и уничтожить ненавистного врага. Каждый из них отчетливо сознавал, что именно здесь, на берегах Волги, решался исход не только Отечественной, но и второй мировой войны.

Советские воины сдержали клятву. Они увенчали Сталинградскую битву своей блистательной победой. «Весть об этой победе советских войск, — отмечал Л. И. Брежнев, — прокатилась по всей оккупированной Европе. Она проникла в застенки гитлеровских тюрем и за колючую проволоку лагерей смерти. Она вселяла веру в неизбежную гибель фашизма, звала к сопротивлению и борьбе». Вот почему жители всех континентов, бывая нашими гостями, хотят почтить память павших героев Сталинграда, воздать им дань глубочайшего уважения, взять и увезти с собой горсть здешней земли, ставшей воистину священной.

Да, Сталинград был надеждой поработенных народов, благовестом их освобождения от тяжелых пут фашистских извергов. Но с его именем связано еще и другое — торжество советского военного искусства. Известно, что нацистские генералы прямо-таки бредили идеей «Канн», полагая, что только им подвластно ведение операций на окружение. О советских военачальниках они с пренебрежением

писали как о неспособных постичь мастерство вождения войск на полях современной войны. Однако именно советские полководцы устроили противнику под Сталинградом грандиозные «Канн» XX века. Более того, такая сложнейшая форма оперативного маневра, как наступление по сходящимся направлениям с целью окружения вражеских войсковых группировок, оставалась типичной для боевой деятельности Красной Армии до конца войны.

Вспоминая об обстановке, предшествовавшей Сталинградской битве, о намерениях противника на летнюю кампанию 1942 года, надо сказать следующее.

Обстановка того времени оставалась для нашей страны весьма трудной. Под пятой фашистских оккупантов находились Прибалтика и Белоруссия, Украина и Молдавия, западные и южные области Российской Федерации. Враг продолжал блокаду Ленинграда, держал крупные силы войск неподалеку от Москвы. Накопленные с большим напряжением стратегические резервы были израсходованы в боях под Москвой. Несмотря на то что усилиями партии, всего советского народа к лету 1942 года были достигнуты немалые результаты в развитии народного хозяйства, оно пока что обеспечивало армию лишь минимально необходимыми средствами для организации отпора вражеским полчищам. Обстановку усугубил неудачный для наших войск исход боевых действий весной 1942 года под Ленинградом, Харьковом и в Крыму.

Рассчитывать на действенную помощь со стороны союзников по антигитлеровской коалиции не приходилось. Они все еще затягивали открытие второго фронта в Европе, ибо вели политику взаимного истощения Советского Союза и Германии. Вместо развертывания боевых действий в Европе, их внимание было направлено на второстепенные, удаленные на огромные расстояния от Германии театры, которые не отвлекали на себя сколько-нибудь значительных сил фашистского блока. Напомним, что в Северной Африке против английской армии действовало в мае 1942 года всего лишь восемь итальянских и три немецкие дивизии.

Совершенно очевидно, что такая политика американо-английских правящих кругов по отношению к Советскому Союзу позволила немецкому командованию привлечь для борьбы против Советского Союза значительные дополнительные силы. На 1 мая 1942 года на советско-германском фронте действовало 217 дивизий и 21 бригада противника,

то есть около 80% всех сухопутных войск Германии и ее союзников, а также три из пяти немецких воздушных флотов.

План немецкого командования на лето 1942 года, как явствует из директивы № 41 от 5 апреля, заключался в том, чтобы «снова овладеть инициативой», утраченной в результате поражения под Москвой, «окончательно уничтожить живую силу, остающуюся еще в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества военно-экономических центров». Однако немецкое командование не могло в то время развернуть наступление на всех стратегических направлениях советско-германского фронта, как это было летом 1941 года. Возможностей для наступления на широком фронте уже не доставало. Поэтому реализовать намеченный план противник решил путем проведения последовательных наступательных операций в соответствии с имеющимися силами и складывающейся обстановкой. План предусматривал первоначально «сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее Дона и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет». С прорывом на Кавказ гитлеровская клика связывала вовлечение Турции, занимавшей далеко не добрососедскую позицию по отношению к Советскому Союзу, в войну на стороне Германии, а также подготовку к вторжению на Ближний Восток.

Итак, целью «главной операции» провозглашался Кавказ. Чтобы обезопасить левое крыло войск, предназначенных для достижения этой цели, оказать им содействие в быстром продвижении вперед, немецкое командование решило нанести удар на сталинградском направлении. В упомянутой директиве № 41 указывалось на необходимость «попытаться достигнуть Сталинграда или по крайней мере подвергнуть его воздействию тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение, как центр военной промышленности и узел коммуникаций». Таким образом, данному направлению в плане врага отводилась вспомогательная роль. Но вскоре это направление, вопреки расчетам и желанию нацистских стратегов, из вспомогательного превратилось в решающее направление борьбы на всем советско-германском фронте.

В связи с предстоящим наступлением немецкое коман-

дование 9 июля осуществило намеченное еще в апреле 1942 года разделение группы армий «Юг». Во вновь созданную группу армий «Б» вошли 2-я, 6-я и 4-я танковая немецкие армии и 2-я венгерская армия. В группу армий «А» вошли 11-я, 17-я и 1-я танковая немецкие армии.

Начало Сталинградской битвы, на отдельных этапах которой действовало с обеих сторон свыше 2 миллионов человек, более 2 тысяч танков и столько же самолетов, 26 тысяч орудий и минометов, восходит к середине июля 1942 года. По характеру событий битва состояла из двух ярко выраженных периодов: оборонительного — на подступах к Сталинграду и в самом городе (с 17 июля по 18 ноября) и контрнаступления наших войск, завершившегося ликвидацией огромной группировки врага.

Первоначально задачу овладения Сталинградом фашистское командование возлагало на 6-ю и 4-ю танковую армии. Нацистские стратеги полагали, что советские войска, ослабленные в предыдущих боях, не окажут на пути к Сталинграду серьезного сопротивления. Они настолько уверовали в это, что даже в середине июля повернули 4-ю танковую армию на юг для действий на Кавказе, включили в ее состав два корпуса 6-й армии. Однако их надежды на легкую и скорую победу были развеяны еще в большой излучине Дона. Это сделали советские воины, отстаивавшие с непреклонной решимостью каждый метр родной земли.

Беспримерным мужеством, безмерной отвагой советские воины сорвали план немецкого командования — разгромить наши войска на правом берегу Дона и с ходу захватить Сталинград. В отражении вражеского натиска большую роль сыграло решение Ставки Верховного Главнокомандования о выдвижении из ее резерва для прикрытия сталинградского направления войск 63-й, 62-й и 64-й армий. Из них и из отошедшей за Дон 21-й армии и 8-й воздушной армии был создан Сталинградский фронт.

В середине июля войска Сталинградского фронта развернулись для обороны: 63-я армия генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова по левому берегу Дона от Павловска до Серафимовича; 21-я армия генерал-майора А. И. Данилова — от Серафимовича до Клетской; 62-я армия генерал-майора В. Я. Колпакчи (его сменил вскоре генерал-лейтенант А. И. Лопатин) — западнее Дона в его большой излучине на 100-километровом фронте от Клетской до Суро-

викино. На рубеж от Суровикино до Верхне-Курмоярской, примерно по меридиану прямо с севера на юг, выходили части 64-й армии генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, срочно перебрасываемые по железной дороге из района Тулы. Далее по Дону занимала фронт 51-я армия Южного фронта, отошедшая с 28 июля под командованием генерал-майора Т. К. Коломийца к Северо-Кавказскому фронту. Таким образом, Верховному Главнокомандованию пришлось фактически создать новый фронт в 500-километровой полосе от Павловска до Верхне-Курмоярской, чтобы остановить врага и прикрыть сталинградское направление. На это была израсходована значительная часть стратегических резервов, подготовлявшихся ранее для летнего наступления.

Оборонительным действиям наших войск Генштаб и Ставка стремились придать характер стратегической обороны, чтобы тем самым сорвать новое «генеральное» наступление гитлеровской армии.

Политбюро ЦК ВКП (б), учитывая опасность обстановки, 14 июля приняло решение об объявлении в Сталинградской области военного положения.

Оборонительные сражения на дальних подступах к Сталинграду начались еще 17 июля со столкновений нашей 62-й армии и войск 6-й немецкой армии на реке Чир. После упорного боя передовые части 62-й армии вынуждены были отойти на основной оборонительный рубеж, занятый главными силами армии. Все попытки немецких войск прорвать с ходу нашу оборону вплоть до 23 июля срывались. В то же время через фронт обороны 62-й армии отходили потерпевшие поражение в борьбе за Восточную Украину и Приднестровье разрозненные войска 38-й и 28-й армий. Ставка приняла решение на базе этих армий сформировать в рамках Сталинградского фронта 1-ю и 4-ю танковые армии смешанного состава.

Натолкнувшись на ожесточенное сопротивление советских войск, немецко-фашистское командование с первых дней операции по овладению Сталинградом стало усиливать свою 6-ю армию частями, перебрасываемыми с других участков фронта, главным образом из-под Воронежа. Уже к 23 июля враг имел против Сталинградского фронта 18 дивизий вместо 14, с которыми он начал операцию. Создав превосходство в силах и возобновив наступление, противник прорвал на правом фланге 62-й армии оборону

и своими подвижными войсками вышел к Дону у Каменского, глубоко охватив с севера левый фланг этой армии. Продолжая развивать прорыв, он окружил возле Майоровского около трех советских стрелковых дивизий и танковую бригаду и выходом крупных сил к Верхне-Бузиновке и Сухановскому создал непосредственную угрозу не только переправам через Дон, но и всем войскам 62-й и 64-й армий, оборонявшимся в большой излучине Дона. Для ликвидации этой серьезной опасности вновь потребовались немедленные меры.

Резервов у Ставки в районе Сталинграда, за исключением еще не готовых к действиям 1-й и 4-й танковых армий, не было. 1-я танковая армия генерал-майора К. С. Москаленко к тому времени получила лишь управление двух танковых корпусов, с ними 160 танков и одну стрелковую дивизию; 4-я танковая армия генерал-майора В. Д. Крюченкина имела один танковый корпус (80 танков) и одну стрелковую дивизию. Правда, во фронтовом резерве находилась 57-я армия генерал-майора Ф. И. Толбухина, но и она только начала получать пополнение. Ставка, передав фронту две формировавшиеся танковые армии, приказала восстановить утраченное положение. Одновременно из резерва Ставки в район Сталинграда перебрасывались шесть новых стрелковых дивизий.

23 июля в качестве представителя Ставки я прибыл на Сталинградский фронт. Командование его находилось в то время на наблюдательном пункте в деревне Камыши, на левом берегу Дона, в трех-четырех километрах севернее Калача. Вместе с командованием фронта мы тщательно проанализировали обстановку. Старались не упустить ни одной детали, беседовали, советовались с командирами и политработниками. Все были преисполнены решимости отстоять город на Волге. Изучение сложившейся на фронте обстановки показало, что единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая армия смогла сделать это только через двое суток, но ждать ее не было возможности, иначе мы потеряли бы переправы, и фашистские войска вышли бы в тыл 62-й и 64-й армиям. Поэтому пришлось пойти на немедленный удар 1-й танковой армии, а затем уж и 4-й.

Контрудар не привел к разгрому группировки врага, прорвавшейся к Дону, но, как показали последующие события, сорвал замысел противника окружить и уничтожить 62-ю армию, сыгравшую в дальнейшем вместе с 64-й армией основную роль при обороне Сталинграда, и не позволил ему осуществить стремительный бросок для захвата Сталинграда с ходу.

В те же дни осложнилась обстановка на правом фланге 64-й армии. Фашисты потеснили растянутые на широком фронте советские соединения и овладели Нижне-Чирской. Возникла еще одна угроза — прорыва противника к Сталинграду с юго-запада. Однако развития наметившегося успеха сил 6-й немецкой армии оказалось недостаточно, и ее войска вынуждены были перейти к временной обороне. Чтобы завершить операцию, немецко-фашистскому командованию ничего не оставалось, как в самом спешном порядке одновременно с усилением 6-й армии перенацелить 4-ю танковую армию с северокавказского на сталинградское направление. Перед последней была поставлена задача нанести удар по городу с юга, вдоль железной дороги от Котельникова. Это наступление началось 31 июля. Несмотря на численное превосходство в силах, 4-я танковая армия понесла большие потери и осуществить замысел не смогла. Большую роль в этом сыграло выдвижение командованием Сталинградского фронта из своего резерва 57-й армии на рубеж Абганерово — Райгород. 10 августа на рубеже река Аксай — Абганерово войска 4-й танковой немецкой армии вынуждены были также перейти к обороне. Переход войск 6-й и 4-й танковой немецких армий к обороне заставил вражеское командование приступить к подготовке новой наступательной операции с тем, чтобы овладеть Сталинградом одновременными концентрическими ударами этих двух армий: 6-й — из района Верхне-Бузиновки с северо-запада и 4-й танковой — из района Абганерово с юга. На перегруппировку, а также на переброску новых войск и на подготовку этой операции противнику потребовалось около недели.

Несмотря на то что советским войскам в результате упорной борьбы удалось вначале замедлить наступление немецких войск на дальних подступах к Сталинграду, а затем и остановить их продвижение перед внешним оборонительным обводом, положение на сталинградском направлении оставалось для нас в конце первой половины авгу-

ста крайне напряженным. Протяженность Сталинградского фронта возросла до 800 км.

Ставка и Генеральный штаб с каждым днем все более и более убеждались в том, что командование этим фронтом явно не справляется с руководством и организацией боевых действий такого количества войск, вынужденных к тому же вести ожесточенные бои на двух разобщенных направлениях. Не справлялось оно и с руководством теми мероприятиями, которые по заданиям ГКО и по требованиям военной обстановки должны были проводиться для усиления обороны города и удовлетворения нужд войск продукцией, производимой городской промышленностью. 5 августа Ставка приняла решение разделить Сталинградский фронт на два самостоятельных фронта — Сталинградский и Юго-Восточный. В состав Юго-Восточного фронта вошли войска левого крыла прежнего Сталинградского фронта — 64-я, 57-я и 51-я армии, 13-й танковый корпус, а также 8-я воздушная армия генерал-майора Т. Т. Хрюкина. Предназначалась для него и перебрасываемая на сталинградское направление из резерва Ставки 1-я гвардейская армия. Командующим Юго-Восточным фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко, членом военного совета — Н. С. Хрущев, начальником штаба — генерал-майор Г. Ф. Захаров. В составе Сталинградского фронта остались 63-я, 21-я, 62-я и 4-я танковая армии, 28-й танковый корпус и часть авиации 8-й воздушной армии, на базе которой и авиации резерва Ставки в августе была сформирована 16-я воздушная армия генерал-майора авиации С. И. Руденко. Командующим войсками этого фронта оставался генерал-лейтенант В. Н. Гордов.

Разделение фронтов крайне усложняло решение и других, не менее важных вопросов, особенно массированного использования авиации, действовавшей на сталинградском направлении. Затруднилось и разрешение вопросов, связанных с оборонными мероприятиями, проводившимися местными партийными и советскими органами. 13 августа Ставка приняла решение, по которому Сталинградский фронт подчинялся командующему Юго-Восточным фронтом. Для организации руководства и управления войсками на сталинградском направлении Верховное Главнокомандование в наиболее ответственные моменты битвы направляло в Сталинград представителей ГКО и Ставки, на кото-

рых и возлагалось принятие окончательных решений по всем вопросам, возникавшим на месте.

Начиная с первой половины июля Верховное Главнокомандование систематически усиливало войска сталинградского направления за счет стратегических резервов. В августе приток войск сюда из глубины страны еще более возрос. Так, с 1 по 20 августа сюда было направлено 15 стрелковых дивизий и 3 танковых корпуса. Правда, значительная часть из них, вследствие транспортных затруднений, смогла поступить на фронты только после 20 августа. Огромную помощь войскам и командованию продолжала оказывать Сталинградская партийная организация как в укреплении оборонительных рубежей, так и в обеспечении войск всем необходимым из того, что могла произвести местная промышленность.

Меры, принятые Ставкой, ее представителями, командованием фронтов и армий, значительно укрепили положение войск, но эти меры, как показали последующие события, оказались далеко не достаточными, чтобы снять полностью угрозу, нависшую над Сталинградом.

Очередное наступление на Сталинград силами 6-й и 4-й танковой армий противник начал 19 августа. Развернулись жаркие бои на ближних подступах к городу. В ходе этих боев сильной подвижной группе вражеских войск удалось прорвать оборону к северу от Калача и к 23 августа выйти к Волге севернее Сталинграда. Одновременно с прорывом нашей обороны немецкое командование предприняло 23 и 24 августа ожесточенную бомбардировку города, для которой были привлечены все наличные силы его 4-го воздушного флота. Я был тогда в городе и видел, как он превращается в развалины. По ночам он напоминал гигантский костер. Нацистская пропаганда поспешила объявить, что «крепость большевиков у ног фюрера». Тогда гитлеровские трубадуры не предполагали, что настанет час и во всей Германии зазвучит погребальный звон колоколов траура по случаю потрясающего поражения на берегах Волги.

Командование Юго-Восточного фронта в эти дни находилось на командном пункте, созданном заблаговременно в штольне на левом берегу реки Царица.

На КП фронта 23 августа поступили тревожные донесения о том, что к югу от города фашисты вклинились в нашу оборону и вышли к станции Тингута. Вместе с ко-

мандованием фронта мы выработали мероприятия, которые, как нам казалось, могли бы ликвидировать угрозу городу со стороны образовавшегося с севера коридора, пока враг еще не успел там закрепиться. Для обороны города с севера и северо-запада туда были спешно выдвинуты истребительные батальоны рабочих, батальон из курсантов военно-политического училища, отряды, наскоро сформированные из народного ополчения, отдельные войсковые специальные и тыловые части Сталинградского фронта. Все это вместе взятое позволило быстро создать оборону в полосе между Доном и Волгой. В течение вечера 23 и ночи на 24 августа в районе Самофаловки под управлением нового заместителя командующего Сталинградским фронтом генерал-майора К. А. Коваленко, которого я ранее знал по совместной работе в наркомате, была создана ударная группа из трех стрелковых дивизий, танковой бригады и 28-го танкового корпуса. Ее задача — немедленно нанести контрудар с линии Павшино — Котлубань в юго-западном направлении, закрыть прорыв у Котлубани и Большой Россошки и выходом к Дону восстановить положение. Одновременно 62-я армия должна была нанести удар из района Малых Россошек навстречу группе генерала Коваленко. Для разгрома противника, прорвавшегося к Волге, 2-й и 23-й танковые корпуса под командованием начальника бронетанковых и механизированных войск Сталинградского фронта генерал-лейтенанта А. Д. Штевнева утром 24 августа должны были нанести удар от Рынка, Орловки на Ерзовку, то есть по немецкому коридору с юга.

В результате ожесточенной авиационной бомбардировки телефонно-телеграфная связь с Москвой 23 августа прервалась. Доклад о прорыве врага к Волге нами был передан Верховному Главнокомандующему по радио; в нем говорилось о крайне серьезном положении, создавшемся у стен Сталинграда, о принимаемых нами мерах по обороне города и по ликвидации прорыва врага к Волге.

В течение ночи на 24 августа проводная связь Сталинграда с Москвой огромными усилиями связистов была восстановлена. Ранним утром я и командующий фронтом получили указания Ставки, в которых говорилось: «У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навали-

тесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запугать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте всю артиллерийские и эресовские силы... Самое главное — не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе»¹. Короче говоря, Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед нами задачу принять все меры к обороне города, ни в коем случае не сдавать его врагу и принять немедленные и самые решительные меры к ликвидации прорвавшейся группировки противника.

Группа войск генерала К. А. Коваленко в ночь на 24 августа разгромила вражеские части, попавшие под ее удар, и к утру вышла к Большим Россошкам, где соединилась с войсками 62-й армии. Но прочно закрыть немецкий коридор она не смогла. Противник, подбросив свежие резервы, возобновил снабжение своих войск, прорвавшихся к Волге, хотя эта работа его проводилась под непрерывным огнем нашей артиллерии.

В этот очень напряженный для нас период борьбы требовалось принять меры, которые отвлекли бы часть сил противника от Сталинграда, ослабили его нажим на войска, оборонявшие город, позволили выиграть время для организации обороны непосредственно в городе, подтянуть из-за Волги резервы. Уже к вечеру 24 августа, в ходе моего очередного телефонного разговора с Верховным Главнокомандующим, было решено в самом срочном порядке сосредоточить севернее и северо-западнее Сталинграда не менее двух-трех армий из резерва Ставки для ликвидации прорвавшегося противника и деблокирования города с севера. Одновременно было решено срочно направить несколько дивизий для усиления войск, занятых обороной непосредственно в городе.

В течение 24 августа вокруг Сталинграда шли ожесточеннейшие бои при огромном превосходстве сил противника, особенно на направлениях главных его ударов. Однако наши воины, героически дравшиеся плечом к плечу с рабочими отрядами и населением города, отбивали все атаки. Городская партийная организация в те дни проводила

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 151.

огромную работу. Всюду чувствовалась ее направляющая рука. Отряды защитников Сталинграда обеспечивались оружием и боеприпасами, строились баррикады и другие оборонительные сооружения в самом городе, усиливалась местная противовоздушная оборона, шла эвакуация женщин и детей и т. д. Коммунисты-сталинградцы первыми вступали в отряды и шли на фронт, а оставшиеся на предприятиях делали все для того, чтобы выпуск боевой продукции не снижался.

Несмотря на все мероприятия, проведенные нами 23 и 24 августа, ликвидировать подошедшего непосредственно к окраинам города врага, закрыть коридор и восстановить положение в те дни не удалось. Лишь усилиями войск 63-й и 21-й армий, осуществлявших вспомогательный удар на правом крыле Сталинградского фронта, в результате упорных боев удалось захватить у противника юго-западнее Серафимовича плацдарм в 50 км по фронту и до 25 км в глубину, весьма пригодившийся нам впоследствии.

Каковы же основные причины наших неудач в те дни? Прежде всего отсутствие в распоряжении фронтового командования достаточных сил и средств, особенно танков и авиации, для нанесения мощного удара по врагу. Наспех создаваемые ударные группировки состояли, как правило, из ослабленных в боях стрелковых соединений. Войска же, направляемые Ставкой по железной дороге, поступали медленно и, не закончив сосредоточения, сразу же вводились в бой. В танковых соединениях фронта исправных танков было мало. Времени для подготовки контрударов, для отработки взаимодействия и организации управления войсками не хватало.

Положение в районе Сталинграда становилось все напряженнее. Непрерывные бомбардировки с воздуха причинили огромные разрушения. Город был объят почти сплошным пламенем. Водопровод, телефонные станции, трамвай и железнодорожный узел вышли из строя. Подача электроэнергии нарушилась. Несмотря на все это, не было растерянности и паники. Значительная часть жителей отказывалась от эвакуации и шла в ряды защитников города, на заводы и строительство баррикад.

Проверяя состояние обороны на северной окраине Сталинграда, я побывал тогда на Тракторном заводе. Противник находился от него в полутора-двух километрах, под-

вергая его ожесточенному артиллерийскому обстрелу и непрерывной бомбежке с воздуха. В этих условиях шла эвакуация за Волгу самого ценного оборудования, причем завод продолжал выпускать новые и ремонтировать бывшие из строя танки. Многие рабочие, собиравшие танки, на этих же машинах отправлялись на передний край обороны. Так же героически трудились и сражались рабочие, инженерно-технические работники и служащие заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и других предприятий. 25 августа Сталинград был объявлен на осадном положении. Несмотря на то что немецко-фашистские войска по-прежнему имели здесь значительное превосходство в силах, отвага и самоотверженность наших воинов и всех трудящихся города не позволили врагу в те дни вступить в пределы основной части Сталинграда.

К вечеру 25 августа я получил указание Верховного Главнокомандующего отправиться в район сосредоточения войск к северу от Сталинграда и взять на себя руководство подготовкой прибывших частей к предстоящему контрудару. Утром 26 августа я приехал в район, где стояли войска 24-й армии и начавшие прибывать войска 66-й армии и дивизии, предназначавшиеся на укомплектование 1-й гвардейской армии. В течение нескольких дней вместе с командующим 24-й армией Д. Т. Козловым мы занимались рекогносцировкой. Затем туда же приехал Г. К. Жуков, который 26 августа был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего с освобождением его от должности командующего Западным фронтом. На него и было возложено общее и непосредственное руководство всеми войсками, привлекавшимися к ликвидации прорвавшегося к Волге врага и восстановлению нарушенного фронта обороны наших войск в районе Сталинграда. Через несколько дней после прибытия Г. К. Жукова по распоряжению Ставки я вернулся для работы в Генеральный штаб.

В эти дни на южных подступах к Сталинграду войска Юго-Восточного фронта принимали все усилия к тому, чтобы отразить отчаянные атаки войск 4-й танковой армии фашистов, и только 29 августа этой армии, получившей солидное подкрепление, удалось прорвать нашу оборону и, развивая наступление в северном направлении, поставить под угрозу тылы 64-й и 62-й армий. К исходу 2 сентября войска этих армий по приказу командующего

Юго-Восточным фронтом были отведены на внутренний оборонительный обвод. Создалась угроза прорыва врага в город и с юга.

В сентябре мы дважды предпринимали здесь наступление силами 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий. Хотя нам не удалось тогда полностью выполнить задачу уничтожения врага, прорвавшегося к Волге, ликвидировать образованный им коридор и соединиться с войсками, оборонявшими город, мы все же заставили немецкое командование повернуть значительную часть сил 6-й армии фронтом на север. Это дало возможность задержать противника, рвущегося в город, на внутреннем оборонительном обводе. В середине сентября немецкое командование, с целью высвободить все силы своей 6-й армии для скорейшего овладения городом, спешно выдвинуло на рубеж реки Дон 3-ю румынскую армию и, сосредоточив 4 пехотных, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии, начало штурм Сталинграда, оборонявшегося войсками 62-й армии генерала В. И. Чуйкова и войсками 64-й армии генерала М. С. Шумилова. С этого времени началась беспримерная по упорству борьба за город, продолжавшаяся до 2 февраля 1943 года. До 26 сентября боевые действия в основном велись в центральной и поясной частях Сталинграда. На следующий день, 27 сентября, бои развернулись в заводских поселках «Красный Октябрь» и «Баррикады» и длились до 4 октября. С 4 октября бои возникли непосредственно за зданиями этих заводов и продолжались до окончательного разгрома врага. Временами казалось, что для советских войск, оборонявшихся в городе, создалась такая тяжелая обстановка, что обороняться совершенно невозможно. Однако войска продолжали борьбу с возрастающим героизмом. Несмотря на огромное превосходство в силах и средствах, противнику так и не удалось сломить сопротивление защитников непокоренного города. О крепость на Волге, фортами и бастионами которой были прежде всего мужество советских людей и их непреклонная воля к победе, разбилась лавина огня и стали, которую обрушили на Сталинград гитлеровцы.

Славные защитники Сталинграда, сыны всех братских республик Страны Советов оборонялись, переходили в контратаки и наносили ощутимые удары по врагу. Весьма результативным был контрудар 51-й армии, осуществленный в конце сентября. В ходе этого удара мы захватили

дефи́ле между озерами Цаца и Барманцак, явившееся впоследствии исходным пунктом для нашего контрнаступления. Контрудары Сталинградского фронта, проведенные в течение октября во взаимодействии с войсками Юго-Восточного фронта, серьезно ослабили вражескую группировку, наступавшую на Сталинград.

В боях между Доном и Волгой, доходивших до крайней степени ожесточения, за июль — ноябрь немецкое командование недосчиталось около 700 тысяч солдат и офицеров, более тысячи танков, свыше 2 тысяч орудий и минометов, более 1400 самолетов. Советские воины демонстрировали не только крепчайшую морально-политическую закалку, но и высокое боевое мастерство.

Можно назвать длинный ряд соединений, частей и подразделений, подвиг которых при обороне Сталинграда был исключительно велик. Особое упорство в борьбе за город проявили стрелковые дивизии А. И. Родимцева, И. И. Людникова, Н. Ф. Батюка, В. А. Горishного, Л. Н. Гуртьева, И. Е. Ермолкина, В. Г. Жолудева, В. П. Соколова, Ф. Н. Смахотворова, И. П. Сологуба, сводная группа С. Ф. Горохова, танковая бригада Д. Н. Белого.

ГКО, Ставка и лично Верховный Главнокомандующий ежечасно получали сведения о событиях в городе, непрерывно принимали все зависящие от них меры для упрочения обороны и требовали этого от командования фронтов и армий. Советские войска с честью выстояли. Они не только удержали в своих руках занятые ими участки города до нашего общего контрнаступления под Сталинградом, но и продолжали прочно сковывать здесь крупные силы врага.

В середине октября немецкое командование было вынуждено отдать приказ № 1 о переходе к обороне. Войскам предписывалось «во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи, отражать всякие попытки со стороны противника прорвать их и тем самым создать предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 году». Оно утверждало себя, неизвестно на каком основании, во мнении, будто (цитирую приказ) «русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать столь большими силами, которые имелись у них в прошлую зиму».

Враг снова роковым образом просчитался. Наши Вооруженные Силы, несмотря на понесенные потери, к осе-

ни 1942 года значительно окрепли. К этому времени благодаря титанической деятельности Коммунистической партии и огромным усилиям тружеников тыла было создано слаженное, быстро растущее военное хозяйство. Увеличивался выпуск танков Т-34, самолетов новых конструкций, орудий, особенно противотанковых и зенитных, реактивной артиллерии и автоматического оружия. На этой материальной основе совершенствовалась организационная структура войск. Появилась возможность уже зимой 1942/43 года начать осуществление крупных наступательных операций.

Ставке Верховного Главнокомандования было хорошо известно, что благодаря стойкости и упорству героев воиновской твердыни 6-я и 4-я танковые немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками. Было также известно, что огромные потери, которые продолжал нести враг в надежде все же овладеть городом, и особенно то, что он не имел здесь сколько-нибудь внушительных резервов, еще более ограничивало его оборонительные возможности. Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между И. В. Сталиным, Г. К. Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефила озера Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы — 6-ю и 4-ю танковые немецкие армии. До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города, с тем чтобы на его развалинах максимально измотать и обескровить врага и ни в коем случае не допустить его продвижения вдоль Волги на север, в сторону Камышина.

Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования решили считать подготовку и

осуществление этого контрнаступления главным образом мероприятием в стране до конца 1942 года. Для его успешного проведения планировалось привлечь основные силы и средства, имевшиеся в распоряжении Ставки. При этом Сталин ввел режим строжайшей секретности на всю начальную подготовку операции. Нам в категорической форме было предложено никому ничего не сообщать о ней, даже членам ГКО. Сталин предупредил, что кому нужно он сам скажет о подготовке операции. Мы с Г. К. Жуковым могли доводить до командующих фронтами лишь то, что непосредственно касалось каждого из них,— и ни слова больше. Полагаю, что подобная мера осторожности в тех условиях была полностью оправдана.

После принятия предварительного решения на контрнаступление Г. К. Жукову и мне было предложено выехать под Сталинград, чтобы тщательно изучить направления наших будущих ударов по противнику и уточнить все необходимые детали в связи с этим. Г. К. Жуков отправился на Сталинградский, я на Юго-Восточный фронты.

Эта работа была завершена в конце сентября. Тогда же, в сентябре, основные положения плана наступательной операции, получившей наименование «Уран», были одобрены Ставкой Верховного Главнокомандования и ГКО. Выполнение плана было решено возложить на войска вновь создаваемого Юго-Западного фронта (командующий Н. Ф. Ватутин, член военного совета А. С. Желтов и начальник штаба Г. Д. Стелмах — впоследствии С. П. Иванов), Донского фронта, бывшего Сталинградского (командующий К. К. Рокоссовский, член военного совета К. Ф. Телегин, начальник штаба М. С. Калинин) и Сталинградского фронта, бывшего Юго-Восточного (командующий А. И. Еременко, член военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба И. С. Варенников). Фронты непосредственно подчинялись Ставке.

В целях сохранения тайны официальное оформление решения о создании Юго-Западного фронта было отнесено на конец октября. Юго-Западному фронту предусматривалось передать из Донского фронта 63-ю и 21-ю армии и дополнительно 5-ю танковую армию. Исходным рубежом для его наступления намечался участок фронта по Дону от Верхнего Мамона до Клетской с главной группировкой на плацдарме юго-западнее Серафимовича. После образо-

вания этого фронта за войсками Донского фронта должен был остаться участок от Клетской до Ерзовки, то есть почти до самой Волги, с плацдармами на западном берегу Дона возле Ново-Григорьевской и Сиротинской. Сталинградский фронт обязывался главный удар нанести из дефиле между озерами Цаца и Барманцак. Решающая роль в операции отводилась танковым и механизированным войскам. В связи с этим предусматривалось и считалось возможным передать из резервов Ставки в район Сталинграда к началу операции 4 танковых и 2 механизированных корпуса, доведя общее количество танков во фронтах сталинградского направления до 900. Решено было также значительно усилить эти фронты артиллерией и авиацией.

В результате такого быстрого наращивания сил и накопления стратегических резервов, а также с учетом серьезных потерь, которые наносили противнику наши войска в ходе стратегической обороны, на ряде участков сталинградского направления наметилось наше преимущество перед врагом. И хотя в целом по войскам сталинградских фронтов его не было, это позволяло советскому командованию умело маневрировать в направлениях главных ударов.

После этого детальная разработка плана была передана в Генеральный штаб. К ней мы привлекли командующих родами войск, начальника тыла А. В. Хрулева, начальника Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлева. В первых числах октября в работу включились командующие войсками и штабы фронтов; им было приказано подготовить предложения по использованию сил каждого фронта для совместной наступательной операции «Уран». Руководство подготовкой контрнаступления на местах Ставка возложила по Юго-Западному и Донскому фронтам на Г. К. Жукова, по Сталинградскому — на меня.

Через несколько дней я снова был на Сталинградском фронте. Вместе со мной сюда прибыли командующий артиллерией Красной Армии генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и от Генерального штаба генерал-майор В. Д. Иванов. Г. К. Жуков в это время уже находился в полосе действий Донского и Юго-Западного фронтов. На фронты сталинградского направления отправились также командующий ВВС Красной Армии генерал-лейтенант

авиации А. А. Новиков и начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко.

25 октября, как и предусматривалось принятым решением, был создан Юго-Западный фронт. С этого времени началась практическая отработка с войсками и командованием во всех фронтах и непосредственно на местности вопросов, связанных с предстоящей операцией. Основное внимание при работе в войсках мы уделяли прежде всего практической отработке мероприятий по быстрому взламыванию и прорыву обороны противника в ее тактической глубине, тщательному выбору форм использования каждого из родов войск при действиях в оперативной глубине противника с учетом особенностей выполняемых задач, вопросов взаимодействия между ними и управления войсками.

Подготовка операции осложнялась тем, что ни на минуту нельзя было ослаблять внимания к обороне города: враг продолжал здесь яростные атаки. Как заявил по окончании войны на допросе один из столпов фашистского вермахта Кейтель, «Сталинград был настолько соблазнительной целью, что казалось невозможным отказаться от него».

К тому же осенняя распутица и недостаток железных и мало-мальски сносных грунтовых дорог затрудняли подвоз резервов и материальных средств. Войска и грузы по всем видам снабжения приходилось переправлять через Волгу и Дон.

В западной историографии второй мировой войны встречается утверждение, будто немецкое командование знало о готовящемся контрнаступлении советских войск под Сталинградом, но по вине Гитлера не могло принять должных мер по предотвращению разгрома. «Противник медленно, но настойчиво увеличивал свои силы перед нашим левым флангом,— писал после войны бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Цейтцлер.— Ужасно предвидеть надвигающуюся катастрофу и в то же время не иметь возможности предотвратить ее».

Между тем немецкая разведка докладывала в начале ноября иное, а именно, что решающую операцию Красная Армия предпримет на центральном участке фронта против Смоленска и менее крупную — на Дону; что для развер-

тивания широкого наступления Красная Армия не имеет достаточного количества сил, что действия Красной Армии на Волге будут преследовать ограниченную цель: отеснить немецкие части, находящиеся в районе Сталинграда. Лишь 12 ноября немецкая разведка сделала вывод, что «в скором времени следует ожидать наступательные операции против 3-й румынской армии», но не смогла определить наших сил.

Примечательная черта контрнаступления под Сталинградом — скрытность его подготовки. Специальная директива Генерального штаба определила мероприятия, которые исключали бы просачивание сведений о масштабе контрнаступления, времени проведения, направления главных ударов, способах действий. В частности, переписка и телефонные разговоры, связанные с предстоящим контрнаступлением, были категорически запрещены; распоряжения отдавались в устной форме и только непосредственным исполнителям; сосредоточение войск из резерва Ставки Верховного Главнокомандования и перегруппировка войск внутри фронтов производилась только ночью. Все это основательно спутало карты немецкого командования.

Громадную роль в подготовке войск к проведению ответственной для Родины операции сыграла живая, целеустремленная партийно-политическая работа. Она явилась тем фундаментом, на котором вырастали и воля и вера людей в победу. Прошло уже много лет с той поры, но память и поныне хранит собрания коммунистов и комсомольцев, где звучали волнующие слова клятвы — не жалеть сил, а если надо, то и жизни для сокрушения ненавистного врага. Вспоминаются блиндажи, освещенные незатейливыми, сделанными из снарядных гильз лампами, где ветераны рассказывали молодым, еще не обстрелянным воинам о боевых традициях своих полков и дивизий, о своем опыте. Вспоминаются боевые листки, выражавшие все тот же страстный призыв — победить. И еще вспоминается поток заявлений с просьбой о приеме в ряды ленинской партии. Только на Сталинградском фронте, где мне довелось бывать больше всего, за сентябрь — ноябрь вступило в партию более 14 тысяч воинов.

Мне хочется особо подчеркнуть такую характерную сторону партийно-политической работы, как ее теснейшую связь с боевой практикой, с действиями личного состава перед наступлением и непосредственно на поле сражения.

Результаты этой работы были зримо видны в энтузиазме, в высокой дисциплине и организованности воинов при выполнении мероприятий, связанных с оборудованием исходных районов для наступления, скрытом сосредоточении войск в этих районах, создании в ограниченные сроки запасов материальных средств. Огромное влияние партийно-политической работы сказалось на том стремительном прорыве, с каким воины приступили к решению поставленной задачи. Нет числа их героическим подвигам.

В первых числах ноября, по мнению представителей Ставки и командования фронтов сталинградского направления, подготовка войск, штабов и командования к контр-наступлению заканчивалась. Сосредоточение последних войсковых соединений и всего необходимого для начала операции, по самым твердым нашим расчетам, должно было закончиться не позднее 15 ноября. В связи с этим мы с Г. К. Жуковым по договоренности с командующими войсками фронтов решили провести во фронтах для проверки готовности итоговые совещания.

3 ноября под руководством заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова при моем участии такое совещание было проведено на Юго-Западном фронте. Кроме командования фронтом и армиями, в нем принял участие руководящий состав корпусов и дивизий. 4 ноября такое же совещание было проведено в 21-й армии этого же фронта с привлечением руководящего состава Донского фронта, а 10 ноября — с руководящим составом Сталинградского фронта при штабе 57-й армии. На этих совещаниях еще раз были тщательно проверены точность понимания командирами поставленных перед ними задач и их решения. Буквально с каждым из них вновь были рассмотрены вопросы организации взаимодействия с артиллерией, танками и авиацией при прорыве обороны противника, взаимодействия с танковыми и кавалерийскими соединениями при вводе их в прорыв и при действиях в глубине обороны противника; обеспечения флангов в ходе операции; взаимодействия с соседними войсковыми объединениями и соединениями; организации управления войсками на всех стадиях операции. Были заслушаны подробные доклады участников совещания о состоянии войск, боевом и материальном обеспечении, готовности соединений к выполнению ответственного задания партии, правительства и военного командования.

После совещаний Г. К. Жуков и я подвели итоги работы, проделанной в войсках. 13 ноября уточненный план был доложен нами на заседании Политбюро ЦК партии и Ставки. Коротко наши выводы состояли в следующем. Группировка немецких войск в основном остается прежней: главные силы 6-й и 4-й танковой армий по-прежнему вовлечены в затяжные бои в районе города. На флангах этих сил (то есть на направлении наших главных ударов) остаются румынские части. Подхода на сталинградское направление более или менее значительных резервов из глубины за последнее время не наблюдалось. Не отмечалось и каких-либо существенных перегруппировок в войсках противника, действовавших на этом направлении. В целом силы сторон на сталинградском направлении, по имеющимся данным, к началу наступления равны. На направлениях же предстоящих ударов наших фронтов в результате поступления из Ставки резервов и ослабления второстепенных направлений удалось создать мощные ударные группировки с таким превосходством в силах над врагом, которое позволяет безусловно рассчитывать на успех.

С чувством особого удовлетворения мы докладывали Ставке о высоком моральном состоянии и боевом построении наших войск, об их уверенности в успехе. Несмотря на все трудности, в которых пришлось работать железнодорожному и водному транспорту, сосредоточение войск, предназначенных Ставкой для контрнаступления, и необходимых ресурсов заканчивалось с весьма незначительными отклонениями от графика. Боевые задачи войсками усвоены правильно, а выполнение их практически отработано на местности. Основная роль в начале операции, как и предусматривалось, отводилась Юго-Западному фронту. Для этого он имел все необходимое. К исходу третьего или на четвертый день операции намечалась встреча танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе Калача. Она должна замкнуть кольцо окружения главной группировки врага в районе Сталинграда. Начать наступление на Юго-Западном и Донском фронтах можно было 19—20, а на Сталинградском — 20 ноября.

После обсуждения в Ставке ряда вопросов план и сроки операции были окончательно утверждены. Г. К. Жуков получил вслед за тем задание подготовить отвлекающую

операцию на Калининском и Брянском фронтах. На меня Ставка возложила координирование действий всех трех фронтов сталинградского направления при проведении контрнаступления. До начала одной из величайших по своему значению военных операций в истории человечества оставалось несколько суток...



Маршал
Советского Союза
В. И. ЧУЙКОВ

Кризис нарастает

1941 военный год завершился поражением гитлеровской армии под Москвой. В этом сражении был развеян миф о непобедимости вермахта и сорваны планы Гитлера одержать победу в 1941 году. Войска захватчиков были отброшены от Москвы на сотни километров.

Поражение под Москвой не лишило Гитлера надежды одержать победу.

Военная пассивность наших союзников позволила Гитлеру усилить войска на советско-германском фронте, перебросив значительное количество соединений из Западной Европы. К началу летне-осенней кампании 1942 года против Советского Союза было сосредоточено 226,5 дивизии, из которых немецких было 181,5 дивизии и 3 воздушных флота. Было привлечено 45 дивизий войск гитлеровских сателлитов — итальянцев, венгров, румын и финнов. Кроме того, гитлеровское командование могло в любое время перебросить на советско-германский фронт значительные силы из Германии и из оккупированных стран.

Глава из книги маршала В. И. Чуйкова «В трудные дни Сталинграда». М., изд-во «Знание», 1974.

Гитлеровское командование учло возросшую мощь Советских Вооруженных Сил, решило развернуть главные наступательные операции на юге нашей страны, стремясь как можно быстрее захватить хлебные районы, металл, уголь, нефть, чтобы тем самым обеспечить военную промышленность и войска сырьем, продовольствием и горючим. Для наступления на всем советско-германском фронте, как это было в 1941 году, сил у гитлеровцев уже не хватало.

В конце июня 1942 года на южном крыле от Орла до Севастополя гитлеровцы развернули группу армий «Юг», в которую входили 2, 6, 17, 11-я немецкие, 2-я венгерская, 8-я итальянская, 3 и 4-я румынские армии, 1 и 4-я немецкие танковые армии. Всего было развернуто на этом фронте 96 дивизий и 2 бригады, из которых 75 пехотных, 10 танковых, 8 моторизованных и 3 кавалерийские дивизии, 1 пехотная и 1 моторизованная бригады. Эту группу армий поддерживал 4-й воздушный флот, имевший в своем составе свыше 1200 боевых самолетов.

В ходе сражения эта группа была усилена почти в полтора раза и получила основную массу пополнений.

В ходе летне-осенней кампании группа армий «Юг» была разделена на две группы армий «А» и «Б». Распределение сил по этим двум группам зависело от времени и от напряженности боев. Если в июле группа армий «Б» имела 42 дивизии, то в конце августа уже имела 69, в конце сентября до 81 дивизии, тогда как состав группы армий «А» с середины июля до 1 сентября уменьшился с 60 до 38 дивизий.

Прежде чем перейти к решительному наступлению главными силами, гитлеровское командование нанесло два сильных удара в Крыму. 8 мая было нанесено поражение Крымскому фронту, войска которого 19 мая оставили Керчь. 4 июля после 9-месячной осады нашими войсками был оставлен Севастополь. Крым полностью перешел в руки врага.

12 мая войска нашего Юго-Западного фронта перешли в наступление на Харьков с двух направлений: главный удар с Изюм-Барвенковского выступа, второй — из района Волчанска.

Наступление с обоих этих направлений не увенчалось успехом, а силы, наступающие с Изюм-Барвенковского вы-

ступа, были окружены. 6-я, 57-я и часть сил 9-й армии и оперативная группа генерала Л. В. Бобкина понесли тяжелые потери.

Эти победы в начале летне-осенней кампании 1942 года поставили войска противника в выгодное положение. В конце июня гитлеровцы начали широкое наступление на всем южном крыле советско-германского фронта от Курска до Черного моря. Противнику удалось прорвать фронт нашей обороны и развить наступление от Курска на Воронеж, от Харькова на Россошь и далее вдоль южного берега Дона на его большую излучину, и из района Ворошиловграда через нижнее течение Дона, Ростов на Северный Кавказ.

В результате потери Крыма и поражения наших войск в районе Харькова противник прочно захватил инициативу на юге и в середине августа вышел на рубеж реки Дон, реки Аксай, Элиста, Прохладная, Майкоп, Краснодар, Новороссийск.

В середине июля, отбросив наши войска за реку Дон от Воронежа до Клетской и от Цимлянской до Ростова, противник завязал упорные бои с оборонявшимися в большой излучине Дона войсками 62-й и 64-й армий, стремясь прорваться к Сталинграду.

С захватом противником Сталинграда мы были бы лишены важного водного пути, по которому в центр страны шел хлеб, металл, уголь, нефть.

Используя превосходство в живой силе и особенно в технике, немецко-фашистские войска к 12 сентября вышли к городскому оборонительному обводу Сталинграда. Над Сталинградом и войсками, оборонявшими город, нависла угроза.

В конце августа — начале сентября немецко-фашистские войска, расколов боевые порядки 62-й и 64-й армий на южной окраине города в районе Купоросной, и на северной — в районе поселков Рынок и Спартаконка, вышли к Волге на флангах обороны Сталинграда, образовав охватывающую подкозу. Авиация противника господствовала в воздухе. Город горел.

Танковые части противника уже ворвались в город. В центре нашей обороны им оставалось 5—10 километров, чтобы выйти к Волге на всем фронте. За спиной оборонявшихся войск текла широкая Волга без постоянных переправ.

Казалось, что 6-й армии генерала Паулюса и 4-й танковой армии генерала Гота достаточно совсем незначительных усилий, чтобы окончательно смять и утопить в Волге немногочисленные наши части, защищавшие Сталинград.

Перед 62-й и 64-й армиями была поставлена необычайно ответственная задача — принять на себя в пригородах и городе всю силу концентрированных ударов гитлеровских войск, навязать противнику изматывающие бои, сковать его и отстоять Сталинград. 64-й армией командовал генерал М. С. Шумилов, я принял командование 62-й армией 12 сентября 1942 года.

Вряд ли можно себе представить более тяжелую обстановку, чем та, которая сложилась в середине сентября. Обескровленные в двухмесячных боях части 62-й армии отошли в город. В ее дивизиях, которым по штату полагалось иметь свыше 10 тысяч человек, с трудом насчитывались сотни активных штыков, а на вооружении лишь десятки пулеметов и считанные орудия. Танковые бригады имели по 6—10 танков. Даже 2-й танковый корпус генерала А. Ф. Попова имел лишь 30—40 танков. Многие из них были подбиты и могли действовать только в качестве неподвижных огневых точек.

Маневр войск по улицам среди горящих и рушившихся зданий был крайне затруднен.

Снабжение наших войск вооружением, боеприпасами, горючим, необходимым снаряжением по мере их отхода все более затруднялось, так как противник с каждым днем усиливал обстрел переправ и судов на реке.

Помнится, я добрался ночью до Мамаева кургана, где располагался тогда командный пункт армии. Начальник штаба армии генерал Н. И. Крылов (впоследствии Маршал Советского Союза) держал в руках телефонную трубку, отдавал командирам распоряжения на следующий день. Прислушиваясь к его словам, я одновременно изучал рабочую карту. Обстановка, как я сразу понял, была очень опасной.

В тот же час собрался Военный совет армии и я ознакомил его членов с задачей, поставленной армии командованием фронта. Мы должны удерживать Сталинград до последнего человека и последнего патрона. Таковы были воля народа, требование партии. Нами был выработан план действий на ближайшие два-три дня, намечены неотложные мероприятия, приняты важные решения, без

которых нельзя было продолжать борьбу за город. Они сводились к следующему:

1. Нам нужно было не допускать настроений, что борьба за город безнадежна, разъяснить всему личному составу армии, что дальше отступать некуда, враг должен быть остановлен и разбит. Бой за город, как за последний рубеж обороны на Волге, должен вестись беспощадно, и мы, советские воины, обязаны выполнить требование партии и народа — отстоять рубеж или умереть. Третьего пути нет.

2. Военный совет армии решил, по согласованию с партийными и советскими организациями, продолжать создание на крупных предприятиях города вооруженных отрядов из рабочих и служащих, которые продолжали бы ремонтировать боевую технику, а в нужный момент выступали бы на защиту своих заводов совместно с красноармейцами. Эти отряды получали оружие, снабжение наравне с кадровыми подразделениями армии.

3. Военный совет поручил начальнику гарнизона — командиру 10-й стрелковой дивизии войск НКВД полковнику А. А. Сараеву в особо прочных домах иметь гарнизоны войск или военизированных отрядов трудящихся с задачей оборонять дома и кварталы до последнего патрона, не боясь окружения.

4. Было категорически запрещено кому бы то ни было отходить с занимаемых позиций без ведома командующего или начальника штаба армии. Все переправочные средства были сосредоточены в распоряжении Военного совета.

5. Военному совету и штабу армии оставаться на правом берегу, в Сталинграде, и на левый берег или на острова ни в коем случае не уходить.

Эти решения доводились до каждого бойца силами командного состава, политработников, коммунистов, комсомольцев и были правильно восприняты личным составом армии.

Не буду греха таить. Почти в первый день мы столкнулись с тем, что один хороший командир не выдержал массированного обстрела противника и ушел с высоты 107,5 поближе к берегу Волги. Провинившийся был тут же вызван вместе со своими помощниками на командный пункт армии на Мамаев курган и там под адскую музыку разрывов фашистских мин, снарядов и бомб был «пропесо-

чен» так, что запомнил на всю жизнь. Больше этот командир ни разу не делал попыток отойти без разрешения.

Все понимали, что об отступлении не может быть и речи. Поскольку на месте оставался Военный совет армии, по нему равнялись командиры дивизий, полков, все звенья командования и штабы оставались на своих местах.

Каждый сталинградец понимал, что на город гитлеровцы нацелили главный удар и что каждый боец отвечает перед Родиной и народом за его оборону. Никто не хотел умирать. Но мы знали, что на нас идут отборные гитлеровские головорезы, от которых нечего ждать пощады, и, только беспощадно уничтожая врага, можно отстоять город, жизнь близких и свою жизнь. Если придется умереть, то «на миру и смерть красна».

Призывы партии, приказы командования становились реальной силой, потому что они овладели массами. Войсками овладели такие лозунги, как «Ни шагу назад!», «За Волгой для нас земли нет!».

Они отражались в документах тех дней. Вот выписка из протокола собрания, проведенного в самые тяжелые дни обороны Сталинграда.

«Слушали: о поведении комсомольцев в бою.

Постановили: лучше умереть в окопе, но не уходить с позором с занимаемой позиции. И не только самому не уйти, но и сделать так, чтобы не ушел и сосед.

Вопрос к докладчику: существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть».

Это было не пустое обещание, а клятва, которую бойцы выполняли ценой своих жизней.

...Восемь фашистских танков атаковали советский танк КВ, которым командовал Хасан Ямбеков. Он принял неравный бой и подбил четыре вражеских танка. На помощь гитлеровцам подошло подкрепление, и танк Ямбекова был подожжен. Вражеские автоматчики окружили его и поджидали, когда советские танкисты откроют люки и вылезут из машины. Но советские воины не думали сдаваться. Дым и пламя проникали в боевое отделение, накалялась броня, но экипаж сражался. Дежурный радист нашей танковой части услышал в наушниках знакомый ему голос Ямбекова: «Прощайте, товарищи! Не забывайте нас!» В эфире зазвучали голоса танкистов, певших «Интерна-

ционал». Их было четверо: Хасан Ямбеков, механик-водитель Андрей Тарабанов, командир орудия Сергей Феденко и радист Василий Мушилов.

А вот выдержка из обращения бывалых бойцов-танкистов 133-й танковой бригады, которой командовал Н. М. Бубнов и комиссаром был Г. Ш. Калустов.

«Дорогие друзья! Родина приказала нам отстоять Сталинград, народ призывает нас жестоко и беспощадно мстить врагу за истоптанную русскую землю, за разрушенные города и села... Герои Царицынской эпопеи призывают нас, невзирая на жертвы и лишения, отстоять Сталинград. Это они — ветераны героической обороны Царицына пишут нам: «Не отдавайте врагу наш любимый город... бейтесь так, чтобы слава о вас гремела в веках», — и мы выполним этот наказ...»

Это было воззвание бойцов, идущих в атаку. Сила героизма была в том, что он был массовым.

14 сентября

Этот день был для 62-й армии несчастливым и счастливым.

К рассвету 14 сентября командный пункт армии переместился в так называемое Царицынское подземелье. Это был большой блиндаж-тоннель, разделенный на десятки отсеков, потолки и стены которых были обшиты тесом. Раньше, то есть в августе, здесь размещался штаб Сталинградского фронта. Толщина верхнего земляного перекрытия достигала десяти метров; только бомба весом в тонну могла его пробить, и то не везде. Блиндаж имел два выхода: нижний вел к руслу реки Царица, а верхний — на Пушкинскую улицу.

С Мамаева кургана я выехал вместе с Н. И. Крыловым перед рассветом 14 сентября. Член Военного совета К. А. Гуров уехал раньше. В качестве проводника по Сталинграду нас сопровождал заместитель начальника войск армии подполковник М. Г. Вайнруб. Над Сталинградом кружили немецкие ночные самолеты; при свете пожаров они высматривали цели и бомбили их.

Пробираясь среди развалин сталинградских улиц, моя машина метрах в пятистах от нового командного пункта запуталась в телефонных и телеграфных проводах и оста-

новилась. Остановилась и машина Крылова с Вайнрубом. Мы задержались минуты на три, и за это время неподалеку от наших машин разорвалось больше десятка мелких бомб. К счастью, никого из нас не задело, и мы благополучно добрались до цели.

Спать и отдыхать было некогда. На новом месте мне нужно было самому проверить связь, управление войсками, готовность войск к контратаке. Все обстояло нормально. По-видимому, войска противника, кроме ночной авиации, отдыхали или готовились к дневным действиям.

В 3 часа утра началась наша артиллерийская подготовка, в 3 часа 30 минут — контратака. Я связался по телефону с командующим фронтом, доложил ему обстановку и о начале контратаки и попросил с восходом солнца прикрыть наши действия авиацией. Командующий обещал это сделать и тут же сообщил радостную новость: из резерва Ставки нам придается 13-я гвардейская стрелковая дивизия, которая к вечеру 14 сентября начнет сосредотачиваться на переправах через Волгу в районе Красная Слобода.

В центре боевых порядков армии наша контратака в первое время имела некоторый успех, но с наступлением дня противник ввел в действие многочисленные силы авиации; группами по 50—60 самолетов немцы непрерывно бомбили и штурмовали боевые порядки наших контратакующих частей. Они были прижаты к земле, и контратака захлебнулась. В 12 часов противник ввел в действие большие массы пехоты и танков и начал теснить наши боевые порядки. Удар направлялся на Центральный вокзал.

Этот удар был исключительной силы. Несмотря на громадные потери, захватчики лезли напролом. Колонны пехоты на машинах и танки врывались в город. По-видимому, гитлеровцы считали, что участь Сталинграда решена, и каждый из них стремился как можно скорее достичь центра Сталинграда и там пожить трофеями. Наши бойцы, снайперы, бронебойщики, артиллеристы, притаившись в домах, в подвалах и дзотах, за углами домов, наблюдали, как пьяные гитлеровцы соскакивали с машин, играли на губных гармошках, бешено орали и плясали на тротуарах.

Захватчики гибли сотнями, но свежие волны резервов все больше наводняли улицы. Автоматчики просочились в город восточнее железной дороги, к вокзалу, в дома спе-

циалистов. Бой шел в 800 метрах от командного пункта штаба армии. Создалась угроза, что до подхода в Сталинград 13-й гвардейской стрелковой дивизии противник займет вокзал, разрежет армию и выйдет к центральной переправе.

На левом фланге, в районе пригорода Минина, также разгорелись жестокие бои. Не оставлял противник в покое и правый фланг. Обстановка осложнялась с каждым часом.

У меня уцелел небольшой резерв: единственная танковая бригада в составе 19 танков. Она находилась за левым крылом армии, около элеватора, на южной окраине Сталинграда. Я приказал срочно перебросить один батальон танков этой бригады к командному пункту штаба армии. Часа через два этот батальон в составе девяти танков прибыл. К этому времени генерал Крылов уже сформировал две группы из командиров штаба армии и роты охраны. Первая группа, имевшая в своем составе шесть танков во главе с начальником оперативного отделения коммунистом И. Залюзиком, получила задачу перехватить улицы, идущие от вокзала к пристани. Вторая группа с тремя танками во главе с подполковником М. Вайнрубом была направлена к домам специалистов, из которых противник обстреливал Волгу и пристань огнем крупнокалиберных пулеметов.

Эти две группы состояли из работников штаба армии и политического отдела; почти все здесь были коммунистами. И они не допустили гитлеровцев к пристани — обеспечили прикрытие первых паромов с гвардейцами дивизии Родимцева.

В 14 часов ко мне явился командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Александр Ильич Родимцев. Был он весь в пыли и грязи. Чтобы добраться от Волги до нашего командного пункта, ему не раз пришлось «приземляться» в воронки, прятаться в развалинах, укрываясь от пикирующих самолетов противника.

Генерал-майор Родимцев доложил мне, что дивизия людским составом укомплектована хорошо: в дивизии около 10 тысяч человек. Но с оружием и боеприпасами плохо. Более тысячи бойцов не имели винтовок, автоматов и пулеметов. Военный совет фронта поручил заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Ф. И. Голико-

ву обеспечить дивизию недостающим оружием не позже вечера 14 сентября, доставив это оружие в район Красной Слободы. Но гарантии в том, что оно будет доставлено вовремя, не было. Я тут же приказал своему заместителю по тылу генералу А. И. Лобову, находившемуся на левом берегу Волги, мобилизовать всех работников, чтобы они собрали оружие в частях тыла армии и передали его в распоряжение 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Обстановку на фронте армии генерал Родимцев уже знал.

Было около 16 часов, до сумерек оставалось часов пять. Сумеет ли мы с наличными раздробленными и разбитыми частями и подразделениями продержаться еще десять — двенадцать часов на центральном направлении. Это заботило меня больше всего. Сумеют ли бойцы и командиры выполнить свои задачи и свой долг, которые выше сил человеческих? Если не выполнят, то свежая 13-я гвардейская стрелковая дивизия может оказаться на левом берегу Волги в роли свидетеля печальной трагедии.

В это время поступили сведения, что сводный полк лишился многих командиров и остался без управления. Командира полка с утра нигде не могли найти. Если он погиб, вечная ему память. Резервов мы не имели. Последний резерв — охрана штаба и командиры штаба армии — в бою. Сквозь перекрытие блиндажа доносились гул моторов немецких самолетов и разрывы бомб.

В поисках хоть каких-нибудь резервов я вызвал к себе командира дивизии полковника А. А. Сараева. Согласно докладу Крылова, полковник Сараев значился начальником гарнизона Сталинграда, а его дивизия занимала подготовленные узлы обороны и опорные пункты в городе.

Прибыв ко мне, он подробно доложил о состоянии дивизии, об оборонительных районах, занятых его частями, о положении в городе и в заводских поселках.

Историки утверждают, что в великих сражениях у выдающихся полководцев нередко не хватало только одного батальона, чтобы добиться решающей победы. Я думаю, что у Паулюса в эти дни было много батальонов, чтобы разрезать 62-ю армию пополам и выйти к Волге. Но мужество наших бойцов, имевших перед собой беспощадного врага, а позади матушку-Волгу, способную поглотить десятки тысяч людей, было такое, что они, не отступая, дрались, как львы, истребляя сотни и сотни фашистов.

Перед сумерками ко мне пришел командир 6-й тан-

ковой бригады майор С. Н. Хопко и доложил, что его единственный танк подбит и стоит у вокзала на переезде железной дороги.

— Что делать? — спросил он.

Из беседы я выяснил, что хотя танк и подбит, но огонь вести может. И, кроме того, в бригаде было около ста танкистов, вооруженных автоматами и пистолетами.

— Идите к танку, — приказал я, — соберите всех своих людей и держите переезд в своих руках до подхода частей 13-й гвардейской дивизии...

Он понял, повернулся и побежал выполнять приказание. Как стало известно несколько позже, Хопко с честью выполнил поставленную перед ним задачу.

Наступили сумерки, бой начал затихать. В воздухе немецких самолетов стало меньше. Штаб приступил к подведению итогов дня. Я много времени провел у телефона, выясняя, где находятся и что делают части 13-й гвардейской дивизии, как готовятся переправочные средства. Затем занялся подведением итогов за день боя.

Итог был мрачный. Противник вплотную подошел к Мамаеву кургану и к линии железной дороги, идущей через город до Центрального вокзала. Вокзал еще удерживался нами. В центре города во многих зданиях засели немецкие автоматчики, пробравшиеся туда через наши поредевшие боевые порядки.

От наших частей, действовавших в центре армии, почти ничего не осталось. Армейский наблюдательный пункт на Мамаевом кургане был разрушен бомбами и артиллерийским огнем.

С левого фланга армии доносили: хотя вражеские атаки отбиты, но все чувствуют и видят, что противник накапливается, ведет разведку, готовится к новому наступлению.

Наши бойцы убеждались, что можно и меньшими силами бить большие силы врага — для этого нужны смелость, умение сражаться в уличных боях, готовность на любые жертвы для победы.

Сейчас, когда нас отделяет от тех событий почти треть столетия, вспоминая пережитое, надо сказать, что именно советский человек, воодушевленный своей родной Коммунистической партией, своим народом, на Волге понимал, что дальше отступать некуда, и стоял у ее берегов насмерть. Результаты первых же уличных боев, в которых

наметились и первые победы, укрепили его дух, его волю. Это было тогда главным в сражении, вошедшем в историю.

Командиры, штабы и политорганы заслуживают самой высокой оценки. Они стояли насмерть рядом с бойцами и руководили ими непосредственно в ближних боях, понимая, что в этом сражении решают не широкие оперативные маневры крупных войсковых масс, а моральный дух и организация каждого боя за квартал, улицу, дом.

Это придавало силу обороне на Волге, обеспечило успехи Советских войск армии и определило поражение 6-й армии Паулюса.

Немногие немецкие генералы уже тогда стали прозревать. Вот что пишет об этих боях первый адъютант штаба 6-й армии В. Адам: «Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттергсгейма, командира 14-го танкового корпуса... Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонительных укреплений и не только в том, что заводы и большие здания превращены в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рычагами разбитого танка. *Ничего подобного мы никогда не видели*». (Курсив мой.— В. Ч.)

И с каждым днем, с каждым часом рос не только героизм войск, но и боевое их мастерство, умение вести ближний бой, находить новые тактические приемы борьбы в городе в условиях превосходства противника в силах и средствах.

Особенно угнетающе действовало на наши войска еще при отступлении к Сталинграду, да и в самом городе, превосходство вражеской авиации.

Нужно откровенно сказать, что у немцев было неплохо отработано взаимодействие сухопутных войск с авиацией. Их бомбардировщики успевали нанести удар перед атакой своей пехоты и тем самым приковать наши войска к земле, а наблюдателей загнать в укрытия. Артиллеристы, зенитчики вынуждены были прекращать огонь и укрывать-

ся в ровиках, воронках. Пользуясь этим, танки противника вместе с пехотой врываются в наши боевые порядки и дело кончалось тем, что мы вынуждены были отходить. Мы много ломали головы над тем, как избавиться от превосходства авиации противника. Нам нужно было нарушить взаимодействие его войск, расстроить их боевые порядки. Думали в этом направлении все, начиная от солдата и кончая Военным советом армии. Способ был найден самими солдатами. Они знали, что отступать больше некуда, что, лишь уничтожая противника, можно выполнить боевую задачу. Нашими командирами и солдатами был навязан противнику ближний бой. Бойцы сближались с противником на десятки метров. При этом авиация врага не могла бомбить наши траншеи, наносить потери занимавшим их войскам. А если и пытались наносить удары, то они попадали и по своим. Огонь наземной артиллерии противника, который поражал наши боевые порядки, разрушал наблюдательные пункты, теперь нередко приходился и по боевым порядкам гитлеровских же войск. Тактика ближнего боя была безоговорочно принята и успешно применена командованием, войсками 62-й армии.

Повсеместный переход к тактике ближнего боя сделал передний край армии, сражавшейся в Сталинграде, исключительно стойким, повысилась бдительность войск, их готовность к штыковому удару. Зародившаяся в войнах прошлого боевая традиция русской армии, непревзойденное умение русских солдат вести ближний бой, их готовность к рукопашной схватке была обогащена защитниками Сталинграда, и сила их умножилась.

Непрерывные, порой круглосуточные бои в непосредственном соприкосновении с противником при удалении, не превышавшем броска ручной гранаты, внезапные действия подразделений держали противника в постоянном напряжении, изматывали его, он нес большие потери, его боевой дух заметно снижался.

Одной лишь обороной при условии превосходства на стороне противника добиться успехов мы не могли. Надо было бдительно, неотступно следить за врагом, срывать его планы, парализовать в зародыше попытки сосредоточивать войска и наносить удары. В войсках 62-й армии утвердилось тогда правило: «Обороняясь — наступай».

Сама специфика уличной борьбы потребовала новой организации подразделений, особой их тактики.

В огне сталинградских боев родилась новая боевая организация — штурмовая группа, а с ней и новая тактика действий. Ее породили опять-таки сами защитники Сталинграда. Штурмовая группа была небольшой по численности, гибкой в маневре, пробивной при штурме. Она искала противника повсюду, умышленно шла на сближение с ним до броска ручной гранаты, просачивалась, как вода, через подвалы и проломы в стенах и среди развалин зданий. Она наносила внезапные удары с фронта, с флангов, с тыла, не давала немцам отдыхать, изматывала морально и физически, не дав опомниться, навязывала невыгодный врагу стремительный бой. Улицы и площади Сталинграда нередко пустовали, а ожесточенные бои велись внутри зданий.

Против таких штурмовых групп при такой их тактике противник не мог применить ни свою авиацию, ни массивный огонь своей артиллерии. Это лишало его важнейших своих преимуществ.

Должен сказать, что во всех частях 62-й армии существовала и крепла спайка и взаимодействие войск. Когда артиллерист плечом к плечу сражается с пехотинцем, а оба они чувствуют поддержку действующих рядом танков и в небе, пусть даже изредка, появляются наши самолеты и все это увязывается соответствующим командованием или штабом в единый боевой кулак, четко нацеленный на самые уязвимые пункты врага, тогда каждый ощущает поразительную мощь объединенного оружия. Так мы боролись с противником, наносили огромные, порой неподдающиеся учету потери. Взаимодействие всегда было и будет «богом победы» в любом бою. Оно было победоносным, решающим особенно потому, что существовало политическое единство воинов всех национальностей, которые сражались в Сталинграде. В 62-й армии героически обороняли город на Волге русские и украинцы, белорусы и узбеки, татары и таджики... Трудно сказать, какой национальности бойцов не было в 62-й армии. Известный «дом Павлова» обороняли под командованием русского сержанта украинцы, грузины, казахи, литовцы и воины других республик. Всех их объединяла и цементировала единая воля Коммунистической партии. Все они выполняли задачи, поставленные перед ними Советской Родиной.

Но враг не отказывался от своих коварных планов, и, несмотря на потери, рвался вперед, к Волге.

Я часто задумываюсь: почему немецко-фашистская армия так упорно, несмотря на небывалые потери, напрягла все силы, чтобы занять весь Сталинград. Почему же гитлеровцы, выйдя к Волге севернее города еще в августе, перерезав тем самым важнейшую водную артерию страны, настойчиво стремились захватить весь город? В конце октября и тем более в ноябре они могли перейти в Сталинграде к обороне и большую часть сил вывести в свой резерв. Имея в резерве 15—20 дивизий, они могли бы ими маневрировать не только между Волгой и Доном, но и значительно шире по растянувшемуся фронту.

Некоторые военные историки видят в этом стремление Гитлера, давшего заверения, что город, носящий имя Сталина, будет взят, сохранить свой престиж. Другие утверждают, что Гитлер замыслил после овладения Сталинградом развить наступление вдоль Волги на север и тем самым отрезать центральные промышленные районы нашей страны от Урала и Сибири.

Нельзя сказать, что вышеизложенные соображения историков и военных обозревателей не имеют оснований. Я думаю все же, что концентрация сил для захвата Сталинграда, ведение таких упорных боев имеет и другие глубокие причины.

Если проанализировать обстановку, сложившуюся осенью 1942 года, то можно увидеть, что гитлеровские войска были растянуты в одном эшелоне и не имели стратегических резервов. Осенью 1942 года Гитлер уже не имел сил не только для завоевания победы, но и для дальнейшего решительного наступления на каком-либо участке советско-германского фронта.

На всех основных стратегических направлениях немецко-фашистские армии были растянуты и скованы советскими войсками.

Бросив свои армии на Кавказ, Гитлер тем самым подставил их фланг и глубокий тыл контрударам советских войск, и нужно было брать Сталинград, чтобы обезопасить наступление на кавказском направлении. Чтобы бросить немецкие войска на север, отрезать промышленный район страны от Урала и Сибири, необходимо было опять-таки взять Сталинград. А город на Волге не сдавался. Время шло. Лето было упущено.

Гитлеру нужно было сломить нашу оборону, объявить всему миру, что Сталинград в его руках, и побудить своих

потенциальных союзников выступить против СССР. В первых числах октября Геббельс, собрав в министерстве пропаганды представителей стран, правительства которых желали победы Германии, заявил дипломатам, что фюрер лично руководит наступлением на Волге и победа, как никогда, близка. Но шел октябрь, Сталинград держался, престиж Гитлера и вермахта заколебался, воинственное настроение империалистических кругов Турции и Японии, готовых выступить против Советского Союза в случае падения Сталинграда, падало.

Гитлер снова не учел силы советского народа и оказался в еще худшем положении, чем зимой 1941/42 года.

Гитлеровское командование пошло на крайние меры, были собраны со всего фронта все возможные силы и средства на сталинградское стратегическое направление. Достаточно сказать, что в июле здесь действовали 42 дивизии, в конце августа около 70, а в конце сентября — до 81 дивизии. Готовился новый удар.

14 октября

Военный совет 62-й армии знал о предстоявшем наступлении врага. Наша разведка своевременно и правильно информировала командование о сосредоточении группировки противника северо-западнее Сталинграда в районе балки Вишневая. Мы готовились к отражению нового натиска, но не могли предполагать, что последует удар такой колоссальной мощи.

Военный совет решил в этом сражении находиться непосредственно за войсками, оборонявшими завод «Баррикады», чтобы надежней управлять их действиями. Туда противник направлял свой главный удар. Если Паулюс со своим штабом находился в 120 километрах от поля сражения в станице Нижне-Чирской, то Военный совет и штаб 62-й армии с командирами соединений были в трех километрах, а к концу боев в 300 метрах от переднего края. Это обстоятельство сыграло определенную положительную роль в успехе нашей обороны. К началу этого октября сражения мы фактически были уже отрезаны от своего заволжского тыла. Вся Волга хорошо просматривалась и простреливалась противником из крупнокали-

берных пулеметов, не говоря уже о минометном и артиллерийском огне, которым противник обстреливал все дороги и тропинки, подходившие к Волге с востока. Только ночью, да и то с большим риском, наши пароходы могли подходить к правому берегу с необходимыми для армии грузами и эвакуировать раненых.

Моральное и физическое напряжение работников штабов армий и соединений дошло до предела. Днем надо было обеспечивать ведение боя, а ночью — разводить войска по полю боя, распределять между ними не только районы обороны, но даже отдельные позиции, ориентировать в боевой обстановке, организовывать связь. И все это происходило в нескольких сотнях и даже десятках метров от переднего края, под наблюдением и огневым воздействием противника.

Никто, кроме меня, члена Военного совета Гурова и Крылова, не знал тогда, что мы опасались, как бы, проснувшись, не очутиться под дулами немецких автоматов, не успев взять в руки свое оружие. Поэтому мы поочередно дежурили по ночам.

Наступила ночь с 13 на 14 октября. В эту ночь мы меняли свой командный пункт армии, приближая его к войскам. Командный пункт был подготовлен на северо-восточной окраине завода «Баррикады». Но переходить даже какие-нибудь 500—600 метров мы не рискнули все сразу. Работники штаба армии были разделены на три группы. С первой пошел член Военного совета Гуров, чтобы проверить на новом пункте связь с войсками и дать нам сигнал. Они выступили в полночь. Только в два часа мы получили данные, что на новом пункте все готово.

Вторая группа во главе с командармом выступила в третьем часу. Пройти эти несколько сот метров по обрывистому берегу было не так-то легко и просто людям, не спавшим несколько ночей подряд. Мы не шли, а в буквальном смысле слова ползли по камням, спотыкаясь и падая. Когда я пришел в блиндаж, а он был один на весь штаб, то свалился и тут же заснул. Не слышал, как и когда пришел Н. И. Крылов с третьей группой. Проснулся около 7 часов утра, рядом спал Крылов.

Проснулся я рано утром по какому-то предчувствию. Возможно, сказывалось нервное напряжение от ожидания готовившегося удара противника. Оно пересилило сон, усталость и подняло меня на ноги.

Мой ординарец Борис Скорняков тут же налил мне стакан крепкого чая. Выпил залпом и вышел из блиндажа на воздух. Меня ослепило солнце. При выходе из блиндажа встретился с комендантом штаба и командного пункта майором Гладышевым. Мы прошли с ним несколько десятков метров к северу, где были расположены отделы штаба. Они ютились в спешно вырытых щелях или в норах, выдолбленных в крутом правом берегу Волги.

В одной из таких нор стоял тульский самовар с самодельной трубой. Он попыхивал дымком. Около самовара сидел командующий артиллерией армии генерал Н. М. Пожарский, готовясь к чаепитию. Сам туляк, он всю войну не расставался со своим земляком-самоваром. Это была его слабость — крепкий чаек...

Поздоровался с ним.

— Как, Митрофаныч,— спрашиваю,— успеешь попить чайку до начала фрицевского концерта?

— Успею,— уверенно отвечает он,— ну, а не успею, с собой на наблюдательный захвачу.

Во время нашей беседы с запада донесся сильный гул. Мы подняли головы и «навестили» уши. И тут же услышали шипение снарядов и мин над головой. Вскоре близкие разрывы потрясли землю, в воздух выплеснулись султаны огня. На оборонявшиеся войска посыпались десятки, сотни тысяч снарядов и мин разных калибров. Взрывными волнами нас прижало к обрывистой круче берега. Самовар был опрокинут, так и не успев закипеть. Но буквально кипела от взрывов вода в Волге. Пожарский показывал мне рукой в небо. Над головой появились фашистские самолеты. Их было несколько групп. Они плыли уверенно, будто стаи диких уток. От взрывов снарядов и мин, шума авиационных моторов невозможно было говорить. Я взглянул на Пожарского. Он меня понял по взгляду, схватил планшет, бинокль и бросился бежать на свой командный пункт. Я поспешил на свой.

Солнца не стало видно. Дым, пыль и смрад заволокли небо. Подойдя к блиндажу, собрался ногой открыть дверь, но тут же получил такой удар взрывной волны в спину, что влетел в свой отсек. И тут же услышал голос Гурова: «Получил, и поделом, не ходи, куда не надо». Крылов и Гуров уже сидели на скамейках и оба держали телефонные трубки. Тут же стоял начальник связи армии полковник Юрин, докладывая что-то Крылову.

Я спросил:

— Как связь?

Юрин доложил:

— Часто рвется, включили радио, говорим открытым текстом.

Кричу ему:

— Этого мало... Задействуйте запасный узел связи на левом берегу. Пусть дублируют и информируют нас.

Юрин понял и вышел. Я прошел по своему п-образному блиндажу-тоннелю. Он достался нам от штаба 10-й стрелковой дивизии войск НКВД, который отвели на левый берег несколько дней тому назад. Все командиры штаба армии, связисты и связистки были на местах. Они глядели на меня, пытаюсь по моему лицу угадать о моем настроении, о положении на фронте. Чтобы показать, что нет ничего страшного, я шел по блиндажу спокойно и медленно, также вернулся и вышел через другой вход блиндажа.

То, что я увидел на улице, особенно в направлении Тракторного завода, трудно описать пером. Над головой ревели пикирующие бомбардировщики, были падающие бомбы, рвались снаряды зениток, а их трассирующие траектории расчертили небо красивым пунктиром. Кругом все гудело, стонало и рвалось. Пешеходный мостик через Денежную протоку, собранный из бочек, был разбит и отнесен течением. Вдали рушились стены домов, полыхали корпуса цехов Тракторного завода.

Зашел в блиндаж. Крылов и Гуров с телефонными трубками в руках рассматривали план города. По синим стрелам и цифрам, а также по красным изогнутым линиям оценил положение на направлении главного удара противника. Вопросов не задаю, знаю, что полученные 5—10 минут тому назад данные об обстановке уже устарели. Вызываю к телефону командующего артиллерией армии Пожарского. Приказываю дать два дивизионных залпа «катюш». Один — по силикатному заводу, другой — перед стадионом. Там должно быть скопление войск противника. Прошу хоть немного уgomонить фашистских стервятников. Генерал Т. Т. Хрюкин сказал откровенно, что сейчас помочь нечем. Противник плотно блокировал аэродромы армии. Пробриться нашей авиации к Сталинграду пока невозможно.

После короткого обмена мнениями становится все ясным. Противник бросил все свои силы против 62-й армии. Имея огромное превосходство в живой силе, технике и огне, он будет стараться разрезать армию и уничтожить ее по частям. Сейчас главный удар он наносит между заводами Сталинградским тракторным и «Баррикады». Ближайшая его цель — пробиться к Волге. По силам и средствам, введенным в бой, было видно, что враг приложит все силы, чтобы не допустить переправы из-за Волги к нам сильных подкреплений и будет стараться сорвать подвоз боеприпасов в Сталинград. В ближайшие несколько дней нам предстояла необычайно жестокая борьба только имеющимися в распоряжении 62-й армии силами. Независимо ни от каких причин мы не могли отойти за Волгу, так как поклялись перед партией и народом удержать Сталинград. Наш блиндаж трясло как в лихордке, земля звенела, с потолка сыпался песок, в углах и на потолке под балками что-то потрескивало. Сотрясения от разорвавшихся вблизи крупных бомб грозили развалить наш блиндаж. Уходить нам было некуда. Лишь изредка, когда совершенно нечем было дышать, несмотря на близкие разрывы бомб и снарядов, мы по очереди выходили из блиндажа.

В тот день мы не видели солнца. Оно поднималось в зенит бурым пятном и изредка выглядывало в просветы дымовых туч.

Под прикрытием ураганного огня Паулюс бросил в наступление три пехотные и две танковые дивизии на фронте около шести километров. Главный удар наносился по 112, 95, 308-й и 37-й гвардейской стрелковой дивизиям. Все наши дивизии были сильно ослаблены потерями в предыдущих боях. Особенно пострадали 112-я и 95-я. Превосходство противника в людях было пятикратным, в танках — двенадцатикратным, его авиация безраздельно господствовала на этом участке. Около трех тысяч самолетов насчитали мы в тот день.

Пехота и танки противника в 8 часов утра атаковали наши позиции. Первая атака противника была отбита, на переднем крае горело десять танков. Подсчитать убитых и раненых было невозможно. Через полтора часа противник повторил атаку еще большими силами. Его огонь по нашим огневым точкам был более прицельным. Он буквально душил нас массой огня, не давая никому поднять голову.

В 10 часов 109-й полк 37-й гвардейской дивизии был смят танками и пехотой противника. Бойцы этого полка, засевшие в подвалах и в комнатах зданий, дрались в окружении. Против них противник применял огнеметы. Нашим солдатам приходилось отстреливаться, переходить в рукопашную схватку и одновременно тушить пожары.

На командном пункте армии от близкого взрыва авиабомбы завалило два блиндажа. Бойцы роты охраны и несколько работников штаба откапывают своих товарищей. Одному командиру придавило ногу бревном. При попытке откопать и поднять бревно верхний грунт осаживался и еще больше давил на ногу. Все это происходило под непрерывным обстрелом артиллерии и бомбежке авиации.

В 11 часов донесли, что левый фланг 112-й стрелковой дивизии также смят. Около 50 танков утюжили ее боевые порядки. Эта многострадальная дивизия, принимавшая участие во многих боях, к 13 октября имела в своем составе не более тысячи активных бойцов во главе со своим командиром полковником И. Е. Ермолкиным. Она не отступила, геройски сражаясь разрозненными подразделениями в отдельных зданиях, в цехах тракторного завода, в Нижнем поселке и на волжской круче. Ее сопротивление долгое время не было сломлено, но она буквально истреблялась превосходящими силами противника.

В 11 часов 50 минут противник захватил стадион Сталинградского тракторного завода и глубоко вклинился в нашу оборону. До Тракторного завода осталось менее километра. Южнее стадиона находился так называемый шестигранный квартал с каменными постройками. Он был превращен нашими войсками в опорный пункт. Этот квартал несколько раз переходил из рук в руки. Командир полка товарищ Омельченко лично сам возглавил контратакующие подразделения.

По радио открытым текстом неслись донесения, которые перехватывались узлом связи штаба армии. Привожу их дословно: «Фрицы везде наступают с танками... Наши дерутся на участке Ананьева. Подбито четыре танка, а у Ткаченко — два. Гвардейцами 2-го батальона 118-го полка уничтожено два танка. 3-й батальон удерживает позиции по оврагу, но колонна танков прорвалась на Янтарную». Артиллеристы 37-й гвардейской дивизии доносили: «Танки расстреливаем в упор, уничтожено пять».

Начальник штаба дивизии Брушко докладывал в штаб армии: «Гвардейцы Пуставгарова (114-й гвардейский полк), рассеченные танковыми клиньями противника, закрепились группами в домах и развалинах, сражаются в окружении. Лавина танков атакует батальон Ананьева. 6-я рота этого батальона под командованием гвардии лейтенанта Иванова и политрука Ерухимовича погибла полностью. Остались в живых только посыльные».

В 12 часов передают по радио из 117-го гвардейского полка: «Командир полка Андреев убит, нас окружают, умрем, но не сдадимся». Полк не умер, около командного пункта полка валялось больше сотни трупов немцев, а гвардейцы продолжали жить и крошить врага.

Из полков 308-й стрелковой дивизии полковника Л. Н. Гуртьева доносили: «Позиции атакуют танки с севера, идет жестокий бой. Артиллеристы бьют прямой наводкой по танкам, несем потери особенно от авиации, просим отогнать стервятников». Но отогнать их было нечем.

В 12 часов 30 минут командный пункт 37-й гвардейской дивизии бомбили пикирующие бомбардировщики. Командира дивизии генерала В. Г. Жолудева завалило в блиндаже. Управление частями 37-й гвардейской дивизии штаб армии взял на себя. Линии связи и радиостанции были перегружены. В 13 часов 10 минут в блиндаж Жолудева «дали воздух» (просунули металлическую трубку, продолжая откапывать генерала и его штаб). В 15 часов на командный пункт армии принесли Жолудева. Мокрый и в пыли, он доложил: «Товарищи Военный совет! 37-я гвардейская дивизия сражается и не отступит». Доложил и тут же присел, закрыв лицо руками. Даже этот железный человек был измучен происходившим.

На участке 95-й стрелковой дивизии полковника В. А. Горишного с 8 часов утра также шел жесточайший бой. Командир взвода 3-й батареи лейтенант Василий Владимирович Владимиров вспоминал: «14 октября ясное утро началось с такого землетрясения, которого мы никогда не ощущали за все бои до этого. Сотни самолетов ревели в воздухе, всюду рвались бомбы и снаряды. Клубы дыма и пыли окутали небо. Дышать было нечем. Все поняли, что немцы перешли в новое мощное наступление. Телефонная связь сразу порвалась. По радио от командира батареи слышали команду: «НЗ0-Б», «ПЗ0-1» и т. д. Эти команды менялись одна за другой. Рискуя каждую

минуту жизнью, люди выходили к орудиям и выпускали серии снарядов. Наш наблюдательный пункт батареи оказался в окружении, но командир батареи Ясько не растерялся. Он всю ночь бил фашистов огнем своей батареи, вызывая огонь на себя, когда фашисты очень близко подходили к наблюдательному пункту. От бомбежки и от обстрела у наших орудий осталось по 2—3 человека, но мы не дрогнули. Командир батареи Ясько засыпан, многие оглохли, бомбежка, обстрел не прекращались. Все горело, все перемешивалось с землей, гибли люди и гибла техника, но мы стреляли и стреляли».

Так вели себя в бою артиллеристы, стоя плечом к плечу с воинами других родов войск.

В 13 часов 10 минут доложили, что на командном пункте армии завалило два блиндажа, есть убитые и раненые.

Около 14 часов телефонная связь со всеми войсками была порвана. Работали только радиостанции, но и то с перебоями. Дублировали связь, посылая офицеров. Но эта связь медленная, данные весьма запаздывали.

К 15 часам танки противника глубоко вклинились в наши боевые порядки. Они вышли на рубеж заводов Тракторного и «Баррикады». Пехоту противника отсекали от танков огнем наши гарнизоны. Они хотя и разрозненные, но сражались в окружении и сковывали действия врага. Танки противника без пехоты вперед не пошли. Они остановились и стали прекрасными целями для наших артиллеристов и бронебойщиков. Затем танкам противника удастся пробиться к командному пункту армии. Они оказались от нас в 300 метрах. Рота охраны штаба армии вступила с ними в бой. Сумей бы противник подойти еще поближе, нам бы пришлось драться с немецкими танками самим. Иного выхода не было. Мы не могли куда-либо отойти, так как лишились бы последних средств связи и управления.

В парке Скульптурный было зарыто в землю до десятка танков 84-й танковой бригады. Им было приказано не переходить в контратаки, а быть в засаде на случай прорыва немцев. В 15 часов волна немецких танков прорвалась к парку Скульптурный и напоролась на танковую засаду. Наши танкисты били немецкие танки без промаха. Этот опорный пункт немцы пытались захватить, но не взяли ни 14, ни 15 и ни 16 октября. И только 17 октября он

был разбит авиацией противника. Несколько сот самолетов-вылетов «юнкерсов» и «хейнкелей» пришлось предпринять немецкой авиации против танкового опорного пункта.

Несмотря на колоссальные потери, враг рвался вперед. Его автоматчики просачивались в образовавшиеся разрывы между боевыми порядками наших частей. За эти дни немцы неоднократно вели бои с охраной штаба армии. В эти часы на наше счастье у Паулюса не нашлось ни одного свежего батальона, чтобы захватить командный пункт армии. Скорее всего, Паулюс не знал, где он расположен. Думаю, что, зная он точно, где мы находились, не пожалел бы для этого целой дивизии.

В 16 часов 35 минут командир полка подполковник Устинов попросил открыть огонь по его командному пункту, к которому вплотную подошли фашисты и забрасывали его ручными гранатами. Открыть огонь по своему командиру было не так-то просто решиться. И все-таки пришлось генералу Пожарскому дать залп дивизиона «катыш». Накрыли огнем фашистов удачно. Их полегло немало.

Для обороны заводов Тракторного и «Баррикады» были созданы отряды из рабочих и охранников. Они с подразделениями войск армии должны были оборонять заводы до последнего патрона. В этих отрядах сталинградских рабочих были защитники Царицына в годы гражданской войны. В большинстве это были коммунисты. Они были проводниками по Сталинграду и по цехам заводов. Их присутствие крепило боевую дружбу бойцов и рабочих. Во второй половине 14 октября эти отряды, оборонявшие заводы Тракторный и «Баррикады», вступили в бой с подошедшими передовыми подразделениями врага. Части и подразделения 112-й и 37-й гвардейской дивизии Ермолкина и Жолудева надежно опирались в боях на рабочие отряды Тракторного завода, уничтожали противника на площади перед заводом и улицах, ведущих к нему. Части 95-й и 308-й дивизий Горишного и Гуртьева, опираясь на цехи завода «Баррикады», совместно с вооруженными заводскими рабочими уничтожали противника на улицах, ведущих к заводу. Им помогали танкисты 84-й танковой бригады полковника Д. Н. Белого. Тысячами трупов фашистов были покрыты площади и улицы, несколько десятков танков, горящих и разбитых, перегора-

живали проезды. Но все же отдельным подразделениям противника удавалось пробиваться к берегу Волги, но закрепиться им там не удавалось. Артиллерийский огонь с левого берега и дружные атаки наших войск с флангов отбрасывали фашистов назад с большими потерями.

Превосходящие силы танков и пехоты дробили нашу оборону на отдельные очаги. Оборона 62-й армии была рассечена пополам. Пространство между заводами Тракторный и «Баррикады», шириной около полутора километров, прочно контролировалось противником. Вражеским огнем простреливались все овраги и Денежная воложка. Офицеры связи не могли проникнуть к Тракторному заводу. Со своего командного пункта мы хорошо просматривали Тракторный завод, но не могли видеть бой, который происходил в заводских цехах. У нас не было с ними связи, и мы не всегда могли им оказать помощь, в которой они так нуждались. Мы поддерживали их лишь огнем артиллерии. Управление ею находилось непрерывно в наших руках.

Судьба подразделений и людей, находящихся в окружении, в заводах, была для нас долгое время неизвестной. Это тяжелым камнем лежало на моей совести.

Свидетельства сталинградцев

Вот что я узнал о борьбе с фашистскими танками в районе площади имени Дзержинского.

В батарею лейтенанта Очкина, на которого возлагалась задача оборонять площадь имени Дзержинского и быть готовым к борьбе в любых условиях, даже в окружении, было три противотанковых орудия и девять противотанковых ружей. В одном орудином расчете, что стоял на южной окраине площади, был юный друг лейтенанта — подносчик снарядов шестнадцатилетний Ваня Федоров, курносый, подвижный и, как рассказывает Алексей Очкин, драчливый юнец. Он познакомился с ним по пути на фронт, на станции Поворино. Лейтенант заметил отдыхающего на буфере «зайца», подошел к нему, попытался стащить, а тот, обороняясь, двинул его ботинком в лоб.

— Что ты пристал? Хочу на фронт...

Вскоре они нашли общий язык. И теперь здесь, на площади Дзержинского, когда после очередной бомбежки и непрерывной борьбы с танками в расчетах осталось по два-три человека, Ваня Федоров стал наводчиком орудия. Наступил критический момент. Танки немцев ворвались на площадь. Вслед за ними к орудию Вани ринулись автоматчики. Алексей Очкин кинулся выручать друга, но его остановил замполит дивизиона Борис Филимонов.

— Танки справа... Убит наводчик, Ваню уже не спасешь.

Они считали, что при атаке немецких автоматчиков Ваня погиб. Но мальчик каким-то чудом уцелел. Из ровика, выкопанного возле орудия, он отогнал автоматчиков гранатами. Но танки так не отгонишь.

— Плетью повисла правая рука юноши, — рассказывает очевидец подвига юного богатыря Борис Филимонов. — Осколком снаряда оторвало кисть другой. А к орудию ползли еще два танка. И тогда из ровика поднялся окровавленный герой. Руки перебиты, но есть зубы. В них противотанковая граната. Он упал под гусеницы. Раздался взрыв...

Ване Федорову было шестнадцать. Всего один день носил он на груди комсомольский билет.

Прорвавшись к Тракторному заводу, танки и пехота Паулюса разрезали остатки 112-й дивизии на три части. Одна часть отошла на север и соединилась с бригадой Горехова в районе рынка. Другая, возглавляемая лейтенантом И. Шутовым и А. Очкиным, осталась в литейном и сборочном цехах завода. Третья, которую объединил политработник Борис Филимонов, сосредоточилась в подвалах Нижнего поселка, где размещался штаб дивизии во главе с начальником артиллерии подполковником Николаем Ивановичем Годлевским.

Двое суток вела борьбу с танками и пехотой группа Филимонова. Подполковник Годлевский был убит прямым попаданием снаряда в грудь. Кончились боеприпасы. Настало время вырываться из окружения. Усталые, голодные — последний раз обедали 14 октября — тридцать против целого батальона гитлеровцев вступили в схватку и вырвались из огневого кольца. Филимонов был ранен. Оставшиеся в живых принесли его с документами погибших товарищей к переправе через Волгу.

Еще более упорно держалась в цехах завода группа Алексея Очкина.

— С И. Шутовым нам удалось собрать разрозненных бойцов, в том числе рабочих завода, в один кулак, — рассказал Алексей Очкин, — и организовать атаку на кузнечный цех. Внезапный налет ошеломил немцев, которые считали, что с защитниками завода давно покончено. Затем немцы выбили нас из этого цеха. Потом мы их. Затем опять немцы пошли на нас. Понимая, что долго не продержимся — у них явное превосходство в силах, — пошли на хитрость. Отошли сами, но спрятали автоматчиков в засадах. Только фашисты ввалились в цех, как им в спины автоматные очереди. Половину уложили на месте, остальные разбежались. Они не любили ближний бой...

Как явствует из рассказа Алексея Очкина, фашисты, ворвавшись в завод, не смогли окончательно сломить в тот же день сопротивление мелких гарнизонов 112-й и 37-й гвардейской дивизий. Группы Очкина и Шутова сражались там несколько дней. И почти каждый день территория завода пополнялась свежими силами пехоты и танками противника.

Добившись многократного превосходства, гитлеровские офицеры с немецкой методичностью приступили к уничтожению мелких групп. В пролетах устанавливались танки, орудия на прямую наводку и уничтожали все живое. Цех за цехом, сектор за сектором утопали в огне и дыму. Пыль дробленого бетона, чад горящего мазута разъедали героям глаза, захватывали дыхание. От жары начинала тлеть одежда. В пламени, среди раскаленных прутьев арматуры, среди самой смерти бушевала испепеляющая сила огня.

— Фашисты, окружив нас, — продолжает рассказывать Алексей Очкин, — хотели если не взять нас живьем, то превратить в пепел. Помню, как кто-то из моих ребят выскочил из полыхающих руин сборочного цеха и тут же был сражен длинной очередью пулемета. Значит, надо терпеть, дожидаться ночи и затем решительным броском прорваться к Нижнему поселку. У нас кончались боеприпасы, изнуряла жажда. Минувшей ночью один рабочий, не знаю как его фамилия, в памяти остался только его облик — среднего роста, рыжие усы, коренастый, — помог нам разыскать в трубах воду, но она скоро кончилась... Наконец наступила долгожданная ночь. Полетели последние гранаты, выпустили последние патроны и прорвались

к Нижнему поселку... Там, под кручей, у берега Волги нашли боеприпасы и снова закрепились. Здесь, на этой круче, мы оборонялись до 22 октября.

В ту пору Алексею Очкину было всего лишь 20 лет. Он родился на Смоленщине в деревне Латынино, воспитывался у женщины, которая работала фельдшером в сельской больнице. Началась война, Алексей поступил в артиллерийское училище и через шесть месяцев уехал на фронт. В дни боев за Дон он командовал огневым взводом противотанковых орудий. На его счету было восемь подбитых танков. В дни боев на рубеже обороны Тракторного завода Алексей Очкин возглавил группу, в которую входили автоматчики, минометчики, саперы и бронбойщики.

— Нас было меньше роты, а их, немцев, не меньше полка, плюс танки, артиллерия, авиация. Но мы решили стоять здесь насмерть,— продолжал рассказывать Алексей Очкин.— На правом фланге со станковым пулеметом занял оборону Пивоваров — он же бронбойщик. Пивоваров самый старший, ему около пятидесяти, участник обороны Царицына. Коммунист Степан Кухта остался за парторга, отличный пулеметчик еще с времен гражданской войны, возглавил бронбойщиков, автоматчиков и ручных пулеметчиков в центре обороны. Внизу, у самой воды, установили два миномета, у одного вместо плиты под пятаку подкладывали камень. Минометчиков возглавил лейтенант Шутов. Он же по ночам выставлял внизу автоматчиков, чтобы по песчаной косе нас не обошли.

Когда на боевых позициях нас осталось шестеро: я, Шутов, Степан Кухта, Коля Сергиенко, Коля Смородин и Черношейкин (имя последнего не помню) и человек двадцать раненых, немцы пустили против нас саперно-штурмовой батальон с танками. В том бою со мной случилась беда...

Пуля попала ему в голову, крупный осколок раздробил бедро.

Перед моими глазами встали развалины Тракторного завода, лежащего на крутом берегу Волги в дымящихся руинах. Казалось, никто и ничто не поднимет из руин завод, не вернет жизнь воину Алексею Очкину. Но прошло уже более тридцати лет с той поры. Работает на полную мощь Тракторный, жив и трудится Алексей Очкин.

Так совершенно неожиданно открылась еще одна страница героизма советских воинов, оборонявших волжскую твердыню. Таких, героически сражавшихся групп, в те дни были десятки.

Заключение

Сражение за Сталинград вызвало отклик во всем мире, заставило даже многих наших недоброжелателей задуматься.

«Правда», 5 октября 1942 года: «С затаенным дыханием следит мир за гигантской битвой, развернувшейся на берегах Волги. Каждое сообщение мгновенно облетает весь мир. Газеты всех стран на первых страницах печатают телеграммы о положении в районе Сталинграда, о ходе небывалого в истории сражения. Мировая печать единодушно отмечает беспримерный героизм защитников города. Турецкая газета «Икдам», высмеивая болтовню о непобедимости германской армии, пишет: «Один только Севастополь боролся больше, чем французская армия, один только Сталинград оказывает более упорное и сильное сопротивление, чем вся Европа».

Фашистская газета «Берлинер берзендейтунг» от 14 октября 1942 года так характеризовала бои в Сталинграде: «У тех, кто переживет сражение, перенапрягая все свои чувства, этот ад останется навсегда в памяти, как если бы он был выжжен каленым железом. Следы этой борьбы никогда не изгладятся... Наше наступление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху».

В мае 1944 года президент США Рузвельт прислал грамоту Сталинграду, в которой писал: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии» *.

* Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970, стр. 225.

Можно привести еще много документов, которые иногда и вопреки желанию их авторов давали и дают объективную оценку Сталинградской битвы. Все эти документы сходятся на одном: Сталинградская битва была решающим сражением, она положила начало коренному перелому в ходе второй мировой войны. Некоторые зарубежные историки и журналисты и после войны, сохраняя объективность, признавали за Сталинградской битвой ее первостепенное значение для мировой истории XX столетия.

Роберт Шервуд в своем двухтомном труде «Рузвельт и Гопкинс» писал, что «завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы — которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне — Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право по характеру и численности своего населения».

Сегодняшние фальсификаторы истории в надежде, что время размыло человеческую память, стараются изобразить дело так, что Сталинградская битва была чуть ли не рядовым событием второй мировой войны, сражением, стоящим в общем ряду многих других сражений.

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, бывший командующий группой армий «Дон» и затем «Юг», мемуарам которого на Западе придается особое значение, в поисках «документальной основы» для искажения истории пишет: «Несмотря на то, что немцы потеряли в общем пять армий, все же нельзя говорить, что эта утрата уже имела решающее значение для исхода всей войны».

В этой концепции нет ничего нового, она целиком повторяет установки гитлеровской пропаганды в дни разгрома гитлеровских войск под Сталинградом. Известен случай с военным инженером гитлеровской 6-й армии Зелле. Он в качестве курьера вылетел на самолете из Сталинградского котла. Вскоре же он был заключен Гитлером в концлагерь за «пропаганду, наносящую ущерб вермахту».

Не отстают от гитлеровских генералов английские генералы, военные теоретики и историки в своих попытках принизить значение Сталинградской битвы и советское военное искусство.

Вместе с тем фальсификаторы истории всячески преувеличивают роль вооруженных сил союзников на второ-

степенных театрах военных действий. Так, генерал-лейтенант З. Вестфаль, упоминая о высадке 8 ноября 1942 года союзных войск под командованием генерала Эйзенхауэра в Марокко и Алжире, говорит, что «именно теперь и началась борьба не на жизнь, а на смерть», что «вооруженные силы именно этим начали теперь активные, прямые военные действия против Германии» *.

Тем, у кого так коротка память, следует напомнить, что немецкое наступление в Северной Африке началось 21 января 1942 года. Итало-немецкие войска под командованием Роммеля вытеснили англичан из Киренаики и достигли Эль-Аламейна в ста километрах от Александрии. Наступление велось без привлечения сколько-нибудь значительных резервов. Вся техника, все резервы были сосредоточены Гитлером на Восточном фронте. Наступление Роммеля затормозилось. Он просил неоднократно у Гитлера резервов в июле — августе. Гитлер уже ничем не мог помочь Роммелю — шла битва на Волге. Не в пустынях Северной Африки, не на Среднем и Ближнем Востоке искал Гитлер победы. Важнее театра военных действий, чем советско-германский фронт, для него не было за всю вторую мировую войну, важнее участка, чем под Сталинградом в 1942 году, для него не было на всем фронте.

Это можно было объяснить тем, что Гитлер связывал с победой на Волге далеко идущие цели. Нацистские правители и немецкое главное командование все еще рассчитывали на победоносное завершение войны против СССР. Кроме того, гитлеровское руководство считало, что после захвата Сталинграда ему удастся втянуть Турцию и Японию в войну против Советского Союза. Это могло дать Гитлеру возможность снять часть дивизий с Восточного фронта и, перебросив их в Северную Африку, развернуть и там широкие наступательные операции. И вместе с тем, несмотря на столь напряженный момент для хода всей второй мировой войны, Сталинградская битва носила характер поединка Советских Вооруженных Сил с гитлеровской военной машиной, в состав которой входили и войска гитлеровских сателлитов.

Наши союзники не торопились выполнить свое слово о создании второго фронта в Европе в 1942 году.

* Роковые решения. М., Военное издательство МО СССР, 1958, стр. 150.

Английская разведка информировала свое правительство: «Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение» *.

На совместном заседании штабов в Вашингтоне английские генералы заявили: «Сумеют ли русские удержать фронт — в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 года» **.

Выжидательная позиция наших союзников позволила гитлеровскому командованию без особого труда создать на юге нашей страны значительное превосходство в людской силе и технике.

К стенам Сталинграда подходил сильный враг, оснащенный военной техникой, накопивший богатый опыт в проведении сложнейших военных операций.

Казалось бы, все шло, как шло и до этого. На узком участке фронта были сосредоточены превосходящие силы для нацеленного удара на Сталинград. Благоприятствовала и погода для маневра танковых и моторизованных войск, стояло сухое, ясное лето — степь лежала укатанной дорогой.

...В немецком генеральном штабе начертили на карте красивые разноцветные стрелы на рассечение советских армий. Удары нацеливались, как обычно, на стыки войсковых соединений, как на самые уязвимые в оперативном отношении места, в прорывы намечались переброски крупных танковых соединений, воздушные армады обеспечивали действия наземных войск, полевые штабы уточнили в деталях стратегические расчеты.

Но советское Верховное Главнокомандование прежде всего правильно и точно раскрыло направление главного удара противника после харьковских событий весны 1942 года и своевременно сделало из этого выводы.

Исходя из реальной расстановки сил, советское Верховное Главнокомандование приняло решение на этот раз не только остановить врага, но, остановив, перемолоть в оборонительных боях его живую силу и технику. Разгадав замысел противника, наше Верховное Главнокомандование

* М. Мэтлоф и Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955, стр. 276.

** Там же.

разработало план разгрома основной группировки противника в районе Сталинграда.

Сталинградское сражение распадается на два периода; в каждом из них решались отдельные составные части общего стратегического замысла советского Верховного Главнокомандования по разгрому противника.

Оборонительный период длился с 17 июля до 18 ноября 1942 года. В этот период входили оборонительные бои на дальних и ближних подступах к Сталинграду и оборона города.

Под мощными, концентрированными ударами противника 62-я и 64-я армии медленно, оказывая ожесточенное сопротивление, отходили к Сталинграду. Ход боев сложился так, что на 62-ю армию высшим командованием была возложена задача оборонять город с запада, на 64-ю армию возлагалась задача оборонять южные подступы. Основная группировка врага нацелилась в грудь 62-й армии.

В августе — октябре 1942 года окончательно определились не только стратегические планы гитлеровского командования в излучине Дона, но и выявилось в ходе боев направление главного удара на Сталинград. 62-я и 64-я армии прижимались превосходящими силами противника к Сталинграду, в то же время ослабевало давление гитлеровцев на наши фланги, на севере и юге, ибо все их основные резервы сосредоточивались на направлении главного удара, удара на город. Наши войска получили возможность стабилизировать фронт на левом берегу Дона по линии Вешенская, Серафимович, Кременская, Трехостровская на северном фланге и по линии Бекетовка, Цаца, Малые Дербеты, озеро Сарпа на южном фланге. Дуга вполне отчетливо прогибалась в нашу сторону, немецкие фланги в то же время открылись для удара.

По своим масштабам, по введенным в действие войсковым соединениям и технике Сталинградское сражение, конечно же, не идет ни в какое сравнение ни с Каннами, ни с какими-либо другими сражениями давнего и недавнего прошлого. Но внешняя схема складывалась по классической схеме Канн.

Перед 62-й и 64-й армиями, которые вдавливались противником в Сталинград, Верховным Главнокомандованием была поставлена четкая и необычайная по своей ответственности задача: принять в пригородах и городе на себя

всю силу концентрированного удара гитлеровских войск, втянуть противника в изматывающие бои.

Будет ли остановлен враг в Сталинграде? Вот вопрос, который волновал тогда весь наш народ, весь мир. Гитлер с нетерпением ждал сообщения о падении Сталинграда.

В нашей армии у солдат, командиров и генералов зрело между тем убеждение, что на этот раз враг будет остановлен, невзирая ни на что.

«Ни шагу назад!» Эти слова обрели реальный смысл, они стали действительны для каждого солдата, для каждого офицера. Это стало внутренней убежденностью каждого защитника Сталинграда.

Огромная работа в войсках была проделана после событий под Харьковом. Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования потребовали от рядовых, от командиров, от генералов, от военачальников всех рангов неукоснительного выполнения воинского долга, укрепления дисциплины, исполнения воинской присяги. Была проделана огромная работа по улучшению партийно-политической учебы в войсках, широко вскрыта опасность, которой подвергалась страна.

Еще не раз военные историки будут возвращаться к изучению различных аспектов Сталинградской битвы, пытаясь вынести окончательное и полное суждение об этом грандиозном сражении. Мы, участники этой битвы, как-то должны помочь историкам, которым приходится работать, опираясь на документы и свидетельства очевидцев.

Мне пришлось прочитать такие строчки в книге Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»: «Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настойчивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических атак авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже»*.

Речь идет об ударах по северному флангу гитлеровской группировки армий.

Я несколько дополнил бы здесь Георгия Константиновича Жукова. Диалектика учит нас рассматривать исторические явления не изолированно, а лишь в тесной взаимосвязи с окружающей действительностью. Безусловно, про-

* Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 406.

тивоборствующей силой немецкому наступлению в районе Сталинграда было взаимодействие всех советских войск под Сталинградом, а также и на всем протяжении советско-германского фронта.

Каждое из войсковых объединений решало свои задачи и вместе с тем общую задачу — отстоять Сталинград.

Я склоняю голову перед мужеством солдат и офицеров 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий, которые вступили в бой прямо с пятидесятикилометрового марша, не ожидая полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Отборные комсомольские части, наши десантники шли на штурм укрепленных вражеских позиций, обильно поливая родную землю своей кровью в то время, как армия Паулюса втягивалась в изматывающие ее уличные бои в Сталинграде.

Твердая рука и негибкая воля маршала Жукова помогли обеспечить эти атаки на вражеские позиции в сентябрьских боях.

И, склоняя голову перед героизмом гвардейцев, я должен сказать, что в те дни и часы вся страна поднялась на защиту Сталинграда. Тыл взаимодействовал с фронтом, народ помогал всеми силами своей родной Красной Армии, посылая на защиту Отечества лучших своих сынов...

Центральный Комитет партии и Государственный Комитет Обороны приняли решительные меры, чтобы сорвать вражеский удар по Сталинграду, сорвать наступление захватчиков.

Активно в оборону города включились трудящиеся Сталинграда, и города и области. Более полутора тысяч рабочих и колхозников строили оборонительные сооружения. Тысячи коммунистов и комсомольцев пришли добровольцами в войска.

В середине июля ЦК и ГКО дали Сталинградскому обкому партии указание увеличить выпуск военной продукции. Тракторный завод немедленно увеличил выпуск танков, которые прямо из заводских ворот шли на фронт. Завод «Баррикады» увеличил выпуск орудий. Завод «Красный Октябрь» давал больше металла.

Я, как бывший командующий 62-й армией, в свою очередь со всей ответственностью заявляю, что Сталинград мог быть взят противником лишь при одном условии: если бы все до одного солдата погибли. Ни один из защитников Сталинграда не перешел бы с правого берега на ле-

вый. Мы дали клятву партии и народу: «Стоять насмерть!» От этой клятвы нас могла освободить только смерть. Это убеждение было продиктовано не только стратегической обстановкой и необходимостью удержать город. Это было веление сердца. Оно отражало тот перелом в сознании советского солдата, который произошел в нашей армии у стен Сталинграда: отступить хватит!

На защитников Сталинграда, в том числе и на 62-ю армию, выпала задача в общем плане обороны Сталинграда отстоять город от прямых ударов, принять на себя всю тяжесть этих ударов, выстоять, перемолоть живую силу противника, его технику и тем самым дать возможность Верховному Главнокомандованию подготовить резервы для контрнаступления.

Однако в современной войне одного убеждения, одной решимости не отступать мало. Нужны к этому и военное мастерство, и хладнокровие, и выдержка, и организация материального обеспечения, которым заниматься было отнюдь не легко, учитывая, что боеприпасы, технику и продовольствие надо было доставлять через Волгу под прицельным огнем вражеской артиллерии, под непрерывными бомбежками.

Штаб 62-й армии, наша разведка всех видов, всех родов войск внимательно следили за перегруппировкой немецких войск днем и ночью. Мы знали о всех маневрах противника, где он сосредоточивался и с какой целью. Зная, что немцы ночью не наступают, а только в светлое время, мы перед рассветом производили контрподготовку. Ночные удары нашей авиации, артиллерии, минометов и «катюш» накрывали изготовившиеся к наступлению войска. Противник перед наступлением нес потери и, зная, что его замыслы нам известны, шел в наступление уже морально подавленным. Гитлеровские солдаты быстро физически и морально изматывались, теряли веру в успех.

Не имея превосходства в силах, мы не могли применять мощных контратак, но мы должны были действовать активно. Было принято решение контратаковать противника мелкими группами, но при сильной огневой поддержке. Так родилась сталинградская штурмовая группа, малая по численности, гибкая в бою и управлении, грозная своей неожиданностью. Действия этой штурмовой группы не терпели шаблона, они требовали грамотных и решительных командиров, грамотных и решительных солдат.

Для штурмовых действий со многим разнообразием объектов атаки нужен был сознательный, волевой, обученный и натренированный солдат, который часто один, без команды решал бы сложные вопросы в лабиринте улиц, домов, коридоров и комнат, на ступеньках лестничной клетки. Это были воспитанники партии и комсомола, наша молодежь сороковых годов, воспитанная и обученная Коммунистической партией.

Несмотря на все трудности, становилось очевидным, что враг города не возьмет. Наступательные операции немцев успеха не имеют. Теперь уже не только очертания линии фронта на картах генерального штаба подсказывали, как строить наше контрнаступление. Решение об окружении и уничтожении немецкой армии, увязшей в Сталинграде, рождалось самими обстоятельствами. Верховное Главнокомандование начало готовить наступление советских войск с задачей на окружение немецких войск в районе Сталинграда. Защитники Сталинграда дали Советскому командованию выиграть время, чтобы сосредоточить необходимые резервы.

18 ноября закончился оборонительный период Сталинградского сражения.

19 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов начали контрнаступление.

20 ноября начали контрнаступление и войска Сталинградского фронта. Фланги советских войск пошли на сближение в районах Калач, Советский.

Днем 23 ноября 45-я танковая бригада подполковника П. К. Жидкова из 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта вышла к населенному пункту Советский и здесь соединилась с 36-й механизированной бригадой подполковника М. И. Родионова из 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. Кольцо окружения фашистских войск в междуречье Дона и Волги сомкнулось. В окружение попали 6-я полевая и часть 4-й танковой армии в составе 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью 330 тысяч человек.

Когда же события предопределили гибель армии Паулюса?

Гитлеровцы, конечно, что-то знали о сосредоточении сил Красной Армии в районе Сталинграда, но не имели ясного представления о мощи готовящегося нашего контрнаступления. Внезапным для них явилась организован-

ность этого удара, его эффективность, мастерство советского командования.

Трагедия войск армии Паулюса началась не в те дни, когда замкнулось за ними кольцо окружения, и не тогда, когда попытка Манштейна при помощи танковых клиньев Гота деблокировать окруженные части в Сталинграде окончилась провалом. Трагедия армии Паулюса под Сталинградом началась тогда, когда защитники Сталинграда отбили первый штурм города. Дуга наших войск вогнулась, и ее фланги зависли над флангами немецких войск. Генералы не выражали в тот час недовольства Гитлером, они спешили отсылать в его ставку победные реляции, вместо того чтобы призадуматься, чем же все это кончится.

Советское наступление велось в трудных природных условиях. Стояли жестокие морозы, лежал глубокий снег, метеорологические условия затрудняли действия авиации. Советское Верховное Главнокомандование не могло не считаться и с тем, что советский командный состав, советский генералитет, солдаты Красной Армии, особенно из новых пополнений, не имели опыта ведения сложных наступательных действий с вводом в прорывы крупных танковых и механизированных соединений, в снабжении подвижного фронта. Итоги первых же крупных наступательных операций показали, что советский генералитет, советские командиры и солдаты способны быстро преодолеть все трудности, связанные с ведением сложных и крупных наступательных операций. Это позволило Ставке день ото дня ставить все более усложненные задачи. Боевой практический опыт приобретался в ходе операций.

В ходе наступательных боев выявилось превосходство советского военного искусства над гитлеровским военным искусством.

Удар был нанесен в тот момент, когда свершился психологический надлом у противника, на излете наступления врага, когда он еще не успел перейти к обороне.

Были разрешены проблемы прорыва укрепленного фронта и непрерывного нарастающего развития наступательных операций на большую глубину. Огромное значение имел правильный выбор места для нанесения ударов.

Советское Верховное Главнокомандование сумело обеспечить взаимодействие фронтов и всех родов войск на огромном оперативном просторе. Важным фактором в развитии оперативного искусства стало умелое и широкое

использование крупных подвижных танковых и механизированных соединений.

В ходе контрнаступления под Сталинградом теория глубокой наступательной операции получила блестящее практическое воплощение. Советские Вооруженные Силы осуществили огромное по масштабам окружение, перехватив стратегическую инициативу противника на ходу.

Результаты Сталинградского сражения сравнить не с чем. В то время как главная ударная сила врага — более двадцати немецких дивизий — была втянута в бои в городе и на перешейке между Доном и Волгой, только три пехотные и одна танковая дивизии немцев находились восточнее реки Дон от станицы Вешенская до Верхне-Гниловского, из них только одна 22-я танковая дивизия была в резерве, все остальные дивизии были растянуты в одну линию.

Наши удары на флангах главной группировки немцев, увязнувшей в боях за Сталинград, наносились Юго-Западным фронтом из района Вешенская, Клетская в 120—200 километрах; Сталинградским фронтом — из района озер Цаца и Барманцак — в 80—100 километрах от города. Удары наносились по румынским войскам, там, где фронт обороны был менее плотным и вблизи не было крупных резервов. Парировать наши удары по времени и по расстоянию не мог ни командующий группой армий «Б» фон Вейхс, ни командующий армией Паулюс. Они не могли быстро и безнаказанно оттянуть свои главные силы из Сталинграда, будучи скованы войсками Донского и Сталинградского фронтов. Внезапность наших ударов и стремительность наступления наших войск не позволили противнику произвести своевременно маневр своими силами на угрожаемое направление.

Группа армий «Дон» под командованием Манштейна, созданная с целью деблокирования окруженных под Сталинградом войск, потерпела неудачу. Попытки Манштейна прорваться к окруженным через Котельниково на Сталинград была отбита войсками Сталинградского фронта.

В результате контрнаступления наших войск на Волге и на Дону была уничтожена 6-я полевая и разгромлены 4-я танковая немецкие, 3-я и 4-я румынские и 8-я итальянская армии со многими средствами усиления и вновь прибывшие дивизии с других, в том числе и с западноевропейских фронтов. Войска гитлеровской коалиции были от-

брошены на запад на сотни километров, в том числе и с Северного Кавказа.

После нашей победы на Волге почти все гитлеровские генералы завопили о наших победах благодаря многократному превосходству наших сил на всех участках фронта, где гитлеровские войска терпели одно поражение за другим, отступая включительно до Берлина. Этим битым гитлеровским генералам вторят многие историки и операторы западных стран.

Армии фашистского блока потеряли с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года около четверти сил, действовавших на советско-германском фронте.

* * *

«Правда» от 25 ноября 1942 года писала: «В Народном Комиссариате Обороны.

Народный Комиссариат Обороны вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством учредить специальные медали для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда...

В ходатайстве, где упомянуты армии, защищавшие Сталинград, подчеркивается особая роль 62-й армии, отразившей главные удары немцев на Сталинград...»

Обращаясь к защитникам Сталинграда, М. И. Калинин говорил: «За этот срок вы перемололи много вражеских дивизий и техники. Но не только в этом выражаются ваши достижения. Мужество бойцов и умение командиров в отражении врага сделали то, что инициатива противника в значительной мере была парализована на остальных участках фронта. В этом — историческая заслуга защитников Сталинграда».

Город на Волге выстоял и победил, а город на Шпрее в предчувствии возмездия задрожал. В начале февраля 1943 года там уже разливался скорбный, погребальный звон колоколов.

Чем закончилась великая Сталинградская битва — это известно всему миру. Она явилась поворотным сражением второй мировой войны. Всего за время Сталинградской битвы, продолжавшейся в общей сложности около шести с половиной месяцев, армии фашистского блока потеряли более четверти всех сил, действовавших в это время на

советско-германском фронте... Около полутора миллионов вражеских солдат и офицеров было убито, ранено и пленено. Только за период с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года уничтожено и взято в качестве трофеев огромное количество боевой техники и военного имущества врага. В том числе до двух тысяч танков и штурмовых орудий, свыше десяти тысяч орудий и минометов, до трех тысяч боевых и транспортных самолетов и свыше семидесяти тысяч автомашин.

Таков итог авантюристического похода гитлеровских войск в район большой излучины Дона и среднего течения Волги.

* * *

Идут годы. В глубину прошлого отодвигаются события Великой Отечественной войны. Кажется, будто время покрывает забвением людей, их деяния и подвиги во имя Отчизны. Но это кажется только на первый взгляд. Ничто не забыто, никто не забыт!

В славной героической летописи нашего государства, его Вооруженных Сил Великая Отечественная война занимает особое место. 1418 дней и ночей длилась невиданная по своим масштабам и ожесточению битва советского народа с гитлеровскими захватчиками. Война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, была самым крупным военным столкновением социализма с ударными силами империализма. В этом историческом столкновении победил социализм. Социалистическая экономика, социально-политическое и идейное единство нашего общества, советский патриотизм и братская дружба народов СССР, их сплоченность вокруг партии коммунистов, беспримерный героизм и мужество советских воинов и тружеников тыла — таковы источники этой великой победы.

Вдохновителем и организатором борьбы советского народа против фашистских захватчиков явилась наша родная Коммунистическая партия. Партия, ее ленинский Центральный Комитет, Государственный Комитет Обороны мобилизовали все силы страны на разгром врага. Лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» стал законом для каждого советского патриота.

И, склоняя голову перед героями фронта, мы всегда помним героев тыла. Фронт взаимодействовал с тылом, на-

род всеми силами помогал своей родной Красной Армии, посылал на защиту Отечества своих сынов.

Это полное, незыблемое, органическое единство всего народа и его Вооруженных Сил в большом и в малом, и в масштабе всего театра военных действий, и в масштабе отдельных фронтов, армий, дивизий, полков, батальонов, рот характерно для нашей советской действительности. Именно тесная связь между стратегией и тактикой привела к соответствию между замыслом и его воплощением, привела к великой победе.



Маршал
Советского Союза
Г. К. ЖУКОВ

Подготовка к наступлению

В октябре 1942 года стало ясно, что немецкое командование вынуждено будет перейти к стратегической обороне на всем Восточном фронте. Гитлеровские войска понесли колоссальные потери и к тому времени окончательно утратили наступательные возможности. Это означало вторичный после начального периода срыв всех планов войны против Советского Союза.

Фашистская пропаганда развернула кампанию за «более тщательную и своевременную подготовку ко второй русской зиме». От своих войск немецкое командование требовало подготовить несокрушимую активную оборону, чтобы создать в 1943 году условия для победного окончания войны.

Чем же определялась сложность положения для верховного главнокомандования немецких вооруженных сил в тот период?

С одной стороны, незавершенность стратегических целей, как и в 1941 году, чрезмерная растянутость войск

Глава из книги маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». — «Разгром фашистских войск в районе Сталинграда». М., изд-во АПН, 1969.

от Черного моря через Северный Кавказ, Сталинград, Дон и до Баренцева моря, отсутствие свободных стратегических резервов на фронте и в тылу страны, упадок морально-политического состояния в народе и в войсках. С другой стороны, все явственнее проявлялась возрастающая мощь Советского государства, успешное преодоление им экономических и военных трудностей.

К началу ноября 1942 года немцы имели на советско-германском фронте 266 дивизий, в составе которых насчитывалось около 6,2 миллиона человек, свыше 70 тысяч орудий и минометов, 6600 танков и штурмовых орудий, 3500 боевых самолетов и 194 боевых корабля.

К этому же сроку в действующих войсках Советского Союза находилось 6,1 миллиона человек, 72,5 тысячи орудий и минометов, 6014 танков и самоходных орудий, 3088 боевых самолетов. В стратегическом резерве Ставки к этому периоду накопилось 25 дивизий, 13 танковых и механизированных корпусов, 7 отдельных стрелковых и танковых бригад.

Таким образом, к завершению первого периода войны соотношение сил начало изменяться в пользу Советского Союза.

Наше превосходство над немцами ощущалось и в том, что Советские Вооруженные Силы научились сохранять в глубокой тайне свои намерения, производить в широких масштабах дезинформацию и вводить противника в заблуждение. Скрытые перегруппировки и сосредоточения позволяли осуществлять внезапные удары по врагу.

После тяжелейших для нас сражений на юге страны, в районе Сталинграда и на Северном Кавказе гитлеровское военное руководство считало, что советские войска не в состоянии в этих районах провести крупное наступление.

В оперативном приказе № 1 главного командования немецко-фашистских сухопутных войск от 14 октября 1942 года говорилось:

«Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму».

Но это было далеко не так.

Активные действия наших войск летом и осенью 1942 года на западном направлении против немецкой группы армий «Центр», по расчетам Ставки, должны были де-

зориентировать противника, создать впечатление, что именно здесь, а не где-либо в другом месте мы готовим зимнюю операцию. Поэтому в октябре гитлеровское командование начало большое сосредоточение своих войск против наших западных фронтов. В район Великих Лук из-под Ленинграда были переброшены танковая, моторизованная и пехотная дивизии. В район Витебска и Смоленска направлялось семь дивизий из Франции и Германии. В район Ярцева и Рославля — две танковые дивизии из-под Воронежа и Жиздры. Итого к началу ноября для усиления группы армий «Центр» было переброшено двенадцать дивизий, не считая других средств усиления.

Оперативные просчеты немцев усугубились плохой работой их разведки, которая не сумела вскрыть подготовку нами крупнейшего контрнаступления в районе Сталинграда, в котором участвовали 11 армий, ряд отдельных танковых, механизированных, кавалерийских корпусов, бригад и отдельных частей, 13,5 тысячи орудий и минометов, свыше 1000 зенитных орудий, 115 дивизионов реактивной артиллерии, около 900 танков, 1115 самолетов (без учета ПО-2).

После войны бывший начальник штаба оперативного руководства немецко-фашистскими вооруженными силами Йодль признал, что они не смогли раскрыть сосредоточение советских войск против левого фланга армии Паулюса.

«Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение».

К началу контрнаступления наших войск противник на юге страны занимал следующее оперативно-стратегическое положение.

В районе Среднего Дона, Сталинграда и южнее по Сарпинским озерам действовали основные силы группы армий «Б», а именно войска 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий и 6-й и 4-й танковой немецких армий. В среднем на дивизию приходилось до 15—20 километров.

В этой группировке насчитывалось более миллиона человек, 675 танков и штурмовых орудий, более 10 тысяч орудий и минометов. Количественное соотношение сил сторон было почти равным, за исключением небольшого нашего превосходства в танках.

Группу армий «Б» поддерживали 4-й воздушный флот и 8-й авиакорпус.

Советское Верховное Главнокомандование, разрабатывая план разгрома группы армий «Б», исходило из того, что разгром противника в районе Сталинграда поставит в тяжелое положение противника и на Северном Кавказе и заставит его поспешно отступить или драться в условиях окружения.

После смерти И. В. Сталина появилась некоторая неясность, кто же все-таки является автором плана такого значительного по своим масштабам, эффекту и результатам контрнаступления? Хотя этот вопрос теперь, возможно, и не имеет особого значения, все же внесем здесь некоторые дополнения.

Имеется предположение, построенное на том, что якобы первые наброски будущей наступательной операции разрабатывались в Ставке еще в августе 1942 года, причем первоначальный вариант плана носил ограниченный характер.

Но это были не наброски будущей контрнаступательной операции, а всего лишь план контрудара с целью задержать противника на подступах к Сталинграду. О большем тогда в Ставке никто и не думал, так как на большее у нас в то время не было ни сил, ни средств.

Имели место также высказывания, что 6 октября Военный совет Сталинградского фронта направил в Ставку свои предложения по организации и проведению контрнаступления по собственной инициативе.

На это дает ответ А. М. Василевский *:

«С рассветом 6 октября мы вместе с Н. Н. Вороновым и В. Д. Ивановым... отправились на НП 51-й армии... Здесь мы заслушали доклад командарма Н. И. Труфанова. В тот же вечер на КП фронта, встретившись с командующим войсками и членом Военного совета, мы еще раз обсудили предложенный Ставкой план предстоящего контрнаступления и, так как никаких принципиальных возражений у командования фронта план не вызывал, подготовили в ночь на 7 октября на имя Верховного Главнокомандующего соответствующее донесение.

7 октября я от имени Ставки дал указание командую-

* «Военно-исторический журнал», 1965, № 10, стр. 20.

щему Донским фронтом о подготовке аналогичных соображений за свой фронт».

Думаю, что-либо добавлять к тому, что сказал Александр Михайлович, не требуется. Данные, изложенные им, убеждают, что главная роль в планировании контрнаступления принадлежит Ставке и Генеральному штабу.

В исторических разработках также упоминается о том, что несколько позже командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин тоже направил план контрнаступления. Возникают вопросы: когда позже, какой план, план фронта или общий план контрнаступления?

Как известно, Юго-Западный фронт был образован только в конце октября, в период, когда средства и силы фронта уже заканчивали свое сосредоточение согласно плану контрнаступления и общий план Ставки уже был сверстан.

О чем здесь необходимо сказать, так это о том, что каждый командующий фронтом, согласно существующей практике и порядку, разрабатывая план действий вверенного ему фронта, докладывал его на утверждение Ставки в Москве или ее представителям на месте и при этом, естественно, излагал свои соображения о взаимодействии с соседями и просьбы к Ставке.

Чтобы разработать такую крупнейшую стратегическую операцию, как план наступления трех фронтов в районе Сталинграда, нужно было основываться не только на оперативных выводах, но и на определенных материально-технических расчетах.

Кто же мог производить конкретные расчеты сил и средств для операции такого масштаба? Конечно, только тот орган, который держал в руках эти материальные силы и средства. В данном случае это могли быть только Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб. Следует напомнить, что Генштаб на протяжении всей войны являлся рабочим и творческим аппаратом Верховного Главнокомандования и без его инициативного организаторского участия не проводилась ни одна операция оперативно-стратегического масштаба.

Вполне естественно, что Ставка и Генштаб в процессе боевых действий тщательно изучали разведывательные данные о противнике, поступавшие от фронтов и войск, анализировали их и делали выводы о характере действий противника и своих войск. Они изучали соображения шта-

бов, командующих фронтами, видами вооруженных сил и родами войск и, анализируя все эти данные, принимали то или иное решение.

Следовательно, план проведения операции стратегического масштаба мог возникнуть в полном объеме только в результате длительных творческих усилий всех войск, штабов, командиров.

Еще раз повторю: основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу.

Точно так же неоспоримо принадлежит приоритет в непосредственном разгроме врага тем, кто своим смелым ударом, метким огнем, мужеством, отвагой и мастерством громил не на жизнь, а на смерть противостоящего врага. Я здесь говорю о наших славных бойцах, командирах, генералах, которые, преодолев тяжелые испытания первого периода войны, были накануне контрнаступления в полной готовности взять инициативу сражений в свои руки и учинить врагу катастрофический разгром.

Заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершение. Следовательно, не о персональных претендентах на «авторство» идеи контрнаступления должна идти речь.

Не считаю целесообразным здесь излагать в деталях весь план контрнаступления и ход операций, так как об этом много и в основном правильно написано в нашей исторической литературе. Однако на некоторых моментах полагаю необходимым остановиться.

Главную роль на первом этапе контрнаступления выполнял Юго-Западный фронт, командующим которого был генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Юго-Западный фронт, нанося мощные и глубокие удары, действовал с плацдармов на правом берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской. Сталинградский фронт наступал из района Сарпинских озер. Ударные группировки обоих фронтов должны были соединиться в районе Калач — хутор Советский и тем самым завершить окружение основных сил противника под Сталинградом.

Юго-Западный фронт, развернув свою главную группи-

ровку в составе 21-й, 5-й танковой армий, части сил 1-й гвардейской армии и других мощных средств прорыва с плацдармов юго-западнее Серафимовича и в районе Клетской, должен был прорвать оборону 3-й румынской армии и стремительно развивать удар подвижными соединениями на юго-восток с целью выхода на Дон на участке Большенабатовская — Калач. В результате этого удара войска фронта должны были выйти в тыл сталинградской группировке и отрезать ей все пути отхода на запад.

Обеспечение наступления ударной группировки фронта с юго-запада и запада и образование внешнего фронта окружения на этом направлении возлагались на правофланговую армию Юго-Западного фронта, на 1-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко, в последующем на основные силы 5-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Эти войска, развивая наступление на запад, юго-запад и юг, должны были на третий день операции выйти на рубеж от Вешенской до Боковской и далее по реке Чир до Обливской.

Действия наземных войск Юго-Западного фронта поддерживались авиацией 2-й и 17-й воздушных армий, которыми командовали генерал-майор авиации К. Н. Смирнов и генерал-майор авиации С. А. Красовский.

Донской фронт должен был нанести два вспомогательных удара. Один одновременно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток силами 65-й армии с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. Второй — силами 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий с целью отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от его группировки в районе Сталинграда.

66-я армия своими активными действиями севернее Сталинграда должна была прочно сковать противника и лишить его возможности маневрировать резервами. Действия наземных войск Донского фронта поддерживались 16-й воздушной армией под командованием генерал-майора авиации С. И. Руденко.

Сталинградский фронт своей ударной группировкой, в которую входили 51-я, 57-я и 64-я армии, должен был перейти в наступление на фронте от Ивановки до северной оконечности озера Барманцак. Этой группировке стави-

лась задача прорвать оборону противника и, развивая удар в северо-западном направлении, выйти в район Калач — хутор Советский, где и соединиться с войсками Юго-Западного фронта, завершив окружение врага в районе Сталинграда.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова прорывала оборону противника с плацдармов на перешейках между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак и основными силами развивала наступление на северо-запад в общем направлении на Абганерово.

57-я армия генерала Ф. И. Толбухина и 64-я армия генерала М. С. Шумилова переходили в наступление из района Ивановки в западном и северо-западном направлении с целью охвата вражеской группировки с юга.

62-я армия генерала В. И. Чуйкова должна была активной обороной сковать войска противника, действовавшие непосредственно в городе, и быть в готовности к переходу в наступление.

Для обеспечения наступления войск ударной группировки Сталинградского фронта с юго-запада и создания внешнего фронта окружения на этом направлении использовалась 51-я армия (в том числе и 4-й кавалерийский корпус генерала Т. Т. Шапкина), которая должна была наступать на юго-запад в общем направлении на Абганерово, Котельниково. Войска Сталинградского фронта поддерживались 8-й воздушной армией под командованием генерал-майора авиации Т. Т. Хрюкина.

При подготовке контрнаступления предстояло провести колоссальные перевозки войск и материально-технических средств для всех фронтов, особенно для вновь создаваемого Юго-Западного фронта. Надо отдать должное Генеральному штабу и штабу тыла Красной Армии. Они блестяще справились с сосредоточением сил и средств для операции.

На перевозке войск и грузов работало 27 тысяч машин. Железные дороги ежедневно подавали 1300 вагонов грузов. Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге. С 1 по 19 ноября через Волгу было переправлено 160 тысяч солдат, 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тысяч автомашин, около 7 тысяч тонн боеприпасов.

Конец октября и начало ноября мне, А. М. Василевско-

му и другим представителям Ставки пришлось основательно поработать в войсках, чтобы помочь командованию, штабам и войскам полностью освоить план контрнаступления и способы его выполнения. Итоговые совещания в штабах фронтов, армий и войск показали, что эта сложная и трудоемкая работа была проведена командно-политическим составом с чувством большой ответственности и творческой инициативы.

С 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта, а затем во всех деталях были рассмотрены и увязаны планы действий 21-й армии и 5-й танковой армии.

При проработке плана действий в штабе Юго-Западного фронта, кроме меня, присутствовали и другие представители Ставки: по вопросам артиллерии — генерал Н. Н. Воронов, авиации — генералы А. А. Новиков и А. Е. Голованов, по бронетанковым войскам — генерал Я. Н. Федоренко, которые помогли глубже отработать вопросы применения и взаимодействия важнейших родов войск.

4 ноября в штабе 21-й армии состоялось рассмотрение хода подготовки к наступлению 21-й и 65-й армий. На это совещание было приглашено командование Донского фронта и 65-й армии. А. М. Василевский в эти дни работал в войсках Сталинградского фронта, проверяя ход подготовки 51-й, 57-й и 64-й армий. Мы с ним условились, что я прибуду туда же.

Работая в войсках, мы детально изучали сведения о противнике, характере его обороны, расположении основных сил и общей системы огня, наличии и месте противотанковых средств и противотанковых опорных пунктов.

Определялся способ и план артиллерийской подготовки, ее плотность, вероятность уничтожения и подавления обороны противника, а также способ сопровождения артиллерией боевых порядков при наступлении. Увязывался план взаимодействия авиации и артиллерии и распределялись цели между ними, план и способ взаимодействия с танковыми войсками при прорыве и после ввода их в прорыв. Уточнялось взаимодействие на флангах с соседями, особенно во время ввода в прорыв подвижных войск и их действия в оперативной глубине обороны противника. Тут же давались практические указания: что нужно еще узнать о противнике, что нужно еще спланировать, какую

работу провести непосредственно на местности и с войсками.

Главное внимание всего командно-политического состава было сосредоточено на необходимости стремительно прорвать тактическую оборону вражеских войск, ошеломить их мощным ударом и быстро ввести в дело вторые эшелоны для развития тактического прорыва в оперативный.

При отработке задач в корпусах, дивизиях и частях мы добивались от командного состава глубокого изучения и осмысливания поставленных задач и способов взаимодействия со средствами усиления и соседями, особенно в глубине обороны противника.

Для всех категорий командно-политического состава эта работа была трудной и она потребовала напряжения всех сил и способностей, но все это хорошо окупилось в ходе сражений.

Большую партийно-политическую работу в войсках развернули политорганы, партийные и комсомольские организации. Эта важная деятельность умело направлялась Военным советом фронта и политическим управлением фронта, который возглавлял генерал М. В. Рудаков.

Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьяновку утром 10 ноября, где к тому времени, кроме Военного совета фронта, были: М. М. Попов, М. С. Шумилов, Ф. И. Толбухин, Н. И. Труфанов, командиры корпусов В. Т. Вольский и Т. Т. Шапкин и другие генералы фронта. Перед совещанием мы с А. М. Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями Н. И. Труфановым и Ф. И. Толбухиным, М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армий с тем, чтобы еще раз посмотреть местность, где предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта.

После рекогносцировки были рассмотрены вопросы взаимодействия фронта с Юго-Западным фронтом, увязана техника встречи передовых частей в районе Калача, взаимодействие частей после завершения окружения и другие проблемы предстоящей операции.

После этого были рассмотрены армейские планы, о которых докладывали командующие армиями и командиры корпусов.

Вечером 11 ноября я сообщил Верховному по «Бодо»: «В течение двух дней работал у Еременко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану». Проверка показала: лучше идет подготовка к «Урану» у Толбухина...

Мною приказано провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма.

Тов. Попов работает неплохо и дело свое знает.

Две стрелковые дивизии, данные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Еременко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мехбригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.

Необходимо немедленно подбросить Еременко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14.11.1942 г.

Константинов *.

№ 4657
11.11.1942 г.»

Надо сказать, что Верховный обычно уделял должное внимание авиационному обеспечению операций. Получив мое сообщение о неудовлетворительной подготовке авиационного обеспечения предстоящего контрнаступления, Верховный прислал мне нижеследующую телеграмму:

«Товарищу Константинову.

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем

* Псевдоним Г. К. Жукова. — *Ред.*

превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое — сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе — пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье — преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение.

Васильев *

12.11.42. 4 часа
№ 170686».

Завершив отработку планов войск Сталинградского фронта 12 ноября, мы с А. М. Василевским позвонили И. В. Сталину и сказали, что нам нужно лично доложить ему ряд соображений, связанных с предстоящей операцией.

13 ноября утром мы были у И. В. Сталина. Он был в хорошем расположении духа и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом в ходе подготовки контр-наступления.

Основные положения нашего доклада сводились к следующему.

Касаясь соотношения сил как в качественном, так и в количественном отношении, мы указали, что на участках наших главных ударов (Юго-Западный и Сталинградский фронты) по-прежнему обороняются в основном румынские войска. По данным пленных, общая их боеспособность невысокая. В количественном отношении на этих

* Псевдоним И. В. Сталина.— *Ред.*

направлениях мы будем иметь значительное превосходство, если к моменту перехода в наступление немецкое командование не перегруппирует сюда свои резервы, но пока никаких перегруппировок наша разведка не обнаружила. 6-я армия Паулюса и основные силы 4-й танковой армии находятся в районе Сталинграда, где они скованы войсками Сталинградского и Донского фронтов.

Наши части, как и предусмотрено планом, сосредотачиваются в назначенных районах, и, судя по всему, разведка противника их перегруппировки не обнаружила. Нами приняты меры к еще большей скрытности передвижений сил и средств.

Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Взаимодействие всех родов оружия увязано непосредственно на местности. Предусмотренная планом встреча войск ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов отработана с командующими, штабами фронтов армий и тех войск, которые будут выходить в район хутор Советский — Калач. В авиационных армиях подготовка, видимо, будет закончена не раньше 15 ноября.

Варианты создания внутреннего фронта окружения сталинградской группировки противника и внешнего фронта для обеспечения ликвидации окружаемого врага можно считать отработанными.

Подвоз боеприпасов, горючего и зимнего обмундирования несколько задерживается, но есть все основания рассчитывать, что к исходу 16—17 ноября материальные средства будут доставлены войскам.

Контрнаступательную операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского фронта — на сутки позже.

Разница в сроках объясняется тем, что перед Юго-Западным фронтом были более сложные задачи. Он находился на большем удалении от района Калач — хутор Советский, и ему предстояло форсировать Дон.

Верховный слушал нас внимательно. По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен. Сталинградская операция означала, что инициатива переходит к советским войскам. Все мы верили в успех предстоящего контрнаступления, плоды которого могли быть значительными для нашей Родины.

Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения плана контрнаступления он был полностью утвержден.

Мы с А. М. Василевским обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжелое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить части своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и в первую очередь разгромить немцев в районе ржевского выступа. Для этой операции мы предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо,— сказал И. В. Сталин.— Но кто из вас возьмется за это дело?

Мы с Александром Михайловичем предварительно согласовали свои предложения на этот счет, поэтому я сказал:

— Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку контрнаступления Калининского и Западного фронтов.

Верховный, согласившись с нашим предложением, сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте еще раз готовность войск и командования к началу операции.

14 ноября я вновь был в войсках Н. Ф. Ватутина, А. М. Василевский — у А. И. Еременко. На следующий день я получил от И. В. Сталина нижеследующую телеграмму:

«Товарищу Константинову.

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова* можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне

* День наступления Н. Ф. Ватутина и А. И. Еременко.—(Г. Ж.)

об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев

13 часов 10 минут
15.11.42 г.»

Переговорив с А. М. Василевским, мы назначили срок перехода в наступление для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, для Сталинградского фронта — 20 ноября. Верховный утвердил наше решение.

17 ноября я был вызван в Ставку для разработки операции войск Калининского и Западного фронтов.

19 ноября в 7 часов 30 минут войска Юго-Западного фронта могучим ударом прорвали оборону 3-й румынской армии одновременно на двух участках: 5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-я армия под командованием генерал-майора И. М. Чистякова с плацдарма у Клетской.

Противник не выдержал удара и начал в панике отступать или сдаваться в плен. Немецкие части, стоявшие сзади румынских войск, сильной контратакой пытались остановить продвижение наших войск, но были смяты введенными в бой 1-м и 26-м танковыми корпусами. Тактический прорыв на участке Юго-Западного фронта был завершен.

Командарм П. Л. Романенко был в своей стихии. Надо сказать, что это был отважный человек и способнейший командир. По своему характеру он как нельзя лучше подходил именно к такого рода стремительным действиям.

Против 21-й армии генерала И. М. Чистякова противник бросил свои резервы в составе 1-й румынской, 14, 22-й немецких танковых дивизий и 7-й кавалерийской дивизии, считая, что именно здесь, а не где-либо в другом месте наносится главный удар. Но затем 22-я немецкая и 1-я румынская танковые дивизии развернулись против 1-го танкового корпуса 5-й танковой армии, которым командовал генерал-майор В. В. Бутков.

26-й танковый корпус под командованием генерал-майора А. Г. Родина нанес тяжелое поражение 1-й танковой дивизии и разгромил штаб 5-го румынского армейского корпуса. Часть личного состава в панике бежала, а большая часть сдалась в плен.

С выходом наших войск на оперативные просторы основные силы 3-й румынской армии, оборонявшиеся против Юго-Западного фронта, и немецкие резервные части, брошенные на ее спасение, были полностью разгромлены и фактически перестали существовать. 26-й танковый корпус А. Г. Родина и 4-й танковый корпус А. Г. Кравченко стремительно продвигались в район Калача на соединение с 4-м мехкорпусом Сталинградского фронта.

Левее 24-й армии наступала 65-я армия Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова.

В ночь на 23 ноября передовой отряд 26-го танкового корпуса, возглавляемый подполковником Г. Н. Филипповым, смелым налетом захватил мост через реку Дон.

Немецкая охрана моста, ничего не подозревая, спокойно ждала своей смены. Но вместо смены на мост ворвались передовые части отряда Г. Н. Филиппова. Гитлеровцы приняли их за свою учебную часть, оснащенную русскими трофейными танками. Короткая схватка — и мост в наших руках. Враг несколько раз пытался сбить с моста отряд Г. Н. Филиппова, но это ему не удалось.

Удерживая мост, Г. Н. Филиппов решил захватить Калач отрядом танков подполковника Н. М. Филиппенко. До Калача оставалось два километра. Подполковник Н. М. Филиппенко, несмотря на малое количество сил в его отряде, принял решение атаковать город с ходу. Бой за Калач продолжался всю ночь. Немцы упорно сопротивлялись, но вскоре подошли передовые части главных сил корпуса, и город был взят.

В этих боях пали смертью храбрых коммунист москвич Григорий Гурьев, предельно смелые разведчики Александр Иванов, Григорий Давидьян и другие товарищи. За этот героический подвиг подполковнику Г. Н. Филиппову и подполковнику Н. М. Филиппенко было присвоено звание Героя Советского Союза, а личный состав отряда награжден орденами и медалями Советского Союза.

24 ноября 24-я и 5-я армии Юго-Западного фронта, разгромив окруженные группировки румынских войск, взяли

в плен более 30 тысяч солдат, офицеров, генералов и громаднейшее количество боевой техники.

Вот записи из дневника румынского офицера, начальника метеослужбы артиллерийской бригады 6-й дивизии, характерные для тех дней.

«19 ноября

Русские открыли ураганный огонь по левому флангу 5-й дивизии. Такого огня я еще не видел... от артиллерийской канонады сотрясалась земля и сыпались стекла... На высоте 163 показались вражеские танки и держат путь на Распопинскую. Вскоре сообщили, что танки прошли на полном ходу через позиции и ворвались в село... Наши пушки не причинили им никакого вреда... У этих тяжелых, 52-тонных танков, идущих с максимальной скоростью, очень толстая броня, и наши снаряды ее не пробивают...

20 ноября

С утра на участке 13-й дивизии «Прут» противник начал сильную артиллерийскую подготовку... 13-я дивизия была полностью разгромлена. Танки прошли в Громки, в станицу Евстратовскую и направились далеко в наш тыл в Перелазовский. Командование 5-го корпуса стояло в Перелазовском. Его предупредили о создавшемся положении. Никакой связи с высшим командованием у нас нет. 6-я дивизия каким-то чудом получила приказ: «Любой ценой держаться до последнего солдата». Сейчас мы окружены войсками противника. В мешке находятся 5, 6, 15-я и остатки 13-й дивизии.

21 ноября

С утра наше положение остается тяжелым. Мы окружены... В Головском большое замешательство... Сейчас 10 час. 05 мин. Мы не знаем, что делать. Сюда собрались офицеры 13-й и 15-й дивизий, потерявшие свои части.

Вот какое положение!

Печально, но это истина.

Мои товарищи просматривают фотографии своих близких — жен, детей. Я тоже с болью в душе вспоминаю свою мать, брата, сестер и родственников. Мы одеваемся во все, что есть у нас лучшего, и даже надеваем по две пары белья и думаем, что конец может быть очень трагичным...

Очень много разговоров и споров в связи с создавшимся положением... Все же мы не теряем надежды... мы думаем, что немецкие войска придут к нам на помощь.

Сейчас 13 час. 30 мин. Командование всеми дивизиями взял на себя генерал Мазарини — командир 5-й дивизии.., Кольцо вокруг наших частей начинает сжиматься. Сегодня большой религиозный праздник. Чем согрешили мы или наши предки? Почему мы должны терпеть такие страдания? Мы, три офицера, обсуждаем здесь наше положение и приходим к выводу, что избежать катастрофы у нас нет никаких шансов. Неприятные вести из Осиновки начинают подтверждаться. Пришла группа офицеров 5-го тяжелого артиллерийского полка, спасаемая бегством.

Поздно вечером командиры дивизий и полков снова собрались, чтобы принять окончательное решение.

Обсуждаются два варианта:

1. Прорваться.
2. Капитулировать.

После длительного обсуждения остановились на втором варианте — капитулировать.

Пришло известие: от русских идет парламентар с предложением капитулировать...»

На этом оборвана запись. Но мы и без нее знаем: вся эта группа румынских войск капитулировала.

Верховный, будучи серьезно обеспокоен действиями правого крыла войск Донского фронта, в конце дня 23 ноября послал нижеследующее указание командующему Донским фронтом К. К. Рокоссовскому:

«Товарищу Рокоссовскому.

Копия: товарищу Василевскому.

По докладу Василевского, 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с Вашего фронта, и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии Вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.

Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо.

И. Сталин

23.11.42 г.
19 часов 40 минут».

В результате успешного наступления 21-й армии под командованием генерал-майора И. М. Чистякова и принятых командованием Донского фронта мер положение с 65-й армией выправилось. Она начала более энергичное продвижение вперед.

24-я армия Донского фронта начала наступление тремя днями позже, нанося удар вдоль левого берега Дона. Ввиду общей ее слабости особого успеха армия не имела.

51, 57, 64-я армии Сталинградского фронта начали действия 20 ноября — на сутки позже, чем войска Юго-Западного и Донского фронтов.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова начала наступление в общем направлении на Плодовитое и далее на Абганерово.

57-я армия, которой командовал генерал-майор Ф. И. Толбухин, наступала в общем направлении на Калач.

64-я армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова из района Ивановки своей левофланговой группировкой нанесла удар в общем направлении на Гавриловку, Варваровку, содействуя правофланговой группировке 57-й армии.

После успешного прорыва обороны и разгрома 1, 2, 18-й и 20-й румынских дивизий и 29-й немецкой моторизованной дивизии, на участке 51-й армии был введен в прорыв на Плодовитое 4-й механизированный корпус генерала В. Т. Вольского, а в полосе действий 57-й армии — 13-й танковый корпус под командованием генерал-майора Т. И. Танасишина. Тогда же начал действовать 4-й кавалерийский корпус генерала Т. Т. Шапкина, который в тот же день захватил станцию Абганерово.

Противник, пытаясь преградить путь 57-й армии на Калач, бросил туда из-под Сталинграда 16-ю и 24-ю танковые дивизии. Но их действия были запоздалыми, к тому же они не имели той силы, которая могла бы выдержать мощные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, вышедших своими танковыми частями в 16 часов 23 ноября в район хутора Советского, где 45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса под командованием подполковника П. К. Жидкова первой встретилась с 36-й ме-

ханизированной бригадой подполковника М. И. Родионова из 4-го механизированного корпуса.

Переправившись через Дон, 4-й танковый корпус Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Г. Кравченко и 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта В. Т. Вольского встретились в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения сталинградской группировки противника в междуречье Дона и Волги.

После этого 64, 57, 21, 65, 24, 66-я армии получили возможность развивать наступление в общем направлении на Сталинград, сжимая клещами внутреннее кольцо окружения противника.

1-я гвардейская армия, 5-я танковая армия Юго-Западного фронта и 51-я армия Сталинградского фронта, усиленные танковыми соединениями, преследуя отходящего противника, получили задачу отбросить на запад разбитые части противника подальше от окруженной сталинградской группировки и создать прочный внешний фронт, необходимый для успешной ликвидации окруженного врага.

На этом первый этап контрнаступления закончился.

К первым числам декабря кольцо окружения противника было сжато крепко, и войска приступили к следующему этапу, задачей которого являлась ликвидация окруженной группировки.

Все это время я хорошо был информирован А. М. Василевским и Генеральным штабом о ходе контрнаступления. После окружения 6-й армии и соединений 4-й танковой армии немецких войск наступал самый ответственный момент — не дать вражеским войскам вырваться из окружения.

28 ноября я находился в штабе Калининского фронта, где обсуждал с командованием предстоящую наступательную операцию.

Поздно вечером мне позвонил Верховный и спросил, знаком ли я с последними данными об обстановке в районе Сталинграда. Я ответил утвердительно. Тогда Верховный Главнокомандующий приказал подумать и дать ему соображения по ликвидации немецких войск, окруженных под Сталинградом.

Утром 29 ноября мною была послана Верховному телеграмма:

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из

района Нижне-Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удерживать в своих руках позиции в районе Сталинград — Вертячий — Мариновка — Карповка — совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская — Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку с тем, чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка — Ляпичев — Верхне-Чирская фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, — по линии Цебенко — Зеты — Гниловская — Шеба-лин.

Чтобы не допустить соединения ниже-чирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

как можно быстрее отбросить ниже-чирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская — Тормосин — Котельниково. В районе Нижне-Чирская — Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего... нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно... в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда.

Жуков

№ 02.

29.11.42 г.»

После доклада Верховному я разговаривал по ВЧ с Александром Михайловичем, который был согласен с мои-

ми соображениями. Одновременно мы обменялись мнениями и относительно предстоящих действий войск Юго-Западного фронта. Александр Михайлович согласился временно отказаться от операции «Большой Сатурн» и направить удар Юго-Западного фронта во фланг тормосинской группировки противника. Генеральный штаб был того же мнения.

Юго-Западный фронт получил задачу под условным названием «Малый Сатурн»: нанести удар силами 1-й и 3-й гвардейских армий и 5-й танковой армией в общем направлении на Морозовск с тем, чтобы разгромить в том районе группировку противника. Удар Юго-Западного фронта был поддержан 6-й армией Воронежского фронта, которая наступала в общем направлении на Кантемировку.

Гитлеровское командование испытывало острую нужду в резервах, чтобы с их помощью выправить катастрофическое положение своих войск на сталинградском и кавказском направлениях.

Чтобы не допустить переброску войск из группы армий «Центр», как я говорил, Ставка приняла решение одновременно с ходом контрнаступления в районе Сталинграда организовать наступление Западного и Калининского фронтов против немецких войск, занимавших ржевский выступ. В период с 20 ноября по 8 декабря планирование и подготовка наступления были закончены.

8 декабря 1942 года фронтам была дана директива:

«Совместными усилиями Калининского и Западного фронтов к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районе Ржев — Сычевка — Оленино — Белый и прочно закрепиться на фронте Ярыгино — Сычевка — Андреевское — Ленино — Нов. Ажево — Дентялево — Свиты.

Западному фронту при проведении операции руководствоваться следующим:

а) в течение 10 — 11.XII. прорвать оборону противника на участке Бол. Кротово — Ярыгино и не позже 15.XII. овладеть Сычевкой, 20.XII. вывести в район Андреевское не менее двух стрелковых дивизий для организации замыкания, совместно с 41-й армией Калининского фронта, окруженного противника;

б) после прорыва обороны противника и выхода главной группировки на линию железной дороги подвижную

группу фронта и не менее четырех стрелковых дивизий повернуть на север для удара в тыл ржевско-чертолинской группировки противника.

30-й армии прорвать оборону на участке Кошкино, стык дорог северо-восточнее Бургово и не позже 15.XII. выйти на железную дорогу в районе Чертолино, с выходом на железную дорогу установить боевое взаимодействие с подвижной группой фронта и ударом вдоль железной дороги наступать на Ржев с задачей взять Ржев 23.XII.

Калининскому фронту при выполнении задачи руководствоваться следующим:

а) продолжать развивать удар 39-й и 22-й армиями в общем направлении на Оленино с задачей разгромить оленинскую группировку противника не позже 16.XII. Армиям выйти в район Оленино.

Частью сил 22-й армии нанести вспомогательный удар в направлении Егорье с целью помощи 41-й армии в разгроме белыйской группировки противника.

б) 41-й армии к 10.XII. разгромить прорвавшуюся группировку противника в районе Цыцыно и восстановить утраченное положение в районе Околица.

Не позже 20.XII. частью сил выйти в район Мольня — Владимирское — Ленино с задачей замкнуть с юга окруженную группировку противника совместно с частями Западного фронта.

Не позже 20.XII. овладеть городом Белый...

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин
Г. Жуков

№ 170700».

Эта операция, проводившаяся силами двух фронтов, имела важное значение для содействия нашим войскам в разгроме противника в районе ржевского выступа, и о ней следует сказать несколько слов.

Командование Калининского фронта в лице генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева со своей задачей справилось. Группа войск фронта, наступавшая южнее города Белого, успешно прорвав фронт, двинулась в направлении на Сычевку. Группа войск Западного фронта должна была, в свою очередь, прорвать оборону противника и двинуться

навстречу войскам Калининского фронта с тем, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг ржевской группировки немцев. Но случилось так, что Западный фронт оборону противника не прорвал.

Верховный потребовал от меня немедленно выехать к И. С. Коневу.

Прибыв на командный пункт Западного фронта, я пришел к выводу, что повторять операцию было бесполезно. Противник разгадал наш замысел и сумел подтянуть к району действий значительные силы с других участков.

В это время усложнилась обстановка и на Калининском фронте в районе нашего прорыва. Сильным ударом под фланги противник отсек наш механизированный корпус, которым командовал генерал-майор М. Д. Соломатин, и корпус остался в окружении.

Пришлось срочно подводить из резерва Ставки дополнительно стрелковый корпус, чтобы с его помощью вывести наши войска из окружения. Более трех суток корпус М. Д. Соломатина дрался в тяжелейших условиях.

В ночь на четвертые сутки подоспевшие сибиряки прорвали фронт противника, и нам удалось вывести корпус М. Д. Соломатина из окружения. Бойцы и офицеры корпуса были крайне измотаны, и их пришлось тут же отвести в тыл на отдых.

Хотя наши войска здесь не достигли поставленной Ставкой цели — ликвидации ржевского выступа, но своими активными действиями они не позволили немецкому командованию перебросить значительные подкрепления с этого участка в район Сталинграда.

Более того, чтобы сохранить за собой ржевско-вяземский плацдарм, гитлеровское командование вынуждено было перебросить в район Вязьма — Ржев четыре танковые и одну моторизованную дивизии.

Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара.

Опыт войны учит, что если оборона противника располагается на хорошо наблюдаемой местности, где отсутствуют естественные укрытия от артиллерийского огня, то такую оборону легко разбить артиллерийским и минометным огнем и тогда наступление наверняка удастся.

Если же оборона противника расположена на плохо наблюдаемой местности, где имеются хорошие укрытия за обратными скатами высот, в оврагах, идущих перпендикулярно фронту, такую оборону разбить огнем и прорвать трудно, особенно когда применение танков ограничено.

В данном конкретном случае не было учтено влияние местности, на которой была расположена немецкая оборона, хорошо укрытая за обратными скатами пересеченной местности.

Другой причиной неудачи был недостаток танковых, артиллерийских, минометных и авиационных средств для обеспечения прорыва обороны противника.

Все это командование фронта старалось исправить в процессе наступления, но сделать это не удалось. Положение осложнилось тем, что немецкое командование вопреки нашим расчетам значительно усилило здесь свои войска, перебросив их с других фронтов.

Вследствие всех этих факторов группа войск Калининского фронта, осуществив прорыв южнее Белого, оказалась в одиночестве.

Однако вернемся к действиям наших войск в районе Сталинграда.

В первой половине декабря операция по уничтожению окруженного противника войсками Донского и Сталинградского фронтов развивалась крайне медленно.

Войска противника, ожидая обещанную лично Гитлером поддержку, дрались упорно за каждую позицию. Наступление наших войск в связи с отвлечением значительной их части для ликвидации немецкой группировки, перешедшей в наступление из района Котельникова, не давало желаемых результатов.

Для немцев разгром в районе Сталинграда грозил разрастись в катастрофу большого стратегического масштаба.

Чтобы спасти общее положение, гитлеровское командование прежде всего считало необходимым стабилизировать фронт обороны своих войск на сталинградском направлении и под его прикрытием отвести с Кавказа группу армий «А». Для этих целей оно сформировало новую группу армий «Дон», командующим которой был назначен генерал-фельдмаршал Манштейн.

По мнению гитлеровского руководства, это был самый подходящий и наиболее способный из командующих. Для формирования этой группы армий перебрасывались вой-

ска с других участков советско-германского фронта и частично из Франции и Германии.

Для спасения окруженных в районе Сталинграда войск фельдмаршал Манштейн, как теперь стало известно, предполагал создать две ударные группы. Одну — в районе Котельникова, другую — в районе Тормосина.

Но судьба не улыбалась ни Манштейну, ни окруженным немецким войскам. Вермахт в этот момент испытывал острый недостаток резервов. Войска, которые удавалось собрать, двигались очень медленно по растянутым коммуникациям. А наши партизаны в тылу врага, зная, для какой цели спешат немецкие войска в южном направлении, делали все, чтобы задержать их продвижение. Невзирая на жесточайший террор фашистов и несмотря на все меры предосторожности с их стороны, отважные патриоты пустили под откос не один десяток эшелонов с гитлеровскими войсками.

Время шло, а сосредоточение немецких войск, на которые возлагалась надежда деблокирования и создания нового фронта обороны, срывалось. Гитлер, предчувствуя гибель своих войск под Сталинградом, торопил Манштейна начать операцию, не ожидая полного сосредоточения войск.

Манштейн начал ее 12 декабря только из района Котельникова вдоль железной дороги.

В котельниковскую группу Манштейн включил 6, 23-ю, а затем 17-ю танковые дивизии, отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми танками «тигр», четыре пехотные дивизии и ряд частей для усиления группы, а также две румынские кавалерийские дивизии. За три дня боев противнику удалось продвинуться вперед к Сталинграду на 45 километров и даже переправиться через реку Аксай-Есауловский.

В районе Верхне-Кумского разгорелось ожесточенное сражение, в котором обе стороны несли большие потери. Враг, не считаясь с жертвами, рвался вперед к Сталинграду. Но советские войска, закаленные в предшествующих боях, упорно защищали оборонительные рубежи. Только под давлением вновь подошедшей сюда 17-й танковой дивизии и из-за резко усилившейся авиационной бомбардировки части 51-й армии и кавалерийского корпуса генерала Т. Т. Шапкина отошли за реку Мышкову.

Теперь противник находился в 40 километрах от Ста-

линграда, и ему, видимо, казалось, что победа близка и реальна. Но это были преждевременные надежды. Согласно указаниям Ставки А. М. Василевский подтянул и ввел здесь в сражение усиленную 2-ю гвардейскую армию генерала Р. Я. Малиновского, хорошо оснащенную танками и артиллерией, удар которой окончательно решил участь сражения в пользу советских войск.

16 декабря начали наступление войска Юго-Западного фронта и 6-я армия Воронежского фронта, переданная в состав Юго-Западного фронта, с целью разгрома немцев в районе Среднего Дона и выхода в тыл тормосинской группировки.

1-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, 3-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко (к этому времени 1-я гвардейская армия была разделена на две армии: на 1-ю и 3-ю гвардейские), 6-я армия под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонов (переданная в состав Юго-Западного фронта и усиленная 17-м танковым корпусом П. П. Полубоярова), разгромив 8-ю итальянскую армию, стремительно развили удар в общем направлении на Морозовск.

В первом оперативном эшелоне, таранным ударом опрокидывая сопротивление врага, наступали 24-й и 25-й танковые корпуса и 1-й гвардейский механизированный корпус. Уступом справа в район Миллерово выходили 17-й и 18-й танковые корпуса.

Стремительные действия войск Юго-Западного фронта на этом направлении заставили Манштейна израсходовать силы, предназначавшиеся для удара из района Тормосина, обратив их против Юго-Западного фронта, выходящего во фланг и тыл всей группе армий «Дон».

Докладывая по «Бодо» 28 декабря Ставке о ходе наступательной операции, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватулин так характеризовал обстановку:

— Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, и запасы захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тысяч человек, не менее этого убито; таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления, за редким исключением.

Перед войсками фронта противник продолжает упорно обороняться на фронте Обливская — Верхне-Чирская.

В районе Морозовска сегодня уже захвачены пленные 11-й танковой дивизии и 8-й авиационной полевой дивизии, которые раньше были перед армией Романенко. Наибольшее сопротивление армии Лелюшенко и нашим подвижным войскам оказывают части противника, которые из района Котельникова переправились через реку Дон и выдвинулись на фронт Чернышковский — Морозовск — Скосырская — Тацинская. Эти войска противника стремятся занять рубеж, чтобы воспрепятствовать дальнейшему наступлению наших подвижных соединений и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск, а может быть, противник, при благоприятных для него условиях, попытается вообще удержать за собой весь этот выступ с тем, чтобы потом выручить через него свою окруженную группировку. Однако это ему не удастся. Все силы будут приложены к тому, чтобы отрезать этот выступ.

Авиаразведка ежедневно отмечает выгрузку войск противника в районах: Россошь, Старобельск, Ворошиловград, Чеботовка, Каменск, Лихая, Зверево. О намерениях противника судить трудно, видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северный Донец. Противник вынужден в первую очередь затыкать сделанную нашими войсками брешь шириною по прямой 350 километров. Было бы хорошо без особой паузы продолжать бить противника, однако для этого надо давать сюда подкрепление, так как те силы, которые здесь есть, заняты завершением «Малого Сатурна», а для «Большого Сатурна» нужны дополнительные силы.

У телефона находились Верховный и я.

— Первая ваша задача — не допустить разгрома Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова, — сказал И. В. Сталин. — Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую. Ваш встречный удар на Тормосин 8-го кавалерийского корпуса хорошо бы подкрепить еще какой-либо пехотной частью. Что касается 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и одной стрелковой дивизии, направляемых через Суворовский на Тормосин, это очень кстати.

Для того чтобы превратить «Малый Сатурн» в «Большой Сатурн», мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса и три-четыре стрелковые дивизии... У нас имеется

сомнение насчет 18-го танкового корпуса, который вы хотите направить в Скосырскую, лучше оставить его в районе Миллерово — Верхне-Тарасовское вместе с 17-м танковым корпусом. Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнейшее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова.

— Где сейчас 18-й танковый корпус? — спросил я Н. Ф. Ватутина.

— 18-й танковый находится непосредственно восточнее Миллерова... Он не будет изолирован.

— Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало!

— Приму абсолютно все возможные меры и Баданова выручим, — заверил Н. Ф. Ватутин.

Вот что мне рассказали потом о героических подвигах танкистов.

Войдя в прорыв северо-западнее Богучара 17 декабря в 18 часов 30 минут, корпус прошел с боями около 300 километров, уничтожив по пути к станции Тацинская 6700 вражеских солдат и офицеров и захватив громадное количество военного имущества. Утром 24 декабря, подойдя к станции, корпус с ходу атаковал ее с разных сторон. Гвардии капитан И. А. Фомин с группой бойцов ворвался на станцию Тацинская, перерезав железнодорожную магистраль Лихая — Сталинград. Уничтожив вражескую охрану, он захватил эшелон разобранных новых самолетов. К сожалению, капитан И. А. Фомин там же погиб смертью героя от вражеской пули.

В это же время танкисты под командованием капитана Ф. Ф. Нечаева ворвались на аэродром, где стояло более двухсот немецких транспортных самолетов, готовых к вылету. Но взлететь им не удалось, они были раздавлены нашими танками. Пять суток танковый корпус удерживал Тацинскую, ведя напряженный бой в окружении с подошедшими резервами противника. Утром 29 декабря корпус, получив приказ Н. Ф. Ватутина, прорвал окружение и благодаря мужеству и умелому руководству боем со стороны В. М. Баданова в полном порядке отошел в Ильинку, а через несколько дней уже успешно атаковал Морозовск.

Учитывая значительный вклад в общее дело разгрома вражеских войск в районе Волги, Дона, 24-й корпус был преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус и полу-

чил почетное наименование Тапинского, а комкор В. М. Баданов был первым в стране награжден орденом Суворова II степени. Многие солдаты, командиры и политработники также были награждены правительственными наградами.

Успешные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов на котельниковском и морозовском направлениях окончательно решили судьбу окруженных войск Паулюса в районе Сталинграда.

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, блестяще выполнив поставленные задачи и учинив стремительный разгром врага, сорвали план Манштейна по деблокированию войск Паулюса. К началу января войска Н. Ф. Ватутина вышли на линию Новая Калитва — Кризское — Чертково — Волошино — Миллерово — Морозовск, создав прямую угрозу всей кавказской группировке немцев.

Разбитая котельниковская группа немецких войск к концу декабря отошла на линию Цимлянская — Жуковская — Дубовское — Зимовники. Понесшая серьезные потери тормосинская группа отошла на линию Чернышевская — Лозной — Цимлянская.

Таким образом, попытка командующего группой армий «Дон» генерал-фельдмаршала Манштейна прорвать наш внешний фронт и вывести из окружения войска Паулюса провалилась окончательно.

Это уже понимали и командование и солдаты окруженных войск. Отчаяние и стремление как-то спастись от неминуемой гибели приняли массовый характер. Когда же их надежды на спасение рухнули, то наступило горькое разочарование...

Гитлеровское военно-политическое руководство после полного провала попыток деблокады видело главную задачу уже не в том, чтобы спасти окруженные и обреченные на гибель свои войска, а в том, чтобы заставить их дольше драться в окружении, сковать советские войска. Им необходимо было выиграть максимум времени для отвода своих войск с Кавказа и переброски сил с других фронтов для создания нового фронта, способного в какой-то степени остановить наше контрнаступление.

Ставка Верховного Главнокомандования в свою очередь принимала меры к тому, чтобы быстрее покончить с окруженной группировкой и высвободить войска двух

фронтов, необходимых для быстреешего разгрома отходящих войск с Кавказа и на юге нашей страны.

Верховный всемерно торопил командующих фронтами.

В конце декабря в Государственном Комитете Оборона состоялось обсуждение дальнейших действий. Верховный предложил:

— Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствующие члены ГКО поддержали это мнение.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

— А вы что молчите? — обратился Верховный ко мне.

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — А. И. Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование К. К. Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал И. В. Сталин. И приказал мне: — Позвоните А. И. Еременко и объявите ему решение государственного Комитета Оборона.

В тот же вечер я позвонил А. И. Еременко по ВЧ и сказал:

— Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить К. К. Рокоссовскому, для чего 57, 64-ю и 62-ю армии Сталинградского фронта вам следует передать в состав Донского фронта.

— Чем это вызвано? — спросил А. И. Еременко.

Я разъяснил ему, чем вызвано такое решение.

Все это, видимо, расстроило Андрея Ивановича, и чувствовалось, что он не в состоянии спокойно продолжать разговор. Я предложил ему перезвонить мне позже. Минут через 15 вновь раздался звонок.

— Товарищ генерал армии, я все же не понимаю, почему отдается предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации противника.

На мое предложение позвонить по этому вопросу лично Верховному А. И. Еременко ответил:

— Я уже звонил, но Поскребышев сказал, что Сталин распорядился по всем этим вопросам говорить только с вами.

Мне пришлось позвонить Верховному и передать разговор с А. И. Еременко. И. В. Сталин меня, конечно, выругал и сказал, чтобы немедленно была дана директива о передаче трех армий Сталинградского фронта под командование К. К. Рокоссовского. Такая директива была дана 30 декабря 1942 года.

Штаб Сталинградского фронта должен был возглавить группу войск, действующую на котельниковском направлении, и продолжать уничтожение вражеских сил в районе Котельникова.

Вскоре Сталинградский фронт был переименован в Южный фронт и действовал на ростовском направлении.

Директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 30.XII. 1942 года в состав Донского фронта были переданы из Сталинградского фронта 62, 64-я и 57-я армии.

На 1 января 1943 года Донской фронт имел в своем составе 212 тысяч активных бойцов, около 6500 орудий и минометов, более 250 исправных танков и до 300 боевых самолетов.

В конце декабря А. М. Василевский занимался главным образом вопросами, связанными с ликвидацией немецких войск в районах Котельникова, Тормосина и Морозовска. В Донской фронт своим представителем Ставка назначила генерала Н. Н. Воронова, который вместе с Военным советом фронта представил план окончательной ликвидации окруженной группировки немецких войск.

Генеральный штаб и Ставка, рассмотрев этот план, в своей директиве указали генералу Н. Н. Воронову:

«Главный недостаток представленного Вами плана по «Кольцу» заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной Вашей задачей на первом этапе операции должно быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов — Бабуркин — Мариновка — Карповка, с тем чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка — совхоз № 1 — Бабуркин повернуть на юг, в район станции Карповская, а вспомогательный удар 57-й армии из района Кравцов —

Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару — удар 62-й армии, с тем чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный Вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает.

Операцию по первому этапу закончить в течение 5—6 дней после ее начала.

План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу.

И. Сталин
Г. Жуков

№ 170718
28.XII.1942 г.» *.

В январе 1943 года внешний фронт в районе Дона усилиями Юго-Западного и Сталинградского фронтов был отодвинут на 200—250 километров на запад. Положение немецких войск, зажатых в кольцо, резко ухудшилось. Никаких перспектив на спасение у них уже не было. Материальные запасы истощались. Войска получали голодный паек. Госпитали переполнились до предела. Смертность от ранений и болезней резко возросла. Наступала неотвратимая катастрофа.

Чтобы прекратить кровопролитие, Ставка приказала командованию Донского фронта предъявить 6-й армии ультиматум о сдаче в плен на общепринятых условиях. Несмотря на неизбежную катастрофу, гитлеровское командование отвергло наш ультиматум и приказало своим солдатам драться до последнего патрона, обещая спасение, которого не могло быть, и это понимали немецкие солдаты.

10 января 1943 года после мощной артиллерийской подготовки войска Донского фронта перешли в наступление с целью рассеять вражескую группировку и уничтожить ее по частям, но не достигли полного успеха.

* Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 31, лл. 314—315.

22 января после дополнительной подготовки войска Донского фронта вновь перешли в наступление. Враг не выдержал этого удара и стал отходить. Лучших результатов в этих сражениях достигли 57-я армия под командованием генерала Ф. И. Толбухина и 66-я армия генерала А. С. Жадова.

В своих воспоминаниях офицер-разведчик 6-й армии Паулюс так описывает отступление немецких частей под ударами советских войск:

«Мы вынуждены были начать отход по всему фронту... Однако отход превратился в бегство... Кое-где вспыхнула паника... Путь наш был устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом... Мы уже отступали без приказа». И далее: «Наперегонки со смертью, которая без труда догоняла нас, пачками вырывая из рядов свои жертвы, армия стягивалась на узком пятачке преисподней» *.

31 января была окончательно разгромлена южная группа немецких войск. Ее остатки во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, а 2 февраля сдались и остатки северной группы. На этом была полностью завершена величайшая битва на Волге, где катастрофически закончила свое существование крупнейшая группировка немецких войск и сателлитов фашистской Германии.

Битва в районе Сталинграда была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой за Москву. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было уничтожено 32 дивизии и 3 бригады, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава.

Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии.

Какие же обстоятельства привели немецкие войска к их катастрофическому разгрому и способствовали нашей исторической победе?

* И. В и д е р. Катастрофа на Волге. М., 1963, стр. 95, 102.

Срыв всех гитлеровских стратегических планов 1942 года является следствием недооценки сил и возможностей Советского государства, могущественных потенциальных и духовных сил народа и переоценки со стороны гитлеровцев своих сил и способностей войск.

Важнейшими предпосылками разгрома немецких войск в операциях «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» явились умелая организация оперативно-тактической внезапности, правильный выбор направления главных ударов, точное определение слабых мест в обороне врага. Огромную роль сыграл правильный расчет необходимых сил и средств для быстрого прорыва тактической обороны, активное развитие оперативного прорыва с целью завершения окружения главной группировки вражеских войск.

В стремительности действий по завершению окружения врага и его разгрома огромное значение имели танковые, механизированные войска и авиация.

Вся практическая подготовка контрнаступления проводилась командованием и штабами с исключительной тщательностью и глубокой продуманностью, а в процессе самого контрнаступления управление войсками во всех звеньях отличалось целеустремленностью, твердостью и предусмотрительностью.

Значительную роль в успешном осуществлении разгрома вражеских войск сыграла партийно-политическая работа Военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций и командования, воспитавших у воинов уверенность в своих силах, смелость, мужество и массовый героизм при решении боевых задач.

Победа наших войск под Сталинградом означала коренной перелом в войне в пользу Советского Союза и начало изгнания вражеских войск с нашей территории.

Это была долгожданная и радостная победа не только для войск, непосредственно осуществлявших разгром врага, но и всего советского народа, который дни и ночи упорно трудился, чтобы обеспечить армию всем необходимым. Верные сыны России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Казахстана, Средней Азии стойкостью и массовым героизмом заслужили бессмертную славу.

Среди офицерского и генеральского состава, а также среди немецкого народа стало более резко проявляться отрицательное отношение лично к Гитлеру и всему фашистскому руководству. Немецкий народ стал понимать, что

Гитлер и его окружение втянули страну в явную авантюру и что обещанные им победы погибли вместе с их войсками в катастрофе на Дону, Волге и Северном Кавказе.

«Поражение под Сталинградом,— как об этом пишет генерал-лейтенант Вестфаль,— повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

Вследствие разгрома немецких, итальянских, венгерских и румынских армий на Волге и на Дону резко упало бывшее влияние Германии на своих союзников. Начались разногласия, трения, вытекавшие из потери веры в гитлеровское руководство и желания как-то выпутаться из тех сетей войны, в которые вовлек их Гитлер.

В нейтральных странах и в странах, где все еще придерживались выжидательной тактики, разгром немцев подействовал отрезвляюще и заставил их признать величайшее могущество СССР и неизбежный разгром гитлеровской Германии.

Общеизвестно, какой радостной волной прокатилась по всему миру весть о разгроме немецких войск в районе Сталинграда и как вдохновила она народы на дальнейшую борьбу с фашистскими оккупантами.

Лично для меня оборона Сталинграда, подготовка контрнаступления и участие в решении вопросов операций на юге страны имели особо важное значение. Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволили осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки.

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда и достигнутые при этом результаты крупного масштаба я в числе других был награжден орденом Суворова I степени.

Получить первый орден Суворова I степени означало для меня не только большую честь, но и требование Родины работать еще лучше, чтобы быстрее приблизить час полного разгрома врага, час полной победы. Орденом Суворова I степени был награжден А. М. Василевский. Орденами Суворова I степени были награждены Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский. Большая группа генералов, офицеров, сержантов и солдат также была награждена правительственными наградами.

Успешный разгром немецких войск в районе Сталинграда, Дона и на Кавказе создал благоприятные условия для развертывания наступления всех фронтов на юго-западном направлении.

После разгрома вражеских войск в районе Дона и Волги была успешно проведена Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская операции. Советские войска, развивая зимнее наступление на запад, заняли Ростов, Новочеркасск, Курск, Харьков и ряд других важных районов. Общая оперативно-стратегическая обстановка для гитлеровских войск резко ухудшилась на всем советско-германском фронте.



Маршал
Советского Союза
К. К. РОКОССОВСКИЙ

Тиски сомкнулись

Несмотря на крайне сжатые сроки, отведенные на подготовку, войска Донского фронта успели совершить перегруппировку и занять исходное положение для наступления. Работники штабов, начальники родов войск и служб как фронтового, так и армейского звена трудились успешно и плодотворно.

К началу артиллерийской подготовки мы с только что назначенным членом Военного совета К. Ф. Телегиным (А. С. Желтов был переведен на Юго-Западный фронт), генералами Казаковым, Орлом и Руденко прибыли на свой выносной пункт управления на участке 65-й армии.

Накануне был получен утешительный метеорологический прогноз. Но еще задолго до рассвета стало ясно, что синоптики ошиблись. Вокруг стоял густой туман, и ничто не предвещало улучшения погоды.

А время начала артподготовки быстро приближалось. Обсудив с товарищами, какие следует внести поправки при создавшейся обстановке, отдаю соответствующие рас-

Глава из книги маршала К. К. Рокоссовского «Солдатский долг». М., Военное издательство МО СССР, 1972.

поряжения. Ровно в назначенный срок орудия и гвардейские минометы открыли огонь по противнику.

Тотчас донесся гул канонады и справа: начал наступление наш сосед — Юго-Западный фронт.

Так 19 ноября 1942 года началось историческое сражение, в результате которого были окружены отборные немецко-фашистские войска.

И если до этого момента у противника была еще возможность спасти свои части от разгрома своевременным отводом их на запад, то теперь самоуверенность немецко-фашистского генералитета обрекала эти войска на гибель. Ничто уже не могло их спасти. В действие вступил план, умело и тщательно разработанный советским командованием.

Сильно нервничал С. И. Руденко. Предусмотренные планом массированные удары авиации срывались из-за нелетной погоды. Я разрешил ему действовать парами и одиночными самолетами. Эти внезапные налеты оказывали большую поддержку нашей пехоте. От летчиков требовались высокое мастерство и мужество, чтобы водить машины в тумане, но они успешно справились с задачей, еще более упрочив свой авторитет среди бойцов и командиров фронта.

Вражеские самолеты в этот день почти не появлялись. А наша авиация по мере улучшения погоды все усиливала свои действия.

Сплошной туман скрывал от нас поле сражения. Не помогали никакие оптические приборы, а в них недостатка на нашем наблюдательном пункте не ощущалось. Молочная пелена лишь озарялась вспышками разрывов снарядов и тяжелых реактивных мин. Рокошующий гул не стихал ни на миг.

Но вот в этом могучем гуле произошли перемены. Грохот разрывов переместился в глубину. Значит, наступил момент переноса огня. До нашего слуха долетело дружно подхваченное «ура». Залязгали гусеницы танков. Началась атака. Невольно мы переглянулись. У всех находившихся на НП возникла одна мысль: удастся ли прорвать вражеские укрепления?

Напрягли слух. Артиллерийский и минометный огонь противника не усиливался. Велся он вспышками и неорганизованно. Но по всему фронту затрещали вражеские пулеметы и автоматы. Видно, еще не все подавлено нашей

артподготовкой. Из тумана донеслись разрозненные ору-
дийные выстрелы. Догадываемся: на подавление огневых
точек противника выдвигаются орудия прямой наводки.
В войсках 65-й армии этот способ широко применялся. На-
стойчиво внедрял его командующий артиллерией фронта
генерал В. И. Казаков. Не менее страстным поборником
стрельбы прямой наводкой был и командующий артилле-
рией 65-й армии С. И. Бескин.

Вскоре даже на слух стало ощущаться действие ору-
дий непосредственной поддержки пехоты: огонь противни-
ка заметно ослабел, шум боя все больше удалялся в глу-
бину.

Постепенно прояснялось. Туман рассеивался, и уже
кое-где поле боя стало просматриваться. В бинокль сле-
жу за штурмом меловых обрывистых высот в районе
Клетской. Видно, как наши бойцы карабкаются по круче
и атакуют врага. Гитлеровцы отбиваются отчаянно, но не
выдерживают. Наша пехота сбрасывает их с высот. Глав-
ная полоса вражеской обороны начала давать трещины.
Ломая ее, 65-я армия продвигается в глубину — с боль-
шим трудом на левом фланге и успешнее на правом, на
стыке с 21-й армией.

Во второй половине дня противник контратаками пы-
тался затормозить продвижение наших войск. Командую-
щий 21-й армией генерал И. М. Чистяков вводом в бой
танкового корпуса преодолел сопротивление врага и начал
развивать успех.

Хорошую инициативу проявил командарм 65 П. И. Ба-
тов. Он быстро создал импровизированную подвижную
группу. Собрав все танки, которые у него имелись, он по-
садил на них десант из пехоты и направил в обход враже-
ских опорных пунктов. Ударами во фланг и тыл против-
ника подвижная группа обеспечила быстрое продвижение
остальных частей.

В результате этих мероприятий и вводом в бой коман-
дующим Юго-Западным фронтом подвижных соединений
фронт противника на основном направлении главного уда-
ра был прорван, и сюда устремились войска, стараясь бы-
стрее достигнуть района встречи с частями Сталинград-
ского фронта, наносившими встречный удар из районов
южнее Сталинграда.

Все попытки противника помешать продвижению на-
ших войск оказались запоздалыми. Его танковые и мото-

ризованные соединения, перебрасываемые из района Сталинграда к месту образовавшегося прорыва, вводились в бой по частям и, попадая под удары наших превосходящих сил, терпели поражение.

Предусмотренное планом наступление 24-й армии с целью отрезать отход на восточный берег Дона соединений противника, атакованных 65-й и 21-й армиями, не увенчалось успехом. Гитлеровцы прочно удерживали хорошо оборудованный рубеж, отбивая все атаки частей Галанина. Сейчас мы жалели, что те силы и средства, которыми была подкреплена 24-я армия, не были переданы войскам, теперь успешно продвигавшимся вперед.

В какой-то степени, конечно, 24-я армия содействовала общей операции, сковывая и отвлекая на себя значительные силы врага. И нельзя всю вину за неудачу относить на счет командарма Галанина. Им, безусловно, были допущены некоторые ошибки. Но не в них дело. Просто у армии не доставало сил, чтобы преодолеть столь крепкую оборону противника.

23 ноября соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов, разгромив вражеские войска на заходящих флангах своих ударных группировок, встретились в районе Советский, Калач, замкнув кольцо. Главные силы Юго-Западного фронта (без 21-й армии, которая вскоре была возвращена Донскому фронту) продолжали наступать в юго-западном и западном направлениях, создавая внешний фронт окружения. Сталинградский фронт, оставив три армии для блокировки и уничтожения окруженного противника, остальными силами тоже продолжал двигаться на юго-запад, отбрасывая внешний фронт как можно дальше от котла. Ликвидация окруженных в районе Сталинграда частей 6-й и 4-й танковой немецких армий была возложена Ставкой на войска Донского и Сталинградского фронтов. Они приступили к выполнению этой задачи с ходу, не прекращая наступления.

С запада и севера кольцо сжимали наши 21, 65, 24 и 66-я армии, а с юга и востока — 57, 64 и 62-я армии Сталинградского фронта. Ставка торопила, требуя быстрой ликвидации окруженного врага. Это требование было вполне понятно, ибо с ликвидацией котла освободилось бы большое количество наших войск, так необходимых в сложившейся стратегической обстановке. Эти войска можно

было бы направить в тыл вражеской группе армий «А» и запереть ее на Северном Кавказе, т. е. повторить то, что уже было сделано под Сталинградом. Сознавая важность задачи, мы предпринимали все меры, чтобы быстрее ее выполнить. Члены Военного совета, все старшие командиры и политработники находились непосредственно в войсках. Многие даже принимали личное участие в атаках. Такой бравade нельзя было потворствовать, так как она могла привести не только к неоправданным жертвам, но и к ослаблению руководства частями и соединениями. Все должно иметь меру.

Несколько дней, прошедших в напряженных боях, показали, что одним ударом не ликвидировать окруженного противника. Одного желания здесь мало. Потребуется тщательная подготовка новой операции с детальной отработкой взаимодействия между фронтами. Еще лучшим решением была бы передача руководства операцией в одни руки.

Время шло, а результаты наступления против окруженной группировки были явно неутешительными. 21-я армия, форсировав Дон и оттеснив вражеские войска к востоку от реки, вела все более тяжелые бои. Остановилась и 65-я армия, натолкнувшись на мощный оборонительный рубеж.

Войска 24-й армии долго не могли прорвать вражескую оборону, но своим наступлением вынудили противника оттянуть сюда непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий. Это способствовало успеху 66-й армии, которая значительно продвинулась на юг, наступая на Сталинград вдоль берега Волги.

После того как части 65-й армии форсировали Дон, продвинулись и войска 24-й. Теперь обе армии, соединившись флангами, развернулись фронтом на восток, но преодолеть хорошо организованную оборону противника не смогли.

То же самое произошло с 66-й армией. Она, продвинувшись вначале успешно вперед, была остановлена противником на рубеже бывшего нашего среднего укрепленного обвода.

Как я уже вспоминал, по решению Ставки 24-я армия должна была наступать с целью окружения задонской группировки противника. Если бы этот маневр удался, получился бы так называемый слоеный пирог — окружение

В
ох
по
пр
од
на
на
во

то
ум
ме
уч
бо
ли
до
зв
ки
ру
пр
ст
ми
уг
та
ши
не

ну
и
ре
я
на
ра
Ст
бы
ки
му
ву

ма
ни
ва
от

в окружении. Кроме основного котла мы должны были бы охватить кольцом задонскую группировку противника, что потребовало бы привлечения почти всех наших войск, причем 24-й и 21-й армиям пришлось бы действовать одновременно против задонской группировки фронтом на восток и против сталинградской фронтом на запад, находясь в узком коридоре. План этот так и повис в воздухе.

В результате наступления наших войск площадь, которую занимала окруженная вражеская группировка, уменьшилась почти вдвое. К концу ноября она составляла менее полутора тысяч квадратных километров. На одних участках враг был оттеснен, на других он сам отошел на более выгодные рубежи. Гитлеровцы широко использовали систему наших укреплений, построенных еще летом, до боев за Сталинград. Сокращение фронта обороны позволило противнику значительно уплотнить боевые порядки своих частей, а обилие различных укреплений на том рубеже, куда отошли его войска, — быстро организовать прочную оборону. Враг пользовался еще и тем преимуществом, что имел возможность быстро маневрировать своими резервами внутри круга, перебрасывая их на любое угрожаемое направление. Вполне понятно, что преодолеть такого противника с ходу наши войска, сильно поредевшие за время непрерывного и длительного наступления, не смогли.

В боях с 28 по 30 ноября некоторый успех был достигнут войсками 21 и 65-й армий: они овладели Песковаткой и Вертячим. На остальных участках ни мы, ни наш сосед результатов не добились. Побывав на различных участках, я убедился, что без специальной, серьезной подготовки к наступлению на успех надеяться нельзя. При очередном разговоре по ВЧ я счел своим долгом доложить об этом Сталину. Затронул вопрос и о том, что целесообразнее было бы операцию по ликвидации окруженной группировки противника поручить одному фронту — Сталинградскому или Донскому — с подчинением ему всех войск, действующих под Сталинградом.

Сталин не дал определенного ответа. В это время внимание Ставки было обращено на внешний фронт окружения, куда и направлялись силы из ее резерва и из состава войск, сражавшихся с окруженным противником. Так, от нас были взяты три стрелковые дивизии и четыре ис-

требительно-противотанковых полка, а из Сталинградского фронта — почти все танковые и моторизованные соединения и части. Все это намного ослабляло и без того малочисленные соединения, ведущие непрерывные бои под Сталинградом. Но в создавшейся к тому времени обстановке эти меры были правильными.

К началу декабря внешний фронт окружения проходил в удалении от 40 до 100 километров от котла. Это облегчало ликвидацию противника внутри кольца. Но сил для ускорения этой операции не хватало.

По настойчивому требованию Ставки, переданному через прибывшего к нам начальника Генерального штаба А. М. Василевского, в начале декабря мы снова провели наступление. Израсходовали много снарядов из наших оскудевших к тому времени запасов. Люди рвались в бой, дрались героически. Но противник был еще очень силен, занимал выгодные и хорошо оборудованные оборонительные рубежи. Выбить его оттуда было нелегко.

Весь командный состав — от командующего фронтом до командира взвода — находился в войсках, в ходе боев изучая систему обороны противника и характер его действий. Всемерно поддерживалась и поощрялась любая полезная инициатива, способствующая боевому успеху.

Было замечено: нашу длительную артиллерийскую подготовку противник использует, чтобы подтянуть резервы к месту предполагаемого удара, а затем огнем и контратаками отразить наше наступление. Поступил целый ряд предложений, как перехитрить противника. Так возник метод последовательного захвата отдельных вражеских объектов. На это дело выделялись хорошо подготовленные части, усиленные артиллерией и танками. В целях сохранения внезапности атака проводилась накоротке, без артиллерийской подготовки как днем, так и ночью. Штурм начинался одновременно с открытием артиллерийского огня по атакуемому объекту. Как только пехота, сопровождаемая танками, врывается на переднюю линию вражеских окопов, артиллерия переносила огонь в глубину и на фланги. А в это время стрелковые подразделения блокировали огневые точки, уничтожали их и развивали успех в глубину. Применялись и другие способы. Этим я хочу подчеркнуть стремление войск любыми путями добиться успеха в выполнении задачи.

Разгромить врага мы и тогда не смогли. Но своими активными действиями наши войска и войска Сталинградского фронта нанесли ему большой урон в живой силе и технике, вынудили расходовать боеприпасы, которых у окруженных гитлеровцев оставалось все меньше. Противник был отеснен от Дона в сторону Волги на 20—30 километров, кольцо вокруг него сжалось еще туже.

И все же протяженность линии фронта по кольцу достигала 170 километров. На всем этом пространстве надо было держать плотный и прочный заслон, который не могли бы пробить пехота и танки противника. А местность представляла собой всхолмленную степь, изрезанную множеством балок с крутыми обрывистыми берегами. Противник мог использовать эти овраги в качестве надежных укрытий, где располагались штабы, склады, сосредоточивались тактические резервы.

В юго-восточной части большой низины, где протекает река Россошка, имелось много ровных площадок, удобных для посадки самолетов (снабжение осажденных осуществлялось по воздуху). По обоим берегам Россошки густо расположены населенные пункты, которые противник превратил в узлы сопротивления. Прибавьте сюда снег — он толстым слоем покрыл все оборонительные сооружения врага, и обнаружить их нам было нелегко.

Наступать по такой местности тяжело. Многочисленные холмы, балки с крутыми берегами, вытянувшиеся главным образом с запада на восток, усложняли маневр наших войск.

Зима выдалась суровой. Сильные ветры с метелями, морозы до 32 градусов необычайно затрудняли наступление.

Неоднократные мои доклады Ставке о невозможности выполнить задачу без предоставления войскам фронта необходимого времени для проведения соответствующей перегруппировки и без усиления фронта дополнительными силами и средствами в конце концов возымели свое действие, и Ставка решила направить на усиление Донского фронта 2-ю гвардейскую армию, полностью укомплектованную и вдобавок имевшую в своем составе оснащенный танками и другими средствами механизированный корпус. Это была большая сила, а для нас целое событие. Все воспрянули духом. Можно было с уверенностью сказать, что теперь вражеская группировка будет ликвидирована в ко-

роткий промежуток времени. А это повлекло бы за собой высвобождение семи армий, задействованных под Сталинградом, и освобождение крупного железнодорожного Сталинградского узла, что в огромной степени повлияло бы на увеличение размаха операции войск Юго-Западного и Воронежского фронтов на ростовском направлении.

Не дожидаясь подхода 2-й гвардейской армии, мы приступили к подготовке наступления. Представитель Ставки А. М. Василевский, находившийся у нас с задачей координации действий двух фронтов, принимал деятельное участие в разработке плана операции.

К делу был привлечен весь руководящий состав фронта и армий, генералы и офицеры, обладавшие опытом и знаниями. Член Военного совета фронта К. Ф. Телегин, начштаба М. С. Малинин, начальник оперативного управления И. И. Бойков, начальник разведуправления И. В. Виноградов, начальник политуправления С. Ф. Галаджев, мой заместитель К. П. Трубников, командующий артиллерией В. И. Казаков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Г. Н. Орел, начальник инженерных войск А. И. Прошляков, начальник связи П. Я. Максименко — все участвовали в этой большой работе.

В плане операции была заложена основная идея: ударами по центру окруженной группировки с двух сторон расчленить ее, а затем ликвидировать по частям. Войска Донского фронта наносят главный удар с запада на восток. Навстречу им движутся войска Сталинградского фронта, которые наносят удар с юго-востока на запад.

Забегая вперед, скажу, что эта идея выдерживалась на протяжении всей операции — от начала и до конца. Правда, изменялись в зависимости от обстановки и наличия сил способы решения задачи, но план расчленения окруженной группировки вначале на две части с нанесением главного удара по ее центру с запада на восток был выполнен полностью. Я это особо подчеркиваю, в связи с тем что в некоторых материалах, опубликованных уже после войны, допускалось неправильное толкование вопроса.

В соответствии с планом 2-я гвардейская армия генерала Р. Я. Малиновского должна была наносить удар в центре на сокращенном участке фронта, справа от нее — 21-я армия генерала И. М. Чистякова с главной группой

ровкой своих сил на левом фланге, а слева — 65-я армия генерала П. И. Батова с главной группировкой на правом фланге, примыкающем к войскам 2-й гвардейской армии. Таким образом, для удара на решающем направлении привлекались войска трех армий, усиленных наибольшим количеством артиллерии, танков, самоходных орудий. 16-я воздушная армия генерала С. И. Руденко должна была тоже всеми силами действовать на этом направлении.

Остальные армии Донского фронта — 24-я генерала Галанина и 66-я генерала Жадова — обязаны были активными действиями на своих участках не давать противнику оттягивать части для усиления войск, атакованных нами на главном направлении.

В порядке взаимодействия Сталинградский фронт наносил встречный удар войсками 57-й и 64-й армий. 62-я армия генерала Чуйкова, находясь в Сталинграде, активными действиями сковывала находившиеся перед ней силы врага.

Этот план, разработанный нами при деятельном участии генерал-полковника А. М. Василевского, был 9 декабря представлен в Ставку и утвержден.

Пока войска 2-й гвардейской армии подтягивались к месту назначения, командарм Малиновский с офицерами своего штаба приехал к нам в Заворыкино. Такой порядок давно установился в Красной Армии: войска еще на подходе, а командование уже выезжает к месту, где предстоит действовать, для уточнения обстановки и получения задачи. Это ускоряет подготовку операции.

Но Родион Яковлевич так и не успел войти в курс дела. На фронте произошли события, которые вынудили нас отложить наступление.

Чтобы выручить окруженные под Сталинградом войска, немецко-фашистское командование решило нанести контрудар извне на котельниковском направлении. Стало известно, что создавалась вражеская группировка и в районе Тормосина.

Утром 12 декабря на котельниковском направлении начались бои. Противник незначительно потеснил части 51-й армии генерала Н. И. Труфанова, действовавшей на внешнем фронте окружения. Командующий Сталинградским фронтом генерал А. И. Еременко, опасаясь, как бы

враг не прорвался к своим окруженным войскам, обратился в Ставку с просьбой передать ему прибывавшую под Сталинград 2-ю гвардейскую армию для использования ее против группы Манштейна.

Переговоры на эту тему А. М. Василевский вел по ВЧ в моем присутствии. Передавая мне трубку, он предупредил, что решается вопрос о передаче прямо с похода 2-й гвардейской армии в Сталинградский фронт. В трубке слышался голос Сталина. Он спросил меня, как я отношусь к такому предложению. Я ответил отрицательно. Тогда Сталин продолжил переговоры с Василевским. Представитель Ставки настойчиво доказывал необходимость передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту, так как Еременко сомневается в возможности имеющимися силами отразить наступление противника. После этого тут же по ВЧ Сталин сообщил мне, что он согласен с доводами Василевского, что мое решение разделиться сначала с окруженной группировкой, используя для этого 2-ю гвардейскую армию, смелое и заслуживает внимания, но в сложившейся обстановке оно слишком рискованное, поэтому я должен армию Малиновского, не задерживая, спешно направить под Котельниково в распоряжение Еременко.

Выслушав мое утверждение, что без армии Малиновского войска Донского фронта не смогут ликвидировать окруженного противника, Сталин согласился временно приостановить эту операцию, пообещав подкрепить войска фронта дополнительными силами и средствами. И добавил, что для оказания нам помощи в усилении артиллерией и боеприпасами придет командующего артиллерией Красной Армии генерала Н. Н. Воронова.

Таким образом, мы оказались в прежнем положении, только с еще более поредевшими соединениями.

Вскоре после этого разговора пришла директива Ставки о передаче всех войск, задействованных под Сталинградом, в состав Донского фронта. Это мероприятие было своевременным, и мы тут же приступили к установлению связи с 57, 64 и 62-й армиями. Вернее, эти связи у нас уже были. Вопрос об объединении сил обоих фронтов исподволь разрабатывался нашим штабом, и пусть немного, но кое-что мы успели сделать. Задолго до этого Василевский сказал мне, что командующий Сталинградским фронтом жалуется: штаб Рокоссовского засылает своих офице-

ров к нему в войска, пытается установить с ними какие-то контакты; Еременко этим крайне недоволен. Но наше предвидение оправдалось. Теперь нам стало куда легче связаться с отошедшими к нам армиями.

Я счел необходимым лично побывать на местах, познакомиться со своими новыми товарищами, с их войсками и занимаемыми ими участками. Начал с 57-й армии, куда мы прибыли вместе с членом Военного совета генералом К. Ф. Телегиным.

Армия располагалась по юго-западному фасу кольца окружения, занимая 25-километровый рубеж по берегу реки Червленая. Командарм Ф. И. Толбухин произвел на нас хорошее впечатление. Это генерал, знающий свое дело и способный в любой обстановке уверенно руководить войсками. Его командный пункт располагался в населенном пункте в довольно приличных условиях. Настроение в частях армии было бодрое, боевое, хотя после тяжелых боев ощущался большой недостаток в людях.

Толбухин шутя высказал сожаление, что он, руководя в свое время строительством оборонительных рубежей под Сталинградом, перестарался. Не знал, что ему же придется их преодолевать. А нужно сказать, строил он на совесть. Противник тоже многое сделал, чтобы укрепить эти позиции. И теперь Толбухину предстоит решить трудную задачу. А сил маловато...

Побывали мы в 64-й армии, которая занимала 30-километровую полосу на южном фасе окружения, фронтом на север; ее правый фланг упирался в Волгу южнее Сталинграда, а левый — в реку Червленая. Командующий армией генерал М. С. Шумилов оказался старым воином, обладавшим хорошими знаниями военного дела и богатым практическим командным опытом. Внешне производил впечатление человека флегматичного, на самом деле оказалось, что он в нужные моменты бывает весьма энергичным и решительным, а вверенные ему войска показали, что умеют крепко бить врага и в обороне и в наступлении. Сейчас они закреплялись на достигнутом рубеже, беспокоя противника активными действиями на отдельных участках. Располагались войска в окопах и землянках в открытой степи, широко используя овраги и балки. Военный совет армии поместился в хорошо оборудованном блиндаже, имевшем несколько комнат, где полы были застланы дорожками, на стенах висели ковры. А после сыт-

ного обеда, которым угостили нас, мы поняли, что имеем дело с крепкими хозяевами, умеющими создать хорошие бытовые условия. В войсках повсюду чувствовалась забота о солдате. Длительные напряженные бои и здесь сказались: ощущался некомплект в людях и технике. Но боевой дух был высоким, бойцы и командиры верили в свои силы.

Направляемся в 62-ю армию. Добираться туда пришлось комбинированным путем. Сначала нужно было переправиться на восточный берег Волги, а затем обратно, на западный, но уже в Сталинград. Волга в это время еще не совсем стала, виднелись большие участки, свободные ото льда.

Перейдя реку пешком у Дубовки, мы на ожидавших нас машинах добрались до пункта, где намечалась переправа. Отсюда был кратчайший путь через Волгу к расположению 62-й армии. Проводник провел с нашей группой короткий инструктаж. Следуя его указаниям, мы запаслись досками и веревками для преодоления пробитых минами и снарядами участков льда и отправились на тот берег. Со мной были Телегин, несколько офицеров, проводник и два сапера. Конечно, такую группу противник сразу заметил и весь путь сопровождал нас артиллерийским и минометным огнем. Сообразуясь с обстановкой, мы, где ускоряя, а где замедляя движение и обходя преграды, добрались благополучно до берега. Нас уже поджидали командарм В. И. Чуйков, член Военного совета К. А. Гуров и начальник штаба армии Н. И. Крылов.

Побеседовав накоротке и познакомившись друг с другом, отправились на командный пункт в блиндаж Военного совета. Здесь все резко отличалось от обстановки, виденной нами в 64-й армии. Мы сразу почувствовали, что находимся на боевой позиции.

Командный пункт армии размещался у самой реки, его землянки были врыты в обрывистый песчаный берег. Стены и потолок блиндажа, в который мы зашли, были облицованы досками и фанерой, и все же песок просачивался отовсюду.

Конечно, не было здесь ни ковров, ни дорожек. Обстановка в полном смысле спартанская. Не до ковров и мягкой мебели, когда КП находится от переднего края всего

в нескольких сотнях метров. От разрывов бомб, снарядов и мин содрогалась земля, и песок, сыпясь сквозь щели, попадал нам за воротник.

Армия занимала узкую полосу берега и прилегающую к реке часть города, от которого осталась груда развалин с возвышавшимися местами остовами еще не совсем обрушившихся зданий. В этих развалинах и закрепились воины 62-й армии, превратив их в неприступную крепость, и героически отражали яростные атаки врага. И несмотря на то, что противнику удалось в трех местах выйти к Волге, разобшив соединения армии, овладеть городом он не смог и к моменту нашего прибытия сам перешел к обороне. Бои, правда, еще не прекратились, но они велись с обеих сторон только за отдельные объекты с целью улучшения позиций и разведки.

Вообще бои в городе носили особый характер и требовали от бойцов и командиров большого мужества, смелости, предприимчивости и инициативы. И прежде всего крепкого чувства товарищества, вплоть до самопожертвования. Суворовский завет «Сам погибай, а товарища выручай» стал здесь законом для каждого. Лучшие качества советского солдата проявили воины этой славной армии. Только благодаря этому им удалось удержать узкую кромку земли на берегу Волги до решительного момента, который уже наступал. Настроение в войсках, несмотря на все трудности, было превосходное. Все ждали начала разгрома врага и готовились к этому.

С Василием Ивановичем Чуйковым я встретился впервые и сразу проникся к нему глубоким уважением. Еще в юношеские годы мне нравились люди честные, смелые, решительные, обладающие прямолинейным характером. Таким представился мне Чуйков. Был он грубоват, но на войне, тем более в условиях, в каких ему пришлось находиться, пожалуй, трудно быть другим. Только такой, как он, мог выстоять и удержать в руках эту кромку земли. Мужество и самоотверженность командарма были живым примером для подчиненных, и это во многом способствовало той стойкости, которую проявил весь личный состав армии, сражавшейся в городе за город.

На меня этот человек произвел сильное впечатление, и с первого же дня знакомства мы с ним сдружились.

Возвращались почти тем же путем, которым следовали в Сталинград. Оказавшись снова на правом берегу Волги,

мы по дороге на свой КП заехали в 66-ю армию к А. С. Жадову. Непрерывные наступательные действия сильно отразились на войсках. Некомплект в частях и соединениях достигал 60—70 процентов, особенно это ощущалось в пехоте. А предстояли новые тяжелые бои, и требовались срочные меры, чтобы хоть немного пополнить соединения.

Осмотрели мы рубеж, который еще недавно занимал противник, отошедший к городу. Воочию убедились, сколь сильными были эти позиции. На огромном пространстве вдоль оборонительного рубежа стояли подбитые и сожженные танки — печальный результат поспешных, с ходу, контратак, в которые бросались по частям наши войска в период выхода немцев к Волге. Нет, так наступать мы не будем! Надо подготовиться как следует.

Конец вражеской группировки

В связи с передачей 2-й гвардейской армии в Сталинградский фронт нам пришлось внести значительные поправки в план операции. Идея оставалась прежняя: расчленение вражеской группировки на две части, но уже путем нанесения не двух, а одного главного удара с запада на восток.

Окончательно план был отработан при деятельном участии Н. Н. Воронова, который прибыл к нам в Запорожьино 19 декабря.

27 декабря план был представлен в Ставку.

Донской фронт должен был уничтожить двадцать две вражеские дивизии, общая численность которых к концу декабря составляла 250 тысяч человек. В главной полосе по линии фронта окружения оборонялись пятнадцать пехотных, три моторизованные и одна танковая дивизия. В резерве противник имел две танковые и одну кавалерийскую дивизии. Кроме того, в его распоряжении было 149 отдельных частей различных родов войск, которые использовались как для пополнения пехотных дивизий, оборонявшихся в главной полосе, так и для усиления резервных соединений.

Резервы располагались так, что образовывали внутри окружения как бы второе кольцо, что способствовало увеличению глубины обороны и создавало возможность ма-

целера для контратак в любом направлении. В декабре немецко-фашистские войска провели большую работу по укреплению своих позиций. В главной полосе обороны и на промежуточных рубежах они создали сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. В западной части района противник воспользовался сооружениями бывшего нашего среднего оборонительного обвода, проходившего по левому берегу Россоски и далее на юго-восток по правому берегу Червленной. На этом рубеже противник имел возможность усовершенствовать оборону, создав сплошную линию укреплений.

В восточной части кольца, где также проходил бывший наш внутренний оборонительный обвод, противник тоже оборудовал опорные пункты и узлы сопротивления, причем сеть их распространялась в глубину до десяти километров, вплоть до самого Сталинграда.

Гитлеровцы широко применяли минирование подходов к опорным пунктам и на танкоопасных направлениях. Для обороны были приспособлены железнодорожные насыпи, вышедшие из строя танки, вагоны и паровозы.

Таким образом, окруженный противник не только имел значительные силы, но и опирался на хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, значительно развитые в глубину.

Из всего этого можно было сделать вывод: в создавшейся обстановке враг предпримет все меры к тому, чтобы окруженная группировка как можно дольше держалась под Сталинградом, отвлекая на себя побольше наших сил и тем самым способствуя закрытию огромной бреши в его фронте, образовавшейся в результате успешного наступления советских войск на сталинградском и ростовском направлениях.

Дело прошлое, но мне думается, что было бы все же более целесообразно 2-ю гвардейскую армию использовать так, как вначале намеревалась поступить Ставка, т. е. быстро разделаться с окруженной группировкой. Этот смелый вариант открывал огромные перспективы для будущих действий наших войск на южном крыле советско-германского фронта. Как говорится, игра стоила свеч.

Конечно, меня снова могут упрекнуть, что сейчас, когда все стало ясным, легко рассуждать о чем угодно, но я и тогда был сторонником использования 2-й гвардейской

армии в первую очередь для разгрома окруженной группировки, предлагая в случае приближения вражеских сил к котлу повернуть против них всю 21-ю армию. Ставка предпочла принять другой вариант, надежно гарантирующий от всяких неожиданностей.

У гитлеровцев внутри котла было несколько хорошо оборудованных аэродромов, позволявших принимать одновременно большое количество самолетов. Требовалось разрушить этот воздушный мост, по которому окруженные снабжались продовольствием и боеприпасами. Для организации блокады прибыли к нам на Донской фронт генералы авиации Новиков и Голованов. Они успешно справились с задачей.

Ставка нас предупредила, чтобы мы не рассчитывали на усиление фронта стрелковыми и танковыми соединениями. Это обстоятельство заставляло всех, кто отвечал за успех операции, а в первую очередь командующего фронтом, тщательно продумать вопрос об использовании сил, которыми мы располагали.

В результате огромной работы, которая была проведена коллективом штаба фронта, командующими родами войск и служб, и большой помощи, оказанной нам представителями Ставки Н. Н. Вороновым, А. А. Новиковым и А. Е. Головановым, была завершена подготовка к сражению.

К началу наступления фронт получил из резервов Ставки 20 тысяч человек пополнения, что для семи армий являлось каплей в море.

Мы набрали еще около 10 тысяч человек за счет сокращения обслуживающего состава тылов, разгрузки госпиталей и медсанбатов, привлекая в строй всех, кто способен был носить оружие. По настоянию Н. Н. Воронова Ставка придала нам артиллерийскую дивизию прорыва, два артиллерийских пушечных полка большой мощности, один артиллерийский дивизион большой мощности, пять истребительно-противотанковых артиллерийских полков, один зенитный артиллерийский полк, две гвардейские минометные дивизии и три гвардейских танковых полка. На большее нам рассчитывать не приходилось. Задача, поставленная нам, должна была быть решена теми средствами, которыми мы сейчас обладали. Нужно только умело их использовать в конкретно сложившейся обстановке.

Для нанесения главного удара привлекались три армии: в центре на узком фронте ставилась 65-я, максимально усиленная артиллерией и минометами всех видов, ракетными установками, танками и инженерными частями; справа примыкала к ней 21-я, слева — 24-я, обе тоже усиленные артиллерией и другими средствами, но в меньшей степени.

Вся наша авиация 16-й воздушной армии предназначалась для действий на главном направлении.

Остальные армии — 57, 64, 62 и 66-я — должны были наступать с ограниченными целями на отдельных участках, стремясь приковать к себе как можно больше войск противника, лишая его возможности маневрировать силами. Этим армиям предстояло ограничиться только своими штатными средствами.

Москва торопила начать наступление. Присутствие у нас представителей Ставки помогло добиться некоторой отсрочки, необходимой для подготовки войск. Задержка в основном объяснялась запаздыванием прибытия артиллерии, минометов и других средств усиления, а также боеприпасов. Заботы о проталкивании всего этого к фронту, прежде всего артиллерии и боеприпасов, взял на себя Н. Н. Воронов, который поддерживал постоянную связь с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым.

Весь руководящий коллектив фронта в это время работал в войсках, готовя их к наступлению. Плодотворно трудились политический аппарат, партийные и комсомольские организации. Результатом их усилий стал еще более высокий наступательный порыв войск. Бойцы и командиры с воодушевлением ждали сигнала к бою.

Как-то, находясь в 65-й армии, в дружеской беседе за чашкой чая я напомнил Павлу Ивановичу Батову наш разговор по телефону. А было это во время тяжелых декабрьских боев, когда от нас настоятельно требовали быстрейшего разгрома только что окруженного противника, а средств и сил для этого у нас не хватало. Вызвав Батова к телефону, я спросил, как развивается наступление.

- Войска продвигаются, — был ответ.
- Как продвигаются?
- Ползут.
- Далеко ли доползли?

— До второй горизонтали Казачьего кургана.

Несмотря на досаду от таких ответов, меня разбирал смех. Понимая состояние командарма, которого тяжелая обстановка вынудила так докладывать, я сказал ему: раз уж его войска вынуждены ползти и им удалось добраться только до какой-то воображаемой горизонтали, приказываю прекратить наступление, отвести войска в исходное положение и перейти к обороне, ведя силовую разведку, с тем чтобы держать противника в напряжении.

Конечно, за такое самовольство мне могло крепко влететь. И я уже привык в подобных случаях обращаться непосредственно к Сталину: обычно он все же утверждал решение командующего фронтом, если тот приводил веские доводы и умел проявить настойчивость в доказательстве своей правоты. Так было и в данном случае. Сталин, выслушав меня внимательно, вначале слегка вспылil, а затем согласился с моим предложением. Это помогло нам сберечь силы, технику и боеприпасы для решающей битвы.

Напомнив П. И. Батову пережитое, я выразил уверенность, что сейчас, когда армия усиливается таким количеством артиллерии и других средств, его войска «ползти» не будут и продвижение их будет определяться не горизонталями, а местными предметами. Конечно, Павел Иванович со мной согласился. Войскам этой армии предстояло решить трудную задачу — она первой наносила главный удар.

Большая роль в операции отводилась артиллерии, поэтому основное внимание было уделено тщательной отработке всех вопросов ее применения и взаимодействия с пехотой и танками. Этими вопросами в основном занимались командующий артиллерией фронта генерал В. И. Казаков и его аппарат. А знания и накопленный опыт у них были достаточными, поэтому у меня не было сомнений, что артиллерия будет использована правильно и сделает все возможное.

31 декабря, пользуясь некоторым затишьем (относительным, конечно), мы решили отпраздновать встречу Нового года. В нашей штаб-квартире собрались члены Военного совета фронта и товарищи из Москвы — Василевский, Новиков, Голованов, писатели Ванда Василевская, Александр Корнейчук. По просьбе Новикова летчики попутным рейсом привезли елку, которую здесь украсили чем

могли. Делалось все экспромтом, но получилось замечательно.

Новый год мы встретили в дружной товарищеской обстановке. Было высказано много добрых пожеланий, всю беседу пронизывала крепкая вера в грядущую победу над врагом.

Вспомнили мы и своих близких. Моя семья в это время уже находилась в Москве. Жена принимала деятельное участие в работе Антифашистского комитета советских женщин, а дочь поступила в школу разведчиков-связных, организованную Центральным штабом партизанского движения.

В этом дружеском разговоре как-то был затронут вопрос о том, что история помнит много случаев, когда врагу, попавшему в тяжелое положение, предъявлялся ультиматум о сдаче.

В тот вечер никто не придавал серьезного значения этой идее. Но на следующий день у меня возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли нам применить древний рыцарский обычай? Насколько мне память не изменяет, я переговорил об этом по ВЧ с генералом Антоновым, замещавшим в Москве начальника Генерального штаба. Он пообещал посоветоваться с руководством и сообщить о результатах, заметив, что не мешало бы набросать на всякий случай текст ультиматума.

О своем разговоре с Антоновым я сообщил Воронову, Новикову, Голованову, Малинину, Галаджеву и другим товарищам. У всех это вызвало большой интерес. Николай Николаевич Воронов тоже немедленно связался с Москвой. Необходимых материалов под рукой не было. Стали вспоминать события далекой истории — осады замков, крепостей и городов.

Общими усилиями текст ультиматума был составлен. Вскоре позвонили из Ставки, сообщили, что предложение очень понравилось Сталину, и затребовали срочно передать наш проект.

Подготовленный нами текст с незначительными поправками был утвержден. Нам предложили за день-два до начала наступления вручить ультиматум командующему 6-й немецкой армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю.

Этот документ широко известен. В нем говорилось, что 6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и

приданные им части усиления находятся в полном окружении наших войск еще с 23 ноября 1942 года. Все попытки немецкого командования спасти окруженных оказались безрезультатными. Спешившие к ним на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки их отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая осажденным голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, несет огромные потери. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной. А положение их тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а немецкие солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

«Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск, — говорилось далее в ультиматуме, — отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции.

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращения в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Особо оговаривался порядок ответа на наши требования.

Ультиматум заканчивался предупреждением, что, если условия не будут приняты, части Красной Армии будут вынуждены вести дело до уничтожения окруженных германских войск, и вина за это падет на немецкое командование.

Документ подписали представитель Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии генерал-полковник артиллерии Воронов и я, как командующий войсками Донского фронта.

Срок начала наступления после переговоров со Ставкой был все же перенесен, как мы просили, с 6 на 10 января. Да и к этому времени войска с большим напряжением еле-еле успевали подготовиться. Выручало нас то, что, пока части перегруппировывались, командиры, не дожидаясь их подхода, выезжали на место сосредоточений и отрабатывали там предстоящие задачи. Вообще-то до полной готовности к штурму требовалось еще несколько дней, но Ставка была неумолимой. Да и мы сами понимали, что каждый час дорог. К этому времени общее положение на южном крыле советско-германского фронта было исключительно выгодным для Красной Армии. Южный фронт и Северная группа войск Закавказского фронта перешли в наступление против северокавказской группировки врага. Юго-Западный фронт продолжал наступление в восточной части Донбасса. Должен был включиться в общее наступление и Воронежский фронт против группировки противника, оборонявшийся на Верхнем Дону.

Для развития успеха этой крупной стратегической операции Ставке требовались резервы, и чем быстрее они подошли бы, тем значительнее были бы результаты. Учитывая это, мы стремились быстрее разгромить окруженного врага.

До начала наступления были использованы средства печатной и устной пропаганды, обращенные к войскам противника в котле. Эта работа проводилась по плану, разработанному штабом и политическим управлением фронта. Большую помощь оказывала нам находившаяся у нас группа немецких товарищей — антифашистов во главе с выдающимся деятелем германского рабочего движения Вальтером Ульбрихтом. В нее входили и немецкие писатели Эрих Вайнерт и Вилли Бредель. Они призывали солдат и офицеров окруженной группировки прекратить бес-

смысленное сопротивление и сложить, пока не поздно, оружие.

Поскольку Ставка определила нам срок вручения ультиматума противнику за два дня до начала наступления, мы решили это сделать утром 8 января. Провести ответственную процедуру было поручено разведуправлению фронта, которое возглавлял хороший работник и замечательный товарищ — генерал И. В. Виноградов. К участию в ней рекомендовалось привлечь добровольцев. Желавших оказалось очень много. Виноградов выбрал парламентаром майора А. М. Смыслова, переводчиком — капитана Н. Д. Дятленко; им, как предусматривалось ритуалом, был придан горнист. Сопровождать наших посланцев, находясь на удалении и не обнаруживая себя противнику, взялся сам Виноградов.

Накануне вечером по радио было передано командующему 6-й армии Паулюсу и его штабу предупреждение о высылке парламентаров в назначенное место и время. Указывалось, что они идут без оружия и несут большой белый флаг. При подходе к назначенному месту трубач сыграет соответствующий сигнал, извещая о прибытии парламентаров.

На участке, где намечалась встреча парламентаров с противоположной стороной, нами было запрещено ведение огня на все время процедуры. Такое условие было поставлено и противнику, который к назначенному времени должен был выслать своих уполномоченных офицеров.

Конечно, с нашей стороны было установлено наблюдение на этом участке фронта и подготовлены огневые средства и войска на всякий случай.

Ночь на 8 января провели мы в несколько напряженном состоянии (сужу по себе). При встречах с товарищами за ужином и в нашей штаб-квартире вопрос о том, «что день грядущий нам готовит», дебатировался всеми. Представители Ставки не оставались в стороне и оживленно вместе с нами строили всевозможные предположения. А как всем нам хотелось, чтобы противник понял логику событий. Скольким людям это сохранило бы жизнь!

Немецко-фашистскому командованию предоставлялась возможность предотвратить катастрофу, нависшую над окруженными войсками. Здравый смысл должен был подсказать ему единственное разумное решение — принять условия капитуляции.

Ровно в назначенное время наши парламентареры вышли из блиндажа и с развернутым белым флагом направились к немецким позициям под громкие звуки трубы.

Как мы с Н. Н. Вороновым предполагали, так и получилось: с вражеской стороны никто не вышел навстречу нашим парламентарам. Более того, по ним был открыт огонь, сначала одиночный ружейный, а затем пулеметный и даже минометный.

Парламентареры вынуждены были вернуться. Бедному Виноградову пришлось проползти некоторое расстояние по-пластунски: почему-то по нему огонь велся особенно усердно.

Наша попытка проявить гуманность к попавшему в критическое положение противнику не увенчалась успехом. Грубо нарушая международные правила, гитлеровцы открыли огонь по парламентарам. Нам оставалось сейчас одно — применить силу.

О результатах было донесено в Ставку, и я в этот день выехал в 65-ю армию для уточнения на месте некоторых вопросов, относившихся к подготовке наступления. Войска заканчивали занятие исходного положения, и отработка задач в звене полк — батальон проводилась на местности.

Собрались мы в блиндаже Батова, и начальник штаба армии генерал Глебов в присутствии начальников родов войск доложил о готовности частей. Здесь же я счел нужным усилить 65-ю армию еще двумя стрелковыми дивизиями из 24-й армии и одной из 21-й, о чем тут же было дано распоряжение.

В этот же день я побывал и у командарма 21 Чистякова. В моем присутствии начальник штаба армии В. А. Пеньковский докладывал командарму о готовности войск к выполнению задачи. Меня больше всего интересовал вопрос о взаимодействии армий Батова и Чистякова в ликвидации так называемого мариновского выступа — района, где вражеские части глубоко врезались в линию фронта наших войск. Нужно было в самом начале операции срезать этот выступ, что в дальнейшем значительно облегчило бы действия обеих армий.

Когда я находился в 21-й армии, по ВЧ позвонил Малинин, сказал, что Воронов разговаривал со Ставкой, там советуют подумать, не стоит ли попытаться послать парламентаров со стороны южного фаса окружения, пример-

но с участка армии Толбухина. Я ответил, что если Ставка находит такое мероприятие полезным, то я, конечно, не возражаю, хотя у меня нет сомнений, что и эта попытка обречена на неудачу. Поручаю Малинину взять на себя организацию дела. И день и ночь мы продолжали передавать по радио условия капитуляции. Самолеты разбрасывали над территорией противника наши листовки с призывом к немецким солдатам и офицерам прекратить сопротивление. На роль парламентариев напросились те же товарищи, что и накануне.

На этот раз события развивались несколько иначе. Утром 9 января нашим парламентариям удалось благополучно добраться до позиций противника, где в условленном месте они были встречены немецкими офицерами. Отказавшись вручить им пакет, парламентарии потребовали, чтобы их проводили на командный пункт. Туда они прибыли с завязанными глазами. На КП платки с глаз были сняты, и парламентарии предстали перед группой немецких старших офицеров. В их присутствии один из офицеров доложил по телефону своему начальнику о прибытии советских парламентариев и о том, что они требуют передать пакет о капитуляции лично Паулюсу. Спустя некоторое время нашим посланцам было объявлено, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого ему известно из передач по радио. Обратный путь парламентарии проследовали без всяких приключений. На этом закончилась попытка призвать немецко-фашистское командование к благоразумию. После нашего доклада об отклонении противником ультиматума из Ставки пожелали нам успеха в решении вопроса оружием.

Начало наступления мне хотелось посмотреть с участка 65-й армии, наносившей главный удар. С Н. Н. Вороновым и В. И. Казаковым мы прибыли на наблюдательный пункт П. И. Батова, когда было еще совсем темно. К этому времени войска заняли исходное положение. Вокруг тишина, не заметно было никакой суеты. Все замерло в ожидании сигнала.

А в глубине расположения противника уже виделись яркие вспышки — авиация дальнего действия Голованова бомбила аэродромы и крупные объекты. Огненные столбы взвились ближе — авиация Руденко принялась обрабатывать вражеские артиллерийские позиции.

По нашим самолетам то на одном, то на другом участ-

ке начинали бить зенитки. Незаметного огня немецкая артиллерия не вела. Невольно создавалось впечатление, что враг притаился в ожидании.

Но вот наступило время сверки часов, а никаких изменений не последовало. В назначенное планом время — в 8 часов 5 минут взвились в воздух сигнальные ракеты, и наша артиллерия, минометы и гвардейские реактивные установки открыли огонь. Артиллерийская подготовка наступления продолжалась 55 минут. А затем артиллерия перешла на сопровождение огнем нашей пехоты, атаковавшей вместе с танками позиции противника. Атаке содействовала и авиация ударами с воздуха. В наступление одновременно перешли войска на всем фронте окрестностей.

Хотя в результате мощного удара нашей артиллерии и авиации немецкая оборона на некоторых направлениях была подавлена на всю глубину первой позиции, уцелевшие вражеские подразделения упорно сопротивлялись. Местами противник вводил в бой свои полковые и дивизионные резервы, бросая их в контратаки при поддержке танков. Мы видели, с каким трудом пехота 65-й армии преодолевает укрепления врага. И все же, сопровождаемая отдельными танками и орудиями прямой наводки, находившимися в ее боевых порядках, она продвигалась вперед. Бой принимал затяжной характер, нашим войскам приходилось буквально прогрызать вражескую оборону. Огонь противника все усиливался. Нам, наблюдавшим за боем, несколько раз пришлось менять место, спасаясь от вражеских минометов, а дважды мы попали даже под пулеметный огонь. Но, несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, к исходу дня соединения 65-й армии на всем 12-километровом участке фронта сумели вклиниться во вражескую оборону на глубину до пяти километров. Несколько меньшим был успех на левом фланге 21-й армии и на правом 24-й. На участках остальных армий продвижение было незначительным, но они своими действиями сковывали крупные силы противника, облегчая задачу соединениям, наносившим главный удар.

Хотя за первый день наступления войска не полностью выполнили задачи, успех, достигнутый на главном направлении частями 65, 21 и 24-й армий, имел большое значение. Ряд важных опорных пунктов был обойден, оборона в главной полосе противника нарушена. Надо было преодо-

леть ее окончательно, не давая врагу передышки. Поэтому мы потребовали продолжать наступление. Коррективы с учетом опыта первого дня боев вносились на ходу.

Наступление продолжалось и днем и ночью. Кратковременные передышки допускались только на отдельных участках с целью перегруппировки сил внутри армий.

Соппротивление врага не убывало, но наши части со все возрастающим упорством шли вперед.

К вечеру 12 января войска 65-й и 21-й армий, взаимодействуя на смежных флангах, завершили ликвидацию Мариновского выступа. Оборонявшие этот выступ 44-я и 376-я пехотные и 3-я моторизованная дивизии противника были разгромлены. С выходом наших войск к реке Россошка наши возможности значительно возросли. Но необходимо было провести некоторую перегруппировку сил. В новой обстановке центр направления главного удара перемещался в полосу наступления 21-й армии. В связи с этим ей передавалась большая часть средств усиления, которые в начале операции находились в распоряжении Батова. 21-я армия должна была нанести удар своим левым флангом в направлении балка Дубовая, ст. Воропоново. Взаимодействующая с ней 65-я армия своим правым флангом наносила удар в общем направлении на Питомник. 24-я армия, продолжая наступление своим правым флангом, должна была обеспечивать с севера войска 65-й армии. Остальные армии выполняли прежние задачи.

Перемещая усилия в полосу 21-й армии, мы преследовали цель как можно быстрее взломать оборону противника и развить успех в глубину на направлении главного удара. Эта перегруппировка производилась без прекращения боевых действий на участке ударной группировки.

15 января наши войска преодолели сильно укрепленный средний оборонительный обвод. К этому времени они продвинулись от десяти до двадцати двух километров в центре. Теперь перед нами был внутренний оборонительный обвод. Должен заметить, что противник создал здесь очень мощные укрепления. Я видел их. Близко друг от друга стояли сильные опорные пункты с большим количеством пулеметных дзотов, бронеколлапов и врытых в землю танков. Вся местность на подступах была опутана колючей проволокой и густо заминирована.

Мороз достигал 22 градусов, усилились метели. Нашим войскам предстояло наступать по открытой местности, в то

время как противник находился в траншеях, землянках и блиндажах.

Требовалось поистине безгранично любить свою Родину, Советскую власть и люто ненавидеть врага, чтобы преодолеть эти грозные позиции. Выполняя свой долг, советский солдат сделал это. Траншею за траншеей, дзот за дзотом брали бойцы. Каждый шаг вперед стоил крови.

Положение вражеских войск все ухудшалось. С продвижением наших войск противник терял аэродромы и посадочные площадки. Теперь его самолеты летали только ночью, сбрасывая продовольствие, боеприпасы и горючее на парашютах. Система нашей воздушной блокады действовала надежно, и только единичным самолетам удавалось долететь до места назначения. Большинство их погибало, так и не выполнив задачи.

Гитлеровцев выручало то, что у них оказалось много лошадей (в кавалерийской дивизии, обозах). Теперь конина стала основной пищей окруженных.

В кольце оказалось гитлеровцев значительно больше, чем мы предполагали. Сейчас трудно определить, кто повинен в этом просчете, так как операция по ликвидации окруженного противника вначале проводилась войсками двух фронтов — Донского и Сталинградского. Фигурировала цифра 80—85 тысяч человек. Возможно, она относилась к той части войск, которая действовала против Донского фронта. Сейчас мы вдруг узнали, что после стольких боев наш противник насчитывает около 200 тысяч человек! Эти данные подтверждались всеми видами разведки и показаниями пленных. (Кстати, должен сказать, что представитель Ставки Н. Н. Воронов тоже очень интересовался, сколько же в этом котле войск, и даже лично опрашивал пленных.)

Конечно, с каждым днем это количество уменьшалось, потому что противник нес в боях большие потери. Несмотря на безвыходное положение, он сопротивлялся отчаянно.

Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили и наши войска. К тому же мы несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Бойцы все время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Убыль личного состава увеличивалась, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере

сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки.

Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехоту мы в основном стали использовать лишь для закрепления захваченного рубежа.

Бывая часто на позициях, я наблюдал, что собой представлял тогда боевой порядок наступавших войск. Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними перекатами пошелонно двигались орудия прямой наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехоты. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнем весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы «катюш». Штурмовая авиация даже в самых сложных условиях также старалась поддерживать действия нашей малочисленной пехоты, нанося удары по очагам сопротивления группам самолетов, а в туман — и одиночными самолетами.

В этих боях наши летчики завоевали глубокое уважение наземных войск.

В процессе затяжных боев приходилось на ходу производить перегруппировки, сосредоточивая значительные силы артиллерии, танков и пехоты то на одном, то на другом участке. Огонь артиллерии применялся различными способами. В одних случаях наносился неожиданно, в других случаях вводил противника в заблуждение (ложные переносы огня и т. п.).

Упорно, шаг за шагом, наши войска преодолевали позиции врага на направлении главного удара. Другие армии своими активными действиями на узких участках сковывали силы противника.

Наконец наступил момент, когда расстояние между войсками 21-й и 65-й армий, наносившими главный удар в центре с запада, и войсками 62-й армии, медленно продвигавшимися им навстречу от берега Волги, с востока, сократилось до 3,5 километра. Сопротивление вражеских войск еще больше усилилось. Было заметно, что противник пытается всеми средствами воспрепятствовать расчленению его группировки. Но все попытки оказались

тищетными. Сознание близости момента встречи с героическими защитниками города удесят�еряло энергию солдат Донского фронта.

В предвидении этой встречи были согласованы опознавательные знаки и сигналы. Войска 62, 65 и 66-й армий получили указания о дальнейших мероприятиях по ликвидации окруженных в северной части котла, а 21, 57 и 64-й армий — в южной. 24-я армия выводилась в резерв Ставки.

Утром 26 января атаковавшие без артиллерийской подготовки 54-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии и 121-я танковая бригада 21-й армии в районе поселка Красный Октябрь и на скатах Мамаева кургана соединились с 13-й гвардейской и 284-й стрелковыми дивизиями 62-й армии, наступавшими из города. Правофланговому соединению 65-й армии — 233-й стрелковой дивизии генерал-майора И. Ф. Баринова после тяжелого боя в районе поселка Красный Октябрь тоже удалось установить связь с командирами 13-й и 39-й гвардейской дивизий 62-й армии.

Таким образом, настойчиво проводимый нами план расчленения окруженной группировки противника на две части завершился полным успехом. Сейчас предстояла уже более легкая задача — ликвидация расчлененных вражеских сил, к чему мы и приступили.

По данным штаба нашего фронта было примерно установлено, что к моменту расчленения окруженной группировки противника, т. е. к 26 января, силы его определялись в 110—120 тысяч человек. По тем же подсчетам, потери, понесенные гитлеровцами в боях с 10 по 25 января, т. е. за шестнадцать дней, составили свыше 100 тысяч человек.

Здравый смысл подсказывал, что сейчас, когда всякая надежда на спасение потеряна, силы расчленены и дальнейшее сопротивление повлечет за собой лишь уничтожение солдат, врагу следовало бы сложить оружие. Но этого не произошло.

Командующий 6-й армией, уже фельдмаршал Паулюс решил продолжать сопротивление, передав командование южной группой войск, где сам находился, генерал-майору Роске, а северной группой — генералу пехоты Штреккеру.

Итак, войскам Донского фронта, уже без 24-й армии и ряда дивизий, выводимых в резерв Ставки (что было вполне правильно), предстояло силой завершить ликвидацию сопротивлявшегося врага. В южной группе войсками на-

ших 21, 57 и 64-й армий были зажаты в плотное кольцо крепко потрепанные шесть пехотных, две моторизованные и одна кавалерийская дивизии противника. В северной группе войсками 65, 66 и 62-й армий были стиснуты три танковые, одна моторизованная и восемь пехотных дивизий противника, конечно, тоже сильно потрепанные.

Перегруппировав соответственно сложившейся обстановке силы, наши войска ударили по южной группе с юго-запада и северо-запада, нанесли врагу тяжелое поражение и 31 января заставили его сложить оружие.

Вместе с этой группой вражеских войск был пленен со своим штабом и фельдмаршал Паулюс, который в тот же день вечером был доставлен к нам в штаб фронта.

В помещении, куда был введен Паулюс, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ожидали этой встречи. Наконец открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного, в полевой форме генерала, остановившегося навытяжку перед нами. Мы пригласили его присесть к столу. На столе у нас были сигары и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам (Николай Николаевич не курил). Пригласили выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение подчиненным ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение. На этом закончилась наша первая встреча. Фельдмаршала увели в отведенное для него помещение, где были созданы приличные условия.

Северная группа не сложила оружия. Готовим по ней новый удар. Сразу после разговора с Паулюсом я отпра-

вился на командный пункт командарма Батова, прихватив с собой Казакова и Орла. К рассвету мы были вместе с Батовым на его наблюдательном пункте, который располагался на железнодорожной насыпи. Отсюда прекрасно просматривалась впередилежащая местность.

Из докладов командующих армиями Чуйкова и Жадова явствовало, что их войска к действиям готовы и что противник не намерен сложить оружие. Что ж, придется заставить его силой. А пока над полем боя воцарилась полная тишина. Не слышно было даже одиночных выстрелов.

Наступал рассвет, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайшие, расположенные позади нас артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные шеренги реактивных минометов — «катюш». Мне, старому коннику, они напомнили построенные для атаки развернутым фронтом кавалерийские эскадроны. Об этом я сказал Батову и другим товарищам. Они согласились: действительно похоже.

Для нанесения удара были привлечены многие артиллерийские части, в том числе принимавшие до этого участие в разгроме южной группировки, и авиация 16-й воздушной армии. Все делалось так, чтобы в предстоящем бою наши войска понесли как можно меньше потерь.

Утром 1 февраля огненная буря обрушилась на позиции врага. Нам с наблюдательного пункта было видно, как весь передний край его обороны потонул в разрывах снарядов и мин. По артиллерийским позициям в глубине обороны бомбовые удары наносила авиация. Канонада грохотала долго. Наконец она стихла. И тотчас во многих местах над еще дымившейся черной землей затрепетали белые флаги. Появлялись они стихийно, помимо воли немецкого командования, и потому получалось, что на одном участке немцы сдавались, бросая оружие, а на другом еще продолжали драться. В отдельных местах бой шел еще сутки. Только утром 2 февраля остатки окруженной северной группы стали сдаваться в массовом порядке, и опять это происходило помимо воли фашистского командования.

Окруженная группировка противника прекратила свое существование. Великая битва на Волге закончилась.

Как я уже говорил, в кольце под Сталинградом оказалось двадцать две дивизии и множество различных частей усиления и обслуживания 6-й немецкой армии. Фашистское командование обречло на гибель сотни тысяч своих

солдат. Несколько месяцев оно заставляло их сражаться без всякой надежды на спасение. По существу, эти люди по воле гитлеровской клики были обречены на полное уничтожение. Только гуманность советского народа спасла жизнь многим немецким солдатам. Вчерашние враги теперь стояли перед нами безоружные, подавленные. В глазах одних — отрешенность и страх, у других — уже проблески надежды.

В плен было взято свыше 90 тысяч солдат и офицеров. За время ликвидации котла войска Донского фронта захватили 5762 орудия, свыше 3 тысяч минометов, свыше 12 тысяч пулеметов, 156 987 винтовок, свыше 10 тысяч автоматов, 744 самолета, 1666 танков, 261 бронемашину, 80 438 автомашин, свыше 10 тысяч мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, 3 бронепоезда, 58 паровозов, 1403 вагона, 696 радиостанций, 933 телефонных аппарата, 337 разных складов, 13 787 повозок и массу другого военного имущества.

Среди пленных оказалось 24 генерала во главе с фельд-маршалом.

Победа была достигнута в очень трудных условиях. На это были способны только советский народ и его Красная Армия, руководимые ленинской Коммунистической партией.



Маршал
Советского Союза
А. И. ЕРЕМЕНКО

Разгром группировки Гота — Манштейна

К началу декабря обстановка на фронтах была следующей. Внутренний фронт окружения проходил по линии Рынок, высоты 122,9, 126,7, Мариновка, Ракотино, Цыбенко, Елхи, Купоросное, в северной части города линия фронта шла по кварталам, прилегающим к берегу Волги. Внешний же фронт, образованный войсками Сталинградского и Юго-Западного фронтов, шел от Рубежинского по рекам Кривая, Чир, затем по Дону до станицы Верхне-Курмоярская, а от нее на Верхне-Яблочный, Гремячая, Дарганов, Нугра. Между окруженными вражескими дивизиями и нашим внешним фронтом была полоса шириной в самом узком месте около 40 километров.

То обстоятельство, что у окруженных войск противника к началу декабря почти полностью отсутствовали транспортные связи с внешним миром, за исключением воздушных, не заставило ни гитлеровскую ставку, ни командование окруженных войск трезво взвесить создавшуюся обстановку и реальное соотношение сил. Они по-прежнему

Глава из книги маршала А. И. Еременко «Сталинград. Записки командующего фронтом». М., Военное издательство МО СССР, 1961.

рассчитывали сохранить за собой сталинградский плацдарм, занятый войсками 6-й армии и частью сил 4-й танковой армии (сведенных затем в одну — 6-ю армию), надеясь, что связь с ними будет восстановлена одновременными ударами извне и изнутри по одному из участков кольца наших войск. Сохраняя этот плацдарм, Гитлер полагал оставить за собой возможность для дальнейшего наступления в южном направлении, чтобы в конечном счете осуществить свои планы по овладению Кавказом. Часто это решение Гитлера расценивают как каприз маньяка, но это, конечно, не совсем так: нужно иметь в виду, что развертывавшиеся под Сталинградом события не имели прецедента в мировой военной истории, поэтому фашистский фюрер не верил в свое поражение у стен города, который почти на 50 % находился в его руках. Мало этого. Решение Гитлера, как известно, поддерживало большинство германского генералитета, хотя теперь оставшиеся в живых приспешники Гитлера всеми способами отрешиваются от этого, взваливая все на фюрера.

Следует заметить, что события под Сталинградом в тот момент рассматривались и достаточно авторитетными в военных и политических делах людьми как граничащие с чем-то сверхъестественным. Так, например, Уинстон Черчилль в своем выступлении по радио 29 ноября 1942 года говорил:

«Успехи в Африке, как бы быстры и решительны они ни были, не должны отвлекать нашего внимания от ударов, которые наносят русские на восточном фронте и которые граничат с чудом. Весь мир приходит в восхищение при мысли о гигантской силе, которую Россия смогла сохранить и применить».

Сразу же после нашего прорыва вражеская оборона на флангах начала расползаться. Захваченные врасплох войска противника зачастую так бежали, что даже теряли соприкосновение с наступающими. Опасаясь, что этот отход, превратившийся на отдельных участках в паническое бегство, приведет к потере наиболее выгодных для обороны рубежей, гитлеровцы начали лихорадочно создавать оборону по рубежу реки Чир (левый приток Дона); они предполагали, что именно в этом направлении будут развиваться наши удары после овладения Калачом. Свободных резервов в этом районе у противника не было, и он вынужден был привлечь для создания здесь обороны первые

попавшиеся под руку части, подразделения, команды и т.п. (здесь были использованы разбитые части 3-й румынской армии, 48-го танкового корпуса, созданного заново незадолго до нашего контрнаступления и сразу же сильно потрепанного, а также различные учебные и тыловые части 6-й армии, не попавшие в окружение).

Позволю себе привести здесь выдержку из уже неоднократно цитировавшейся нами книги Дёрра, тем более что он был непосредственным участником описываемых событий как начальник 2-го немецкого штаба связи при 4-й румынской армии. В его свидетельствах, несомненно, мы находим в этом отношении значительную долю правды.

«Организация обороны на р. Чир до начала наступления с целью деблокирования окруженных войск (с 24 ноября до 11 декабря 1942 г.).

Для нас было счастьем, что русские после проведения операции против 6-й армии сделали передышку для укрепления фронта окружения. Это дало возможность немецкому командованию (группы армий «Б») прекратить отход и расположить на рубеже р. Чир 3-ю румынскую армию, значительная часть которой уже переправилась через р. Чир в его верхнем течении на запад. Костяк этой оборонительной позиции составляли немецкие боевые группы, которые образовывались частично по инициативе командиров соединений, частично по приказу группы армий «Б» уже начиная с 19 ноября. Они создавались поспешно, включая в себя всех до последнего солдата: из сводных рот, штабов, комендатур, подразделений службы тыла, команд отпускников, строительных частей, наземного состава ВВС, железнодорожников, т. е. из любых подразделений, имевших номера полевой почты и находившихся в тыловом районе 6-й армии. В большинстве своем там были люди, по боевой подготовке, снаряжению и вооружению не подготовленные для действий в качестве пехотинцев в сложившейся тогда исключительно тяжелой обстановке...

Уравновешенному, обладавшему большой выдержкой командующему 3-й румынской армией удалось снова взять управление армией в свои руки. Под его командованием (во главе его штаба был поставлен от немецкой стороны полковник генерального штаба Венк) на рубеже станция Чир, плацдарм в этом районе, станция Дмитриевка, Суровикино, Обливская, Варламов была организована оборона. Вначале было намечено оборудовать ее севернее дороги

Морозовск — Сталинград, по которой осуществлялось снабжение армии, но этот план удалось выполнить лишь частично.

Штабу 3-й румынской армии подчинялись штабы боевых групп:

«группы Штумпфельда» (начальник артиллерии 108-й дивизии); группа занимала правый фланг до Обливская (включительно);

«группы Шпанга» (начальник тылового района фронта); группа занимала левый фланг до Варламов.

Далее на север нашим войскам удалось стабилизировать положение и снова занять рубеж по р. Чир. Прибывший в район Нижний Астахов 17-й армейский корпус 24 ноября отбросил противника западнее р. Чир в его верхнем течении на восток, занял плацдарм в районе Боковская, продвинулся по долине р. Кривая на север и захватил Дубовский. В течение следующих дней он занял оборону на реках Чир и Кривая. От Дубовский линия фронта отходила назад на северо-запад, где в районе Токин в 40 км северо-западнее Боковская проходил слабо обеспеченный стык с 8-й итальянской армией на Дону. 26 ноября остатки 48-го танкового корпуса, пробившиеся из окружения в районе Чернышевская, включились в оборону на р. Чир, заняв полосу по обе стороны населенного пункта Чир между 3-й румынской и 17-м армейским корпусом.

После того как 30 ноября из тыла была подтянута еще «группа Штахеля» (8-й авиакорпус), занявшая полосу между группой Штумпфельда и группой Шпанга в районе станции Секретев, Караичев, можно было считать, что обстановка в большой излучине Дона была стабилизирована. Между западным флангом армейской группы Гота у устья Аксая севернее Потемкинской и плацдармом в Верхне-Чирская оборону на западном берегу Дона занимала располагавшая небольшими силами «группа Адама» (позже «группа Абрахама»), на которую была возложена также и оборона плацдарма.

26 ноября противник возобновил свои действия на флангах 6-й армии. Его первые и уже не прекращавшиеся атаки имели своей целью захват за Доном плацдарма, который в конце месяца был сужен в результате действий противника. Одновременно он вел разведку боем на фронте 3-й румынской армии и на нескольких участках перешел в наступление. 29 ноября он прорвал оборону восточ-

нее Суровикино, вышел на южный берег р. Чир и овладел Островский.

Чтобы ликвидировать возникший в результате этого плацдарм противника, расширенный в следующие дни, севернее Сысойкин была сосредоточена усиленная 336-я пехотная дивизия, которая 7 декабря должна была нанести контрудар.

Наступление этой дивизии 7 декабря натолкнулось на встречное наступление значительно превосходящих сил противника с его плацдарма на юг; по-видимому, он ставил перед собой задачу ликвидировать немецкий плацдарм в районе Верх.-Чирская, действуя с высот в районе Нижне-Солоновский. 336-я пехотная дивизия была вынуждена перейти к обороне, ей удалось остановить противника непосредственно севернее Солоновский. В тяжелых боях в конце концов удалось, введя в бой подтянутую в этот район 11-ю танковую дивизию, разбить вклинившегося противника, причем обе стороны понесли большие потери. Наши войска снова овладели господствующими высотами южнее р. Чир.

Войска, занимавшие плацдарм в районе Верхне-Чирская, подвергшиеся в то же время атакам превосходящих сил противника, были оттеснены вплоть до самого моста, где они заняли круговую оборону, и отрезаны от фронта на р. Чир.

Русские перенесли направление главного удара в район западнее Суровикино и в результате занятия Чувилёвский снова создали тяжелую обстановку, которую удалось разрядить только после того, как был сдан населенный пункт Суровикино; оборона его поглощала много сил. 12 декабря высоты на юге р. Чир прочно удерживались немцами.

В целом фронт на р. Чир, несмотря на нехватку в людях и технике, выстоял перед натиском сил противника, во много раз превосходивших наши силы. Это имело огромное значение для начавшегося 12 декабря деблокирующего наступления армейской группы Гота восточнее Дона. Однако теперь нельзя было и думать, что силы, находившиеся на плацдарме у Верхне-Чирская, смогут принять какое-нибудь участие в операции» *.

* Г. Дёрр. Поход на Сталинград. М., Военное издательство МО СССР, 1957, стр. 81—83.

Из приведенного отрывка, несмотря на то что Дёрр преуменьшает силы своих войск на этом участке фронта, все же с очевидностью вытекает, что вначале оборона по рубежу реки Чир создавалась лишь с целью закрепиться на выгодном рубеже. Затем враг здесь проявил некоторую активность, подтянув резервы, и прежде всего 336-ю пехотную дивизию, так как, конечно, понимал, что пассивная оборона не позволит удержать рубеж. Но после того как эта попытка закончилась крайне незначительным успехом (был взят Рычковский, форсирован на узком участке Дон и на его левом берегу создан небольшой плацдарм), противник прекратил здесь активные действия.

Дёрр в этом разделе, допуская передержки, стремится выгородить немцев, а отчасти и румын. Это сразу бросается в глаза. Он утверждает, что 336-я пехотная и 11-я танковая дивизии разбили наши войска у Нижне-Соленовского; в действительности же эти самые «разгромленные» войска нанесли затем удар по чирской обороне немцев и румын.

Преувеличивая наши силы, он преуменьшает силы гитлеровцев. Явно также переоценивается значение чирского оборонительного фронта вообще, и в частности для деблокады окруженных. Однако тенденциозность Дёрра не мешает нам понять, что вначале какие-либо серьезные наступательные действия отнюдь не входили в задачи войск, вытянувшихся довольно узкой полосой северо-восточнее Тормосина.

Несколько слов о том, чем была вызвана ошибка разведки Юго-Западного фронта.

Правда, в последующем, в период после 24 ноября, противник пытался создать здесь определенный резерв для возможного нанесения вспомогательного удара, но войска, предназначенные для этого, гитлеровцы вынуждены были использовать на других направлениях, особенно в связи с действиями Юго-Западного фронта.

Одновременно с упрочением обороны по реке Чир происходило формирование в районе Котельниково действительно мощной ударной группировки, состоявшей первоначально из трех полностью укомплектованных танками танковых дивизий.

Уже с самого начала формирования этой группировки командование Сталинградского фронта опасалось, что основной удар будет нанесен именно этой группировкой

из района Котельниково. И с точки зрения выбора района для ее сосредоточения, и с точки зрения быстроты и решительности этого сосредоточения, а также качества подтягиваемых соединений можно было предполагать, что проводимые здесь мероприятия имеют далеко идущие цели. Командование фронта стало принимать все зависящие от него меры, чтобы не быть захваченными врасплох.

Мы обратились в Ставку с просьбой выделить нам помощь в виде танковых частей. Мы считали, что необходимо нанести удар на Котельниково, в районе которого сосредоточивается основная группировка, предназначенная для освобождения окруженных. Но И. В. Сталин пообещал нам незначительную помощь — три танковых полка (т. е. 60 танков).

Чтобы доказать правильность своих выводов, командование Сталинградского фронта решило с целью разведки сил противника и отнесения внешнего фронта окружения на большую глубину от окруженных войск врага нанести удар наличными силами двух стрелковых дивизий, действовавших до этого на широком фронте (правда, ослабленных предыдущими боями), двух также малочисленных, кавалерийских дивизий 4-го кавалерийского корпуса при поддержке танковой бригады. Мы полагали, что таким образом удастся окончательно выяснить реальную обстановку в районе Котельниково: если там противник не сосредоточил сил для основного удара, а лишь отвлек наше внимание от тормосинской группировки, мы и имеющимися у нас (перечисленными выше) силами овладеем Котельниково; если же именно отсюда враг предполагает нанести свой главный удар, тогда наши действия выльются в крупную оперативную разведку и раскроют истинный смысл намерений противника; одновременно наш внешний фронт отодвинется примерно на 40—50 километров дальше, что сыграет важную роль в упрочении кольца окружения.

Наступление на Котельниково началось 28 ноября. Стрелковые дивизии, действуя вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград и восточнее ее, потеснили румынские части противника. Наиболее упорные бои завязались в 8 километрах от Котельниково. Здесь румынские части оказались под контролем немцев. В то же самое время 4-й кавалерийский корпус в составе двух малочисленных кавалерийских дивизий: 61-й под командованием ге-

перал-майора А. В. Ставенкова и 81-й под командованием полковника В. Г. Баумштейна — смело нанес удар на Котельниково с севера и северо-запада и ворвался в Котельниково.

Противник, вынужденный принять этот бой, чтобы обеспечить возможность дальнейшего сосредоточения своих войск в районе Котельниково, бросил против наших атакующих войск танки. Завязались напряженные бои, продолжавшиеся 1, 2 и 3 декабря. И без того малочисленные части кавалерийского корпуса товарища Шапкина понесли большие потери. Под ударами танков противника (около 200 танков сосредоточивавшегося 57-го танкового корпуса) наши части были отброшены от Котельниково. Однако свою основную задачу они выполнили. Намерения противника были раскрыты. От пленных, взятых в этой операции, мы узнали, что сюда переброшена из Франции свежая полнокровная 6-я танковая дивизия, разгрузившаяся на станции Морозовская и следовавшая к месту своим ходом. Удалось обнаружить также подход эшелонов с танками из района Сальска. Все это говорило о том, что здесь формируется мощный танковый кулак, что для сосредоточения его используются обе имеющиеся в этом районе железные дороги. Стало совершенно ясно, где сосредоточивается основная ударная группировка противника. Особенно важным оказалось то, что мы получили эти данные своевременно и тем самым выиграли не менее 10 суток, которые позволили сосредоточить резервы для парирования удара, а затем и для полного разгрома котельниковской группировки противника.

Об итогах нашего удара на Котельниково я сразу же подробно доложил в Ставку. Сделав в конце доклада выводы о намерениях противника, мы просили подбросить резервы, чтобы парировать готовящийся удар со стороны Котельниково. И. В. Сталин обещал разобраться и по возможности усилить нас. Обещание усилить нас «по возможности» мы поняли в том смысле, что Верховный Главнокомандующий продолжал опасаться удара из района Тормосин.

Эти опасения, конечно, имели под собой почву, поскольку возможность удара из района Нижне-Чирской не была полностью исключена, но Сталинградскому фронту тем не менее угрожала весьма серьезная опасность.

После этих переговоров мы посоветовались с членом

Военного Совета Н. С. Хрущевым и, заслушав начальника штаба фронта товарища Варенникова, начальника разведки, решили, что надо принять срочные меры для создания такой группировки войск, которая могла бы парировать удар противника со стороны Котельниково и не допустить встречного удара из кольца окружения. Что конкретно мы сделали? Преодолевая большие трудности, перебросили из-за Волги две стрелковые дивизии — 300-ю и 87-ю, сняли с фронта и вывели из боя 4-й и 13-й механизированные корпуса. 4-й механизированный корпус заменили 300-й стрелковой дивизией, а 13-й механизированный корпус заменили пятью батальонами укрепленного района. 4-й механизированный корпус предварительно привел себя в порядок, а 13-й сразу же был передан из состава 57-й в 51-ю армию с целью усиления ее на главном направлении вдоль железной дороги на Котельниково. Оба корпуса были малочисленны: в боях они потеряли до 50 % танков и личного состава. 87-я стрелковая дивизия сосредоточивалась в районе Зеты, Крепь. Наш танковый и артиллерийский резерв: 235-я танковая огнеметная бригада КВ, 234-й отдельный танковый полк (39 танков) и 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада — был сосредоточен в районе Выпасной. 4-й механизированный корпус, 87-я стрелковая дивизия, 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 235-я танковая бригада и 234-й танковый полк, составившие фронтальную группу, предназначались для того, чтобы во взаимодействии с правым крылом 51-й армии не допустить встречного удара из кольца окружения, командарму 57 было приказано на направлении вероятных действий противника создать широкую систему минных заграждений, что и было аккуратно выполнено.

Предпринятая нами перегруппировка заняла около 10 суток.

Остановимся кратко на силах, группировке и намерениях противника к этому времени.

Сразу же после окружения 6-й и 4-й танковой армий гитлеровская ставка начала принимать меры по освобождению окруженных ударом извне. Генерал-полковник (впоследствии генерал-фальдмаршал) Манштейн 28 ноября был назначен командующим группой армий «Дон». В эту группу вошли все войска, составлявшие прежде группу армий «Б», в том числе 6-я армия (окруженная),

а также вновь сколоченная бывшим управлением 4-й танковой армии армейская группа Гота. В группу армий «Дон», в частности, входили 4-я румынская армия в составе 7-го и 6-го армейских корпусов; боевые группы 2-го немецкого штаба связи; 57-й танковый корпус в составе 6, 23 и 16-й моторизованной дивизии, 15-й авиаполевой дивизии (все перечисленные соединения находились восточнее Дона). Западнее Дона располагались 384-я пехотная дивизия (группа Адама, позже Габленца); 48-й танковый корпус; 3-я румынская армия (группы Штахеля и Шпанга); 17-й армейский корпус с 1-й и 2-й румынскими армейскими корпусами, а также войска окруженной 6-й армии (4, 8, 11, 51-й армейские и 14-й танковый корпуса).

Эта мера гитлеровской ставки имела определенный оперативный смысл: координировались действия войск, находившихся вне кольца окружения, с окруженными.

Непосредственное осуществление прорыва извне было возложено на армейскую группу Гота. Подготовкой к удару, как и самими действиями, руководил генерал Манштейн, так как войска Гота были тем объединением в составе группы армий «Дон», на которое возлагалась основная задача.

Задача, возложенная командованием группы армий «Дон» на армейскую группу Гота, состояла в следующем: «Наступая восточнее р. Дон на север, пробиться к 6-й армии». 6-й армии было приказано: «Подготовиться к тому, чтобы прорваться на юг, когда армейская «группа Гота» выйдет к высотам восточнее Ерико-Крепинский» *.

Таким образом, котельниковская группировка противника должна была двигаться вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград и юго-западнее Тундутово соединиться с окруженными. При этом 57-й танковый корпус должен был двигаться от Котельниково на северо-восток вдоль железной дороги, имея задачей уничтожить наши силы, находившиеся между железной дорогой и Доном, форсировать реку Аксай и захватить кругляковский плацдарм с участком западнее его. 4-я румынская армия 7-м армейским корпусом должна была обеспечить оборону восточного фланга прежнего оборонительного фронта противника. Для защиты правого фланга 57-го танкового кор-

* Г. Дёрр. Поход на Сталинград. М., Военное издательство МО СССР, 1957, стр. 90.

пуса 4-я румынская армия создавала из 5-й и 4-й румынских кавалерийских дивизий кавалерийский корпус под командованием генерала Попеску. Ему ставилась задача первоначально занять населенные пункты Дарганов и Шартуновский, а в дальнейшем следовать за танковым корпусом уступом вправо через Жутово-2 к реке Аксай. 6-й армейский румынский корпус имел задачу до начала наступления удерживать позиции по обеим сторонам Пимен-Черни, а затем, двигаясь за танковым корпусом, «очистить» район северо-западнее Котельниково. Впоследствии 6-й корпус должен был в районе нижнего течения реки Аксай обеспечивать западный фланг.

Район, где наносился удар по кольцу окружения, был хорошо известен командованию армейской группы Гота. Здесь именно в конце августа разгромленная теперь нами 4-я танковая армия под командованием Гота наносила удар на Ракотино, в результате чего армия соединилась с Паулюсом восточнее Ново-Рогачик. Враг стремился идти наиболее выгодным путем, чтобы, прикрываясь грядой высот, тянувшихся на северо-восток от реки Аксай, параллельно железной дороге Котельниково — Сталинград, прорваться восточнее верхнего течения реки Мышкова через эти высоты, пересекающие здесь железную дорогу на Ракотино.

В составе ударной группировки Гота были вначале * две полнокровные танковые дивизии (6-я и 23-я).

С помощью этих сил противник намеревался в самый короткий срок овладеть рубежом реки Аксай, подвергнув разгрому наши войска, находившиеся южнее реки между железной дорогой и Доном. С этой целью 6-я танковая дивизия должна была пробить брешь в нашем фронте и выдвинуться к рубежу реки Аксай западнее железнодорожной линии.

23-й танковой дивизии предписывалось наступать уступом правее, и, продвигаясь восточнее железнодорожной линии, через Небыков выйти к селению Аксай.

Вернемся к действиям наших войск.

Действия войск Сталинградского фронта с юго-запада обеспечивала 51-я армия. В первых числах декабря эта армия отразила атаки противника, пытавшегося, правда без большой настойчивости, развить успех из района Ко-

* Вскоре сюда были подтянуты также 17-я танковая и две моторизованные дивизии (16-я и СС «Викинг»),

тельниково после нашей разведки, и перешла к обороне на широком фронте протяжением до 140 километров. Оборона армии проходила по рубежу Верхне-Курмоярская, Гремячая, Дарганов, Кануково, Обильное, Нугра. Задача армии в этот период сводилась к тому, чтобы не допустить прорыва противника на северо-восток к Сталинграду и удержать занимаемый рубеж, что обеспечивало разгром группировки противника, окруженной под Сталинградом.

К этому времени в составе 51-й армии находились всего три стрелковые дивизии — 302, 126 и 91-я, 76-й укрепленный район, 4-й кавалерийский корпус, 13-я и 254-я танковые бригады, один пушечный артиллерийский полк резерва Верховного Главнокомандования, четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка и один минометный полк. Некомплект частей достигал 50 %.

К началу наступления группировки Гота — Манштейна соотношение сил 51-й армии и котельниковской группировки противника сложилось в пользу противника. По личному составу оно составляло 1 : 1,2; по полевой и противотанковой артиллерии — 1 : 1,9; по танкам — 1 : 5. Противнику удалось, таким образом, перед фронтом нашей 51-й армии создать двойное превосходство в артиллерии и пятикратное в танках *. На направлении же главного удара соотношение сил было еще большим в пользу противника.

Однако по вопросу о соотношении сил Манштейн в своем труде «Утерянные победы» пытается ввести читателя в заблуждение. Опираясь понятием соединения, он ставит на одну доску, с одной стороны, немецкие танковые дивизии, с другой — наши танковые и механизированные бригады, уступавшие им в силах примерно в 5—6 раз.

Подобная манипуляция с соотношением сил приводит Манштейна к утверждению, что наши силы превосходили немецко-фашистские якобы в несколько раз, чего в действительности, как мы видим из приведенного соотношения сил, не было.

Манштейн всячески преуменьшает свои силы, утверждая, что в ударной группе у Гота было всего две танковые и не то одна, не то две авиаполевые дивизии. В этой вы-

* По уточненным данным, опубликованным в книге «Великая победа на Волге» (М., 1965, стр. 375), превосходство в пользу противника было еще большим, а именно: по людям составляло 1 : 2,2; по танкам — 1 : 6; по орудиям и минометам (калибра 75/76 мм) — 1 : 2,3.

думке отставного фельдмаршала изобличают его же коллеги — Типпельскирх и Бутлар, заявляющие в один голос, что Гот имел четыре танковые, одну пехотную и три авиаполевые дивизии. Документально установлено, что в группировку Гота входили 23, 6, 17-я танковые, 16-я и моторизованная дивизия 6-й и 7-й румынские армейские корпуса и 15-я авиаполевая немецкая дивизия.

Ранним утром 12 декабря после сильной артиллерийской подготовки и массированного налета авиации противник значительными силами мотопехоты, поддержанной 200 танками, из района Пимен-Черни (близ Котельниково) перешел в наступление вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград на Гремячую, Небыков. Как только стало известно, что противник с большой массой танков перешел в наступление, я сразу же доложил И. В. Сталину. Взмолвленный этим сообщением, он передал мне: «Держитесь. Мы сейчас же пошлем резервы». Теперь стало совершенно ясно, откуда угрожает опасность. Обстановка создавалась очень серьезная: резервы могли не успеть.

Удар врага пришелся по стыку 302-й стрелковой дивизии и 4-го кавалерийского корпуса. В первый же день противнику удалось преодолеть тактическую глубину нашей обороны и овладеть населенными пунктами Гремячая и Небыков. Это было началом крупной операции, задуманной гитлеровской ставкой и рассчитанной на ликвидацию всех наших успехов на сталинградском направлении. Руководили действиями фашистской группировки матерые милитаристы — генералы Гот и Манштейн, обладавшие большим опытом и недюжинными способностями военачальников.

На следующий день противник продолжал наступление. Ему удалось создать танковый таран: на главном направлении удара наступали две танковые дивизии (6-я и 23-я). При массированной поддержке бомбардировочной и истребительной авиации фронт прорыва был значительно расширен: к исходу дня гитлеровцы овладели населенными пунктами Верхне-Курмоярская, Верхне-Яблочный, Кошара 2-я.

В связи с этим 302-я стрелковая дивизия отвела свои значительно потрепанные правофланговые части в северо-восточном направлении и заняла оборону на рубеже Бирюковский, совхоз Терновый, а 84-я кавалерийская дивизия отошла на север. Чтобы закрыть образовавшийся про-

рыв, мы спешно выдвинули 13-й механизированный корпус (в нем было 28 танков и 1600 бойцов мотопехоты), передав его из 57-й армии в подчинение командарма 51; 41-й танковый полк этого корпуса был направлен в район Жутово для прикрытия железной дороги.

13-й механизированный корпус с 302-й и 126-й стрелковыми дивизиями действовал с переменным успехом; противнику здесь не удалось добиться серьезных успехов. В последующем корпус вместе с указанными дивизиями, нависнув на флангах ударной группировки противника, действовавшей вдоль железной дороги и западнее ее, остановил его.

По-иному развивались события западнее железной дороги в направлении Верхне-Кумский, Громославка. Здесь танковые дивизии противника легко теснили 81-ю и 61-ю кавалерийские дивизии с 85-й танковой бригадой, имевшей не более 15 танков. Создавалась явная угроза быстрого выхода противника на тылы 57-й армии, ведущей бои с войсками противника, окруженными под Сталинградом, которые в свою очередь готовились к встречному удару на соединение с группировкой Гота — Манштейна.

В этой обстановке необходимо было во что бы то ни стало задержать продвижение противника до подхода оперативных резервов Ставки.

Для руководства сосредоточением войск и главным образом для координации и увязки взаимодействия их в последующих боевых действиях 12 декабря сразу же, как началось наступление противника из Котельниково, была создана небольшая оперативная группа во главе с моим заместителем генерал-лейтенантом Г. Ф. Захаровым.

13 декабря все части 4-го механизированного корпуса, после того как они были сменены 300-й стрелковой дивизией, находились на марше; к этому времени корпус уже более 20 суток вел непрерывные бои и имел потери более 60% личного состава и материальной части. У него оставалось 32 танка и 2000 бойцов. Также второй день двигалась из-за Волги 87-я стрелковая дивизия, подходя головным полком в район Капкинское. Одновременно танковый и артиллерийский резервы подходили к Громославке. В войсках находились представители штаба фронта, посланные туда сразу же после принятия нами решения о создании группировки для парирования угрозы со стороны Котельниково. Их основной задачей было всеми сила-

ми содействовать ускорению темпа сосредоточения и продвижения войск.

С утра 14 декабря эти части, получившие еще на марше свои задачи, смело бросаются навстречу противнику, нанося контрудар на Верхне-Кумский. Завязался встречный бой механизированных частей. Населенный пункт был атакован 4-м механизированным корпусом с двух направлений: с одного он прорывался в населенный пункт, а с другого охватывал его справа. Одновременно из района Громославки 235-я танковая бригада с подчиненным ей отдельным танковым полком охватывала этот пункт с востока. 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада с подоспевшим головным 1378-м стрелковым полком 87-й стрелковой дивизии (остальные части, задержавшиеся на переправах через Волгу, были на подходе) развернулась левее (восточнее) 235-й танковой бригады на уровне Верхне-Кумского и остановила продвижение группы противника, наносившей удар восточнее Верхне-Кумского. В результате стремительного контрудара передовые части противника были полуокружены и понесли большие потери в живой силе и технике (до 40 танков и много мотопехоты). Под давлением наших частей противник оставил Верхне-Кумский и отошел на рубеж реки Аксай.

Первый контрудар войск внешнего фронта окружения — 4-го механизированного корпуса и 235-й танковой бригады — 14—15 декабря 1942 года в районе Верхне-Кумского против танковых соединений котельниковской группировки дал успешный результат. Это был характерный пример встречного боя, возникшего после прорыва противником внешнего фронта окружения с целью освобождения своей окруженной группировки.

15 декабря мы послали в Ставку следующую телеграмму: «В связи с тем, что все резервы, нацеливавшиеся на юго-запад и группировавшиеся в районе Плодовитое, Зеты, совхоз Крепь, получили свое предназначение (т. е. израсходованы), Сталинградский фронт не имеет сейчас никаких резервов. Восточнее линии Ивановка, Аксай нет вообще ни одного человека. Если противник разовьет удар вдоль железной дороги на Абганерово и из района Цыбенко на Зеты, то он поставит войска фронта в крайне тяжелое положение, поскольку выйдет на растянутые и без того напряженно работающие тылы.

Нами принят ряд мер: из 64-й армии взяты две дивизии, правда, очень слабые, и передвинуты в район Зеты, станция Абганерово с целью занять оборону по внешнему сталинградскому обводу до подхода резервов. При этом докладываю, что ведущие в течение трех дней напряженные бои 126-я и 302-я стрелковые дивизии были весьма малочисленны; сейчас ведут бой 4-й и 13-й мехкорпуса.

14 декабря под Верхне-Кумским во встречном бою с каждой стороны участвовало примерно по 90 танков. 4-й мехкорпус вывел из строя 40 танков противника, потеряв 32 танка.

Такие же потери и в 13-м мехкорпусе. Положение очень напряженное. Прошу немедленно направить в мое распоряжение один мехкорпус в район Зеты, а также один танковый корпус и два стрелковых корпуса в район Ляпичев, Бузиновка, совхоз Крепь с задачей нанести удар с участка Шабалинский, Громославка на Котельниково».

Наша просьба была удовлетворена. На помощь сталинградцам выдвигалась 2-я гвардейская армия (командующий Р. Я. Малиновский, начальник штаба С. С. Бирюзов) в составе двух стрелковых корпусов и одного механизированного корпуса. Кроме того, на этом же направлении предполагалось сосредоточить еще один механизированный корпус.

Однако эта помощь могла быть оказана не раньше, как через 5—7 дней. Поэтому, несмотря на наш успех 14 декабря под Верхне-Кумским, положение продолжало оставаться крайне напряженным. Ведь за два предшествующих дня (12 и 13 декабря) противник, прорвав наш внешний фронт, продвинулся на 50 километров.

Правда, на одном из флангов вражеского прорыва упорные действия 14-го механизированного корпуса сдерживали дальнейшее продвижение противника, отвлекая его танки; зато на другом фланге прорыва, где действовал обескровленный 4-й кавалерийский корпус (товарища Т. Т. Шапкина), положение было критическим: восполнить потери корпуса было совершенно нечем, никаких, ни кавалерийских, ни других резервов у нас не было. Угроза деблокирования окруженных по-прежнему оставалась вполне реальной.

Для создания более прочной обороны по рубежу реки Аксай было приказано к исходу 15 декабря отвести 4-й кавалерийский корпус и остальные части правого крыла

54-й армии. Они заняли рубеж Городской, Перегрузный. Части левого крыла в этот период успешно отражали попытки врага прорвать наш фронт и на этом участке.

С утра 16 декабря наши части, добившиеся успеха в бою 14—15 декабря, продвинулись к югу от Верхне-Кумского и по рубежу южнее и юго-восточнее этого пункта организовали противотанковую оборону. Гитлеровцы, приведя в порядок главные силы двух танковых дивизий, наступавших в первом эшелоне, в 10 часов утра 16 декабря снова перешли в наступление на Верхне-Кумский. На только что названном рубеже сразу же разгорелся сильный танково-артиллерийский бой. Несмотря на то что противник имел большое преимущество в силах, особенно в танках, упорство наших войск, беспримерная стойкость и храбрость воинов 4-го механизированного корпуса, 235-й танковой бригады, 20-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, 55-го отдельного танкового полка, 1378-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии не позволили противнику развить успех. 6 дней на этом рубеже не затихали бои. Верхне-Кумский несколько раз переходил из рук в руки. Все части в этом неравном бою проявили исключительный героизм: особенно выделились 1378-й стрелковый полк (командир полка подполковник М. С. Диасамидзе) и 55-й отдельный танковый полк (командир полка подполковник А. С. Асланов).

В этих боях отличились также 235-я танковая бригада (командир полковник Д. М. Бурдов) и 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада (командир майор П. С. Желамский).

Эти части и соединения, сражаясь до последнего снаряда, до последнего патрона, выдержали упорный шестидневный бой, но ни на шаг не отступили перед врагом. В боях они потеряли почти всю материальную часть, которая была разбита или раздавлена. Высокий героизм проявил личный состав 20-й бригады, хотя и понес огромные потери в людях и материальной части; задержав продвижение противника на своем участке, он нанес врагу большой урон, не отдав ему ни одного метра занятого им участка.

Очень тяжелые бои в районе Кругликов, Жутово вели две бригады 13-го механизированного корпуса (командир генерал Танасчишин) и совершенно ослабленные 302-я стрелковая дивизия (командир полковник Макаrchук) и

126-я стрелковая дивизия (командир полковник Сычев). Против них враг бросил в наступление свежую авиационно-полевую дивизию, группу полковника Панвитц, поддержанных танками и румынским армейским корпусом.

Здесь уместно упомянуть о следующем эпизоде.

В период этих тяжелых боев в районе Жутово стойко оборонялся малочисленный отряд автоматчиков (до 50 человек) из 126-й стрелковой дивизии, поддержанный двумя танками и одним орудием. Почти неделю эта горстка советских людей сражалась в полуокружении. Враг неоднократно бросал в атаку мотопехоту с танками. Несколько раз атакующие врывались на окраины, но каждый раз вынуждены были откатываться назад. Лишь в ночь на 19 декабря, поддержав свой удар пятнадцатью танками, гитлеровцы захватили селение. Однако дерзкой контратакой наши автоматчики вновь овладели его северной частью, где продержались до 25 декабря, когда фашисты, укрепившиеся в южной части селения, были окружены главными силами дивизии.

Величайшая заслуга наших частей и соединений, вступивших в неравный бой с группой войск Гота — Манштейна, состоит в том, что они ценой невероятных усилий и жертв выиграли восемь дней драгоценнейшего времени, необходимого для подхода резервов, чем собственно спасли положение, так как теперь уже к месту боев стали подходить головные части 2-й гвардейской армии.

Бои в районе Жутово и в особенности в районе Верхне-Кумского — это ярчайший образец доблести воинов Советской Армии, насмерть стоявших на своих рубежах. Это герои, которые первыми преградили путь фашистским войскам, рвавшимся освободить окруженных. Они действительно достойны того, чтобы о них страницы истории Сталинградской битвы были написаны золотыми буквами. На поле боя в районе Верхне-Кумского и в районе Жутово следует соорудить обелиски в честь славных воинов, героически выполнивших здесь свой священный долг перед Родиной.

Лишь 19 декабря противник, подтянув на этот участок свежую 17-ю танковую дивизию, смог продвинуться. В этот день он наносил удар на широком фронте Ново-Аксакий, Антонов; наступали танковые дивизии. Главный удар снова обрушился на 4-й механизированный корпус, 235-ю танковую бригаду, 20-ю истребительно-проти-

вотанковую бригаду, 55-й отдельный танковый полк и 1378-й полк 87-й стрелковой дивизии, которые занимали позицию в 6 километрах севернее реки Аксай. По нашим боевым порядкам, особенно на громославском рубеже, произвела мощный удар вражеская авиация (до полутора тысяч самолето-вылетов). Танковые части противника под прикрытием авиации с ходу атаковали участок фронта на рубеже колхоз имени 8 марта, Нижне-Кумский, Заготскот в общем направлении на Черноморов. Неоднократно повторявшиеся атаки противника отбивались, но в самом конце дня ценою огромных потерь противнику удалось выйти на рубеж реки Мышкова и овладеть районом Нижне-Кумский, Васильевка.

В силу этого наши войска в районе Верхне-Кумского оказались в крайне тяжелом положении. В связи с тем, что головные части 2-й гвардейской армии достигли к этому времени рубежа реки Мышкова, войскам 51-й армии было приказано отойти из районов Верхне-Кумского к реке Мышкова. Остановленный упорным сопротивлением наших войск, противник уже не смог здесь продвинуться на север; переправиться через реку Мышкова ему также не удалось.

С 20 по 23 декабря на рубеже реки Мышкова продолжались ожесточенные бои, в которых приняли участие и передовые части 2-й гвардейской армии.

Упорное сопротивление наших войск на этом рубеже сорвало все попытки врага преодолеть нашу оборону. Тем временем было закончено сосредоточение ударных группировок.

В итоге 12-дневных упорных и ожесточенных боев котельниковская группировка немцев понесла большие потери. Она израсходовала значительные силы; за эти дни противник потерял 160 танков, 82 самолета, около 100 орудий и только убитыми до 8000 человек.

Утром 24 декабря войска 2-й гвардейской и 51-й армий перешли в решительное наступление с целью окончательно разгромить котельниковскую группировку противника.

Действия наших войск на котельниковском направлении поддерживались авиацией 8-й воздушной армии. Хотя силы этой армии в основном сосредоточивали свои усилия на борьбе с окруженной вражеской группировкой под Сталинградом и на перехвате немецких самолетов, снаб-

жавших окруженные войска по воздуху, тем не менее она выделила значительные силы и для борьбы с противником на котельниковском направлении. Бомбовыми ударами она уничтожила танковые и моторизованные войска противника, наступавшие на север. С 12 по 23 декабря наша авиация произвела свыше 1500 самолето-вылетов для ударов по деблокирующей группировке врага.

2-я гвардейская армия под командованием генерала Р. Я. Малиновского, включенная с 15 декабря в состав Сталинградского фронта, получила 16 декабря 1942 года боевое распоряжение штаба Сталинградского фронта на ускоренное выдвижение частей армии сначала на рубеж реки Ерик, а затем на рубеж реки Мышкова. Было указано на необходимость корпусам к утру 17 декабря выйти в следующие районы: 1-му гвардейскому стрелковому корпусу (командир генерал-майор Иван Ильич Миссан) в район Ляпичев, Братский; 13-му гвардейскому стрелковому корпусу (командир генерал-майор Порфирий Георгиевич Чинчибадзе) в район ферма № 3, Ерико-Крепинский, Ерик; 2-му гвардейскому механизированному корпусу (командир генерал-майор танковых войск Иван Петрович Корчагин) в район совхоз Крепь, ферма № 1.

7-й танковый корпус (еще не входивший в состав 2-й гвардейской армии) под командованием генерал-майора танковых войск П. А. Ротмистрова сосредоточивался в районе Рычковского.

В дальнейшем, указывалось в приказании, части армии должны были к утру 18 декабря выйти на рубеж Ковылевский, Шабалинский, Громославка, Капкинский для нанесения удара по котельниковской группировке противника в общем направлении Громославка, Котельниково.

Для ориентировки сообщалось, что 51-я армия будет наносить удар вдоль железной дороги Абганерово — Котельниково. Разгранлиния с ней — Верхне-Царицынский, Капкинский, Кругляков, Котельниково, все пункты включительно для 2-й гвардейской армии.

4-й кавалерийский корпус предназначался для прикрытия 2-й гвардейской армии с запада.

Базирование 2-й гвардейской армии временно опиралось на станцию Качалинская (Донской фронт), в соответствии с чем и располагались тылы армии, кроме 2-го механизированного корпуса, тылы которого развернулись в направлении Цаца, Трудолюбие.

Оперативная группа штаба 2-й гвардейской армии выдвигалась в Верхне-Царицынский; 2-й эшелон штаба — в Колпакчи.

С выходом 2-й гвардейской армии в указанные районы появилась возможность для контрудара по котельниковской группировке врага. Однако опасность еще ни в коем случае не миновала, так как армия не могла успеть с выходом, враг продолжал оставаться достаточно сильным. Было очень важно, бдительно наблюдая за врагом, не пропустить наиболее выгодного момента для нанесения удара по нему.

Перед тем как перейти к основному для нашего фронта событию декабря — контрудару против Манштейна и разгрому его группировки, кратко проследим за действиями войск нашего соседа — Юго-Западного фронта, также начавшего 16 декабря наступление. Своевременное решение Ставки о наступлении Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта не дало противнику возможности дополнительно усилить котельниковскую группировку, чем была оказана большая помощь сталинградцам.

1-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Кузнецова В. И. наносила удар на участке Красно-Ореховое, Журавка. В результате трехдневных боев к исходу 18 декабря ее соединения первого эшелона прорвали оборону противника, разгромили части 3-й итальянской пехотной дивизии «Равенна» и 298-й германской пехотной дивизии и вышли частями 4-го и 6-го гвардейских стрелковых корпусов на рубеж Поповка, Ново-Никольск, Лофицкое, Купинка, Галиевка; одновременно 153-я стрелковая дивизия, находившаяся на левом фланге наступающих, прорвала неприятельский фронт в районе хутора Мещеряков и, отбросив части итальянской дивизии, оборонявшейся здесь, к Мешкову, выдвинулась на линию Мрыхин, Громчанский.

3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко, перешедшая в наступление одновременно с 1-й гвардейской армией, прорвала фронт неприятеля на участке Нижне-Калининский, Астахов, Дуленский. К исходу 18 декабря соединения армии вышли на линию Кружилин, Кривошлыков, Вислогубов, Боковская, Старый Земцов. В результате армия выполнила свою задачу по окру-

жению и уничтожению неприятельской группировки в районе Кружилин.

5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко вплоть до 18 декабря вела тяжелые бои в районе Обливская, которые, к сожалению, не увенчались успехом.

6-я армия под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонов к исходу 18 декабря вышла на рубеж Новая Калитва, Сапково, Орогинский, Дубовиковка, прикрыв правый ударный фланг 1-й гвардейской армии.

16 декабря были введены в бой подвижные соединения фронта, которые начали преследование отходящего противника (8-я итальянская и 3-я румынская армии). Эта общая положительная для нас оперативная обстановка благоприятствовала нам, в частности для нанесения контрудара с целью разгрома котельниковской группировки противника.

Вернемся к действиям войск Сталинградского фронта. К 19 декабря войска фронта, нацеленные против котельниковской группировки, имели следующее расположение. На правом фланге части 51-й армии находились на рубеже реки Мышкова; на левом фланге сохранялось прежнее положение: там удерживался рубеж Перегрузный, Кенкря, Обильное и далее до озера Батырмала (части 126-й, 91-й стрелковых дивизий и 76-го укрепленного района). 302-я стрелковая дивизия сосредоточивалась в районе станции Заря. На рубеж реки Мышкова выдвигались из резерва фронта 300-я и 87-я стрелковые дивизии, получившие задачу оборонять участок Ковылевский, Васильевка; 38-я стрелковая дивизия, выведенная из состава 64-й армии, по указанию командования фронта заняла и подготовила к обороне рубеж Капкинский, Абганерово.

О 2-й гвардейской армии, развертывавшейся на рубеже реки Мышкова, уже говорилось.

Помимо 4-го кавалерийского корпуса, пришлось отвести с фронта еще 4-й механизированный корпус, теперь уже переименованный за свои боевые заслуги в 3-й гвардейский механизированный корпус. Он также понес большие потери и был переброшен в район Тунгутского лесничества для приведения себя в порядок и укомплектования пополнением.

В районах совхозов Крепь и имени Юркина, поселка Зеты был сосредоточен противотанковый резерв в составе

истребительной противотанковой артиллерийской бригады, истребительного полка и двух полков гвардейских минометов.

23 декабря враг разновременно предпринял две атаки: одну на Васильевку и другую на Бирзовой — и овладел этими пунктами. Эти действия противника мы расценили как боевую разведку, направленную на выявление группировки наших сил, и как стремление улучшить тактическое положение своих войск, прежде чем продолжить наступление (после вынужденной паузы из-за больших потерь, понесенных 6, 17 и 23-й танковыми дивизиями врага, а также другими частями, принимавшими участие в наступлении в период 12—24 декабря). Имелись основания предполагать, что враг готовится перейти в дальнейшее наступление не позднее 25—26 декабря; к тому же времени готовился и встречный удар со стороны окруженных войск противника.

В этих условиях важно было не упустить момент для решающего удара по котельниковской группировке врага. И этот момент командованием фронта не был упущен.

Привожу поставленную войскам задачу по сохранившейся записи:

«Противник осуществляет удар из района Котельниково с целью освободить окруженных. В первом его эшелоне наступают 17, 6 и 23-я танковые дивизии противника, их фланги уступом назад обеспечивают пехотная и кавалерийская дивизии. Во втором эшелоне следует не менее двух моторизованных дивизий. Все эти силы входят в 4-ю танковую армию, которая, по данным разведки, через один-два дня должна нанести окончательный удар с целью соединиться с окруженными. По приказу Гитлера они должны соединиться к 25 декабря, т. е. к рождеству. Главное направление удара противника Крепь, Зеты.

По первоначальному плану предполагалось осуществить прорыв 12—20 декабря, но благодаря героическим действиям войск фронта упорнейшие девятидневные бои не принесли немецко-фашистским войскам желаемого успеха. Обе стороны понесли большие потери.

В результате выиграно время, необходимое для сосредоточения 2-й гвардейской армии.

Задача армии по приказу Ставки — окончательный разгром котельниковской группировки противника. Это

также единственное условие разгрома всех немецко-фашистских войск в районе Сталинграда.

Во исполнение этого замысла решаю: не теряя времени, чтобы не дать противнику передышки, 24 декабря нанести силами четырех корпусов удар по левому флангу врага, который он вынужден был подставить нам в результате действий 51-й армии. Котельниковская группировка немецко-фашистских войск должна быть разгромлена в два этапа:

1-й этап — силами 2-й гвардейской армии во взаимодействии с правым флангом 51-й армии прижать врага к реке Аксай, уничтожить танковые дивизии противника и успешно переправиться через реку;

2-й этап — удар по Котельниково; главный удар справа с охватом Котельниково с запада и юго-запада.

51-я армия наносит частный вспомогательный удар на Котельниково с востока, выдвигая свои, хотя и слабые, механизированные корпуса глубоко на коммуникацию Дубовское, Зимовники.

Приказываю 2-й гвардейской армии начать наступление в 10 часов 24 декабря с ближайшей задачей уничтожить 17, 6 и 23-ю танковые дивизии противника в районе Капкинский, Громославка, Верхне-Кумский, Кругляков; в дальнейшем главный удар правым флангом на Котельниково.

На первом этапе наиболее сильный удар наносят 1-й гвардейский стрелковый, 7-й танковый и 2-й механизированный корпуса — с фронта Шабалинский, Громославка с охватом противника с запада на Бирюково. Операцию с запада на рубеже от Верхне-Рубежного до реки Аксай обеспечивает 300-я стрелковая дивизия.

13-й гвардейский стрелковый корпус наносит удар с фронта (искл.) Громославка, Капкинский на Шестаков и далее вдоль железной дороги на Котельниково.

6-му механизированному корпусу продолжить ускоренным темпом сосредоточиваться в районе Зеты и быть в готовности для контрудара к исходу 24 декабря».

Приказ был отдан устно; решение нанесено на карту. Все присутствующие были предупреждены о строгой необходимости сохранить в тайне наши планы.

После того как соединения 2-й гвардейской армии вышли в район сосредоточения, а ее передовые дивизии достигли рубежа Шабалинский, Громославка, часть соедине-

ний фронта была отведена в тыл (о чем уже говорилось). 3-й гвардейский механизированный корпус, отведенный сначала в Тингуты, без задержки был затем переброшен в Тундуково. Пришлось также снять с фронта и 13-й механизированный корпус, как потерявший боеспособность, и направить его в район Бага-Малан. Оба механизированных корпуса, как понесшие большие потери, были выведены с расчетом быстро восстановить хотя бы частично их боеспособность и создать из них подвижную группу 51-й армии для глубокого охвата противника слева (с востока). Все это нам удалось сделать довольно быстро.

Дело в том, что до вывода механизированных корпусов из боя отдел укомплектования фронта получил от меня указание использовать для их укомплектования 3000 хорошо подготовленных солдат, собранных по распоряжению заместителя наркома товарища Щаденко из войск военных округов и направленных в Сталинград. Пока корпуса сосредоточивались в назначенных районах, пополнение подошло. Каждый корпус получил по 1500 человек. Каждая из бригад этих корпусов (их было три в каждом корпусе) получила по 500 отличных солдат, знатоков своего дела — снайперов, минометчиков, бронебойщиков. Кроме того, каждый механизированный корпус получил по 20 новых танков. К исходу 23 декабря корпуса были укомплектованы и получили задачу. Забегая вперед, хочу отметить, что оба соединения справились отлично со своими задачами. Их действия не только отличались исключительной дерзостью, но и сыграли существенную роль в развитии успеха в глубину и окружении противника. С ударом Манштейна из района Котельниково с целью деблокирования окруженных механизированных корпусов были брошены, чтобы вместе с другими частями задержать наступление противника до подхода резервов, и эту задачу они с честью выполнили. При нашем контрударе по котельниковской группировке противника механизированные корпуса нанесли глубокий охватывающий удар, что сыграло большую роль в окончательной ликвидации попыток противника деблокировать окруженных.

В ходе боев с 20 до 23 декабря нам удалось значительно улучшить группировку войск фронта, уплотнив их боевые порядки. 4-й кавалерийский корпус с 23 декабря был сосредоточен в районе Ермохинский, Логовский, 87-я стрелковая дивизия, переданная в подчинение командую-

щего 51-й армией, организовала оборону на участке Бирзовой, выс. 157,0 фронтом на запад. 300-я стрелковая дивизия, стянутая к правому флангу 2-й гвардейской армии, заняла рубеж Зимовской, (иск.) Шабалинский. 1-й гвардейский стрелковый корпус 2-й гвардейской армии был выдвинут на участок Шабалинский, Громославка, а 13-й гвардейский стрелковый корпус той же армии — на участок (иск.) Громославка, Капкинский; 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса были сосредоточены в балках северо-восточнее Черноморов, Громославка (за 1-м гвардейским стрелковым корпусом). В районе Зеты заканчивал сосредоточение 6-й механизированный корпус (ожидавший горючего). Таким образом, мы видим, что в результате предпринятых фронтом мероприятий основная масса войск сосредоточилась на северном берегу реки Мышкова. В полосе же вероятных действий окруженного противника, чтобы не допустить его прорыва из окружения навстречу котельниковской вражеской группировке, как мы уже отмечали, были поставлены части укрепленного района; многие участки местности были заминированы.

Как же к 24 декабря сложилось соотношение сил?

Чтобы не получилось неправильного представления об этом соотношении (ведь мы оперируем корпусами, на стороне же противника дивизии), необходимо сразу же оговориться. Рассмотрим сравнительный состав соединений.

Наш механизированный корпус того времени фактически состоял из трех механизированных бригад, двух танковых отдельных полков (по 20 танков в каждом), одного артиллерийского полка и нескольких мелких подразделений; механизированная бригада имела три батальона мотопехоты и один танковый полк (20 танков). Таким образом, в механизированном корпусе было пять танковых полков (по 20 танков в каждом), девять батальонов мотопехоты и 24 орудия.

В немецкую же танковую дивизию входили два танковых полка, каждый из которых имел до 100 танков, пехотный батальон, артиллерийский полк и несколько мелких подразделений. Таким образом, немецкая танковая дивизия по фактическому составу превосходила наш механизированный корпус в два раза.

В 10 часов 24 декабря после короткой артиллерийской подготовки войска 2-й гвардейской и 51-й армий начали

наступление против войск Гота — Манштейна. Главный удар наносился правым крылом — силами 2-й гвардейской армии. 51-я армия, наносившая скользящий удар, своей подвижной группой обходила противника с востока в направлениях Шебалин, Заветное (глубокий тыл противника) и далее с поворотом на запад на Зимовники, Куберле с целью перерезать железнодорожную линию (основную коммуникацию врага).

1-й и 13-й гвардейские стрелковые корпуса 2-й гвардейской армии в первый день наступления прорвали боевые порядки противника на южном берегу реки Мышкова и начали развивать успех в южном направлении. Контратаки пехоты и танков противника оказались бессильны остановить их наступление. Введенные в бой 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса (2-й эшелон) стремительным ударом сразу же опрокинули боевые порядки пехоты и танков противника. На следующий день наши войска достигли рубежа реки Аксай. Заняв здесь выгодные позиции, противник пытался оказать упорное сопротивление. Но 26 декабря наши войска прорвали вражескую оборону и на рубеже реки Аксай. За три дня напряженных боев армии продвинулись вперед до 30 километров. Немецкие и румынские войска, действовавшие на рубежах рек Мышкова и Аксай, подверглись разгрому и стали откатываться на юг. Войска Сталинградского фронта перешли к их неотступному преследованию.

7-й танковый корпус генерал-майора П. А. Ротмистрова 26 декабря занял Верхне-Яблочный, а уже на следующий день ударом с севера пытался с ходу ворваться в Котельниково, но организованная противником сильная противотанковая оборона воспрепятствовала этому, и наше командование направило главные силы корпуса в обход города с юго-запада.

Гитлеровцы с особым упорством держались в некоторых населенных пунктах на подступах к городу. Противник сумел стянуть к Котельниково значительное количество войск.

Позиции в городе были весьма выгодными для гитлеровцев. Река с обрывистыми берегами, протекающая севернее Котельниково (Аксай Курмоярский), служила естественной противотанковой преградой. С высот хорошо просматривалась вся прилегающая местность.

Два наших танковых подразделения продолжали ве-

сти наступление с севера, где завязались ожесточенные бои. К 15 часам 27 декабря для противника на этом направлении создалось настолько критическое положение, что он вывел сюда почти все свои подвижные резервы, стал оголять западные окраины. Внимание врага сосредоточилось на северных подступах к городу. Пользуясь этим, наша мотопехота мелкими группами просочилась к переправам через реку на западе и заняла их. Мостов здесь не было. Саперы, взломав лед, подготовили броды для танков. Быстро и организованно танки, выйдя из укрытий, форсировали водную преграду, миновали боевые порядки пехоты и на высоких скоростях прошли вперед. К 23 часам танкисты перерезали железную дорогу, захватили аэродром. Появление наших танков на аэродроме было для гитлеровцев полной неожиданностью. Несколько исправных, готовых к вылету самолетов составили наши трофеи.

В северной части города бой продолжался всю ночь. Наши танки, используя естественные укрытия и умело маневрируя, уничтожали огневые средства противника. Усилив натиск, наши подразделения вышли к реке и пересекли железную дорогу и в этом районе. Мотопехота офицеров Дьячука и Подгурского ползком перебралась через еще тонкий лед на реке и блокировала здесь дома и блиндажи. Гранатометчики Подгурского выбили врага из первых домов северной окраины и закрепились в них. На другой день группы наших автоматчиков и гранатометчиков просочились дальше в город. Система обороны врага была нарушена.

Ударные части танкового корпуса, ворвавшись в Котельниково с запада, разгромили вражеские войска, оборонявшие город. Ночью 29 декабря мелкие вражеские группы автоматчиков еще удерживали отдельные дома, но к рассвету город был полностью очищен от противника. Остатки вражеских войск в панике бежали на юг. На улицах города осталась масса разбитой техники врага: сожженные, танки, перевернутые машины, подбитые орудия.

В уличных боях в Котельниково решающую роль сыграли действия мелких групп. Отличились здесь воины подразделений Минина, Кочедыкова, Суркова.

В сложных условиях действовали танкисты. Экипажи товарища Бондаренко с исключительным мастерством и отвагой пользовались малейшей возможностью, чтобы

продвинуться вперед. Поддерживая под ожесточенным огнем свою пехоту, танкисты доставили пехотный десант к городу. Слаженное взаимодействие танков с пехотой обеспечило решительный успех.

Наши войска в городе захватили большие трофеи: 15 самолетов, 40 орудий, 40 танков, большие склады с продовольствием, боеприпасами и горючим.

6-й механизированный корпус, переброшенный из района Зеты в Аксай, 26 декабря совместно с войсками 51-й армии уничтожил вражеский гарнизон в Жутово. Части корпуса начали стремительное продвижение на юго-запад и 29 декабря овладели поселком Нагольным, находящимся в 4 километрах южнее Котельниково.

Для разгрома противника, действовавшего против левого фланга 51-й армии, и для выхода на глубокие тылы котельниковской группировки были использованы 13-й и 3-й гвардейский механизированные корпуса. Начав свои действия из района Бага-Малан (13-й корпус) и Тундутово (3-й корпус), они развивали удар в общем направлении на Заветное и Зимовники. 13-й механизированный корпус, сломив сопротивление противника, преследовал отходившие в беспорядке румынские части. 27 декабря в Верхне-Сальске он уничтожил до двух батальонов вражеской пехоты и захватил 500 пленных. На следующий день он окружил и уничтожил гарнизон в Шебалине, где также разгромил гарнизон (до 500 человек) и захватил много пленных. К 30 декабря, громя по пути разрозненные части противника, корпус вышел в район Ильичев-Терновский. 3-й гвардейский механизированный корпус, овладевший к 28 декабря населенными пунктами Заветное, Кичкино, к 30 декабря занял Глубокий. Противник понес при этом огромные потери как убитыми, так и пленными. Пехота 2-й гвардейской и 51-й армий, наступавшая на рубеж Семичный, станция Семичная, Андреевская, Ильичев-Терновский, Глубокий, Валувка. На этом рубеже обе армии получили новые задачи, связанные с дальнейшим преследованием немцев и наступлением на Ростов.

В результате стремительного успешного контрудара по группировке Манштейна войска Сталинградского фронта расчленили отходившие силы противника на изолированные одна от другой группы и разбили их по частям. Войска 2-й гвардейской и 51-й армий вышли на тылы вражеских войск. Действия обеих армий поддерживались авиа-

цией 8-й воздушной армии, которая весьма эффективно содействовала наземным войскам в разгроме котельниковской группировки врага.

К 30 декабря оперативное положение наших войск коренным образом улучшилось. Замысел немецко-фашистского командования — прорвать кольцо наших войск и освободить окруженные под Сталинградом немецкие армии — потерпел полный крах; остатки разбитых войск ударной группировки Гота — Манштейна спасались бегством в юго-западном и западном направлениях.

Совинформбюро приводило следующие данные по итогам разгрома котельниковской группировки:

«За время наступления южнее Сталинграда (имеется в виду наступление против группировки Гота — Манштейна) наши войска продвинулись вперед на 100—150 км и освободили более 130 населенных пунктов. В ходе боев с 12 по 30 декабря нашими войсками разгромлены 6, 17 и 23-я танковые и 16-я моторизованная дивизия немцев, 4-я и 18-я пехотные, 5-я и 8-я кавалерийские дивизии румын. Немецко-фашистские войска потеряли только убитыми 21 000 человек, взято в плен 5200 солдат и офицеров противника. Среди богатых трофеев, захваченных нашими войсками: самолетов — 40, танков — 94, орудий — 292; автомашин — 329, а также много другого вооружения, авиационное и танковое имущество. В ходе боев нашими войсками уничтожено самолетов — 306, танков — 467, орудий — 257, автомашин — 945 и много другого военного имущества».

2-й гвардейский механизированный корпус, форсировавший реку Аксай, 26 декабря получил задачу наступать в тормосинском направлении и овладеть этим пунктом. Выйдя к 28 декабря в район Верхне-Курмоярская, войска корпуса во взаимодействии с 33-й гвардейской стрелковой дивизией с ходу начали форсирование Дона. Сравнительно легко преодолев такую значительную водную преграду и уничтожив части прикрытия врага на правом берегу, корпус и дивизия 29 декабря вышли на рубеж Жирный, Агинов. На следующий день, 30 декабря, продвижение продолжалось успешно: наступавшие достигли рубежа Минаев, Епифанов. Отсюда, обеспечив себя с запада и северо-запада 33-й гвардейской дивизией, 2-й гвардейский механизированный корпус продвинулся по направлению к Тормосину, который и был занят во взаимодействии с ча-

стями 5-й ударной армии, наступавшей с востока. Следует заметить, что вследствие действий войск Юго-Западного фронта и до этого небольшие силы врага на этом участке уменьшились в связи с переброской части войск к Морозовску и Тацинской. Легкость, с которой произошло форсирование Дона, а в дальнейшем и наступление на Тормосин, показала, что действительно никакой ударной группировки здесь не было.

31 декабря была занята также и Элиста. Здесь советские войска разгромили 60-й моторизованный полк противника, саперный батальон и батальон 156-го моторизованного полка.

Разгром ударной группировки Гота — Манштейна в боях на рубеже рек Аксай и Мышкова имел существенное значение для последующего развития событий на всем южном крыле советско-германского фронта.

В этой связи небезынтересна оценка этих боев, данная бывшим гитлеровским генерал-лейтенантом танковых войск Ф. В. фон Меллентином в его книге «Танковые сражения 1939—1945 гг.».

«В этот период произошли полные трагизма события, историческое значение которых трудно переоценить. Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой неизвестной речки (Аксай.— *А. Е.*) привела к кризису третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии».

В данном случае Меллентин недалек от истины. В самом деле бои на этом рубеже окончательно положили конец попыткам освободить окруженных, а значит, и предприняли их окончательный разгром. Описав довольно подробно и выразительно бои на реке Аксай, Меллентин так отзывался о характере этих боев:

«Характерными особенностями этих трагических боев были высокая подвижность, быстрая реакция и необычайная стойкость обеих сторон. Основным боевым средством были танки, причем каждая из сторон понимала, что главной задачей танков является борьба с танками противника.

Русские не прекращали своих атак с наступлением темноты и стремились немедленно и решительно развить любой наметившийся успех. Иногда атаки проводились танками, мчавшимися на предельной скорости, и следует

признать, что высокий темп наступления и сосредоточение сил были основными причинами успеха русских. В зависимости от сложившейся обстановки направления танковых ударов быстро изменялись».

В связи с этим нельзя не отметить еще раз высокий героизм войск 2-й гвардейской и 51-й армий.

Параллельно с проведением котельниковской операции планировался разгром окруженных войск; большую роль в этом должны были сыграть испытанные сталинградские армии: 62, 64 и 57-я.

Уже к концу декабря были подготовлены и спланированы оперативные мероприятия по выполнению этой задачи. Они, естественно, связывались с изменившейся обстановкой на котельническом направлении, где противнику к этому времени было нанесено решающее поражение, и он вынужден был отходить под ударами наших войск в юго-западном направлении. Главной задачей 62, 64 и 57-й армий в этой связи являлось в тесном взаимодействии с Донским фронтом уничтожить окруженную группировку противника под Сталинградом.

Командующим 62, 64 и 57-й армиями предлагалось вести усиленную подготовку к наступательным действиям согласно устным указаниям командования фронта, усиливая наземную и воздушную блокировку окруженного противника, не допуская транспортировки грузов по воздуху и попыток прорыва окруженных в южном и юго-западном направлениях.

С этой целью 64-й армии предстояло прочно оборонять занимаемый рубеж силами 7-го стрелкового корпуса, 169, 29, 151, 36-й гвардейской стрелковых дивизий, 66-й мотострелковой бригады, 143-й стрелковой бригады и 118-го укрепленного района, выделив контратакующую группу в районе Варваровка, Гавриловка в составе 204-й стрелковой дивизии, 154-й стрелковой бригады, 90-й танковой бригады и 184-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка для нанесения контрударов в направлениях балка Самородная и высот 131,8; 106,4. Необходимо было также усилить оборону на всем правом фланге.

Одновременно 57-я армия должна была прочно оборонять занимаемый рубеж силами пяти артиллерийских противотанковых бригад, 422-й и 15-й гвардейской стрелковых дивизий, имея контратакующие группы: одну в составе 61-й мотострелковой бригады, 565-го истребительно-

противотанкового артиллерийского полка, 235-й танковой бригады и 91-го гвардейского минометного полка в районе балка Бирючная, Выпасной, выс. 100,5 для контратак в направлении МТФ, выс. 84,1, а вторую в составе 38-й стрелковой дивизии и 254-й танковой бригады в районе колхоз имени 8 марта, Бузиновка для контратак в направлении высоты 110,5; 119,3. Планировалось усиление обороны левого фланга армии с помощью противотанковых средств и минирования.

Инженерным войскам фронта предстояло усилить 57-ю армию миннозаградительным батальоном, а 64-ю и 57-ю армии обеспечить силами для разминирования соответствующих участков в полосе предстоящего наступления.

8-я воздушная армия и части противовоздушной обороны должны были усилить воздушную блокаду окруженной группировки и исключить возможность снабжения ее по воздуху, для чего предполагалось использовать до 50% истребительной авиации, ночную бомбардировочную авиацию и приданную ей авиацию дальнего действия.

Кроме того, командующему Сталинградским районом противовоздушной обороны вменялось в обязанность дальнейшее усиление борьбы с транспортной авиацией противника зенитными средствами; предполагалось использовать дополнительно не менее пяти дивизионов зенитной артиллерии с прожекторами для создания двух полос зенитного заграждения на участке Зеты, Сталинский; в случае же наступления танков противника зенитную артиллерию предполагалось, как и раньше, использовать для целей противотанковой обороны; одновременно усиливалась и сеть ВНОС. Она надежно связывалась с аэродромами истребительной авиации и зенитной артиллерией, что до минимума уменьшало время на оповещение активных средств борьбы с транспортной авиацией противника.

Я остановился так подробно на этих мероприятиях с тем, чтобы показать, насколько серьезно готовилось командование фронта к решению предстоящей задачи по ликвидации окруженных (с затратой минимально необходимых сил и времени). Мы вместе с тем стремились к тому, чтобы наши решительные действия заставили командование окруженных принять условия капитуляции.

Общая атака против окруженных войск противника намечалась на 6 января 1943 года. Ледяной покров на

Болге позволял уже передвинуть тяжелую артиллерию и зенитную артиллерию из-за реки.

Однако в разгар наших подготовительных мероприятий стало известно, что ликвидация окруженной группировки возложена на Донской фронт, в состав которого было приказано передать три сталинградские армии (62, 64 и 57-ю). Сталинградский же фронт преобразовывался в Южный.



Главный маршал
артиллерии

Н. Н. ВОРОНОВ

**Разгром
немецко-
фашистских
войск
под
Сталинградом**

В сентябре А. М. Василевскому и мне в качестве представителей Ставки приказали побывать на Сталинградском Юго-Восточном, а затем и Донском фронтах, изучить обстановку, уточнить силы и средства противника в этом районе, выяснить действительные возможности наших войск для предстоящих наступательных действий.

Ознакомившись на месте с обстановкой в районе Сталинграда, мы позднее ориентировали командование фронтов о намерениях Ставки Верховного Главнокомандования на проведение наступательной операции. В октябре с замыслом Ставки на эту операцию были ознакомлены командующие Донским и Юго-Западным фронтами*.

Замысел операции вытекал из сложившейся в то время оперативно-стратегической обстановки в районе ниж-

С сентября 1942 года по 4 февраля 1943 года Николай Николаевич Воронов был представителем Ставки Верховного Главнокомандования на ряде фронтов Сталинградского направления.

Глава из сборника «Сталинградская эпопея». М., изд-во «Наука», 1968.

* Донской фронт был образован 1 октября, а Юго-Западный — 25 октября 1942 года.

него течения Волги и Среднего Дона. Противник в ходе ожесточенных летне-осенних боев понес огромные потери, израсходовал все резервы и был не в состоянии продолжать наступательные действия. 6-я полевая и 4-я танковая немецкие армии оказались на острие выдвинувшегося к Волге клина, фланги которого прикрывали румынские и итальянские соединения, не отличавшиеся высокой боеспособностью. В ходе боев сложилась, таким образом, весьма благоприятная обстановка для прорыва вражеской обороны на ее обоих флангах и окружения продвинувшейся к Волге основной группировки немецко-фашистских войск.

Мне пришлось участвовать в работе Ставки, когда все-сторонне обсуждались и решались вопросы, где и на каком протяжении прорвать фронт обороны противника, в каком направлении наносить главные удары фронтов, чтобы в кратчайшие сроки завершить окружение вражеских войск, и целый ряд других не менее важных вопросов. Вокруг этих вопросов развертывался оживленный обмен мнениями, в котором активное участие приняли офицеры и генералы Генерального штаба. Они оказали большую помощь в отыскании наиболее слабых мест в обороне противника.

Важную роль в разработке плана контрнаступления сыграли предложения командования фронтов Сталинградского направления. В ходе детального обсуждения в Ставке всех предложений было принято решение произвести прорывы на флангах немецкой ударной группировки, где оборону занимали войска королевской Румынии, и развитием ударов по сходящимся направлениям войсками Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов завершить окружение главных сил противника в районе восточнее города Калач.

Выбор конкретных участков прорыва Ставка возложила на командующих войсками фронтов. Командования же фронтов с участием представителей Ставки осуществляли разработку фронтовых операций, наметили наиболее вероятные направления ударов наших войск в предстоящей операции и разработали варианты решения целого комплекса вопросов, связанных с подготовкой крупной наступательной операции группы фронтов.

Таким образом, разработкой плана наступательной операции в междуречье Волги и Дона занимались генералы и офицеры Ставки, Генерального штаба, командова-

ния и штабов родов войск, командования и штабов Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Замысел операции трех фронтов — это плод ума не одного человека, а результат большой творческой, четко согласованной деятельности значительного коллектива генералов и офицеров.

Моей задачей было оказание помощи командующим артиллерией фронтов и армий, готовившихся к наступлению, в разработке планов боевого использования наземной и зенитной артиллерии и организации четкого ее взаимодействия с пехотой, конницей, танками и авиацией. Пожалуй, самым трудным для нас было обеспечение скрытности сосредоточения и развертывания крупных артиллерийских масс, а также доставки большого количества боеприпасов. С целью сохранения в тайне подготовки к наступлению запрещалось издавать какие-либо письменные, печатные и графические документы. На первых порах очень ограниченное количество генералов и офицеров было ознакомлено с новыми боевыми задачами. Это, конечно, очень затрудняло подготовку операции, пришлось спланировать свою работу по фронтовому звену, а затем по армейскому. При мне тоже было весьма ограниченное число генералов и офицеров, которым могла быть доверена столь важная тайна.

С командующим артиллерией Сталинградского фронта генералом В. Н. Матвеевым и его штабом мы детально разобрали весь объем предстоящих действий артиллерии фронта. Все рекомендации давались с полным учетом строгого соблюдения секретности. Особенно нас занимал вопрос, как скрытно переправить через Волгу значительное количество артиллерии, поступившей из резерва Ставки, и переместить артиллерию фронта к намеченному участку прорыва.

На Донском фронте командующий артиллерией генерал В. И. Казаков и начальник штаба артиллерии полковник Г. С. Надысев предложили разработать специальные указания по боевому применению артиллерии с полным учетом обстановки данного фронта. Эти указания были вскоре составлены. В них конкретно говорилось о способах боевого использования артиллерии при прорыве обороны противника, при вводе в прорыв эшелона развития успеха и при действиях войск в глубине вражеской обороны. Такие указания были весьма полезны для ар-

тиллерии фронта, которая долгое время участвовала в оборонительных боях. Еще большее значение эти указания имели для артиллерии усиления, прибывавшей из резерва Ставки. Мне вспомнилось, что во время первой мировой войны немалую пользу русской армии принесли специальные «Наставления по прорыву укрепленных полос противника». Почему бы не использовать этот старый опыт? Тут же рекомендовал составить такие же указания и на других фронтах.

Командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский проявил много заботы о том, чтобы артиллерия фронта оказалась на высоте поставленных перед ней задач. Со спокойным сердцем расстался я с артиллеристами этого фронта.

В штабе Юго-Западного фронта мы вместе с командующим фронтом генералом Н. Ф. Ватутиным, командующим артиллерией фронта генералом М. П. Дмитриевым и начальником штаба артиллерии полковником С. Б. Сафроновым особое внимание уделили мерам борьбы с вражеской артиллерией. Каждый из нас отлично понимал, насколько важно вовремя подавить орудия и минометы противника. В деталях обсуждались вопросы взаимодействия артиллерии с пехотой, танками и авиацией — надо было предусмотреть все мелочи этого сложного процесса с начала атаки пехоты и танков и до полного выполнения поставленной боевой задачи во всех звеньях оперативного построения войск. Кроме того, были тщательно рассмотрены вопросы управления массированным огнем артиллерии на левом крыле фронта. В ходе этой работы мы постоянно обращались к разведкарте артиллерии фронта. То и дело всплывала необходимость проводить дополнительную разведку на ряде направлений, чтобы пополнить имеющиеся данные и лишний раз убедиться в их достоверности.

С Н. Ф. Ватутиным мы объехали ряд наблюдательных пунктов и своими глазами осмотрели местность в полосе будущего участка прорыва. Во время этих поездок приходилось обращать внимание командиров-артиллеристов на необходимость точно знать всю систему огня противника. Эти данные очень важны для конкретного планирования артиллерийского огня в период подготовки наступления.

Всюду мы строго проверяли, насколько обеспечивает-

ся внезапность наших предстоящих наступательных действий. Артиллеристы много думали, как незаметно для противника провести пристрелку целей или реперов. Было решено спланировать пристрелку в масштабе всей полосы будущего прорыва. Процесс пристрелки не должен был выходить из обычного режима стрельбы нашей артиллерии в этом районе. План пристрелки был разработан по дням и часам, со строго установленным расходом боеприпасов для каждой батареи. Так тщательно велась подготовка к наступлению.

Однако в связи с задержкой в сосредоточении войск, подвозе боеприпасов и боевой техники было решено установить начало действий для Юго-Западного и Донского фронтов на утро 19 ноября, для Сталинградского — на утро 20 ноября 1942 года.

Нас мучил в те дни вопрос: знало ли гитлеровское командование что-либо о нашей подготовке к наступлению? По всем данным нашей наземной и воздушной разведки, противник ни о чем не догадывался.

Мы часто встречались с А. М. Василевским, обменивались мнениями, советовались, информировали друг друга. Он много работал и помогал командованию и штабам фронтов. А. М. Василевский систематически докладывал в Ставку о ходе подготовки операции, я же делал это по мере надобности, но Ставка меня не забывала. Верховное Командование настойчиво требовало усилить меры скрытности и маскировки войск, в том числе и артиллерии, чтобы наше наступление было полной неожиданностью для противника.

Ставка обязала на направлениях главных ударов при прорыве обороны противника создать такие группировки войск, чтобы было достигнуто по крайней мере тройное превосходство над врагом. Трудно было выполнить это требование. В частности, соотношение сил по артиллерии примерно было равным. По нашим данным, в междуречье Волги и Дона перед нашими тремя фронтами противник имел к 19 ноября около 10 тыс. орудий и минометов, а советские войска — 11 550 орудий и минометов. Кроме того, у нас имелось 90 дивизионов реактивной артиллерии М-13 и М-8 и 20 дивизионов тяжелой реактивной артиллерии М-30. Много раз приходилось считать и пересчитывать наши силы и возможности, чтобы добиться требуемого превосходства.

Глубина прорыва для ударной группировки войск Юго-Западного фронта намечалась в 120 километров, а для ударной группировки войск Сталинградского фронта — до 100 километров. Развивать успех предусматривалось в высоких темпах с тем, чтобы за трое-четверо суток завершить окружение вражеских войск. В этой обстановке наша артиллерия, тесно взаимодействуя с авиацией, должна была нанести сокрушительные удары на всю глубину обороны врага, проложить своим огнем путь подвижным оперативным соединениям — трем танковым, двум механизированным и трем кавалерийским корпусам, а зенитчики были обязаны надежно прикрыть их от воздушного противника. Все понимали, что успех прорыва обороны противника во многом будет зависеть от высокой эффективности действий нашей артиллерии.

19 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов после мощной 80-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление в общем направлении на Калач. 23 ноября в районе поселка Советский они соединились с войсками Сталинградского фронта, перешедшего в наступление 20 ноября. В течение пяти дней ударные группировки войск трех фронтов успешно прорвали оборону противника, разгромили две румынские армии, продвинулись на 100—120 километров и окружили 330-тысячную группировку немецко-фашистских войск.

После блестящего осуществления первого этапа наступательной операции в междуречье Волги и Дона советские войска развернули наступление на Среднем Дону. В начале декабря совместно с командованием Юго-Западного и Воронежского фронтов я занимался подготовкой этой операции, а с 16 декабря и руководством в ней боевыми действиями войск.

За четверо суток нашего наступления на Среднем Дону армиями Юго-Западного и Воронежского фронтов были одержаны большие победы, форсирован Дон, прорвана оборона противника на широком фронте. Подвижные соединения вышли на оперативный простор. Тем самым открывались неисчерпаемые оперативно-стратегические возможности для разгрома южного крыла немецко-фашистского фронта.

Однако, к большому сожалению, мне не удалось непосредственно участвовать до конца в этой замечательной операции. Утром 19 декабря меня вызвал к телефону Вер-

ховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Как обычно, первым вопросом было:

— Какова обстановка на фронте?

После моего доклада последовал новый вопрос:

— А не считаете ли вы возможным закончить свою работу на Юго-Западном и Воронежском фронтах? Что, если отправиться вам в район действий войск Донского и Сталинградского фронтов и заняться разгромом и уничтожением группы войск Паулюса? Как вы смотрите на такое предложение?

Я был удивлен и даже несколько озадачен таким неожиданным предложением, так как полагал, что должен оставаться на Среднем Дону до полного разгрома противника. Наш телефонный разговор происходил в то время, когда войска Юго-Западного и Воронежского фронтов, завершив прорыв обороны противника, приступили к развитию успеха. В этой обстановке, на мой взгляд, координация действий этих фронтов приобретала особое значение.

Так я размышлял у телефонного аппарата.

— Вы не отвечаете на заданные вопросы,— послышалось в трубке.— Чувствуется, вам не хочется уезжать... Как и некоторые другие, вы, видимо, недооцениваете, как важно нам возможно быстрее ликвидировать окруженную группировку немецких войск. Вы серьезно подумайте над этим.

До самого вечера я перебирал все доводы «за» и «против». Конец моим размышлениям положил срочный документ из Ставки, в котором мне предписывалось в качестве ее представителя выехать в район Донского и Сталинградского фронтов для координации действий войск по ликвидации окруженной группировки противника *.

* В этом документе говорилось: «Воронову, Василевскому, Рокоссовскому, Еременко, Ватунину. 1. Ставка Верховного Главнокомандующего считает, что тов. Воронов вполне удовлетворительно выполнил свою задачу по координации действий Юго-Западного и Воронежского фронтов, причем, после того как 6-я армия Воронежского фронта передана в подчинение Юго-Западного фронта, миссию тов. Воронова можно считать исчерпанной. 2. Тов. Воронов командирится в район Сталинградского и Донского фронтов в качестве заместителя тов. Василевского по делу ликвидации окруженных войск противника. 3. Тов. Воронову как представителю Ставки и заместителю тов. Василевского поручается представить не позднее 21.12.43 г. в Ставку план операции по ликвидации окруженных войск в течение пяти-шести дней».

А я-то мучился весь день, решал, соглашаться или не соглашаться... Теперь волновало другое: на разработку плана давалось всего лишь двое суток. Нереальным мне казалось и время, отведенное для ликвидации крупной группировки окруженных войск.

Тем не менее надо было немедленно приступить к новому делу. Заказал самолет на раннее утро. Остаток вечера и ночь ушли на сборы к отлету, на прощание с боевыми товарищами. Мы очень подружились с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником Н. Ф. Ватутиным, помогали друг другу в работе, и прощание с ним было самым сердечным.

В связи с неблагоприятной погодой заказанный самолет на следующий день не прилетел. Пришлось подготовить два вездехода. Со мной отправились два генерала-артиллериста — Н. Д. Векилов и А. К. Сивков и три офицера. По дороге мы непрерывно обсуждали план предстоящих действий и, естественно, возлагали большие надежды на нашу артиллерию.

Наконец, к полуночи достигли беспорядочно разбросанного на значительном пространстве села Заварыкин, в котором находилась «резиденция» командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского.

Утром накоротке мы встретились с Александром Михайловичем Василевским. Он был готов к отъезду для организации отпора наступавшей с юга группе войск Манштейна. Мы распрощались, пожелав друг другу боевых успехов. Так мне и не пришлось стать заместителем тов. Василевского «по делу ликвидации окруженных войск противника под Сталинградом».

К. К. Рокоссовский встретил меня очень тепло, и мы не стали терять с ним ни минуты. Прежде всего надо было точно установить силы и средства окруженного противника. Пригласили начальника штаба и начальника разведотдела фронта. Генерал М. С. Малинин доложил о состоянии наших частей и соединений, их группировке и о линии фронта.

Начальник разведотдела полковник И. В. Виноградов представил справку о численности и составе немецко-фашистских войск перед Донским фронтом. По его подсчетам, общая численность вражеской группировки составляла 80—90 тыс. человек. Когда его попросили уточнить

цифру, он уверенно назвал цифру в 86 тыс., которые составляют пять пехотных дивизий, две мотодивизии, три танковые дивизии и три боевых отряда. По данным разведки фронта, личный состав подразделений усиления и тыловых органов противника мог до некоторой степени явиться источником для восполнения потерь, понесенных в боевых частях. Докладчик сообщил также, что немецкая транспортная авиация подвозит окруженным различные грузы, а обратным рейсом вывозит раненых и больных, а также часть штабных офицеров.

Когда К. К. Рокоссовский, М. С. Калинин и я приступили к оценке обстановки и выработке замысла предстоящей наступательной операции по уничтожению окруженной группировки противника, в ней предполагалось участие двух фронтов — Донского и Сталинградского. Но мне было известно мнение Ставки, что в целях облегчения поставленной задачи целесообразно иметь здесь один фронт — Донской, которому передать три армии Сталинградского фронта, действовавшие на внутреннем фронте окружения, а остальные силы этого фронта использовать на другом направлении. Я был за этот вариант.

Обсудив втроем сложившуюся обстановку, мы пришли к единодушному мнению: главный удар должен наносить Донской фронт, а вспомогательный — войска, передаваемые из Сталинградского фронта. Мы также пришли к выводу, что ликвидировать окруженную группировку в течение пяти-шести дней, как требовала Ставка, явно невозможно. В то же время мы отлично понимали, как важно уничтожить окруженного противника в кратчайшие сроки. Оценив местность, построенные нами летом оборонительные рубежи, занятые теперь немцами, прикинув соотношение сил и средств, учтя наши реальные наступательные возможности, мы решили мощным таранным ударом с запада на восток рассечь надвое окруженную группировку противника с попутным уничтожением ее отдельных частей. Наступлению главной группировки войск фронта должны были помогать соседние армии, которым предстояло своими активными действиями расширять фронт прорыва вражеской обороны и сматывать ее в сторону флангов. Начало операции было назначено на 6 января 1943 года, как этого требовала Ставка.

Командованию и штабом обоих фронтов было предложено без промедления начать разработку планов опера-

ции и подготовку войск к наступлению, соблюдая все меры скрытности и маскировки. Мы рассчитывали, что внезапность наших ударов должна сыграть большую роль. Прорыв обороны возлагался в первую очередь на артиллерию и авиацию. Немало внимания было уделено подготовке тыла обоих фронтов. Словом, мы старались как можно полнее использовать наш опыт по прорыву и развитию успеха, накопленный в операциях у Волги и на Среднем Дону.

Наконец 30 декабря поступила директива, по которой все силы, предназначенные для уничтожения окруженной группировки, были объединены под единым командованием. По этой директиве 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта с 1 января 1943 года включались в Донской фронт. В армиях Донского фронта развернулась подготовка к операции «Кольцо». В порядке подготовки проводились бои местного значения с целью занятия более выгодного положения. То, что эти бои были не всегда удачными, вызывало у нас недоумение. Ведь, по данным штаба Донского фронта, у противника на ближайших высотах находилось лишь боевое охранение, а передний край главной полосы обороны располагался глубже, на следующей гряде высот. Почему же наши части не могли сбить боевое охранение? Неудачи раздражали.

Вечером стало известно, что сбит немецкий транспортный самолет, который упал в расположении наших войск. Среди его обломков было подобрано около 1200 писем немецких солдат и офицеров, находившихся в окружении. В числе писем оказалось письмо генерал-лейтенанта фон Даниэльса — командира 376-й немецкой пехотной дивизии, адресованное жене в город Штеммен. Оно было написано на служебном бланке. Рядом с полным титулом генерала стояла дата: 30 декабря 1942 года.

Из письма выяснилось, что мы имеем дело с передним краем главной полосы обороны противника, а не с боевым охранением, как считали до сих пор в штабе армии и штабе фронта*. Стало ясно, что попытки захвата высот в

* В письме говорилось: «Моя любимая! Сегодняшний день уже с 3 часов утра начался очень беспокойно. Русские всю ночь усиленной разведкой прощупывали все участки и в некоторых местах прорвали нашу главную линию обороны. Теперь это лоскутное сооружение снова восстановлено, где можно было заткнуть — закрыли, а другие остались открытыми... Могут ли быть и будут ли позиции

полосе действий 376-й пехотной дивизии нужно отложить до начала нашего наступления. Я был очень благодарен немецкому генералу за его болтливость. Позвонив по телефону К. К. Рокоссовскому, я прочел ему выдержки из письма немецкого генерала и высказал свои предположения и выводы. Он со мной согласился и тут же отдал приказание прекратить активные боевые действия на этом участке и сосредоточить внимание на подготовке к наступлению.

При подготовке операции большое внимание уделялось политическому воспитанию советских воинов, созданию в войсках высокого наступательного порыва, боевой активности и решимости добиться полного разгрома окруженного врага.

Военный совет и политуправление Донского фронта организовали работу политорганов, партийных и комсомольских организаций по оказанию всесторонней помощи командирам частей и соединений в боевой подготовке войск, в совершенствовании воинского мастерства солдат и офицеров. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин и начальник политуправления генерал-майор С. Ф. Галаджев значительную часть времени проводили в полках и дивизиях, активизировали партийно-политическую работу в войсках, направляя усилия партийных и комсомольских организаций на обеспечение авангардной роли коммунистов и комсомольцев в предстоящих наступательных боях.

Однажды вечером в первых числах января ко мне зашел начальник штаба фронта генерал М. С. Калинин. Доложив обстановку на фронте и ход нашей подготовки к наступлению, он рассказал о своих заботах по поводу возникающих трудностей с подвозом материальных средств и резервов. Меня и К. К. Рокоссовского также весьма беспокоило опоздание многих эшелонов с войсками и транспортов с вооружением и боеприпасами. А без них рискованно было начинать операцию 6 января.

Каждого из нас тревожила мысль, неужели завтра опять придется ставить вопрос о переносе сроков начала

удержаны? Они должны быть удержаны! Сегодня утром я позвонил начальнику штаба армии Шмидту и сказал ему коротко и ясно, что дальше так дело не пойдет. Он обещал некоторую помощь, которая с сегодняшнего вечера уже в ходу». Дальнейшее содержание письма было семейным.

наступления? Разве в Ставке будут считаться с тем, что отсрочка происходит не по нашей вине? На первый взгляд, виноват тыл и железнодорожники, а в действительности их тоже винить нельзя — ведь тыловики и транспортники заранее не знали многих новых задач, поставленных им только в декабре 1942 года. Эти новые сверхплановые задачи очень трудно было выполнить в столь сжатые сроки.

Я позвонил в Москву народному комиссару путей сообщения и начальнику тыла Красной Армии Андрею Васильевичу Хрулеву с просьбой о срочной помощи. Он дал твердое обещание сделать все от него зависящее. Я верил ему, ибо у нас была с ним договоренность о том, что я никогда с какими-либо пустяками к нему обращаться не стану. Так мы с ним всегда и работали. Теперь я всерьез и, как показали события, не напрасно рассчитывал на его помощь.

Утром 3 января ко мне зашли К. К. Рокоссовский и М. С. Калинин, чтобы определить нашу реальную готовность к наступлению и сроки его начала. Объективно рассмотрели обстановку, сложившуюся в связи с опозданием железнодорожных эшелонов и транспортов с оружием. Выяснилось, что мы не готовы начать операцию «Кольцо» в назначенный срок, 6 января. Наши подсчеты показывали, что требуется еще шесть-семь суток. Вместе с тем было ясно, что на такую отсрочку Ставка не пойдет. Решили отложить начало наступления на четверо суток, о чем я сразу же написал в Ставку*.

* В донесении писалось: «Приступить к выполнению «Кольца» в утвержденный Вами срок не представляется возможным из-за опоздания с прибытием к местам выгрузки на 4—5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспортов с боеприпасами.

В целях ускорения их подхода пришлось согласиться на разгрузку многих эшелонов и транспортов в большом удалении от предусмотренных планом мест выгрузки. Это мероприятие потребовало дополнительного времени на подтягивание выгружаемых частей, пополнения и боеприпасов к фронту.

Наш правильно рассчитанный план был также нарушен внеочередным пропуском эшелонов и транспортов для левого крыла тов. Ватутина. Тов. Рокоссовский просит срок изменить на плюс четыре. Все расчеты проверены мною лично.

Все это заставляет просить Вас утвердить начало «Кольца» плюс 4.

Прошу Ваших указаний.

Воронов.

После телефонного разговора со Сталиным, в ходе которого он бросил несколько резких упреков в наш с К. К. Рокоссовским адрес, предложение о переносе начала наступления на 10 января Ставкой было удовлетворено.

2 января 1943 года я послал в Москву донесение. В нем говорилось, что немецкие офицеры ведут большую пропагандистскую работу среди солдат окруженных немецких дивизий. По несколько раз в день они проводят беседы, в которых стараются доказать возможность спасения окруженных наступлением извне, скрывая создавшуюся обстановку в связи с нашим успешным продвижением на юго-запад и запад.

Нам, конечно, было бы выгодно скорее решить поставленную задачу с наименьшими потерями в личном составе и боевой технике, которые будут нужны на других направлениях. По моему мнению, следует официально поставить вопрос о сдаче в плен окруженных войск противника и 4 или 5 января вручить командованию немецких окруженных войск ультиматум о сдаче в плен, установив жесткий срок. В ультиматуме обещать нормальные условия жизни в плену и возвращение после войны на родину. Сказать о наших силах и средствах и безнадежности сопротивления окруженных немецких войск. Ответственность за их уничтожение в случае отказа принять наши условия возложить на командование окруженных войск.

4 января утром позвонила Москва. Сказала, что Ставка одобряет предложение о вручении ультиматума командованию окруженных немецких войск и предлагает 5 января представить проект ультиматума на рассмотрение и утверждение.

Разработанный текст ультиматума утром был направлен в Ставку.

Получив проект ультиматума, Ставка вызвала меня к телефону и поставила в известность, что документ получен и изучается.

— Но почему не указано, кому адресуется ультиматум?

Я понял оплошность и тут же передал пропущенную фразу: «Командующему 6-й германской армией генералу Паулюсу».

Наконец текст был передан из Москвы в окончательной редакции. Все главные, принципиальные положения проекта Ставка приняла полностью. Одобрено было и

предложение вручить ультиматум до начала нашего наступления.

Ультиматум отпечатали на русском и немецком языках, подписали все экземпляры, чтобы два экземпляра вручить, а два других оставить в резерве. Было решено найти добровольцев для исполнения обязанностей парламентаря и переводчика для вручения 8 января ультиматума немецкому командованию — все строго в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 года.

Добровольцев оказалось немало. Парламентарем был утвержден работник штаба Донского фронта майор Александр Михайлович Смыслов, переводчиком — капитан Николай Дмитриевич Дятленко.

Весь порядок действий наших парламентарей мы обдумали до малейших деталей. В этой кропотливой работе большую помощь оказал М. С. Калинин. Вооружившись литературой о международных законах и топографическими картами с нанесенной обстановкой, он составил детальный план вручения ультиматума. Вот этот план. Накануне вручения, т. е. 7 января 1943 года вечером, установить связь по радио с командованием окруженной группировки и предупредить его о высылке нами парламентаря в точно указанном участке фронта, в точно установленное время.

Мы решили предложить на строго определенном участке фронта в определенные часы никаких боевых действий с обеих сторон не вести и огня не открывать. Кроме того, нами предлагалось германскому командованию выслать навстречу нашим парламентарям своих уполномоченных офицеров. Установить прямую связь командного пункта фронта с участком, где должны будут действовать парламентары. На этом участке вести тщательное наблюдение и все наши огневые средства привести на всякий случай в боевую готовность. Откровенно говоря, мы не верили, что вражеское командование примет условия нашего ультиматума. Но, как говорит русская пословица, попытка не пытка. Мы шли на благородный поступок, чтобы избежать напрасного кровопролития.

Вечером 7 января и рано утром 8 января наше фронтовое радио несколько раз передавало в штаб Паулюса сообщение о посылке парламентарей. Судя по докладом, поступавшим с северного фаса Донского фронта, наши парламентары вышли из траншей и направились к про-

волочным заграждениям противника. Однако их никто не встретил. Через некоторое время из вражеского расположения стали раздаваться отдельные выстрелы из винтовок, затем короткие очереди из автоматов, наконец, противник открыл огонь из миномета. Парламентеры, не видя встречающих, вынуждены были повернуть назад. Вражеская сторона отнеслась по-вражески.

Все это без промедления было доложено в Ставку. В ожидании ответа я думал о том, что теперь можно начинать наше наступление со спокойной совестью. А впрочем, почему бы не попробовать послать парламентеров с противоположной стороны нашего «круглого» фронта? В Ставке, как оказалось, также были колебания. Сначала оттуда поступило распоряжение: «Все прекратить», а вскоре было приказано еще раз послать парламентеров в новом направлении.

Было предложено найти новых желающих выступить в роли парламентеров, но потом решили удовлетворить убедительную просьбу Смыслова и Дятленко, которые хотели сами выполнить эту задачу. Снова на одном из участков фронта была прекращена всякая перестрелка. Утром наши парламентеры благополучно добрались до проволочных заграждений противника и в условленном месте были встречены немецкими офицерами, которые потребовали предъявить им пакет. Майор Смыслов категорически протестовал и потребовал направить его туда, где он лично может вручить пакет немецкому командованию.

По существующим международным законам парламентеры сопровождают в расположение войск противника с завязанными глазами. Когда немцы об этом напомнили, наши парламентеры в тот же момент вынули из своих карманов приготовленные для этого большие белые платки. Им завязали глаза. Платки были развязаны только на командном пункте. Один из немецких офицеров стал докладывать по телефону своему начальству о прибывших парламентарях и об их требовании передать пакет лично в руки Паулюса.

Через некоторое время нашим посланцам было объявлено, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого уже известно из объявления, сделанного русскими по радио. Парламентарям снова завязали глаза. Их вывели за немецкие проволочные заграждения.

С развевающимся белым флагом они благополучно дошли до своего переднего края.

О наших попытках вручить ультиматум и официальном его отклонении было доложено в Ставку.

— Что вы собираетесь делать дальше?

— Сегодня все проконтролируем, а завтра начнем наступление, — ответил я.

Нам пожелали успеха.

Ночь перед началом наступления прошла беспокойно. Командование и штаб фронта проверяли готовность войск и принимали донесения.

Рано утром 10 января К. К. Рокоссовский и я прибыли на командный пункт 65-й армии. Нас встретил командующий этой армией генерал-лейтенант П. И. Батов и доложил, что все готово. Я еще раз уточнил у командующего артиллерией фронта генерал-лейтенанта артиллерии В. И. Казакова степень готовности и, получив удовлетворительный ответ, разрешил начать артиллерийскую подготовку. Рядом стоявший командующий артиллерией 65-й армии генерал-майор артиллерии И. С. Бескин быстро сверил свои часы с нашими и уверенно отправился на пункт управления подавать команды.

Видимость была плохая из-за густого тумана. Расположение противника не просматривалось даже в артиллерийские оптические приборы.

8 часов 05 минут утра 10 января. В воздухе появилась серия сигнальных ракет условного цвета, по радио подана команда «Огонь!». Оглушительный грохот более 7000 орудий и минометов мгновенно перерос в сплошной, непрерывный гул. Справа, слева и над нами свистели лежащие снаряды и мины, а в расположении врага сотрясалась земля.

Прибывшие из резерва Ставки отдельные артиллерийские дивизионы, вооруженные 152-миллиметровыми пушками, вели огонь по аэродромам окруженной группировки, не давая возможности взлетать вражеским самолетам. Так продолжалось 55 минут. Со стороны противника за это время не было ни одного ответного выстрела.

В установленное время плотность нашего артиллерийского и минометного огня заметно увеличилась. Снова сигнальные ракеты. Артиллерия, дождавшись начала атаки пехоты и танков, дружно перенесла огонь на первый рубеж огневого вала и приступила к сопровождению

паступающих войск на глубине до полутора — двух километров.

Вскоре на наблюдательный пункт стали поступать первые данные об успешном начале наступления. Продвижение войск медленно, но верно нарастало. То и дело над нами пролетали наши самолеты.

Прошло еще некоторое время, и мы увидели начавшееся передвижение вперед артиллерийских батарей для занятия новых огневых позиций, чтобы обеспечить непрерывность артиллерийской поддержки наступающей пехоты и танков. Это было надежным признаком успешного прорыва нашими войсками обороны противника.

Павел Иванович Батов сидел за рацией и сам добивался от каждого соединения доклада о ходе боевых действий. На кодированной карте генерал ставил карандашом соответствующие знаки.

Наступление развивалось с нарастающей мощью. Из поступающих донесений стало известно, что противник во время нашей артиллерийской и авиационной подготовки понес большие потери. Наша пехота и танки смело шли вперед. Связь всех видов работала хорошо. Управление войсками и взаимодействие родов войск осуществлялось непрерывно.

К исходу 10 января наши войска прорвали оборону противника и продвинулись на шесть — восемь километров. В последующие дни наступление развивалось успешно. Ежедневно вечером мы по телефону докладывали в Ставку о действиях войск и планах на следующие сутки.

К вечеру 12 января войска 65-й армии во взаимодействии с 24-й и 21-й армиями вышли на реку Россошку и в район Карповки.

В донесении в Москву 14 января была сделана нами первая попытка обобщения опыта прорыва подготовленной вражеской обороны и развития наступления в первые три дня операции.

В донесении сообщалось: «Опыт боев на Донском фронте в период 10—13 января показал следующее:

1. Для прорыва сильной обороны противника на фронте 8—12 км нужно иметь в первом эшелоне 4—5 стрелковых дивизий, во втором эшелоне — 3—4 стрелковые дивизии со штатными огневыми средствами, кроме того, иметь подвижные войска для развития прорыва и действий в оперативной глубине.

2. Для надежного обеспечения прорыва фронта в 12 км, для нанесения серьезного поражения живой силе противника, большого ее морального потрясения, а также для уничтожения огневых средств противника, разрушения его фортификационных сооружений, окопов, ходов сообщения, траншей и т. д. нужно придавать следующие средства усиления: три артиллерийские дивизии РГК и две дивизии РС, 5—6 истребительных противотанковых артиллерийских полков для надежного обеспечения флангов прорыва от танковых атак противника; 2—3 гаубичных артиллерийских полка 203-мм для разрушения наиболее прочных сооружений. Обязательно давать необходимое время на разведку целей, развертывание и занятие боевых порядков, организацию управления, пристрелку и подготовку к стрельбе всей этой массы орудий, минометов и РС.

3. При планировании огня обязательно учитывать боевую работу 76-мм полковых орудий, 45-мм орудий, 82-мм и 120-мм минометов. Эти эффективные огневые средства должны быть в период артподготовки взяты на строгий учет, и каждое такое орудие и миномет должны получить конкретные задачи на уничтожение или подавление целей на местности.

4. Наступление нужно начинать мощной артиллерийской и минометной обработкой оборонительной полосы противника на всю ее тактическую глубину. Проведенная 10 января 55-минутная артиллерийско-минометная обработка дала превосходные результаты; противник понес большие потери и был глубоко морально потрясен. Артиллерийская подготовка закончилась мощным огнем налетом по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника с применением тяжелых реактивных установок М-30.

Пехота своевременно пошла в атаку.

5. Артиллерийское наступление продолжалось вместе с движением танков и пехоты вперед. Артиллерия и минометы сопровождали их огнем на дальность 1,5—2 км. Здесь неплохо показали себя 82-мм минометы. С пехотой вместе двигались отдельные орудия для стрельбы прямой наводкой, часть минометов и наблюдательные пункты — передовые и командиров батарей.

Общий вывод:

1. Тактика наших действий оказалась правильной, мощ-

ные огневые средства в основной своей массе применены правильно.

2. Упорными боями добились положительных результатов и нанесли противнику огромные потери в живой силе, огневых средствах и боевой технике.

3. Нужно с еще большим упорством развивать прорыв, уничтожать противника по частям, лишить его жилья, готовых линий обороны, запретить подвоз воздуха, скорее ликвидировать окруженную группировку с целью освобождения сил и средств для других фронтов.

Воронов».

Когда я отправлял это донесение в Ставку, мне думалось, что для генералов и офицеров других фронтов будет поучителен опыт разгрома крупной группировки вражеских войск под Сталинградом. Это в сущности была первая самая крупная операция на окружение и уничтожение врага. Нам еще не хватало опыта организации и проведения крупных наступательных операций, с прорывом обороны противника и с успешным выходом на оперативные просторы. А ведь для полной победы это было крайне необходимо.

В последующие дни армии Донского фронта успешно развивали наступление. Они разгромили немецкие войска в районе Басаргино, Карповки, Западновки и к исходу 16 января вышли на линию Большая Россошка, Воропоново. В итоговом донесении командования Донского фронта, посланном в Ставку 16 января было сказано, что войска фронта, продвинувшись вперед на 20—40 километров, отсекли и полностью уничтожили юго-западную группировку окруженных войск противника в районе Карповки, Цыбенко, Елхи, Песчанки, Алексеевки, освободили 565 кв. километров советской территории и 33 населенных пункта. За семь дней боев было захвачено в плен 6896 солдат и офицеров и много боевой техники.

Прошло семь суток с начала нашего наступления, а противник, несмотря на большие потери, продолжал оказывать упорное сопротивление. Откуда же у него брались силы? Неужели не сказываются трудности с продовольствием?

Все эти вопросы невольно вставали перед нами. Разведка доносила, что суточный рацион немцев состоит из 150 г

хлеба, 65—70 г мяса или консервов, супа из конины и изредка 25—30 г масла. Но, по-видимому, при этом не учитывались какие-то тайные запасы продовольствия, которые имели немецкие соединения и части.

Решив лично заняться изучением действительного положения окруженных немецких войск, я ежедневно выделял два-три часа для допроса пленных офицеров и генералов. Кроме того, хотелось лучше ознакомиться с офицерскими кадрами гитлеровской армии, чтобы знать их слабые стороны. Ну и, конечно, мне было интересно, как противник оценивает действия нашей наземной и зенитной артиллерии. Из допросов пленных удалось выяснить, что у окруженных росло недоверие к Гитлеру. Они стали сознавать свою обреченность. Часть немецких офицеров была переселена в солдатские землянки, чтобы улучшить надзор за солдатами, следить за их настроениями. Текст нашего ультиматума, неоднократно передававшегося на немецком языке по радио, и листовки с этим текстом, разбросанные в больших количествах на территории, занятой гитлеровцами, безусловно, оказали влияние на немецких солдат и офицеров.

Вскоре в наши руки попал очень важный приказ по 6-й немецкой армии, из которого было видно, что вражеское командование стремилось всячески запугать свои войска, чтобы не допустить их сдачи в плен *.

В ответ на такой приказ было решено еще больше усилить натиск на врага, добиваясь полной победы.

Весьма важные данные о действительном количестве вражеских войск, находившихся в окружении, сообщил за-

* В приказе говорилось: «За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна — путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно, кто сдастся в плен, тот никогда больше не увидит своих близких. У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод. Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентариев прогонять огнем. В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам.

Главнокомандующий Паулюс.

хваченный в плен квартирмейстер 6-й немецкой армии подполковник фон Куновски. Из его показаний выяснилось, что на четвертые сутки нашего наступления (к 22 ноября 1942 года) в окружении оказалось 250 тыс. человек (в действительности 330 тыс.). К 10 января 1943 года осталось 215 тыс. человек, так как к тому времени немцы потеряли 10 тыс. убитыми, и 25 тыс. ранеными, которых до 10 января удалось эвакуировать на самолетах. После 10 января было эвакуировано всего лишь 1200 раненых. Ему было точно известно, что из окружения удалось вырваться на самолете пяти генералам и небольшому числу штабных офицеров. Немецкие самолеты, прилетавшие на аэродромы в районе окружения, людских пополнений не доставляли, кроме 500 человек, возвратившихся из отпусков. Окруженные немцы питались кониной. Они съели 39 тыс. лошадей.

Таким образом, выяснилось, что разведка штаба Донского фронта допустила просчет. Ведь еще 21 декабря начальник разведотдела фронта официально доложил, что окруженная группировка противника насчитывает всего 80—90 тыс. человек, а их в это время было более 215 тыс.

Мне хочется отметить одну важную деталь, которая поможет объяснить причины отдельных пауз и в ходе наступления. Операция проводилась в условиях короткого зимнего дня, когда светлое время составляло около семи часов. Светлое время артиллеристам требовалось не только для ведения огня при прорыве обороны противника и развитии успеха, но и на подготовку очередного массированного огня крупных артиллерийских группировок. Оно требовалось и для организации взаимодействия, и для ведения наземной и особенно воздушной разведки обороны противника и его системы огня путем визуального наблюдения и фотографирования. Система огня обороны противника все время изменялась, а нам важно было знать точное расположение его пулеметов, отдельных орудий, артиллерийских и минометных взводов и батарей.

На всю жизнь мне запомнился день 26 января, когда передовые части 21-й армии у поселка Красный Октябрь встретились с частями 13-й стрелковой дивизии генерала А. И. Родимцева, доблестно дравшейся в составе 62-й армии. В результате этой встречи наши войска окончательно разрезали окруженную немецко-фашистскую группировку

на две части, одновременно сильно сократив в боевом и территориальном отношении обе ее половины.

30 января вечером меня вызвал по телефону директор одного из ведущих артиллерийских заводов А. С. Елян и от имени собравшихся у него в кабинете руководящих работников завода горячо поздравил войска Донского фронта с большими победами. По просьбе присутствовавших он спросил меня, сколько времени потребует еще для окончательного разгрома окруженных немцев. Я ответил, что потребуется два-три дня. Это вызвало, по словам Ельяна, бурю радости. Я передал создателям орудий, что продукция их завода хорошая, и пожелал им новых успехов на трудовом фронте.

Действительно, легкая 76-миллиметровая пушка этого завода была любимицей наших артиллеристов и грозой для гитлеровских танков. От ее огня враг нес большие потери, и пленные немецкие офицеры и солдаты говорили, что гитлеровцы ее страшно боятся.

В эту ночь я лег спать очень поздно и быстро заснул. Но внезапно проснулся с тревожной мыслью: а что, если Паулюс вылетит из «котла» на самолете не с аэродрома, который находится под систематическим обстрелом нашей артиллерии, а со льда Волги! Вскочив с кровати, я по телефону приказал, чтобы любой вражеский самолет, пытающийся взлететь со льда, был расстрелян нашей артиллерией с восточного берега Волги. Утром мне доложили, что ночь прошла спокойно.

31 января сначала по телефону, а затем и из донесения, присланного Военным советом 64-армии, стало известно, что Паулюс взят в плен.

Вскоре пленных немецких генералов доставили в Зава-рыкин.

Вечером пленный фельдмаршал Паулюс был вызван на допрос. Постышался скрип открываемых дверей. Паулюс еще на пороге спросил: «Как можно узнать, кто маршал Воронов и кто генерал Рокоссовский»? Переводчик дал исчерпывающий ответ.

Дверь в большую комнату, где находились К. К. Рокоссовский и я, открылась. Вошел Паулюс. Он остановился и молча приветствовал нас.

— Подойдите к столу и сядьте, — сказал я ему.

Переводчик перевел мои слова. Паулюс подошел и сел на стул.

Перед нами был высокий пожилой человек с бледным худым лицом, усталыми глазами. Он казался несколько растерянным и смущенным. Левая часть его лица довольно часто нервно подергивалась, руки дрожали, и он не находил им места. Ему предложили закурить. Он кивнул головой в знак признательности, но папиросу не взял.

Тогда я ему сказал:

— Вам предлагается немедленно отдать приказ продолжающей драться группе немецких войск прекратить боевые действия, чтобы избежать напрасного кровопролития и никому не нужных жертв.

Паулюс внимательно выслушал переводчика, тяжело вздохнул и тут же стал не спеша отвечать. Он сказал, что, к сожалению, не может принять моего предложения вследствие того, что в данное время является военнопленным и его приказы недействительны.

Пока длился перевод, К. К. Рокоссовский закурил, и я еще раз предложил Паулюсу папироску. На этот раз Паулюс предложение принял. Дымя папиросой, он продолжал обосновывать свой отказ принять наше предложение тем, что северная группа немецких войск имеет своего командующего и что она продолжает выполнять приказ верховного главнокомандования германской армии.

Я вынужден был предупредить Паулюса, что, отказавшись отдать приказ окруженной немецкой группировке, он будет нести ответственность перед историей и немецким народом за напрасную гибель своих подчиненных, которые находятся в безвыходном положении.

Паулюсу еще раз было предложено взвесить создающуюся для остатков группировки окруженных немецких войск обстановку и отдать уцелевшим войскам приказ о сдаче в плен. Он внимательно слушал перевод. Нервное возбуждение его заметно усиливалось. Левая часть лица стала подергиваться все чаще. Он снова ответил отказом, обосновывая его теми же мотивами.

После этого я спросил Паулюса, какой режим питания ему необходимо установить, чтобы не нанести какого-либо вреда его здоровью, о плохом состоянии которого нам было известно от взятого в плен армейского врача генерал-лейтенанта Ренольди.

На лице Паулюса выразилось удивление. Медленно подбирая слова, он ответил, что лично ему ничего особенного не нужно. Единственно, о чем он просит наше коман-

дование, — это хорошо относиться к раненым и больным немецким офицерам и солдатам, оказывать им медицинскую помощь и хорошо питать.

Я сказал ему, что в Красной Армии гуманно относятся к пленным, особенно к раненым и больным, но что советские медицинские работники встретились с очень большими трудностями в связи с тем, что немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы переполненные ранеными госпитали.

— Фельдмаршал должен понять, — добавил я, — как трудно нам в таких условиях быстро наладить нормальное лечение раненых немецких солдат и офицеров.

Это заявление произвело на Паулюса сильное впечатление. Он долго медлил с ответом и наконец как бы выдал из себя:

— Господин маршал, бывает же на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются!

— Пусть фельдмаршал знает, что завтра по его вине будет уничтожено много немецких солдат и офицеров, — заявил я.

На этом разговор закончился.

Паулюс молча встал, вытянулся, повернулся и медленно вышел.

Мы решили заняться проверкой готовности к нашему завтрашнему последнему удару по врагу. Из докладов выяснилось, что перегруппировка артиллерии была закончена. Артиллеристы, изготовились к открытию огня с севера, запада, юга и востока — вся территория, занятая противником, во время артиллерийской подготовки будет находиться под сплошным перекрестным огнем. Если выдастся летная погода, в нанесении удара будет участвовать и авиация.

Я запросил штаб Донского фронта о численности оставшейся немецкой группировки. Оттуда был получен ответ — около десяти тысяч человек.

Задолго до рассвета после напряженной ночной работы мы с Константином Константиновичем сели в машины и двинулись на новый командный пункт. В пути нам не раз встречались колонны немецких военнопленных, медленно бредущих по дороге. Фары наших автомашин освещали угрюмые лица, съежившиеся от холода фигуры в длиннополох шинелях темно-зеленого цвета. У многих поверх ботинок или сапог были надеты большие, плетеные из ве-

ревок или даже из соломы боты, головы обмотаны платками, шарфами или просто тряпками.

Бесконечные колонны этих «завоевателей» мне сразу напомнили знаменитую картину Верещагина «Отступление французской армии в 1812 году». Но мы почти не видели конвоиров — наших бойцов, так легко отличаемых по шапкам-ушанкам, полушубкам и валенкам. Оказалось, что некоторые колонны шли вовсе без охраны. Колонну обычно вел назначенный старшим немецкий унтер-офицер, в руках у которого был белый листок бумаги с надписью по-русски «Бекетовка» (пункт назначения). Такая колонна, проходя мимо регулировщика, получала четкое направление.

Наблюдательный пункт располагался на насыпи железной дороги. Связь работала хорошо, управление было налажено. Все ждали сигнала для начала артподготовки. Противник временами постреливал, то ли храбрился, то ли грозил нашим солдатам, неразумно пренебрегавшим опасностью в эти последние часы битвы.

В условленный час взвились ракеты, и все кругом загрохотало. Земля затряслась от мощных залпов нашей артиллерии.

По окончании артиллерийской подготовки перешли в атаку пехота и танки. Теперь снаряды разрывались в глубине обороны врага. С помощью биноклей и стереотруб мы внимательно наблюдали за противником.

Вдруг в расположении войск противника появился один белый флаг, затем второй, третий, четвертый... Вскоре флаги забелели и на соседних участках. Стали показываться небольшие группы немецких пленных, конвоируемых нашими красноармейцами.

Пленных становилось все больше и больше. Постепенно повсюду стала стихать стрельба, а вскоре наступила тишина. Враг не оказывал больше сопротивления. Так на наших глазах завершилась ликвидация последнего очага сопротивления немцев.

Мы поздравляли друг друга с победой.



Генерал-полковник
А. И. РОДИМЦЕВ

Дом солдатской доблести

На личной карте Паулюса дом, о котором я расскажу, был отмечен как крепость. Пленные немецкие разведчики считали, что его обороняет батальон.

Об этом доме сначала узнала наша армия, потом вся страна и, наконец, весь мир. На его защитников равнялась, как в строю, вся дивизия, о нем слагали песни и легенды.

Как это ни странно, но это четырехэтажное жилое здание, выстроенное не из какого-либо несокрушимого материала, а из обыкновенных дерева и кирпича, оказавшееся вообще малоустойчивым, вполне заслуживало того, что о нем писали или рассказывали.

Да, это был дом-крепость, его обороняли бойцы, каждый из которых стоил целого отделения, а то и взвода противника. Слава о защитниках этого дома не померкнет в веках.

А между тем все начиналось буднично и просто, как иногда бывает на войне, когда в истоке подвига лежит малоприметное событие.

Глава из книги генерал-полковника А. И. Родимцева «Гвардейцы стояли насмерть». М., ДОССАФ, 1973.

Как-то в конце сентября ночью, всматриваясь в передний край, я обратил внимание на одинокий дом, темный силуэт которого выделялся посредине площади 9 Января.

«Дом на нейтральной полосе?» — подумал я.

Тогда я спросил об этом доме у командира полка Елина, тот — у командира третьего батальона капитана А. Е. Жукова, а последний в свою очередь — у командира роты старшего лейтенанта И. И. Наумова.

Может, покажется удивительным, но так случилось, что наши наблюдательные пункты разместились «не в глубь, а в высь» обороны, в одном здании, на мельнице, но на различных «уровнях» — этажах, соответственно нашему служебно-иерархическому положению. Мой наблюдательный пункт был устроен на третьем этаже — другого места не нашлось.

Через несколько минут мне передали ответ Наумова снизу, из подвала, что нами этот дом не занят, но оттуда иногда стреляют и что если ему, Наумову, разрешат, то он пошлет людей обследовать этот дом; лично сам он послать разведку не решается, так как людей у него мало. Я разрешил Наумову сделать вылазку.

Старший лейтенант, перебрав в памяти оставшихся в живых младших командиров, вызвал к себе сержанта Я. Ф. Павлова: он сметлив, инициативен, умеет действовать самостоятельно.

Павлов был невысок, худощав, в пропыленной и выгоревшей гимнастерке.

Выслушав командира роты, сержант сказал:

— Понял. Разрешите выполнять?

Немногословный Наумов кивнул головой.

С собой Павлов взял лишь троих бойцов, больше не было, да оно и лучше: чем меньше людей, тем они подвижнее, особенно ночью.

Первым был ефрейтор В. С. Глущенко. Хотя уже не молодой, грузноват, но на удивление всем ловок и сноровист. За его плечами две войны — первая мировая и гражданская. Исполнительный, всегда серьезный, он старательно выполнял любое поручение. Павлов только взглянул на его рыжеватые усы, как тот поднялся и стал поправлять под ремнем гимнастерку.

— Готовься, Василий Сергеевич, — сказал сержант.

У двух других — Н. Я. Черногорова и А. Александрова, — может быть, и не велика была жизненная и боевая

биографии, но находчивости и солдатской смекалки у них хватало.

Павлов, как и положено, назвал бойцов по фамилии и коротко приказал:

— Собирайтесь, со мной пойдете!

Солдатские сборы недолги: бойцы проверили, все ли диски набиты патронами, рассовали по карманам запасные гранаты-«феньки», пощупали, на месте ли кисеты с табаком.

Когда все трое были готовы, Павлов коротко объяснил им задачу, скомандовал: «На ремень!» — и направился к выходу.

Путь от мельницы до одинокого дома на площади, пролежавший через двор, развалины склада и Пензенскую улицу, несмотря на лунную ночь, переползли благополучно. Правда, иногда к землице-матушке приходилось прижиматься вплотную, «всеми суставами»: над головой то и дело посвистывали пули.

Вот и первый подъезд дома. Но что ждет их там, в этом мрачном, будто вымершем здании? Не брызнет ли в лицо из какого-нибудь темного угла струя огня и свинца?

Павлов оставил Глущенко и Александрова в подъезде, а сам с Черноголовым обследовал одну квартиру, потом другую, третью — пусты. Под сапогами хрустят осколки битого стекла и посуды. В углах слышны какие-то подозрительные шорохи. То ли в бесстекольные рамы проскакивает с Волги сквознячок и шуршит в оборванных обоях, то ли притаился враг?..

Нет ли кого в подвале?

Ступеньки ведут вниз. Вдруг показалась узкая-узкая светящаяся щель от неплотно прикрытой двери. Может, сразу распахнуть ногой и бросить гранату? Но что это? Слышится детский плач, приглушенный женский говор.

Павлов заглянул в щель: на столе еле мерцающая лампадка, а вокруг нее — женщины и дети.

Павлов толкнул дверь и вошел. Черноголов сзади замер с автоматом наизготовку: мало ли что может случиться.

— Здравствуйте, граждане!

Женщины встрепнулись, встали. Бледные, испуганные, рассмотрев вошедших, радостно воскликнули:

— Слава богу, свои! А мы думали, опять пришли ироды окаянные.

Из дальнего угла послышался обрадованный знакомый бас:

— Сержант Павлов? Как ты сюда попал?

На свет шагнул санинструктор Калинин из их роты.

— Я в разведке, а вот как ты очутился здесь? — вопросительно взглянул Павлов на санинструктора.

— Я не один. Со мной двое раненых, — ответил тот. — Сначала я одного притащил сюда и, пока ходил за другим, в дом ворвались гитлеровцы. Но нас в темноте за своих приняли... Раз заглянули сюда, но спасибо вот им, — он указал на женщин, — они укрыли нас. Вот и отсиживаемся. Один я давно бы вернулся, но как раненых бросишь.

— А где фрицы? — спросил сержант.

— Похоже, что в соседней секции. За стеной нет-нет да постреливают.

— Оставайся пока тут, — вполголоса сказал Павлов Калинин и вышел из подвала.

Трудно было сказать, почему вместо восточной торцовой секции немцы заняли вторую, серединную: если они и могли стрелять отсюда, то скорее всего по своим, так как дом клином вдавался в их оборону.

— Они того, что ли? — проговорил Павлов, покрутив у виска указательным пальцем.

— А может, их нет в доме? — предположил Черноголов.

— Не думаю, — возразил ему Глущенко. — Дом выгодный.

Бывалый воин был прав: дом с тактической точки зрения был очень удачно расположен. Занятый гитлеровцами, он выравнивал их линию обороны, если бы был отбит нами, то вклинивался бы в глубину обороны противника. Казалось странным, что фашисты сразу этого не оценили.

— Пошли, осмотрим вторую секцию, — распорядился Павлов.

На улице всю светила луна, и бойцы по одному перебежали ко второму подъезду. Как и в первый раз, Павлов оставил Глущенко и Александрова охранять вход в подъезд, а сам с Черноголовым направился к правой квартире, примыкавшей к первой секции первого этажа.

Дверь открылась бесшумно. Войдя в темную переднюю, Павлов и Черноголов уловили за стенками приглушенные голоса. Затаив дыхание, прислушались. Да, это была чужая отрывистая речь. Затем раздался беспечный хохот.

Павлов пошарил руками дверь: она открывалась из передней вовнутрь квартиры. Это хорошо.

«Вот и пришла та самая минута, ради которой, может быть, ты и жил на свете,— подумал сержант.— Выбирай: можно вернуться в роту и доложить Наумову, что в доме гитлеровцы и что ты не рискнул с тремя бойцами атаковать их — и никто тебя не осудит, так как задача выполнена. Но можно поступить и по-другому...»

— Готов? — прошептал Павлов Черноголову.

— Да.

— Действуем. Сначала я бросаю две гранаты и даю очередь из автомата. Затем — ты, тоже из автомата, только меня впопыхах не зацепи. Понял?

— Понял.

— А сейчас прижмись к стенке, начинаю!

Сильным ударом ноги Павлов настезь распахнул дверь и одну за другой швырнул в комнату две гранаты... Мгновенные вспышки огня, взрывы, стоны. Ворвавшись в комнату, он длинной очередью прострелял ее от угла до угла. Вслед за ним короткими очередями начал бить из автомата Черноголов...

Когда все стихло, они увидели через окно залитую лунным светом площадь. На столе у окна тускло поблескивал пулемет, установленный на сошках, по сторонам свисали патронные ленты. Пол был завален бумагами, книгами, осколками битой посуды, гильзами. Посреди комнаты распластался здоровенный детина. Два других фашиста лежали у стола.

Павлов и Черноголов бросились к окну. По площади в сторону Кутаисской улицы бежали темные фигуры. Очередь, вторая... Еще двое упали, остальные скрылись в развалинах дома на той стороне площади.

— Эх, не туда окно выходит,— сокрушался Павлов.— Этих бы доби́ли Глущенко и Александров.

— Как мы их здесь не постреляли? — удивлялся Черноголов.

— Видно, в той комнате были,— сказал Павлов.

Они вошли в другую комнату, как будто в спальню. У стены отсвечивала никелем широкая кровать, а напротив нее — разбитое зеркало шифоньера. Рама окна была выбита наружу, на подоконнике темнели капли крови и поблескивали осколки стекла.

— Кого-то все-таки и здесь зацепили! — воскликнул Черноголов. — То-то один все приседал, когда драпал.

Павлов и Черноголов вышли на лестничную клетку.

— Что ж нас на подмогу не позвали? — с завистью в голосе проговорил Глущенко.

— Сами управились, — ответил Павлов. — А ты, дядя Вася, не горюй, может, еще с кем в доме встретимся.

Проверив квартиру за квартирой, этаж за этажом, они ничего больше подозрительного не обнаружили в доме. Только в подвале третьего подъезда укрылись обеспокоенные ночной стрельбой жильцы.

— Неужели вы нас опять одних оставите? — с тревогой в голосе обратилась к бойцам пожилая женщина.

Павлов молча посмотрел на людей. Их было человек тридцать: старики, женщины, подростки, дети. В углу с деревянного топчана на него взглянула миловидная женщина с бледным, истомленным лицом. Прикрыв какой-то тряпичей расстегнутую блузку, она кормила ребенка.

Ну как уйдешь отсюда? Долго ли какому-нибудь пьяному или одичалому от крови фашистскому головорезу ради забавы швырнуть сюда гранату?

Позже Павлов рассказывал, что именно тогда, находясь в этом подвале, он по-настоящему понял, что он не просто боец Красной Армии, а воин-освободитель и что он вместе с бойцами не только изгнал гитлеровцев из дома — частицы советской территории, но и избавил от фашистского рабства десятки советских людей. Пусть в огромных масштабах войны этот подвиг — только капля в море, но ведь и солдат-то всего ничего — только четверо.

А не из таких ли вот отдельных небольших подвигов закладывается фундамент всеобщей, всенародной победы?

Решение, что делать дальше, оставаться в этом доме или нет, у Павлова еще не созрело, пока еще ничего определенного он не мог ответить этим людям, смотревшим на них с надеждой.

Чтобы заполнить чем-то тягостную паузу, Павлов спросил, обращаясь к старику:

— Кроме четырех секций и подвалов, что еще есть у вас в доме?

— А в котельной были?

— Нет.

— Загляните туда, на всякий случай.

Вторую и третью секции разделяла котельная.

Когда Павлов распахнул дверь в крошечную тьму, пахнущую железом и подвальной сыростью, ему показалось, что в котельной кто-то есть.

— Эй, кто здесь? — крикнул он в гулкую пустоту, отжимая на рукоятке затвора предохранитель. — Отзовись, не то стрелять буду!

— Не надо, сынок, — послышался из темноты встревоженный хриповатый старушечий голос. — Это мы тут, бабушка с внучкой.

— Обождите здесь, у порога, — сказал Павлов бойцам, а сам осторожно ощупывая ногой каменные ступеньки, стал спускаться куда-то вниз.

Когда лестница кончилась, он достал из кармана зажигалку, но кремень, видимо, истощился, и искры он не высек.

— Бабушка, я боюсь... — послышался рядом плачущий детский голос.

— Не бойся, милая моя, это наш солдатик, русский, он не тронет! — успокаивала внучку старушка.

— Бабушка, боюсь, бабушка, боюсь... — словно в забытьи, продолжала твердить девочка.

— Напугана она, сынок, — пояснила в темноте старушка, — один фриц проклятый из ружья этого, нового, что как горохом сыплет, сюда стрелял. Да бог нас помиловал.

Павлову стало не по себе.

— А осветиться-то нечем у вас? — спросил он. — Моя зажигалка отказала.

— Оставались две спички и огарок свечи, да куда-то запропали, сейчас поищу, — ответила старушка.

Судя по шороху, она пыталась приподняться, но девочка снова закричала:

— Бабушка, миленькая, не уходи! Бабушка, не уходи!..

— Глупышка, ты не бойся меня, я — свой, советский, — говорил Павлов, опускаясь на корточки и протягивая в темноту руку, чтобы погладить ребенка по голове.

— Да, да, это хороший дядя, красноармеец, такой, как твой папа, — поддакивала старушка.

Павлов нащупал сначала морщинистую руку, а в ней детскую ручонку.

— Вот потрогай, — сказал он, поднося руку девочки к своей голове, — у меня звездочка, я не фашист, а красноармеец.

Он почувствовал, как ребячьи пальчики ощупывали его пилотку и, добравшись до звездочки, замерли на ней.

— Ну, как?

— Верно, звездочка! — в голосе девочки слышались и радость, и еще не прошедший испуг.

Павлов похлопал по карманам и достал завернутый в тряпицу кусок сахара, полученный еще утром от старшины.

— Вот тебе гостинец, — проговорил он, с трудом поймав в темноте руку девочки. — Рад бы дать еще, да нету больше.

Потом он поднялся и ощупью стал пробираться наверх, к своим бойцам.

— Слышали?

— Так точно, товарищ сержант! — ответил за всех Глущенко. — Я считаю, что нам нельзя отсюда уходить...

— А я, дядя Вася, и не собираюсь. Будем здесь держать оборону.

И чтобы утвердиться в своем решении, Павлов обратился к Александрову и Черноголову:

— Согласны, что ли, ребята?

Те ответили:

— Да, назад не пойдем. Будем обороняться.

А с обороной надо было спешить. Удравшие из дома гитлеровцы, конечно, рассказали своему начальству, что случилось. И, видимо, за то, что они отдали дом, кому-то из них попало. Поэтому с минуты на минуту следовало ждать атаки.

Павлов расставил своих бойцов по окнам, наметил каждому сектор наблюдения и обстрела и вызвал Калинина. При лунном свете он нацарапал карандашом на клочке бумаги: «Дом занят. Жду дальнейших указаний» и отдал записку Калинину.

— Отнеси в батальон... О раненых попроси женщин позаботиться.

Едва за Калининым захлопнулась дверь, как раздался тревожный возглас Александрова:

— Идут!

Павлов осторожно выглянул в окно: по площади к дому пробирались фашисты. Их было десятка полтора. Он подошел к Черноголову и, когда тот занял место рядом с Павловым, приказал:

— Приготовиться!

Затем, поудобнее устроив автомат на подоконнике, добавил:

— Огонь только по команде!

Посреди площади фашисты на минуту остановились, потом, выровнявшись в цепь, бегом бросились к дому.

— Огонь! — скомандовал Павлов.

Раздались автоматные очереди. Словно наткнувшись на какую-то невидимую преграду, упал сначала один гитлеровец, потом другой, третий... Послышался короткий выкрик на чужом языке, и цепь залегла. Но она оказалась настолько близко к дому, что при лунном свете был отчетливо виден каждый вражеский солдат.

— Одиночными, беречь патроны! — приказал Павлов.

Сержант знал, как иногда в горячке боя нерасчетливо расходуют боеприпасы.

После первых же одиночных выстрелов гитлеровцы поняли, что лежать — это значит быть расстрелянными. И они еще раз бросились было в атаку, но тут же отхлынули назад.

— Не пройдет, гады! — крикнул им вслед Павлов, посылая очередь за очередью. — Здесь стоят гвардейцы!

Внимательно осмотрев освещенную луной площадь, на которой темнели силуэты нескольких убитых фашистов, Павлов опустил в заскрипевшее плетеное кресло и объявил:

— Перекур!

Рано утром, когда лунный свет смешивался с розоватым светом зари, гвардейцы отбили еще одну атаку врага. Гитлеровцы вновь откатились назад, оставив на площади до десятка трупов.

— Видно, у фашистов народу тоже немного, раз на такой дом и так мало людей посылают, — заключил Глуценко.

— Подожди, они еще подкинут, — сказал Черноголов.

— Давайте-ка, товарищи, оборудуемся, — предложил Павлов. — Война есть война, этак и убить могут.

Наблюдая поочередно за площадью, бойцы превратили несколько подвальных окон в амбразуры, заложив их наполовину кирпичом, книгами, отопительными батареями и всяким металлоломом.

Восточная торцовая часть дома, выходившая в сторону нашей обороны, все время подвергалась обстрелу с флангов. Иногда вблизи стены рвались мины.

— Наверно, Калинина не пускают,— высказал предположение Павлов.

Он был прав. Как только рассвело, в капитальной стене, отделявшей их от первой секции, послышались глухие удары, начала трескаться штукатурка. Через полчаса в пробитой дыре показалось потное лицо Калинина.

— Не мог пробраться к нашим, товарищ сержант,— проговорил он, тяжело дыша.— Ни бегом, ни ползком. Даже до вашего подъезда не пробежать: снайпер бьет.

— Ничего, стемнеет — доберешься, а пока, до вечера, оставайся здесь,— распорядился Павлов.

Павлов забрался на чердак и через пролом в крыше просигналил на наблюдательные пункты Наумова и Жукова, что дом занят. Однако между нашей и вражеской линиями обороны разыгралась такая сильная перестрелка, что сигналы Павлова никто не заметил. Ничего не оставалось делать, как надеяться только на себя.

С чердака хорошо просматривались окопы и ходы сообщения противника. Выбрав удобную позицию, Павлов стал охотиться за фашистами. Несколько зазевавшихся гитлеровцев он уничтожил, остальные стали осматривать.

«Я научу вас, гадов, ползать на карачках! — произнес он про себя.— Мне бы сейчас снайперскую винтовку или ручной пулемет, я бы тогда показал вам, кто мы здесь такие!»

Когда наступил день, появились вражеские самолеты. Они, казалось, намеревались бомбить дом. Но самолеты, покружившись, улетали, боясь, видимо, зацепить своих. Зато после них дом подвергся ожесточенному артиллерийскому и минометному обстрелу. Потом долго не умолкал ружейно-пулеметный огонь. Пахло гарью, тошнотворной вонью взрывчатки, со стен и потолков сыпалась штукатурка, известковая пыль слезла с глаз.

После обстрела бойцы расширили пролом в стене, в который пролез Калинин, проделали новые проломы в двух внутренних капитальных стенах. Теперь можно было, не выходя на улицу, перемещаться по всему дому.

Как только начало темнеть, Павлов вновь отправил Калинина в штаб батальона, хотя в наружные стены непрерывно постукивали пули. Сержанта больше всего волновало, что дом — такую удобную позицию на подступах к Волге — могут захватить гитлеровцы.

Уже часа три прошло, как ушел Калинин, но трудно было судить — добрался ли? На Пензенской улице, что отделяла дом от мельничного склада, то и дело рвались мины, мерцал трепетный свет от вражеских ракет, тянулись трассы автоматных и пулеметных очередей.

— Не подкосило ли нашего санитаря по дороге? — набивая освободившийся диск, высказал общее опасение Глущенко.

Павлов, прислушиваясь к свисту пуль за окном, промолчал. Возможно, что Калинин и не добрался. Но и посылать больше некого: двое дежурят по обеим сторонам дома, двое работают — расширяют проломы, устраивают бойницы и амбразуры для стрельбы и наблюдения.

Огнем они отрезаны от своих, и теперь надежда только на себя, на свой «гарнизон». И сколько бы ни полезло сейчас на этот дом фашистов — все они будут «их». Хорошо, если поддержат огнем с мельницы или из прилегающих к ней окопов, но теперь и немец стал хитер, в атаку на «гарнизон» он идет тогда, когда обрушивает на наш передний край минометный и артиллерийский огонь, парализуя тем самым действия наших стрелковых подразделений. Наши же артиллерия и минометы не могут им помочь: без связи они «слепы».

Остается только отбиваться, сколько бы фашистов ни полезло. И они будут отбиваться. До последнего патрона, до последней гранаты. А много ли их? Надо проверить, да и с людьми поговорить.

В соседнем отсеке подвала Александров всматривался в чуть светлевшее, наполовину заложённое кирпичами окно.

— Что видно? — спросил его Павлов.

— Ничего подозрительного, товарищ сержант, постреливают по окнам...

И словно в подтверждение его слов в стену стукнуло, как тяжелым молотом.

— Берегись! — предупредил бойца Павлов.

— Я особенно не высываюсь, товарищ сержант, — проговорил Александров. — И не потому, что боюсь — и это, конечно, есть, но больше потому, что нам нельзя рисковать напрасно.

— Верно говоришь: нас здесь только четверо, мы тут живые нужны, а от мертвых... толку мало, — развил его мысль Павлов. — Как с патронами?

Александров похлопал по своим подсумкам с дисками:

— Пока не жалуюсь. Да в вещмешке еще есть. У ко-
реша, как идти сюда, попросил. Но берегу. Сейчас одипоч-
ными стреляю и только по цели. А когда фрицы идут в ата-
ку, тоже зря не палю. Ближе к себе подпускаю, чтоб на-
верняка... Вообще-то не люблю я долго сидеть в обороне.
Жди, когда полезут. То ли дело в наступлении или раз-
ведке...

Видимо, боец разговорился потому, что надоело ему ча-
сами молчать.

Павлов в полумраке скорее угадывал, чем различал
густые, почти сросшиеся брови, юношескую припухлость
щек и прямой открытый взгляд Александрова.

— Послушай, друг! Ты вот сказал, что побаиваешься,
но не очень. А что, если тебе одному придется остаться...
Страшно не будет?

— Не знаю, товарищ сержант, не думал об этом,— мед-
ленно ответил Александров.— Наверное, будет страшно,
потому что один. Но драться буду. Только, пожалуй, еще
злее. За всех, кто есть в доме. Здесь ведь каждый из нас
за десятерых сражается.

«Да, такой не подведет,— подумал Павлов, пробираясь
чуть ли не ощупью к Черноголову.— Надежный парень!»

Черноголов дежурил у окна, выходявшего на Солнеч-
ную улицу. Он курил, держа самокрутку в кулаке.

— Все прислушиваюсь, не идет ли нам подмога,— го-
ворил он, полуобернувшись на шаги Павлова.— Ничего в
волнах не видно...

— Ждешь, значит? — произнес, подходя, сержант.

— А ты не ждешь? — глубоко затянулся табачным ды-
мом боец.— Дом-то велик, а нас раз-два — и обчелся. Хо-
рошо, если только одна пехота полезет, а если еще и тан-
ки подкинут?..

— Что ж, отойдем тогда, что ли? — не поняв, что
имеет в виду Черноголов, с трудом скрыл мелькнувшую
было тревожную мысль Павлов.

— Еще чего! Будем драться до конца. Но удержим
ли дом? Неужели и без Калинина догадаться не могут по-
дослать подкрепление? — и Черноголов снова затянулся
цигаркой.

— Может, с людьми туговато,— высказал предположе-
ние сержант.— Во всем батальоне людей и на роту не
наберется. А участок-то для обороны прежний остался.

— Это верно,— согласился Черноголов.— Выходит, рассчитывать надо только на себя?

— Выходит, так.

— А это, пожалуй, и лучше,— заплевывая самокрутку и бросая ее в угол, заключил Черноголов.

— Что не придут? — удивился Павлов.

— Да нет, что не будем на них рассчитывать. Маятно как-то, когда кого-либо ждешь. Ждать да догонять... сам знаешь.

«С таким тоже воевать можно»,— подумал Павлов и сказал:

— Правильно говоришь. Будем стоять насмерть!

— Сержант! — раздался в темноте голос Александра. — Подойди сюда.

— Поглядывай, Черноголов,— торопливо наставил бойца Павлов.— Полезут — дай знать.

Луна еще не взошла, но в отсветах городского пожара было заметно, как в развалинах, отделявших Кутаисскую улицу от площади 9 Января, двигались тени.

— Собираются... Глущенко! — позвал Павлов.

Без крика, без выстрела гитлеровцы бегом бросились от развалин через площадь к дому. Их расчет был прост: ночь глухая, авось усталых защитников дома застанут врасплох. Но фашисты просчитались.

— Стрелять только по команде! — крикнул Павлов.

Разведчики прильнули к автоматам.

Артиллерийский, минометный и пулеметный обстрел не затихал ни на минуту. Пули всех калибров, осколки снарядов и мин свистели и визжали за окном, стучали по железу крыши, залетали в окна, врезались в полы, потолки и стены. Сыпалась штукатурка, разлетались вдребезги зеркала, стеклянная и фарфоровая посуда.

И это не от того, что стреляли по дому. Просто он стоял почти на нашей передовой, и когда противник вел по ней огонь, то временами доставалось и зданию.

Доставалось дому и от предназначенного на его долю огня. Тогда стены сотрясались от мощных ударов снарядов, тяжелых фугасных мин и авиабомб. Однажды от бомбардировки между четвертой и третьей секциями, от чер-

дака до фундамента, словно черная молния, пробежала зигзагообразная трещина. Четвертая секция могла рухнуть и заживо замуровать около трех десятков подвальных жильцов. Их срочно расселили по подвалам других секций. Вот когдагодились проломы в стенах! Подъездами воспользоваться было нельзя, по ним стреляли снайперы.

В момент, когда обстрел дома прекращался, пьяные фашисты с выкриками: «Хох!», «Рус, буль-буль Вольга», кидались к дому. Но внезапно, словно споткнувшись, падали на землю или, будто переломившись в пояснице, опрокидывались навзничь. Гвардейцы-разведчики косили их ряды. Те же фашисты, что оставались в живых, поворачивали назад, уползали.

Видно, их командир, доложивший своему начальству о сдаче его солдатами дома, получил нагоняй. Пытаясь восстановить положение и свою репутацию, он гнал в атаки отделение за отделением, взвод за взводом. И каждый раз атаки захлебывались.

А наши бойцы во главе с сержантом Павловым после каждой отбитой атаки скрупулезно пересчитывали патроны, поочередно чистили оружие, выломанным из стен кирпичом и снятыми батареями парового отопления укрепляли свои огневые позиции, посменно отдыхали у бойниц, чтобы по первому же сигналу встретить врага метким автоматным огнем.

Так прошла вторая тягостная ночь, второй день. Снова наступили сумерки. Тревога закрадывалась в сердце разведчиков: боеприпасы-то на исходе. А враги по вспышкам выстрелов, наверное, догадались, сколько бойцов в доме, хотя они и часто меняют свои места, и теперь жди еще какую-нибудь пакость...

Между тем судьба разведчиков очень волновала наших командиров.

Командир полка Елин спрашивал у командира батальона капитана Жукова:

— Сколько человек ты послал туда?

— Четверых.

— Мало! Разве они могут такой дом удержать? Ведь у них одни автоматы.

— Большие не мог, товарищ полковник,— отвечал Жу-

ков.— Сами знаете, во взводах осталось по несколько человек, а оборона...

— Знаю,— перебил Елин.— Связаться с ними пробовал?

— Дважды посылал по паре бойцов. Не дошли! Решил зря не терять людей.

— А живы они?

— Наумов докладывает, что огонь ведут все четверо. Под вечер я сам видел, как они атаку отбили.

— Сегодня подкину тебе немного людей, а ты готовь сейчас штурмовую группу им в помощь.

В эту минуту в подвал штаба батальона вошел боец. Без пилотки, в грязи. Надорванная пола шинели волочилась по земле. Доложил:

— Я из дома Павлова... Санинструктор Калинин.

Так и получилось, что ни Елин, ни Жуков, никто из присутствовавших не обратили внимания, что это четырехэтажное здание, называемое до этого Домом специалистов, о котором шла речь, сейчас в устах Калинина обрело новое имя.

Елин прочитал записку сержанта Павлова, приказал накормить Калинина и еще раз напомнил о штурмовой группе.

— Этим «домом Павлова» мы вобьем противнику хороший клин,— уходя, сказал Жукову командир полка.

Но штурмовую группу послать в ту ночь не удалось: со стороны соседнего дома, превращенного гитлеровцами в сильно укрепленный опорный пункт, фашисты предприняли несколько атак на батальон Жукова с целью пробиться к Волге и расчленить дивизию. Тут уж стало не до «дома Павлова».

— Сержант, не наши ли ползут? — вдруг обрадованно крикнул Черпоголов.— Вон там, левее тех развалин,— указывал он подошедшему Павлову.

Со стороны наших окопов действительно что-то двигалось. А вдруг это возвращается немецкая разведка? Ведь ничего не понять в темноте, да еще в такой кутерьме, кто и откуда может появиться.

— Подожди, подпустим поближе,— шепнул Павлов и, взяв автомат наизготовку, встал рядом с ним.

И когда до ползущих оставалось не больше, чем на бросок гранаты, сержант, как когда-то в карауле, окликнул:

— Стой! Один ко мне, остальные — на месте!

— Не стреляй, Павлов! — послышался знакомый голос недавно прибывшего лейтенанта И. Ф. Афанасьева. — Свои идут...

Павлов и Черноголов распахнули двери подъезда и, с трудом сдерживая радость, смотрели, как с улицы торопливо вбегали и исчезали в слабо освещенном подвале товарищи, тяжело нагруженные боеприпасами, шанцевым инструментом и продовольствием. Следом за ними с термосом за плечами, котелками и фляжками в руках замыкал вовремя подоспевшую группу ротный старшина Мухин.

— Сейчас, сержант, обмоем это дело, — сказал он Павлову. — Небось, проголодался вместе со своим гарнизоном.

— И это есть, — ответил Павлов и только сейчас почувствовал, как он голоден.

От сильных рукопожатий у него заныла рука.

— Наконец-то дождались! — проговорил он. — А теперь нам куда, в роту, что ли?

— Ты что ж так плохо о нас думаешь? — засмеялся Афанасьев. — Вы дом заняли, удержали его, а мы, выходит, на готовенькое. Нет, вместе будем сражаться.

— Вот и хорошо, — обрадовался Павлов. — Теперь нас целый гарнизон. Сколько вас прибыло?

— Двадцать два человека. Показывай свое хозяйство, — предложил лейтенант, — и если, говоришь, нас стало целый гарнизон, то и будь отныне его комендантом. Заодно и с новыми обязанностями знакомься.

Едва они вошли, как по соседству послышался детский плач.

— Что это такое? — удивился лейтенант.

— Население, — ответил Павлов. — Заглянем?

Они постучали и вошли в соседнюю, едва освещенную коптилкой подвальную комнату.

С кроватей, расставленных вдоль стен и по углам, стали подниматься обеспокоенные жильцы, а молодая женщина, стоявшая у стола, пыталась уговорить плачущего ребенка.

Афанасьев поздоровался.

— Никак нашего полку прибыло? — поинтересовался высокий старик, выходя на середину комнаты.

— Прибыло, папаша, — ответил Павлов.

— Слава богу! Теперь вам веселее будет. Разве можно вчетвером такую силу сдержать? А коль пужда настанет, то не забудьте нас, стариков. Мы еще крепкие. Можем, если что, и на часах с винтовкой постоять. Дело хоть и давнее, но знакомое. Мы еще в девятнадцатом году от завода «Дюмо» — тогда так нынешний «Красный Октябрь» назывался — были в окопы посланы белогвардейцев отражать...

— Спасибо, отец, — растроганно поблагодарил старика Афанасьев. — Ежели что, позовем. Это он плакал? — обратился лейтенант к женщине.

— Не он, а она, — смущенно поправила женщина. — Пустышку потеряли, вот и горюем обе: где теперь ее достанешь?

— Как зовут девочку?

— Зина. Видно, на горе да на лиху беду родилась моя доченька. За неделю до бомбежки...

— Тяжело вам с ней в подвале-то? — спросил Афанасьев, почувствовав сырость и духоту.

— Ничего, уже привыкли, — ответила женщина. — Вся семья здесь. Вместе не страшно. Вот моя мама — Дикова Мария Григорьевна, сестренки — Света и Нина да нас двое, — произнесла она, перекладывая на другую руку ребенка. — А папки нашего уже нет... — с грустью от еще не угасшего горя произнесла она.

— Где же он?

— Погиб, сказали. Был в ополчении от завода «Красный Октябрь».

— Давайте поближе познакомимся, — предложил лейтенант. — Меня зовут Иван Филиппович.

— А меня Евдокия Григорьевна... Селезнева. Это по мужу.

От недостатка свежего воздуха, от скудного питания миловидное, осунувшееся и истомленное лицо молодой женщины при трепетном свете коптилки казалось особенно бледным.

— Как только удастся, сразу же вас за Волгу переправим, — пообещал Афанасьев. — А пока, видно, потерпеть придется...

— Потерпим,— ответил за всех высокий старик.— О нас не беспокойтесь.

Попрощавшись с жильцами, Павлов и Афанасьев вышли.

Несмотря на темноту, они ходили по этажам, расставляя бойцов. Попутно Афанасьев знакомил Павлова со своими бойцами. К утру гарнизон дома снова был готов к встрече врага.

Огневую позицию для станкового пулемета оборудовали в подвале первого подъезда. Бывалый тридцатипятилетний боец Павел Демченко, отвоевавший в пехоте уже пятнадцать месяцев, изведавший горечь отступления из-под Харькова, где осталась его семья, любовно сконструировал из кирпичей и толстых томов энциклопедии надежную амбразуру и площадку для «максима».

Ему старательно помогал слывший мастером на все руки двадцатипятилетний, тоже колхозник с Украины, не по возрасту тихий и спокойный Павел Довженко.

Старший сержант Воронов по должности считался заместителем командира пулеметного взвода, но так как после недавних боев от взвода осталось только шестеро бойцов и один пулемет, то Воронов по праву старшего становился наводчиком.

И. В. Воронов, орловский колхозник, был на редкость аккуратен, сдержан и добродушен.

По отзывам Афанасьева, умелыми мастерами пулеметного дела и храбрыми воинами слыли сержант А. И. Иващенко, рядовые И. Т. Свирин, М. С. Бондаренко, К. Тургунов и другие.

В шутку Афанасьев назвал свою штурмовую группу интернациональной бригадой. Если пулеметчики представляли только три национальности — русские, украинцы и узбек, то еще многообразнее была национальная семья бронебойщиков отделения А. А. Сабгайды.

— Мне Сталинград дорог вдвойне,— говорил о себе Сабгайда.— Я хоть и украинец по национальности, но у меня в колхозе Сталинградской области жена и двое детей у немцев остались.

В его отделении были узбек Камандай Тургунов, плохо владевший русским языком и мастерски — своим оружием, казах Талабай Мурзаев, таджик А. Турдыев, татарин Ф. З. Ромазанов и русский Шкуратов.

«Сабгайдаки» — так называли бойцов этого отделения — в первый же час пребывания в доме соорудили для своих противотанковых ружей две постоянные огневые точки: одну в подвальном окне — для стрельбы в сторону Кутаисской улицы, другую — с противоположной стороны, выходящей подъездами на Солнечную улицу.

Сержант Т. И. Гридин со своим отделением подготовил в подвале-дровянике огневую позицию для двух ротных минометов.

К бывшим стрелкам, ставшим теперь автоматчиками, Глущенко, Александрову и Черноголову добавилось еще двое — грузин Мосиашвили и абхазец Сукба. Стрелки разделились на две тройки и начали посменно вести наблюдение.

В те же отсеки и комнаты, где были оборудованы огневые позиции и точки, понатащили кроватей, диванов и кресел для отдыха.

Особое внимание уделили оборудованию штаба.

В просторном подвале второго подъезда установили два раздвинутых обеденных стола, накрыв их разноцветными, собранными из нескольких квартир скатертями. На столах аккуратно разложили патроны всех калибров имеющегося в гарнизоне стрелкового оружия, мины, гранаты и бутылки с горючей смесью.

В одном из углов поставили пирамиду с саперным имуществом — лопатами, топорами, кирками, ломami и пилами.

Посреди комнаты стоял письменный стол, окруженный стульями для совещаний и отдыха. На председательском месте Довженко водрузил исполинских размеров резное кресло.

— Только для коменданта гарнизона сержанта Павлова, — серьезно заявил он.

Вскоре на комендантском месте появился телефон с позывными «Маяк», связывавший гарнизон с ротой, и патефон, а в свободном углу комнаты, как напоминание о далеком доме, о мирном времени, заблестел медью тульский самовар. Так оптимистически обживали бойцы «дом Павлова».

Об увеличении гарнизона гитлеровцы узнали сразу. Едва только занялся рассвет и бойцы штурмовой группы Афанасьева закончили оборудование огневых позиций, как группа фашистов бросилась в атаку. Но если раньше ка-

кой-то части атакующих удавалось спастись, то эта группа была уничтожена полностью.

Враг в отместку подверг здание остервенелому артиллерийско-минометному обстрелу. На протяжении часа по дому выбросили более сотни снарядов и мин. С этого дня сто — сто двадцать выстрелов по дому из орудий и минометов стало ежедневной огневой «нормой» гитлеровцев.

Но одним орудийно-минометным обстрелом враг не ограничился. На другой день на противоположной стороне площади из всевозможного домашнего скарба фашисты соорудили баррикаду, и все подступы к дому и все его окна взяли под прицел пулеметов и автоматов, под огонь снайперов.

Бронебойно-зажигательными пулями павловцы баррикаду сожгли, но на следующее утро вместо нее появилась траншея. Теперь у противника оказалось более надежное укрытие, и из дому даже ночью нельзя было высунуться: над площадью поминутно повисали осветительные ракеты. Пока тянули телефонный провод от роты до дома, потеряли двух связистов.

«Дом Павлова» оказался «малой землей», отрезанной от дивизии. А требовалось пополнять боеприпасы, кормить людей, — и своих, и жильцов — и транспортировать раненых.

Посоветовавшись, Афанасьев, Павлов, Воронов, Иващенко и Довженко решили рыть ход сообщения до роты.

В подвале пробили наружную стену, обращенную к Волге, и тайком, ночами, стали работать. В патронных ящиках оттащивали землю, засыпали ею оконные проемы и рыли, рыли, не переставая, прерываясь лишь на время отражения атак врага.

Бойцам помогали жильцы дома — и старики, и женщины под руководством бухгалтера домоуправления и жены фронтовика Зины Макаровой, и подростки Женька и Тимоша — с первых дней верные помощники коменданта.

Через пять дней ход, по которому мог пройти человек с ведром, был готов.

За это время гарнизон заминировал подступы к зданию противопехотными и противотанковыми минами.

И хотя работа шла ночами, без жертв не обошлись: два бойца были убиты и два ранены.

Четыре подземных хода проделали к наружным огненным точкам для использования их в качестве отсечных по-

зиций. Даже канализационная труба, идущая от тыльной стороны дома через Солнечную улицу к «ничейным» развалинам, была приспособлена для укрытия при огневых налетах и бомбардировках.

В случае необходимости гарнизон мог вести оборону даже в условиях полного окружения. А если бы противнику удалось прорваться в подвальные помещения, то и здесь он встретил бы ожесточенное сопротивление, так как эти помещения также были приспособлены для обороны.

Здесь же, в подвале, стояли койки для отдыха бойцов и командиров, была оборудована Ленинская комната. Политработники полка во главе с нашим старым боевым товарищем комиссаром О. И. Кокушкиным даже во время самых тяжелых боев не прекращали идеологической работы среди бойцов и командиров.

Для бесед с бойцами сюда частенько наведывался агитатор полка Леонид Петрович Коринь.

Благодаря титаническому труду гвардейцев, их мужеству и отваге «дом Павлова» стал несокрушимой крепостью.

Как опорный пункт на переднем крае елинского полка дом имел исключительно важное тактическое значение. Он держал под огнем своих пулеметов все прилегающие улицы, откуда фашисты могли попытаться контратаковать. Кроме того, в непосредственной близости отсюда находился наш наблюдательный пункт, расположенный на мельнице. Поскольку два дома, стоявшие около пункта, удерживал противник, позиция Павлова и его товарищей приобретала еще большее значение. Стоило нам потерять «дом Павлова», и фашисты получили бы возможность свободно маневрировать в этом районе.

Но все же, как ни велико было тактическое значение этого опорного пункта, еще более важным оказался моральный фактор. В Павлове и его друзьях получил свое наиболее яркое выражение тот дух сопротивления, который дал возможность 62-й армии, прижатой к Волге, выдержавшей бешеный натиск во много раз превосходящих сил противника, не только выстоять, но и устремиться затем вперед, громя, истребляя, беря в плен гитлеровских захватчиков.

«Дом Павлова» стал крепостью, потому что его защитниками были советские люди, сердца которых не ведали страха.

Герой
Советского Союза
В. Г. ЗАЙЦЕВ



Дорога к победе (Заметки снайпера)

Поединок

Ночью наши разведчики приволокли в мешке «языка». На допросе он сообщил, что фашистское командование серьезно обеспокоено действиями наших снайперов. Из Берлина доставлен на самолете руководитель школы немецких снайперов, кажется, майор Конингс, который получил задание убить прежде всего, как выразился пленный, «главного зайца».

Командир дивизии полковник Батюк был в хорошем настроении.

— Майор для наших хлопцев — это пустяк, — шутил он. — Надо было самому фюреру прилететь. За этой птицей поохотиться было бы интересней. Верно, Зайцев?

— Верно, товарищ полковник, — говорю. А про себя думаю: легко сказать, все-таки руководитель школы, видимо, зверь матерый.

— Что ж, надо этого сверхснайпера уничтожить, — уже строгим тоном приказал комдив. — Только действуйте осторожно, умно.

— Есть уничтожить, товарищ полковник!

К этому времени быстро пополняющаяся группа наших снайперов истребила около тысячи гитлеровцев. Об этом

писали в газетах, листовках. Некоторые из них попадали к противнику. Скажу откровенно,— дело прошлое,— в тот момент с популяризацией нашего опыта не следовало торопиться: враг быстро улавливал приемы наших снайперов и принимал свои меры. Стоило мне снять одного-двух вражеских офицеров, как фашисты открывали по месту предполагаемой засады артиллерийский и минометный огонь. Приходилось запасными ходами быстро менять позицию и этим выходить из переплета.

Приезд фашистского снайпера поставил перед нами новую задачу: надо было его найти, изучить его повадки, терпеливо ждать того момента, когда можно будет произвести всего-навсего один, но верный, решающий выстрел.

О предстоящем поединке ночами в нашей землянке шли жаркие споры. Каждый высказывал свои предположения, догадки, рожденные дневным наблюдением за передним краем противника, предлагались различные варианты отыскивания цели и «приманок». Но тем и отличается снайперское искусство, что, несмотря на опыт многих, исход схватки решает один стрелок. Встречаясь с врагом лицом к лицу, он каждый раз обязан творить, изобретать, по-новому действовать.

Так где же все-таки берлинский снайпер?

Я знал «почерк» фашистских снайперов, по характеру огня и маскировки без особого труда отличал более опытных стрелков от новичков, трусов от упрямых и решительных врагов. А вот характер руководителя школы вражеских снайперов оставался для меня загадкой. Ежедневные наблюдения наших товарищей ничего определенного не давали. Трудно было сказать, на каком участке находится фашист. Вероятно, он часто менял позиции и так же осторожно искал меня, как я его.

Но вот произошел случай: моему другу — уральцу Морозову противник разбил оптический прицел, а Шайкина ранил. Морозов и Шайкин считались опытными снайперами, они часто выходили победителями в самых сложных и трудных схватках с врагом. Сомнений теперь не было — они натолкнулись именно на фашистского «сверхснайпера», которого я искал.

На рассвете я ушел с Николаем Куликовым на те позиции, где вчера были наши товарищи.

Наблюдаю. Знакомый, многими днями изученный передний край противника. Ничего нового не обнаруживаю.

Кончается день. Но вот над фашистским окопом неожиданно приподнимается каска и медленно двигается вдоль траншеи. Стрелять? Нет. Это уловка: каска почему-то раскачивается неестественно, ее, вероятно, несет помощник снайпера, сам же он ждет, чтобы я выдал себя выстрелом.

— Где же он может, проклятый, маскироваться? — спрашивал Куликов, когда мы под покровом наступившей ночи покидали засаду.

— В этом все дело, — говорю.

— А если здесь его нет? — высказал сомнение Куликов.

По терпению, которое проявил враг в течение дня, я догадывался, что берлинский снайпер здесь. Требовалась особая бдительность.

Прошел и второй день. У кого же окажутся крепче нервы? Кто кого перехитрит?

Николай Куликов, мой верный фронтовой друг, тоже был увлечен этим поединком. Он уже не сомневался, что противник перед нами, и твердо надеялся на успех.

В землянке меня ожидало письмо из Владивостока. Сослуживцы писали:

«Узнали мы о ваших героических подвигах в Сталинграде. Гордимся вами — нашим воспитанником...»

Неловко мне стало. Хотелось нарушить фронтовой обычай и прочитать письмо наедине: товарищи пишут о «подвигах», а тут второй день за одним фашистом бестолку охотишься... Но Куликов и Медведев ворчат:

— Коль с Тихого океана — читай вслух.

Пришлось сдаться и читать дальше:

«Вы честно выполняете приказ Родины. Шлем вам, боевому другу, наш пламенный привет. Желаем новых успехов в истреблении немецких захватчиков.

Заверяем вас, что границы Тихого океана будут неприступными для врага. Мы внимательно следим за подвигами фронтовиков. На опыте действующих армий и флотов готовимся к боям, отдаем все силы для быстреешего разгрома фашистской армии и очищения советской земли от гитлеровской заразы.

С боевым приветом по поручению собрания личного состава: Николаев, Лебедев, Лунин, Галактионов, Кочетков, Пономаренко».

Товарищи молчали. Казалось, не письмо, а тихоокеанская волна ворвалась в землянку, вызвав у снайперов

дорогие сердцу воспоминания. Потом Виктор Медведев сказал:

— Надо сразу же ответить. Напиши, Вася, от нас всех, так сказать, слово дай, что морской чести не опозорим, гадов разобьем.

На третий день с нами в засаду отправился и политрук Данилов.

Утро начиналось обычно: рассеивался ночной мрак, с каждой минутой все отчетливее обозначались позиции противника. Рядом закипал бой, в воздухе шипели снаряды, но мы, припав к оптическим приборам, неотрывно следили за тем, что делалось впереди.

— Да вот он, я тебе пальцем покажу, — вдруг оживился политрук. Он чуть-чуть, буквально на секунду по неосторожности приподнялся над бруствером, но и этого оказалось достаточно, чтобы фашист его ранил.

Так мог стрелять, конечно, только опытный снайпер. Я долго всматривался во вражеские позиции, но его засаду найти не мог. За многие дни я уже так изучил передний край противника, что сразу замечал каждую новую воронку, каждый вновь появившийся бруствер. Сейчас же ничего нового, подозрительного не было.

Но по быстроте выстрела заключил, что снайпер где-то прямо.

Продолжаю наблюдать. Слева — подбитый танк, справа — дзот. Фашист в танке? Нет. Опытный снайпер там не засядет. В дзоте? Тоже нет — амбразура закрыта.

Между танком и дзотом на ровном месте, впереди линии обороны немцев, лежит железный лист с небольшим бугорком битого кирпича. Давно лежит, примелькался. Ставлю себя в положение противника и задумываюсь: где лучше занять снайперский пост? Не отрыть ли ячейку под тем листом? Ночью сделать к нему скрытые ходы...

Да, наверное, он там, под железным листом на нейтральной зоне.

Решил проверить. На дощечку надел варежку, поднял ее. Фашист клюнул. Ага, отлично!.. Дощечку осторожно опускаю в траншею в таком положении, в каком и приподнимал. Внимательно анализирую пробоину. Никакого скоса, прямое попадание, — значит предположение точно, фашист под листом.

— Там, гадюка... — доносится из смежной засады тихий голос моего напарника Николая Куликова.

Теперь надо врага выманить и «посадить» на мушку хотя бы кусочек его головы.

Бесполезно было добиваться этого сейчас. Снова понадобится определенное время. Но характер фашиста изучен. С этой удачной позиции он вряд ли уйдет.

Нам же следовало обязательно менять позицию.

Работали ночью. Засели до рассвета. Гитлеровцы вели беспорядочный огонь. По переправе через Волгу били вражеские минометы. В небо взлетали ракеты. Затем ударила наша артиллерия, и фашистские минометы замолчали. Появились вражеские бомбардировщики. Светало быстро, и с приходом дня бой развивался с новой силой. Но ни грохот орудий, ни разрывы снарядов и бомб, ни шум танков — ничто не могло меня отвлечь от выполнения задачи.

Взошло солнце. Куликов сделал слепой выстрел: снайпера следовало заинтриговать. Решили первую половину дня переждать, так как блеск оптики мог нас выдать. После обеда наши винтовки были в тени, а на позицию фашиста упали прямые лучи солнца. У края листа что-то заблестело. Случайный осколок стекла или снайперский прицел?

Куликов осторожно, как это может делать только самый опытный снайпер, стал приподнимать каску. Фашист выстрелил. Куликов на мгновение приподнялся и громко, смертельно вскрикнул и умолк.

Гитлеровец подумал, что он, наконец-то, убил советского снайпера, за которым охотился четыре дня, и высунул из-под листа полголовы. На это я и рассчитывал. Ударил метко: голова фашиста осела, а оптический прицел его винтовки, не двигаясь, блестел на солнце до самого вечера.

Куликов лежал на дне траншеи и заливался смехом. — Беги! — кричу ему.

Николай спохватился, понял и за мпой пополз в запасной снайперский пост. В ту же минуту на старую нашу засаду фашисты обрушили артиллерийский огонь. Они хотели отомстить за своего знаменитого снайпера.

Как только стемнело, наши бойцы на этом участке пошли в наступление. В разгар боя мы с Куликовым вытащили из-под железного листа убитого майора фашистской армии, извлекли его документы и доставили их командиру дивизии.

— А я был уверен, что вы эту берлинскую птицу подстрелите, — сказал полковник Батюк.



Генерал-полковник
И. И. ЛЮДНИКОВ

Есть на Волге утес...

Время начисто стирает и те следы войны, которые надо бы сохранить для будущего.

Ветры да дожди изменили контуры обрывистого берега Волги у завода «Баррикады», и блиндаж-шtolьню засыпало землей, а земля поросла травой. Теперь уже не найти тот блиндаж...

Строили его для дирекции завода в самые грозные дни лета сорок второго. Отсюда, как с командного пункта, шли приказы по цехам — кому оставаться у станков, кому уходить на фронт. А фронт был рядом. Связные мчались в шtolьню-блиндаж со сводками о количестве оружия, изготовленного в цехах и с боевыми донесениями отряда истребителей фашистских танков.

Завод эвакуировался, блиндаж-шtolьню занял штаб 62-й армии, а потом — штаб стрелковой дивизии Л. Н. Гурьева. Сменяя дивизию, мы не предполагали, что в счи-

Глава из книги генерал-полковника И. И. Людникова «Дорога длиною в жизнь». М., Военное издательство МО СССР, 1969.

танных метрах от блиндажа-штольни разгорятся ожесточенные схватки с гитлеровцами.

Пядь приволжской земли, где сражались рабочие «Баррикад» и воины, обозначена ныне памятниками. Солдатское спасибо за это от тех, кто воевал на рубежах «Баррикад». И все-таки жаль, что исчез блиндаж-штольня...

Начиная рассказ о боях в Сталинграде, я зримо представляю этот блиндаж, в котором бывал командующий фронтом и куда прибегал солдат с переправы, чтобы согреть окоченевшие руки. Тогда, в сорок втором, я шел к этому блиндажу, обходя разбитые вагоны, свалки станков — их так и не успели вывезти на другой берег. Огромная воронка от бомбы зияла перед входом в блиндаж, а напротив, уткнувшись носом в илистый грунт, догорала над водой баржа.

Старший лейтенант В. О. Коповаленко, сопровождавший меня, остановился перед одной из комнат блиндажа.

— Здесь, — шепотом сказал он.

Я переступил порог и увидел склонившихся над картой командующего фронтом генерал-полковника А. И. Еременко, его заместителя генерал-лейтенанта М. М. Попова, генералов В. И. Чуйкова, Н. И. Крылова и дивизионного комиссара К. А. Гурова — из 62-й армии. Видимо, я помешал, и все ждали, когда представлюсь командующему. Еременко сказал, что задачу дивизии определит командарм Чуйков, но тут же предупредил:

— Враг рвется вперед. Отступать нам некуда. Отступить нельзя. Это вам ясно?

— Ясно.

Генерал-майор Крылов увел меня, чтобы познакомить с обстановкой. По дороге сообщил:

— Мы переберемся южнее завода «Красный Октябрь», а вам располагаться тут. Лучшего места для штаба дивизии не сыскать.

В книге «Поход на Сталинград» немецкий генерал Дёр пишет: *«Путь к этой полосе (прибрежная полоса р. Волги.— И. Л.) лежал через районы города, промышленные предприятия и железнодорожные сооружения, которыми необходимо было овладеть; их сопротивляемость благодаря характеру местности, оборудованию позиций, боевым качествам личного состава и вооружению оборо-*

няющих войск была настолько сильной, что сил 6-й армии никогда не хватало для того, чтобы одновременно атаковать эти два объекта.

Эти тяжелые условия тогда не сразу были учтены, они полностью выявились лишь в ходе боев.

14 октября началась самая большая в то время операция: наступление нескольких дивизий (в том числе 14-й танковой, 305-й и 389-й пехотных) на тракторный завод... Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в Калмыцких степях, стягивались подкрепления, инженерные и противотанковые части и подразделения, которые были так необходимы там, где их брали. Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии. Наступление поддерживал в полном составе 8-й авиакорпус.

Наступавшие войска продвинулись на 2 км, однако не смогли полностью преодолеть сопротивления трех русских дивизий, оборонявших завод, и овладеть отвесным берегом Волги. Если нашим войскам удавалось днем на некоторых участках фронта выйти к берегу, ночью они вынуждены были снова отходить, так как засевшие в оврагах русские отрезали их от тыла» *.

14 октября, в день, о котором пишет Дёрр, мы еще находились в резерве фронта по ту сторону Волги.

С утра поехал на совещание комбатов в 344-й полк. Знал, что их интересует, и, не мудрствуя, сказал:

— Мы воевали на просторах между Волгой и Доном. Там левофланговый солдат видел своего однополчанина на правом фланге. В уличных боях солдату придется действовать самостоятельно. Готовьтесь к этому...

До пылающего Сталинграда всего десять километров. В дивизию прибыло пополнение, и ветераны радушно встретили новичков. В ту же ночь солдаты получили оружие.

Поступил приказ командующего фронтом о готовности к переправе. Следующий приказ был от командарма Чуйкова: *«Командиру 138 сд немедленно и по тревоге поднять один полк в полном составе и не позднее 5.00 16.10.42 г. переправить его на западный берег р. Волга».*

* Г. Дёрр. Поход на Сталинград. М., Военное издательство МО СССР, 1957, стр. 57.

С полком майора Печенюка к Волге ушли мой заместитель полковник Куров и старший лейтенант Копоvalенко. Через сутки с переправы 62-й армии, где нас ждали бронекатера и два моторных парома 44-й бригады Волжской флотилии, начали переправу полки Гуняги и Реутского.

Над Волгой в темени ночи кружат «фокке-вульфы», сбрасывая на парашютиках фонари. Вспыхивают ракеты, освещая зеркальную гладь реки. Мы на виду у противника. Он бьет по переправе. Всем не терпится скорее добраться до берега. На земле пехотинец твердо стоит на ногах. Там он может перебегать, маскироваться, окапываться. Другое дело — на воде и под огнем. Муторно становится на душе, когда по тебе бьют, а ты сидишь в трюме баржи, сжав винтовку.

Некоторые новички нервничают. Сужу об этом по обрывкам разговоров:

— Почему так медленно?

— Будто на месте стоим...

— Этак им недолго пристреляться... И ни за понюх табаку...

— Не хнычь! На то Волга, чтобы плыть по ней долго.

Солдаты тягостно молчат. И вдруг на самой высокой ноте взлетает песня:

Есть на Волге утес...

И не сразу и не дружно, но песню подхватили. В тот же миг показалось, что веселее затарахтел катер, буксирующий баржу к другому берегу.

Первый приказ Военного совета 62-й армии гласил:

16 октября 42 года. 23.50. Штарм 62.

1. Противник занял Сталинградский тракторный завод, развивает удар от СТЗ к югу вдоль железной дороги и стремится захватить завод «Баррикады».

2. 62-я армия продолжает удерживать занимаемый рубеж, отбивая яростные атаки противника.

3. 138-й Краснознаменной сд к 4.00 17.10.42 г. занять и прочно оборонять рубеж южная окраина Деревенск, Скульптурный. Не допустить выхода противника в район проспекта Ленина и завода «Баррикады».

650 сп Печенюка занять территорию завода «Баррикады», создать в нем сеть огневых пунктов и не допустить проникновения противника на завод.

*Генерал-лейтенант
В. Чуйков*

*Див. комиссар
К. Гуров*

*Генерал-майор
Н. Крылов*

Полк Печенюка уже в бою, но обстановка вынудила его сражаться не там, где это определялось приказом. Такое бывает нередко, когда смена частей происходит под воздействием атакующего противника.

Спешу к полковнику Гуртьеву на командный пункт 308-й дивизии. Шестнадцать лет мы не виделись, а теперь, в бою, один должен сменить другого. Обнялись, расцеловались. Прошу связистов Гуртьева соединить меня с Печенюком.

— Жарко тут,— слышу голос Печенюка.— Деремся, как на семьдесят четвертом километре.

Это приятно слышать. У железнодорожного разъезда 74-й километр, между Котельниково и Сталинградом, 650-й полк показал образец стойкости.

Дивизия еще втягивалась в бой, а гитлеровцы уже провались к некоторым цехам «Баррикад». С Верхнего поселка они просматривают территорию завода вплоть до набережной, простреливают нашу оборону на всю глубину. Немецкие танки атакуют фланги дивизии и рвутся к Волге, чтобы потом зажать нас в клещи. Поэтому мы обязаны не только удержать рубежи, занятые полками Печенюка и Гуняги. Надо еще ударить по фашистам, не дать сомкнуться клещам. На этот удар мы нацелили 344-й полк, который недавно принял Реутский.

Атаку 344-го полка должен был начать лучший его батальон — батальон капитана Немкова. Противник, вероятно, догадался о нашем намерении и перед самой атакой совершил артналет. Связь с батальоном Немкова оборвалась. Немцы пристрелялись и по наблюдательному пункту Реутского. Это случилось за две-три минуты до того, как был отдан приказ на атаку.

Полковник Реутский взял в руки автомат.

— Идем к Немкову! — приказал он адъютанту.

Снаряд угодил в наблюдательный пункт, когда полковник уже собирался покинуть его. Только необычайная сила Реутского позволила ему, раненному и контуженному, подняться на ноги. Он ничего не видел. В ушах стоял пронзительный звон. Адъютант вложил в руку командира полка телефонную трубку, и тот понял, что связь с батальоном Немкова восстановлена.

— Слушай меня, Немков, и не перебивай, — сказал Реутский. — Передаю приказ «Первого». Это и мой приказ: поднимай батальон в атаку, наступай на «Баррикады»... Вперед Немков!.. — Трубка выпала из рук Реутского, и сам он повалился на землю.

Перевязочный пункт полка находился у берега Волги. Врач сказал мне, что положение раненого тяжелое, что ему грозит слепота. Мы зашли в палатку, где лежал Дмитрий Александрович. Он узнал меня по голосу.

— Где полк? Выполнил полк задачу?

Я принес хорошие вести. 344-й полк атаковал успешно, помог Печенюку и теперь закрепляется на новом рубеже. В штабе армии уже знают об этом. Немков и Реутский представлены к правительственным наградам. И еще пожелал полковнику вернуться в строй, в нашу дивизию...

Двадцать лет спустя я прочел в «Литературной газете» очерк о человеке, который остался в строю наперекор тяжкому недугу. Газета рассказывала о подвиге героя Сталинградской битвы, который стал одним из лучших партийных пропагандистов Киева, — о слепом полковнике в отставке Дмитрие Александровиче Реутском. Потом было опубликовано письмо мариупольского рабочего Леонида Зайцева: «Если только он, Реутский, согласен, то я ему, патриоту нашей любимой многонациональной Родины, готов отдать один свой глаз...»

Проводив Реутского на переправу, я вернулся в блиндаж-шtolьню. Новые хозяева уже навели там порядок. Саперы открыли ходы сообщения к реке, связисты дали «нитки» во все подразделения, развернулся медпункт, работал хозвзвод.

В полночь бой утих. Можно было и отдохнуть час-другой. Я прилег, думая о Реутском и о том, кем его заметить.

Дивизия воюет своими полками, и ее успех во многом зависит от личных качеств командиров полков. Майор Печенюк из 650-го выделяется храбростью, обладает бесценной на войне интуицией, которая помогает принимать смелые решения и осуществлять их. Майор Гуняга из 768-го в отличие от Печенюка чрезмерно осторожен, однако его трезвая расчетливость в обороне положительно сказалась на действиях полка. Дивизии предстоят тяжелые бои. Здесь, на «Баррикадах», от нас потребуются железная стойкость при защите рубежей, дерзость в контратаках, умение приспосабливаться к новым, необычным условиям. Есть у меня на примете командир, который в храбрости не уступит Печенюку, в расчетливости — Гуняге. Он, правда, еще очень молод, и воинское звание у него небольшое. Интересно, что завтра скажут мои товарищи, когда предложу этого офицера на должность командира 344-го полка?..

На «Баррикадах» мы дрались сто дней и ночей, а с 11 ноября и почти до конца года были отрезаны от своих частей. Впереди и на флангах до берегов Волги — враг. Позади — река. Переправиться к нашей дивизии может лишь тот, кто отважится плыть под перекрестным огнем немецких пулеметов и автоматов. В те дни (это отмечает в своих мемуарах В. И. Чуйков) о защитниках «Баррикад» в газетах не писали — ни один корреспондент не мог пробраться к ним.

В архиве Министерства обороны СССР 138-я дивизия за тот период представлена самой тощей папкой. Мы испытывали нужду не только в боеприпасах и продуктах. Бумаги не было тоже, да и, признаться, некогда было писать.

Надеюсь, читатель простит мне отсутствие последовательной хроники боевых действий на «Баррикадах». Ее нет в архиве, но она незабываема, ибо в каждом факте, в каждом эпизоде, сохраненном памятью, проявлялся характер воина, сражавшегося на земле Сталинграда.

— Ну, старшой, куда пойдем?

— Если не возражаете, товарищ полковник, в батальоны Щербака и Беребешкина.

Я так и знал: старший лейтенант Владимир Коноваленко предложит начать осмотр переднего края с 344-го полка. Ранение полковника Реутского взволновало Коноваленко. Я слышал, как старший лейтенант доказывал своему начальнику, майору Реутскому, что беда миновала бы Реутского, будь он, Коноваленко, в 344-м полку.

— Скажи какой ангел-хранитель! — усомнился начальник оперативного отделения.

— Не в том дело! — горячился обычно спокойный Коноваленко. — Я раньше других переправился на этот берег и знал, какая тут обстановка, где можно оборудовать наблюдательный пункт командира полка.

— Какая же тут обстановка? — допытывался Реутский.

— А такая, товарищ майор, что надо сближаться с противником до расстояния броска гранаты. Тогда его авиации и артиллерии заказано бить по переднему краю. Своих поразят.

Помощники Реутского — капитан Гулько и старший лейтенант Коноваленко — уже облазили передний край каждого полка. Коноваленко правильно оценивает обстановку и характер предстоящих боев. Вот он и сопровождает меня в полки, чтобы я убедился, как оборудованы наблюдательные и опорные пункты, узлы сопротивления, как действует связь между ними.

Фронт дивизии изогнулся, рассекая цеха завода и улицы Нижнего поселка. Против нас действует 305-я пехотная дивизия немцев, ее поддерживает танковая бригада. Изрядно потрепанная в боях с 308-й дивизией, которую мы сменили, танковая бригада гитлеровцев еще располагает сорока машинами, а у нас — ни одной. Вся надежда на артиллерию, которой управляет храбрец и умница подполковник Тычинский*. Его артиллеристы сыграли не последнюю роль в боях за «Баррикады».

Прошла неделя после переправы, и, хотя враг топчет-ся на месте, бой с каждым днем принимает все более ожесточенный характер. Вот что записано в моем дневнике за 25 октября:

С шести утра самолеты Ю-87 бомбили боевые порядки дивизии. Противник атакует танками. В образовавшиеся

* С. Я. Тычинский погиб за несколько дней до конца Великой Отечественной войны.

разрывы между полками пришлось ввести резервы, чтобы восстановить положение.

В 13.00 отбита сильная атака на полк Гуняги. Через два часа — повторная атака танками и пехотой. Гитлеровцам удалось овладеть Красным домом. Гарнизон этого дома погиб.

Вечером и в полночь противник продолжает атаки. 1-й батальон 344-го полка выдержал двухчасовой бой.

Командарм Чуйков сказал мне по телефону: «Знаю, что вам туго, но именно сейчас во что бы то ни стало надо удержать рубежи».

Рубежи надо удержать! На «Баррикадах» нет такого наблюдательного пункта, откуда можно обозреть эти рубежи. Коноваленко знает их на память и показывает мне опорные пункты и узлы сопротивления, рассчитанные на круговую оборону.

С опорного пункта батальона Щербака видны узлы сопротивления. Четырехэтажное здание на соседней улице — это уже опорный пункт батальона Немкова. Есть ротные опорные пункты. Одноэтажные дома обороняют гарнизоны из трех-четырёх солдат. У них ручной пулемет и винтовки, автоматы, гранаты. Они бьют по дальним целям и готовы к рукопашным схваткам. Только разрушив дом, противник может достигнуть рубежа, на котором стоит этот дом.

Немцы уже испытали стойкость нашей обороны. Батальонный комиссар Фомин из 344-го полка показал мне письмо убитого гитлеровского офицера, принесенное нашими разведчиками: «Нам надо дойти до Волги. Мы ее видим — до нее меньше километра. Нас постоянно поддерживает авиация и артиллерия. Мы сражаемся как одержимые, а к реке пробиться не можем. Вся война за Францию продолжалась меньше, чем за один приволжский завод. Мы брали крупные города и теряли при этом меньше людей, чем на этом богом проклятом клочке земли. Против нас, вероятно, сражаются смертники. Они не получают подкреплений, так как мы контролируем переправу. Они просто решили сражаться до последнего солдата. А сколько их там осталось — последних? И когда этому аду наступит конец?..»

Возвращаясь в штаб, собираю «малый военный совет» — комиссара дивизии Николая Ивановича Титова,

Ивана Ивановича Курова и Василия Ивановича Шубу. Нам надо посоветоваться.

— 344-му полку требуется командир. Взять его придется из вашего штаба, Василий Иванович,— обращаюсь к подполковнику Шубе.

— Кого имеете в виду? — настороженно спрашивает он.

— Коноваленко.

Все молчат. Мой заместитель по строевой части Иван Иванович Куров — старший среди нас по возрасту. Жду, что он скажет.

— Коноваленко — командир толковый, но... — Куров разводит руками,— как быть с субординацией? В полку есть капитаны, майоры, а командовать будет старший лейтенант.

По выражению лица комиссара догадываюсь, что такое возражение можно отклонить. Вызываем Коноваленко. Он явился в походной форме, полагая, очевидно, что опять предстоит идти в полк с каким-нибудь заданием. Оказанным ему доверием смущен, смотрит на меня, чуть приоткрыв полные губы, тихо говорит:

— Вы уверены, что справлюсь?

— И думать не смей, что не справишься! — перебивает комиссар.— Мы за тебя головой отвечаем.

— Подполковник Шуба, пишите приказ,— обращаюсь к начальнику штаба.— *«Допустить к исполнению должности командира 344-го стрелкового полка 138-й краснознаменной стрелковой дивизии капитана Коноваленко Владимира...»*

— Я пока не капитан,— робко замечает Коноваленко.

— В полк пойдешь капитаном! Две шпалы на гимнастерку даст комиссар, две шпалы на шинель — я. Ступай, капитан, а мы тут подготовим представление к новому званию, оформим приказ.

...Семь месяцев спустя в боях на Курской дуге (138-я дивизия именовалась тогда 70-й гвардейской, 344-й полк — 203-м гвардейским полком в составе 17-го гвардейского корпуса, а я командовал 15-м стрелковым корпусом в 13-й армии) мне удалось связаться по телефону с полковником Шубой.

— Здравствуйте, Василий Иванович! Узнал, где вы находитесь и как здорово, по-гвардейски, воюете. Спасибо вам!

— Рад слышать ваш голос, товарищ гвардии генерал-майор. Деремся, как на «Баррикадах».

— А как показал себя в бою Коноваленко?

— Не хватает слов, чтобы достойно оценить этого офицера. О Коноваленко, о делах его полка скоро узнаете.

Полковник Шуба имел в виду подвиг, о котором в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» в главе, повествующей о Курской битве, сказано, что почти все солдаты и офицеры 203-го гвардейского стрелкового полка были представлены к правительственным наградам. В ту пору немногие удостоивались такой чести.

Забегая вперед, хочу сказать, что и на Днепре, потом на Правобережье Украины гремела слава командира 203-го гвардейского полка Героя Советского Союза гвардии майора Владимира Коноваленко.

На исходе октября.

Противник наращивает атаки на рубежи нашей дивизии, обороняющей завод «Баррикады». Бомбами, снарядами и минами он крушит здания цехов, жилые кварталы. Когда дома превращаются в груды щебня, их гарнизоны перебираются в подвалы. Наш солдат, пока жив, не оставляет своего рубежа.

В те напряженные дни пришла весть, которая взволновала и опечалила меня. Полковник Шуба сообщил о телеграмме, полученной от генерала Крылова. Она касалась сына Долорес Ибаррури — Рубена, пропавшего без вести в боях под Сталинградом. Крылов спрашивал, не располагаем ли мы какими-либо сведениями. Мы, к сожалению, ничего не знали.

Этот юноша был очень близок и дорог мне. Мы познакомились за два года до начала войны, когда заместитель начальника Генерального штаба комдив И. В. Смородинов приказал мне, офицеру этого штаба, явиться к секретарю Исполкома Коминтерна Дмитрию Захаровичу Мануильскому:

— Поможете ему решить один вопрос, а какой — Мануильский вам объяснит.

С таким напутствием приехал я к Мануильскому, а от него узнал о заветном желании единственного сына Доло-

рес Ибаррури поступить в военное училище. Юноша закончил среднюю школу, хорошо говорил по-русски. Мать одобряла решение сына. Но какое училище для него выбрать? И как это оформить? Я понял, чего от меня ждут, и в общих чертах обрисовал будущее молодого человека, окончившего военное училище.

Мануильский и я пошли к Долорес Ибаррури. В ее кабинете (жили тогда Ибаррури на улице Горького) застали Хосе Диаса — секретаря ЦК Испанской коммунистической партии. Он тоже принял участие в беседе. А началась она необычно.

— Товарищ полковник, как вы стали военным? — спросила Долорес Ибаррури. — С чего вы начали?

— Начал с ездового на пулеметной тачанке.

Пришлось рассказать, что такое тачанка. Узнав, что у меня два сына, Долорес Ибаррури спросила, кем бы я хотел видеть своих мальчиков в будущем. А им еще предстояло расти и расти. Младший, Толька, учился в четвертом классе, но уже твердил, что станет Чкаловым. Валька, дошкольник, расстилал на полу мой полушубок, завертывался в него и кричал: — «Я — Папанин!»

Мы от души посмеялись и перешли к серьезному разговору.

Несколько раз обсуждали на «семейном совете», в какое училище поступить Рубену. Я горячо рекомендовал подать документы в училище имени Верховного Совета РСФСР — знаменитую школу кремлевских курсантов, как ее называют в народе.

Через несколько дней документы были оформлены. Навестив Ибаррури, я застал мать и сына в заботах. Кто-то в училище сказал, что надо взять из дому личные вещи, и Рубен усердно набивал большой чемодан. Мы тут же вместе разобрали его, а когда закончили повторную укладку, на дне чемодана остались мыльница и зубной порошок со щеткой...

Все это я вспомнил в самую тяжелую пору Сталинградской битвы — в темную октябрьскую ночь над волжским обрывом.

Все эти годы храню как реликвию копию письма Д. З. Мануильского к Долорес Ибаррури:

«19 октября 1942 г.

Дорогой друг и боевой товарищ!

По заданию Главного политического Управления

Красной Армии я был на Сталинградском фронте и имел возможность лично выяснить обстоятельства, при которых погиб Рубен. Был на том месте у хутора Власовка, где он пал смертью храбрых.

Посылаю тебе, дорогой товарищ Долорес, заключение, подписанное членом Военного совета Сталинградского фронта тов. Хрущевым, об отваге твоего сына и его героической смерти.

За несколько дней до гибели Рубена к разъезду 564, ведущему к станции Котлубань, прорвались неприятельские танки. Захват противником станции Котлубань грозил прервать сообщение со Сталинградом. Военная обстановка сложилась таким образом, что главная тяжесть удара танков и мотопехоты противника упала на плечи пулеметной роты, которой командовал орденоносец гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури.

Отважными действиями курсантов учебного батальона и в особенности мощным огнем пулеметной роты, организованным Ибаррури, путь противнику был прегражден, и немецко-фашистские части не были допущены к станции Котлубань. Действуя в дальнейшем в направлении хутора Власовка, пулеметная рота учебного батальона, увлекаемая примером тов. Ибаррури, проявила исключительный героизм в деле истребления живой силы и техники врага. Пулеметная рота тов. Рубена Ибаррури своим губительным огнем уничтожила передовые части противника, который в панике отступил, бросил пушки, минометы, пулеметы, автоматы, винтовки и оставил на поле боя свыше 100 солдат и офицеров только убитыми.

В этом бою гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури был смертельно ранен, вынесен бойцами с поля боя и направлен в госпиталь. Хутор Власовка был занят нашими частями, причем захвачено было у противника большое количество трофеев, в том числе: 12 минометов, 16 станковых пулеметов, 27 противотанковых ружей, автомашины, винтовки, большое количество снарядов и патронов.

У могилы своего славного командира бойцы, которыми командовал гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури, поклялись отомстить за смерть своего боевого товарища...

...Пусть эта оценка послужит тебе, дорогой друг и товарищ, моральной поддержкой в постигшей тебя тяжелой утрате.

Ни Испания, ни наша страна не забудут имени твоего славного сына. Честь и слава твоему достойному сыну и его достойной матери, взрастившей и воспитавшей его! Сердечно обнимаю тебя.

Д. Мануильский».

Незрима эстафета подвигов во имя Родины, совершенных в разные времена. Но она существует, я верю в это.

Украинский хлопец из светловской «Гренады», полюбившийся миллионам людей, так и не побывав в далекой Испании, погиб, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Много лет спустя наши соотечественники, реальные герои, проливали свою кровь в боях с фашизмом за свободу Испании. А в 1942 году, преграждая путь фашистским танкам к Волге, упал, сраженный, на русскую землю отважный испанский юноша Рубен Ибаррури.

Три сержанта

Из показаний пленных мы узнали, что 578-й полк 305-й немецкой пехотной дивизии получил недавно пополнение из Данцига. Прибыло четыреста солдат, осталось сорок. Несмотря на такие потери, враг рвется к Волге.

29 октября дивизия отбила четырнадцать атак. В последнюю атаку — это было на участке полка Печенюка — гитлеровцы гнали впереди себя детей и женщин. Мы повидали на войне немало чудовищных злодеяний фашистов, но с подобным столкнулись впервые.

Я вынужден снова обратиться к книге Дёрра «Поход на Сталинград». Он не был там, где сражалась 6-я немецкая армия, и опирается лишь на свидетельства очевидцев и документы. Рассуждая о минувшей войне с позиций генерала побежденной армии, автор рассчитывает, видимо,

создать у читателя иллюзию объективности. Именно в таком духе пытается он толковать о «высоких этических традициях» немецкой армии, сражавшейся под Сталинградом и в Сталинграде. Напрасно. Весь мир давно знает о неслыханных насилиях над мирным населением и военнопленными, совершенных немецко-фашистской армией в годы второй мировой войны. Как участник Сталинградской битвы, я могу только еще раз подтвердить это.

Подлость гитлеровцев, искавших защиту не за броней танков, а за спинами русских детей и женщин, лишь ожесточила защитников «Баррикад». Они поклялись яростно отстаивать каждую пядь родной земли.

Бывший командующий 6-й немецкой армией фельдмаршал Паулюс в своих воспоминаниях * писал, что во второй половине ноября трижды обращался в вышестоящие инстанции с предложением отвести войска 6-й армии на Дон и Чир. Об этом, видимо, не знал командир 305-й немецкой пехотной дивизии, которая непрерывно атаковала «Баррикады». А мы имели приказ нашего командарма: *«Дивизии Людникова, усиленной 118-м полком, удерживать занимаемую полосу обороны, не допуская противника в район улиц Таймырская, Арбатовская» (Приказ № 232, § 3).* Этот приказ мы и выполняли.

Опыт боев на «Баррикадах» может явиться темой для отдельной книги. Если я напишу ее, то на картах, схемах и пояснениях к ним покажу, в чем заключалась живучесть нашей обороны, как действовали отдельные части, их подразделения, небольшие резервные группы. Мы воевали на земле — за каждую улицу и дом, за каждый холмик и овраг, за каждый метр полотна железной дороги, за каждую путевую будку. Мы дрались под землей — в лабиринтах подземных ходов большого заводского хозяйства. На «Баррикадах» лицом к лицу сходились солдаты противоборствующих армий, и в таких схватках победа была на стороне тех, кто самоотверженно и храбро сражался за правое дело.

Перед моим мысленным взором проходят события первых дней боев на «Баррикадах». Каждое событие — подвиг, совершенный нашим воином. И прежде всего память воскрешает имена трех сержантов из разных

* «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, стр. 81—95.

полков — Ивана Свидрова, Ивана Злыднева и Александра Пономарева.

На опорные пункты в полку Печенюка можно проникнуть только в полночь, в час затишья.

Обходя их, я заглянул в одноэтажный каменный дом, гарнизон которого состоял из пяти защитников. Старшим по годам и званию был казах Юсупов, но командовал здесь самый юный — худенький черноволосый сержант. Он бойко доложил, как его гарнизон несет боевую службу и сколько фашистов истребил за последние три дня. А Юсупов расстелил на полу полотенце и снял с «буржуйки» котелок, в котором варился солдатский «плов» — крошево из сухарей, перемешанных с консервами.

— Ваня,— обратился он к сержанту,— угостим полковника?

Сержант смутился, а Юсупов обратился ко мне:

— Разобьем Гитлера — приезжайте в наш колхоз. Такой будет бараний плов, такой...

У него не хватило слов, чтобы описать, каким пловом угостит меня после победы. Я поблагодарил солдат и пожелал им успехов.

Через несколько дней мне позвонил Печенюк. Сообщив о тяжелой обстановке на его участке, майор между прочим сказал:

— Тот каменный домик, где вы были, сейчас в тылу у немцев. Мы слышим, как отстреливается его гарнизон. Знаю этих парней — живыми не сдадутся.

Потом мне сказали, что гарнизон погиб.

Много лет спустя в Волгограде, в дни празднования двадцатой годовщины победы на Волге, мне передали в президиум торжественного собрания письмо: *«Товарищ генерал-полковник, докладывает бывший сержант 650-го стрелкового полка 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии Иван Ильич Свидров.*

24 октября 1942 года мне было приказано с группой из четырех солдат защищать один из домов Нижнего поселка завода «Баррикады». Тот дом имел важное значение в обороне, и нас предупредили, что удержать его надо любой ценой.

Каждый день мы отбивали по несколько яростных атак фашистов. Но к вечеру 27 октября у гарнизона иссякли патроны, гранат было мало, а мы уже отрезаны от своих. Трое пали смертью храбрых. Я и старшина-казах ра-

нены. Но бой продолжаем. Мы засели в подвале дома. Хоть под землей, а рубеж наш. И удержали его, пока наши контратакой не отбросили фашистов. Много врагов полегло около дома и в доме, который мы защищали.

А доложить командованию, что гарнизон выполнил задачу, я уже не смог. Потому делаю это сейчас.

Тяжелораненого, контуженного, переправили меня на другой берег Волги и эвакуировали в тыл. После выздоровления вернулся в строй и сражался на других фронтах. В госпитале узнал, что наш гарнизон считали целиком погибшим, а родным послали похоронную. Сейчас живу и работаю в Волгограде. Приглашаю вас к себе в гости.

Бывший сержант 138 ксд Свидров».

Я оглядел зал и поднял конверт как знак ожидаемой встречи.

Да, это был тот самый Ваня, начальник маленького гарнизона на «Баррикадах». Он, оказывается, дрался и на Ленинградском фронте, был второй раз тяжело ранен под Тарту и уже после войны инвалидом приехал в Сталинград. Работал, учился, стал инструктором промышленно-транспортного отдела Центрального райкома КПСС Волгограда. В городском музее обороны Свидров увидел пробитый осколком гранаты партийный билет своего бывшего командира дивизии. Там же в музее Свидрову сказали, что генерал-полковник Людников жив и приедет на празднование двадцатой годовщины разгрома фашистов на Волге.

Так и встретились мы с тезкой.

Сержанта Ивана Злыднева из 344-го полка я запомнил не только потому, что у него необычная фамилия. При первой встрече, не смущаясь присутствием командира полка капитана Коноваленко, который меня сопровождал, Злыднев стал жаловаться:

— Скучно тут одному. Пока светло, бегаю по коридору от амбразуры к амбразуре. Поглядываю, постреливаю.

То из винтовки, то из пулемета. А ночью маюсь в одипо-
честве. Дайте напарника.

Он показал нам свое «хозяйство», рассказал, где обнаружил какие цели, и опять стал жаловаться:

— Назначили меня комендантом второго этажа, а над кем я комендант? Патронов, опять же, нехватка...

Патронов у каждой амбразуры было достаточно, Коноваленко даже пристыдил Злыднева, но тот не унимался:

— А мне мало. Расход большой.

Я заметил, что патронов на фашистов жалеть не следует, но тратить их надо с толком — доставлять боеприпасы на «Баррикады» нелегко.

— Для нас ничего не жалко, — возразил Злыднев. — Мы у всей России на виду. — И вдруг вытащил из нагрудного кармана гимнастерки немецкую листовку, чем окончательно смутил капитана Коноваленко. Развернув ее, сержант показал аляповатый рисунок и прочел подпись под ним: *«До Сталинграда с бомбежкой, до Саратова с гармошкой»*.

— Зачем эту гадость у себя хранишь? — вспыхнул Коноваленко.

— Саратовский я, — сказал Злыднев, обращаясь ко мне. — Еще под Воропоново эти пакостные листовки подбирал и отдавал политруку. А одну берегу. Можете, конечно, наказать, только очень хочется донести ее до Берлина. — Глаза его сузились, и немецкая листовка затрепетала в кулаке. — Допрет немец до Саратова — его, значит, взяла... А уж я приду в Берлин — найду кому и на каком месте эту бумаженцию прилепить!

Через несколько дней в политдонесении 344-го полка фамилия Злыднева была названа в описании боя за дом, где он был «комендантом» второго этажа. Немецкие саперы сделали подкоп к этому дому, в подвал проникли автоматчики. Бой шел на лестничной клетке и на верхнем этаже. Пятнадцать гитлеровцев истребил сержант Иван Злыднев. Последний бой он вел на крыше, куда забрался с ручным пулеметом. Еще семь гитлеровцев, перебежавших улицу, были скошены очередями из пулемета. Кончились патроны, и Злыднев, прикрываясь дымоходной трубой, отбивался гранатами. Сержанта ранило, но все же он пробился к гарнизону соседнего дома, перевязал рану и продолжал бой.

И наконец, о третьем сержанте — из 768-го полка майора Гуняги.

Александр Пономарев прибыл на «Баррикады» с пополнением. Служил в армии, имел звание сержанта. Когда пополнение распределяли по ротам, Пономарев просил, чтобы его назначили в разведку. Ему отказали и отправили в 3-ю роту, где было мало людей. На вторую или третью ночь Пономарева уже посылали в боевое охранение.

Посетил как-то 3-ю роту начальник штаба полка Георгий Демков и познакомился с Пономаревым. А надо сказать, что Демков, толковый, грамотный офицер, поспорил с начальником разведки дивизии майором Батулиным. Демков утверждал, что карта Батулина не соответствует истинному положению на переднем крае противника и в его ближних тылах. Если добавить к этому, что немцы проявляли заметную активность, то станет ясным, как важно было нам захватить «языка». Поиски полковых разведчиков не увенчались успехом, а штаб дивизии настоятельно требовал «языка».

Однажды на рассвете я заглянул в комнату, где работал подполковник Шуба, но не обнаружил его на месте. На столе зазуммерил телефон. Взяв трубку, я услышал голос Демкова:

— Товарищ «Первый», нахожусь в блиндаже третьей роты. Только что сюда приволокли «языка». Разрешите доставить его к вам?

— Немедленно! И приведи тех, кто взял «языка».

Пока майор Батулин допрашивал верзилу-сапера из Магдебургского инженерного батальона, недавно переброшенного в район Сталинграда, я, поблагодарив Демкова, спросил, кто отличился при поимке «языка».

Демков озабоченно вздохнул:

— Благодарность от вас уже получил, теперь можно и наказание понести. Я нарушил приказ командира полка майора Гуняги.

И рассказал мне Демков, как познакомился с Пономаревым, а тот, зная о неудачах полковых разведчиков, вызвался раздобыть «языка». Замысел Пономарева понравился Демкову, но майор Гуняга сначала категорически запретил посылать в разведку Пономарева, а потом согласился. Однако строго предупредил:

— Под твою личную ответственность!

Демков вернулся в роту, но там дело приняло неожиданный оборот.

— С полковыми разведчиками не пойду, — заявил Пономарев. — Я их не знаю, они — меня... Возьму двух из нашей группы. — И сумрачно добавил: — Раз доверяете мне, то до конца.

Демков разрешил разведку.

Пономарев ушел, едва стемнело, а вернулся с «языком» к рассвету. Можно представить себе, что пережил Демков во время бессонной ночи в блиндаже командира 3-й роты.

...Открыв дверь, Демков кликнул разведчика, и я увидел высокого статного сержанта. Александр Пономарев скупно рассказал, как обследовал «объект», как бесшумно снял часового, заменив его своими хлопцами. «А те, — сказал он, — костями лягут, но никого к немецкому блиндажу не подпустят». Пономарев спустился в блиндаж и длинной очередью из автомата отправил спящее отделение саперов из сна временного в сон вечный. Одного только сберег Пономарев. Об этом одном и спросил:

— Каков «язычок», товарищ полковник? Стоило ради него так рисковать?

Я тут же объявил Пономареву, что здесь, на «Баррикадах», он получил первую боевую награду.

— Надеюсь, не последнюю. Родина умеет ценить подвиги тех, кто ей честно служит. Это касается и двух твоих товарищей, — добавил я, — ступай, скажи им об этом.

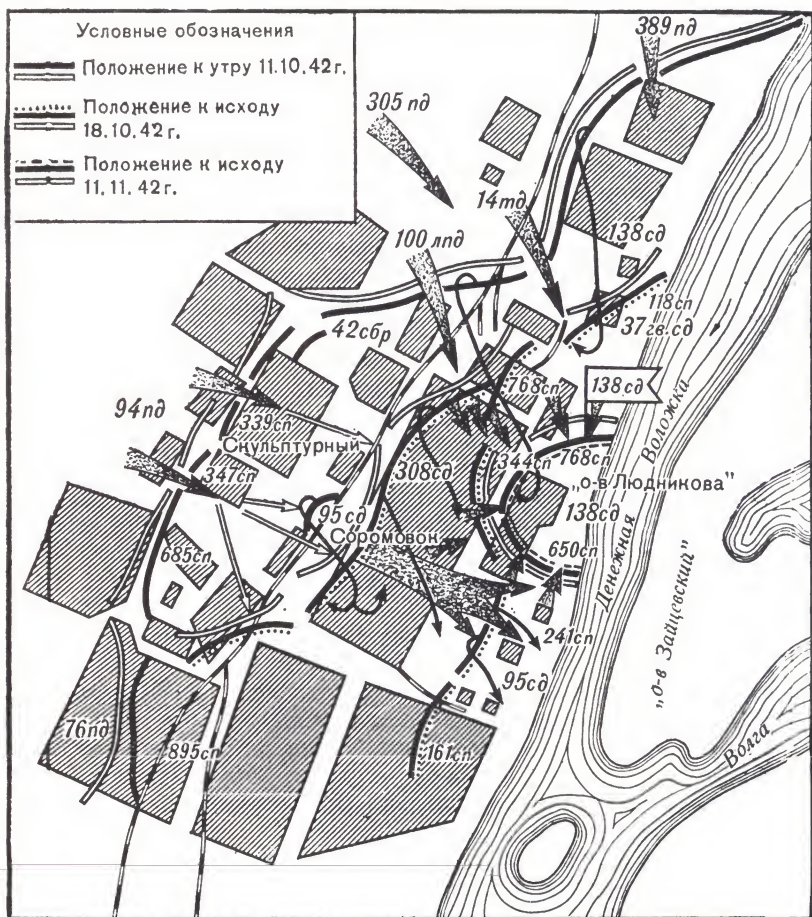
Пономарев лихо козырнул и удалился.

Александр Пономарев, кавалер многих орденов и медалей, погиб смертью храбрых два года спустя, уже на польской земле.

Я рассказал лишь о трех сержантах, но все защитники «Баррикад», за весьма редким исключением, достойны самой высокой похвалы.

На том клочке земли, который мы не отдали врагу, коллектив завода «Баррикады» поставил памятник. На мемориальной доске начертано:

«В ноябре — декабре 1942 года здесь проходил передний край обороны Краснознаменной 138 стрелковой дивизии.»



Дивизия под командованием полковника Людникова, будучи полуокруженной, героически защищала эту территорию, названную «остров Людникова», отбила все атаки противника и участвовала в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом».

Дивизия, отстоявшая этот «остров», имела к концу войны длинное название. На ее гвардейском знамени — шесть боевых орленов.

Часть II



Об авторах второй части книги

Во вторую часть книги входят главы из воспоминаний немцев — бывшего командующего 6-й германской армией фельдмаршала Фридриха Паулюса и командиров его армии, окруженной и разгромленной в районе Сталинграда начальника управления кадров 6-й армии полковника Вильгельма Адама, командира полка полковника Луитпольда Штейдле и офицера разведки 6-й армии подполковника Иохима Видера.

Биография фельдмаршала Фридриха Паулюса, роль этого профессионального военного, бывшего главного квартирмейстера генерального штаба, а затем командующего 6-й германской армией, достаточно известна.

Полковник Вильгельм Адам — профессиональный военный, один из тех немцев, жизнь которых, можно сказать, с колыбели была связана с армией. Он был участником

первой мировой войны в качестве офицера кайзеровской армии. Крах Германии был и крахом военной карьеры Адама. Как и тысячи других немецких офицеров, Адам оказался тогда вне привычных для него рамок. В те годы он становится человеком мирного труда, преподает математику.

Приход Гитлера к власти вернул капитана Адама в вермахт. Это произошло в 1934 году. С тех пор и до своего пленения в январе 1943 года Вильгельм Адам верно служил целям милитаристской Германии.

Об этом необходимо сказать со всей ясностью, ибо путь Адама был нелегким, а решение порвать с прошлым было продиктовано не только тем фактом, что он попал в плен. В советском плену были и другие немецкие генералы, но не все они нашли в себе силы порвать со своим милитаристским прошлым. Вильгельм Адам жил до войны на германском Западе, там находилась его семья. После возвращения из советского плена он мог уехать к семье в ФРГ. Он этого не сделал, решил остаться в социалистическом государстве — ГДР. Но прежде чем Адам пришел к решению порвать с позорным прошлым, а главное — пока он осознал эту необходимость, он прошел через мучительные и долгие раздумья. Не будет преувеличением, если мы скажем, что полковник Вильгельм Адам начал прозревать раньше, чем этот процесс прозрения начался у фельдмаршала Паулюса.

Следует также подчеркнуть, что Вильгельм Адам был наиболее близким сотрудником фельдмаршала Паулюса. Отношения Паулюса с начальником штаба 6-й армии генералом Шмидтом были не только напряженными, но и просто недружелюбными. Паулюс не выходил за рамки служебных отношений ни с кем из других окружавших его генералов. Лишь с Адамом Паулюс сблизился, доверял ему и проверял на нем свои решения. Адам был, если можно так выразиться, своеобразным духовником фельдмаршала, что придает особую значимость его воспоминаниям.

Луитпольд Штейдле являлся командиром полка 6-й армии Паулюса. Как и Адам, Штейдле был профессиональным военным, участвовал в первой мировой войне. Военное поражение кайзеровской Германии было концом и его карьеры. В 1934 году он был призван в вермахт и с тех пор, вплоть до капитуляции 6-й армии, находился на

разных офицерских должностях. Под Сталинградом Штейдле командовал 767-м гренадерским полком 376-й пехотной дивизии.

Возвратившись на родину из плена, Штейдле вступает в Христианский демократический союз, становится членом Политического комитета этой партии. В Германской Демократической Республике Штейдле занимал пост министра здравоохранения, а затем был обер-бургомистром города Веймара.

Иоахим Видер также участвовал в битве на Волге в составе 6-й армии в качестве офицера для особых поручений и офицера разведотдела VIII армейского корпуса этой армии. Видер был в сражениях под Харьковом, а затем с 6-й армией дошел до Сталинграда, где разделил участь окруженных войск. В течение нескольких лет Видер находился в советском плену, а затем возвратился в Западную Германию, в Мюнхен, где все время работал библиотекарем в Мюнхенской библиотеке.

Видер — сын католического священника, весьма религиозный человек, которого не заподозишь в симпатиях к коммунизму. Его книга — в данном сборнике приведена вторая часть его работы — является убедительным примером, как люди с различным мировоззрением становятся союзниками в борьбе за решение главной проблемы современности — защиты мира, предотвращения новой мировой войны.

В книге приведены также главы из произведения Александра Верта «Россия в войне», вышедшего на английском языке и переведенного на русский язык.

Известный публицист и писатель Александр Верт находился в Советском Союзе с июля 1941 года по 1946 год как корреспондент газеты «Санди таймс» и радиоконпании Би-би-си.

Александр Верт прекрасно знал русский язык. В своей книге, как он указал в предисловии к ней, Верт стремился рассказать правду о Великой Отечественной войне Советского Союза против фашизма, о решающем вкладе советского народа и его вооруженных сил в победу антигитлеровской коалиции, о неисчислимых жертвах, понесенных в этой тяжелейшей войне народами СССР.

Александр Верт был в районе Сталинграда в период сражения и сразу же после капитуляции 6-й германской армии.

Немецкие авторы глав о Сталинградской битве, включенных во вторую часть сборника, по своему служебному положению имели различное отношение и играли не одинаковую роль в событиях, изложению которых посвящены их книги.

Но, несмотря на это различие, а также на то, что эти книги — не дневниковые записи во время войны, а результат размышлений, обращенных в прошлое, у них есть общая черта. Авторы довольно подробно описывают фактическую сторону событий в том виде, как они им представлялись, но в меньшей степени обращаются к критическому анализу, раскрывающему внутреннее содержание этих событий, их причины и более глубокие взаимные связи.

В силу этого многие проблемы как социально-политического, так и чисто военного характера либо обойдены ими, либо затронуты недостаточно, что не позволяет составить законное представление об отношении к ним авторов. Среди них важнейшее место принадлежит вопросам, относящимся к оценке Сталинградской битвы и выводам из нее, которые подверглись грубейшему извращению со стороны некоторых буржуазных историков второй мировой войны и стали постоянным багажом фальсификаторов.

В буржуазной историографии до настоящего времени продолжают попытки фальсифицировать факты, принизить всемирно-историческое значение победы Советской Армии под Сталинградом, а отсюда и решающую роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии.

Поражение немецко-фашистских войск и войск сателлитов Германии преподносится не как логическое следствие превосходства советского военного искусства и героизма тружеников советского тыла, а также как следствие порочности и несостоятельности фашистского военного искусства. Фальсификаторы усиленно стремятся убедить, что виновником трагедии немецкой армии в битве под Сталинградом является только Гитлер, допустивший ряд крупных ошибок и просчетов в стратегическом руководстве. Если бы, утверждают они, руководство войной находилось в руках немецко-фашистского генералитета, не связанного вмешательством «азартного игрока» и «дилетанта» Гитлера, то немцев не постигла бы катастрофа на Волге и дальнейший ход войны мог бы привести к победе немецкого оружия.

Авторы приведенных в сборнике книг не выражают и не поддерживают подобных взглядов и, в меру своей компетенции, пытаются дать объективную оценку событий. Они поняли, что такое фашизм и что он несет немецкому народу и, порвав со своим прошлым, выступили с разоблачением фашизма и с призывом к прекращению развязанной им тотальной войны против Советского Союза, к уничтожению национал-социализма и созданию нового демократического немецкого государства.

Но они не смогли до конца освободиться от мировоззренческих принципов немецкого офицерства, что и обусловило их непоследовательность. Это обстоятельство требует критического подхода к некоторым положениям немецких авторов, что несомненно учтет читатель.

**Из личного
архива
фельдмаршала
Паулюса***

Во время пребывания в конце 1957 года в Германской Демократической Республике в составе делегации историков Советского Союза нам (генерал-майору Е. А. Болтину и мне) довелось побывать в Дрездене и посетить дом, где жил последние годы своей жизни генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс.

По нашей просьбе начальник Научно-исследовательского военно-исторического института министерства национальной обороны полковник В. Штерн ознакомил нас с личным архивом фельдмаршала. Судя по материалам, хранящимся в сейфах (отдельные рукописи, черновые наброски, расчеты, схемы), Паулюс собирался написать воспоминания о военных событиях второй мировой войны, о том, как готовилась и проводилась эта война фашистской Германией.

Паулюсу было о чем писать. Занимая высокие штабные и командные посты в вермахте, он знал то, что для многих оставалось тайной. Паулюс непосредственно участвовал в войнах Германии против Польши, Франции и

* «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, 3.

Советского Союза. 1 сентября 1939 года он был назначен начальником штаба 4-й группы армий, войска которой первыми вторглись на территорию Польши. 1 августа Паулюс назначается начальником штаба 6-й армии, участвовавшей в войне против Франции, а с 3 сентября 1940 года — 1-м обер-квартирмейстером генерального штаба сухопутных сил (первым заместителем начальника генштаба), где руководил разработкой плана «Барбаросса». Эту должность он занимал до 18 января 1942 года, т. е. до назначения его командующим 6-й армией.

Как видно из материалов архива, Паулюс намеревался последовательно изложить военные события второй мировой войны, поделиться воспоминаниями и высказать свои взгляды по вопросам подготовки и ведения войны фашистской Германией. В этом отношении он проделал уже значительную работу. Но завершить ее ему не удалось: 1 февраля 1957 года Паулюс умер.

Ознакомление с личным архивом Паулюса показывает, что собранный в нем материал представляет несомненный интерес для военного историка. Особенно интересны воспоминания Паулюса, относящиеся к боевым действиям 6-й армии на советско-германском фронте летом 1942 года. Они в большей степени обработаны и систематизированы автором, чем воспоминания, относящиеся к другим периодам войны.

Паулюс, командовавший 6-й армией с 18 января 1942 года до ее полной капитуляции (2.2.1943 г.) в своих воспоминаниях сообщает много малоизвестных читателю сведений, рассказывает о замыслах и планах немецко-фашистского командования на лето 1942 года. Паулюс подробно говорит о них и в докладе, прочитанном им слушателям высшей военной школы в Дрездене 25 и 28 мая 1954 года. Некоторые его высказывания относительно плана ОКВ на 1942 год мы считаем полезным привести здесь, так как они помогут исследователю углубить анализ фактов и найти наиболее верное решение этого вопроса.

Излагая план верховного командования германских вооруженных сил на лето 1942 года, Паулюс говорил в своем докладе: «Главная военная операция 1942 года должна была проводиться в районе действий группы армий «Юг». Стратегическая цель операции — захват областей Северного Кавказа, богатых нефтью. Захват кавказской нефти считался жизненно необходимым

для дальнейшего ведения войны вооруженными силами Германии и ее союзниками.

Для защиты флангов и прикрытия тыла во время этой операции в направлении Кавказа следовало достичь Волги в районе Сталинграда. Одновременно этим преследовалась цель — перерезать важную водную магистраль и лишить тем самым Советскую Армию военно-промышленных предприятий Сталинграда. Однако задача захвата Сталинграда была поставлена перед группой армий «Юг» и участвующими в операции армиями только в конце июля 1942 года. Перед этим была поставлена задача достичь рубежа в излучине Дона примерно по линии устье Дона — Вешенская. Тактическое значение операции заключалось в том, чтобы разбить и уничтожить войска южного фланга советского фронта и тем самым исключить их из дальнейшего участия в военных действиях. Это должно было изменить соотношение сил в пользу Германии».

В целях сопоставления различных точек зрения относительно плана немецкого командования на 1942 год небезынтересно проследить за дальнейшим ходом мыслей Паулюса по этому вопросу. Взгляды Паулюса, высказанные им в уже упомянутом нами докладе, выражены в следующих словах: «С помощью развернутого летнего наступления 1942 года на южном участке фронта ОКВ хотело решить исход похода на Востоке или по крайней мере повлиять на его исход. Нет основания считать Гитлера и ОКВ столь наивными, чтобы они видели достижение этой цели лишь в захвате Сталинграда. Нет оснований также утверждать, что операция против Сталинграда, проводимая такими крупными силами, была только второстепенной, с целью прикрыть фланги группы армий, действовавшей на Кавказе.

Значение рубежа Сталинград — Воронеж, захваченного немецкими войсками, заключалось в том, что он представлял собой выгодное исходное положение для нанесения удара на Москву и восточнее ее. Этот удар в сочетании с одновременно предпринятым немецким прорывом на Центральном фронте, примерно из района восточнее Смоленска, на Москву означал бы серьезную опасность для советских вооруженных сил и ведения всей войны советским командованием...

Неважно, что в оперативных директивах немецкого верховного командования на летнюю и осеннюю кампании 1942 года еще не было речи о наступлении на Москву. По тому, как проходили операции, наступление на Москву можно было провести только весной 1943 года, после соответствующей перегруппировки сил».

В материалах архива Паулюса есть и объяснение причин, не позволивших осуществить немецкому командованию эти планы. Главной из них была катастрофа под Сталинградом. «Сталинградская битва,— пишет Паулюс,— была поворотным пунктом в истории германского народа. В самой Сталинградской битве и в событиях, которые сопровождали ее, мы видим отражение как в капле воды всех проблем гитлеровской захватнической войны, противоречия между военными требованиями, с одной стороны, и политическими, экономическими — с другой».

Судя по объему всего архивного материала, собранного Паулюсом, и по степени его обработки, можно безошибочно сделать вывод, что внимание фельдмаршала в последние годы его жизни сосредоточивалось на трагических для 6-й армии событиях под Сталинградом. Карты, расчеты, схемы, отдельные главы рукописи — все эти материалы, относящиеся к осени 1942 года и зиме 1942/43 года, отражают главным образом боевые действия в районе Сталинграда. Для этого, разумеется, были серьезные основания. Западногерманская реакционная печать, бывшие гитлеровские генералы, отъявленные реваншисты развернули против Паулюса бешеную травлю, обвиняя его в том, что он своими действиями под Сталинградом привел к гибели наиболее сильную группировку немецких войск на советско-германском фронте, что он явился одним из основных виновников поражения Германии в войне с Советским Союзом.

Паулюс, естественно, стремился в своих воспоминаниях дать по возможности полную и правдивую картину того положения, в котором оказалась 6-я армия в кризисный период зимы 1942/43 года, вскрыть истинные причины ее поражения под Сталинградом.

Публикуемые воспоминания Паулюса состоят из трех частей: 1. Общее описание боевых действий 6-й армии в период Сталинградской битвы. 2. Приложение, названное автором «Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом». 3. Заключительная оценка. И хотя от-

дельные части воспоминаний писались Паулюсом в разное время, тем не менее они представляют последовательное изложение развивавшихся событий, начиная от перехода советских войск в контрнаступление до полного завершения окружения и капитуляции немецко-фашистских войск.

Для читателя воспоминания Паулюса представляют интерес прежде всего потому, что в них раскрываются действия командования и войск противника, сообщаются важные дополнительные сведения о группировке и состоянии войск противника в период Сталинградской битвы, о серьезных разногласиях, сразу же возникших между командованием 6-й армией и группой армий «Б», с одной стороны, главным командованием сухопутных сил и ОКВ — с другой. Паулюс, например, сообщает, что он трижды (21, 22 и 24 ноября) обращался в вышестоящие инстанции с предложением отвести войска 6-й армии на Дон и Чир, но в ответ получил категорический приказ главного командования: «Удерживать Сталинград и волжский фронт при любых обстоятельствах». Во время наступления группы армий «Дон», имевшей задачу деблокировать окруженную группировку, Паулюс также настаивал разрешить ему прорваться навстречу 4-й танковой армии, но его требования были отвергнуты главным командованием сухопутных войск.

Паулюс рассказывает также о тяжелом положении войск 6-й армии после начавшегося 10 января 1943 года наступления советских войск. Большие потери, катастрофическое положение с продовольствием, боеприпасами и горючим, огромное количество раненых и больных создавали отчаянное положение в армии, с каждым днем усиливали ее моральное разложение. В этой обстановке Паулюс еще раз обращается (20. 1. 1943 года) к вышестоящему командованию с предложением прекратить боевые действия, но вновь получает из ОКХ категорический приказ: «Капитуляция исключена. Армии выполнять свою историческую задачу, чтобы своим стойким сопротивлением до последней возможности облегчить создание нового фронта в районе Ростова и севернее».

Представляют несомненный интерес и приложения к описанию боевых действий 6-й армии под Сталинградом. В них Паулюс рассматривает взаимоотношения командования 6-й армии с вышестоящими инстанциями (коман-

дующим группой армий «Б», ОКХ и ОКВ), с подчиненными командирами корпусов и дивизий и описывает состояние войск в ходе Сталинградской битвы.

В этой части воспоминаний читатель, несомненно, обратит внимание на то, что в рассуждениях Паулюса имеется стремление показать действия командования 6-й армии лишь с их позитивной стороны. Но это ведь воспоминания, к которым следует подходить критически.

По ретроспективным заключениям Паулюса, которые являются не только военными, но и политическими выводами автора, можно проследить эволюцию взглядов Паулюса: его присоединение к движению «Свободная Германия», разрыв с гитлеризмом и осуждение всей его агрессивной политики. В заключительной части своих воспоминаний Паулюс заявляет: «Я все больше видел в принципах и целях движения «Свободная Германия» не только критерии для понимания всей войны, но также единственный путеводитель для будущего немецкого народа как в отношении уничтожения национал-социализма и всех его корней, так и в отношении создания нового демократического государства. В Советском Союзе, который, несмотря на чудовищные бесчинства, творившиеся нами, содействовал движению «Свободная Германия», я вижу нашего искреннего помощника на будущее. Для нас, немцев, отсюда вытекает требование, исправив прошлые ошибки, всеми силами завоевать доверие Советского Союза и тем самым добиться затем возможности для установления с ним тесных отношений».

П. А. Жилин

Предварительные замечания

Нижеследующий материал воспроизведен на память и поэтому в отдельных пунктах может содержать неточности и быть неполным.

Я стремился провести четкую грань между тогдашним пониманием данных мне приказов и их сегодняшним толкованием в свете прошедших лет. Тем не менее изложение прежних явлений и событий сегодня может получиться более четким и исчерпывающим, чем они представлялись мне тогда.

Эти записи должны служить в первую очередь для того, чтобы расширить и углубить мое собственное понимание затронутых вопросов. При дальнейшей доработке и изложении в более широких рамках они, может быть, помогут уяснить ряд вопросов истории войны и ее хода.

Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом

I.

Период от подготовки большого русского наступления до завершения окружения

С середины октября 1942 года наземной и воздушной разведкой наблюдалось усиленное передвижение русских войск в район севернее Клецкая — Серафимович к фронту 3-й румынской армии. Это передвижение происходило главным образом из района перед северным участком 6-й армии между Сталинградом и Доном. Одновременно отмечалось движение в районе восточнее Сталинграда в южном и юго-западном направлениях к фронту 4-й танковой армии. Эти передвижения нами расценивались как подготовка большого наступления, первой целью которого предположительно было окружение немецких сил, ведущих бои в излучине Дона и восточнее Дона в районе Сталинграда. Об этих соображениях было доложено штабу группы армий «Б» (фельдмаршалу барону фон Вейхсу) и постоянно посылались сообщения о проводимых наблюдениях. При этом неоднократно указывалось на слабость соседних войск союзников в отношении личного состава и техники*; особенно отмечалось недостаточное оснащение румын противотанковым оружием и артиллерией и на существующую в связи с этим опасность при большом наступлении противника.

В качестве предварительного мероприятия по усилению обороны в конце октября за левым флангом армии (11-й армейский корпус) была расположена смешанная группа, состоявшая в основном из танкоистребителей, для использования на правом фланге румынских войск. 12 ноября сюда была подтянута и подчинена 11-му армейскому

* Имеется в виду 3-я румынская армия. — *Ред.*

корпусу также 14-я танковая дивизия (без стрелковых и артиллерийских частей, которые вели еще бои под Сталинградом).

Несмотря на донесения о подготовке русских к наступлению, ОКХ приказало продолжать наступление для захвата Сталинграда вопреки возражениям командующего 6-й армией. Это помешало выводу всех частей 14-го танкового корпуса, который был запланирован и подготовлен армией.

19.11.1942 года началось большое наступление русских на армию, действовавшую западнее, а 20.11 — на армию, действовавшую южнее 6-й армии. После этого 19.11 утром был отдан приказ 14-му танковому корпусу немедленно с танками и танкоистребительными частями 16-й и 24-й танковых дивизий выдвинуться на левый фланг армии для отражения прорвавшихся русских сил. За ним должны были последовать стрелковые и артиллерийские части после снятия их с фронта.

21.11 русские войска, наступающие на северном участке, достигли высот северо-западнее Калача.

На южном участке фронта определилось направление одного удара наступающих русских войск на северо-запад (Цыбенко), а другого — на юго-запад (Котельниково). 4-й армейский корпус 4-й танковой армии отходил на южный фланг 6-й армии. Основные силы 4-й танковой армии (румыны) отступали на юго-запад.

21.11 в 13 часов управление армии было переведено из Голубинки на Дону в Нижне-Чирскую, где уже давно был подготовлен командный пункт. Во второй половине дня было отправлено ходатайство командующему группой армий «Б»: отвести 6-ю армию на Дон и Чир, т. е. на хорду прежнего фронта армии; время проведения этого отхода согласовать с обстановкой на соседних участках; наступление высвобождающихся при этом сил южного фланга армии направить против фланга противника, продвигающегося на Котельниково, чтобы во взаимодействии с 4-й танковой армией остановить его; для наступления против фронта и фланга русских войск, наступающих на северном участке, использовать 14-й танковый корпус и продолжающиеся высвобождающиеся силы 6-й армии, затем предусмотренные и обещанные группой армий резервы главного командования.

Одновременно с этим донесением командованию груп-

пы армий было сообщено о недостаточно хорошем положении со снабжением 6-й армии.

Командование группой армий одобрило оперативное решение 6-й армии. Однако поздно вечером был получен приказ группы армий примерно следующего содержания: «По приказу главного командования сухопутных войск 6-я армия должна удерживать Сталинград и волжский фронт при любых обстоятельствах. Если после прорыва флангов потребуется создание «позиции ежа», ее надо будет образовать вокруг Сталинграда. Командный пункт армии должен быть переведен в район восточнее Калача. 4-й армейский корпус 4-й танковой армии (три немецких и одна румынская дивизия) подчиняются 6-й армии. Контрмероприятия в основном начались. Дальнейший приказ последует позже».

22.11 около 7 часов в Нижне-Чирскую прибыл командующий 4-й танковой армией. По пути он побывал в штабе группы армий. Кроме вышеизложенных сведений, он не мог привести никаких данных о положении своей армии, ставшем неясным. В 14 часов командующий и начальник штаба 6-й армии вылетели на новый командный пункт в район западнее станции Гумрак, где ранее был командный пункт 295-й пехотной дивизии.

Командующему армией во второй половине дня была доложена следующая обстановка:

4-й армейский корпус (командир генерал инженерных войск Енеке), удерживая южную окраину Сталинграда, отводит назад свой юго-западный фланг в направлении Цыбенко.

51-й армейский корпус (командир генерал артиллерии Зейдлитц) на волжском и северном участках фронта (до высоты южнее Котлубани) не подвергается атакам.

8-й армейский корпус (командир генерал артиллерии Хейти) на северном участке своего фронта на стыке с 51-м армейским корпусом, за исключением своего левого фланга на Дону (76 пех. дивизия) не подвергается атакам.

11-й армейский корпус (командир генерал пехоты Штрекер) западнее Дона ведет тяжелые бои в районе южнее Клетской, отводя свой западный фланг на юг.

14-й танковый корпус (командир генерал танковых войск Хубе) ведет бои на высотах западнее Вертячий — Голубинка. Корпус испытывает большую пехватку горючего и находится в тяжелых условиях местности.

Перед юго-западным флангом армии, обороняемым лишь охранением, во второй половине дня появились с северо-запада и юго-востока русские танки, объединившиеся в районе Мариновка — Калач. Их количество оценивается в 100 танков.

Все это еще больше убедило командующего армией в правильности его соображений, изложенных им 21.11 перед вышестоящим командованием.

Во второй половине дня 22.11 имела место беседа между командиром 51-го армейского корпуса и мною. Генерал Зейдлиц предлагал немедленный прорыв из окружения. Я указал ему на ходатайства, изложенные мною перед вышестоящими инстанциями еще 21.11, и на мероприятия, намеченные мною на будущее.

В ночь с 22 на 23.11 было послано новое подробное донесение одновременно в группу армий и в главное командование сухопутных войск. Оно имело примерно следующее содержание:

а) для создания западного и южного фронтов обороны окруженных войск на местности в степи не имеется никаких подготовленных оборонительных сооружений. К тому же здесь нет леса для строительства позиций и надо учитывать зимние условия;

б) возможность организации обороны района окружения в тактическом отношении представляется сомнительной. Сегодня на юго-западном участке, где еще не сомкнулось кольцо окружения, появилось 100 русских танков восточнее г. Калач;

в) имеющиеся в распоряжении силы являются недостаточными для удержания в течение долгого времени весьма большого района окружения, который обеспечил бы надежную работу аэродрома (Питомник);

г) положение со снабжением было в последнее время плохим даже при наличии надежной связи с тылом (открытый тыл). По всем данным постоянное и достаточное снабжение окруженных войск с воздуха невозможно. Но положение со снабжением в скором времени подорвет силу сопротивления армии;

д) все командиры корпусов (перечисленные поименно) одобрили мою оценку обстановки и мое предложение о прорыве на юго-запад (Дон — Чир). Я еще раз настоятельно прошу, как и в ходатайстве от 22.11, немедленно предоставить мне свободу действий.

В ответ на это 23.11 через группу армий приходит новый приказ ОКХ о создании оборонительных «позиций ежа» на линии, установленной в прежнем приказе. «Крепость» должна удерживаться всеми средствами. ОКХ намеревалось при использовании крупных сил 4-й танковой армии восстановить связь с 6-й армией и, преодолев наступивший кризис, одержать победу. Операцию по деблокаде предполагалось начать в начале декабря. Началось снабжение всем необходимым окруженной армии 4-м воздушным флотом.

23.11 армия фактически окружена. Внутри окруженной группировки еще продолжают передвижения войск для занятия окончательных позиций и необходимые перегруппировки. (Оборонительный район 6-й армии, несмотря на его состояние, охарактеризованное выше в пункте а), был назван «крепостью».)

II.

Оборона окруженной группировки до провала попыток деблокады, предпринятых 4-й танковой армией

24.11 командир 51-го армейского корпуса вручил командующему армией докладную записку о боевой обстановке и о положении со снабжением в 51-м армейском корпусе, которая содержала следующее:

а) оценку, сводящуюся к тому, что снабжение и боеспособность не могут быть обеспечены на длительное время;

б) требование, чтобы командующий 6-й армией вопреки приказу фюрера, отвечая только перед немецким народом, оставил Сталинград и волжский фронт и прорвался на юго-запад.

Эта докладная записка с изложением моего мнения была передана через курьера на самолете в группу армий Манштейна, которая тем временем приняла командование вместо группы армий фон Вейхса. Мое мнение заключалось в следующем:

По пункту а) — оценка обстановки и положения со снабжением совпадает с моими неоднократными донесениями.

По пункту б) — возобновление моих ходатайств от 21 и 22.11 о разрешении прорыва к Дону, который, конечно, был возможен только при соответствующих мероприятиях со стороны группы армий «А».

Остальные четыре командира корпусов одобрили мнение командующего армией, но не согласились действовать вопреки приказу ОКХ. Своевольный отход в соответствии с вышеупомянутой докладной запиской и вопреки приказам группы армий и ОКХ я не допускал из следующих соображений:

1. Удержание волжского фронта («Краеугольный камень на Волге», как его называли) рассматривалось в качестве основы оперативного плана ОКХ.

2. С группой армий Манштейна и с ОКХ имелась хорошо действующая радиосвязь; кроме того, с группой армий была налажена радиотелефонная и радиотелеграфная связь. Имелась также воздушная связь. Поэтому вышестоящие служебные инстанции были всегда подробно информированы об обстановке в 6-й армии. Кроме того, из кольца окружения получали информацию органы верховного командования, начальник генерального штаба, начальник оперативного и разведывательного отделов штаба группы армий. ОКХ выслало к нам своего офицера связи.

3. Предполагалось в скором времени произвести деблокаду бронетанковыми, моторизованными и пехотными войсками.

4. На небольшом расстоянии от окруженной группировки войска занимали оборону на р. Чир и на плацдарме, созданном на восточном берегу Дона.

Таким образом, при известных условиях имелись предпосылки для запланированной операции по деблокированию и восстановлению фронта. В этом положении мои действия вопреки полученным приказам (тем более что я не мог правильно оценить обстановку в целом) лишили бы верховное командование оперативной основы. Возведенные в систему, подобные действия вразрез с планами общего руководства могут привести к анархии в управлении войсками.

Утром 25 ноября поступил приказ ОКХ примерно следующего содержания: «Восточный и северный участки фронта 6-й армии до высоты южнее Котлубани должны быть переданы под единое командование генерала артиллерии фон Зейдлица — командира 51-го армейского кор-

пуса, который отвечает за их удержание непосредственно перед фюрером. Это не затрагивает ответственность командующего армией за общее руководство своей армией».

Эту радиogramму я передал лично генералу фон Зейдлицу на его командный пункт, расположенный поблизости от моего. На мой вопрос о том, как он рассматривает этот приказ, генерал фон Зейдлиц ответил мне, что ему при этих обстоятельствах ничего не остается, как выполнить приказ. Это он и сделал с солдатским послушанием, причем он все же постоянно подсказывал мне действовать самостоятельно, не учитывая приказы свыше.

Когда вышеуказанная радиogramма была получена в штабе 6-й армии, о докладной записке 51-го армейского корпуса не было известно ни в группе армий, ни в ОКХ.

В связи с этим распределением командных функций я получил сообщение группы армий о том, что, по мнению фельдмаршала фон Манштейна, разделение командной власти, введенное по распоряжению ОКХ, является практически неосуществимым в окруженной группировке и содержит необоснованное недоверие по отношению к командующему армией. Группа армий возразила против этого решения и ходатайствовала перед ОКХ об аннулировании этого приказа.

Об ответе на это возражение группы армий мне ничего не было известно. Однако фельдмаршал фон Манштейн приказал позднее, чтобы командующий армией нес полную ответственность перед ним *. Но этим не было устранено противоречие в приказе ОКХ.

Последующее время было заполнено мероприятиями по удержанию обороны окруженной группировки, а также подготовкой к прорыву при приближении деблокирующей армии.

Я высказал командованию группы армий и ОКХ мнение, что после прорыва кольца окружения оставлять 6-ю армию на Волге на зиму не следует, а что, скорее всего, необходимо прорваться навстречу 4-й танковой армии при ее приближении, чтобы затем создать новый фронт обороны дальше в тылу. Командующий группой армий ответил, что он согласен с моим намерением — произвести

* С 27 ноября командование войсками, расположенными от Элисты до Дона, было возложено на фельдмаршала Манштейна. Подчиненные ему войска были объединены в группу армий «Дон». — *Ред.*

подготовку к прорыву, однако решение ОКХ будет принято лишь позднее; до этого оставались в силе предыдущие приказы.

В дальнейшем, чтобы сохранить оперативную свободу армии, последовали неоднократные настойчивые ходатайства командования 6-й армии об увеличении снабжения воздушным путем, которое было недостаточным.

12.12 4-я танковая армия начала наступление из района Котельниково и севернее его. В своем наступлении она приблизилась на расстояние 50 км от юго-западного участка кольца окружения. Это было ее наивысшим достижением, после чего ее наступательная сила пошла на убыль. Мои неоднократные и настойчивые требования прорваться навстречу 4-й танковой армии или нанести удар вслед за ней, что, разумеется, являлось возможным лишь при условии сдачи волжского фронта, были отвергнуты главным командованием сухопутных войск.

В конце декабря стало ясно, что попытка деблокады провалилась. К этому времени окруженная 6-я армия имела, и то ненадолго, ограниченную боеспособность, что было обусловлено постоянными потерями и увеличивающимся истощением войск вследствие недостаточного снабжения. В это время раненые еще могли вывозиться на самолетах. Способность проводить операции была уже потеряна главным образом вследствие нехватки горючего. По этим обоим причинам я убедительно требовал от группы армий и ОКХ немедленно значительно увеличить переброски по воздуху горючего, продовольствия и боеприпасов (в указанной последовательности), в первую очередь для обеспечения прорыва.

Одновременно корпусам были даны новые приказы для подготовки прорыва объединенными усилиями пехотных дивизий с шестью моторизованными и танковыми дивизиями. При наличии чрезвычайно большого количества автомашин было бы возможно сделать подвижной основную часть пехотных дивизий и взять с собой всех раненых. В это время армия еще имела 200 танков. Необходимо было лишь доставить на самолетах требуемое количество горючего, чтобы дать армии возможность преодолеть 80-километровое расстояние.

Ответ группы армий гласил, что армия должна выстоять и при любых обстоятельствах удерживать волжский фронт. В приказе указывалось, что приняты новые меро-

приятия для организации повторной операции с целью деблокады с привлечением крупных танковых сил со всех участков фронта, а также мероприятия по доставке в больших масштабах предметов снабжения воздушным путем.

В это время генералу танковых войск Хубе, командиру 14-го танкового корпуса, было приказано явиться для доклада к Гитлеру.

1.1.43 была получена радиограмма Гитлера приблизительно следующего содержания: каждый солдат 6-й армии должен вступить в новый год с твердой верой в то, что Гитлер не оставит на произвол судьбы героических бойцов на Волге и что Германия располагает средствами для деблокады 6-й армии.

III.

Миссия генерала Хубе

8.1.1943 года последовал ультиматум командования Красной Армии, изложенный в листовках, сброшенных с самолета. В это время оборона района окружения еще удерживалась. Командующий армией указал командирам корпусов на то, что о капитуляции не может быть речи. Впрочем, никто из командиров корпусов также не высказывался за капитуляцию.

Решающей причиной отклонения ультиматума были не только приказы вышестоящего командования, но прежде всего переданные вернувшимся генералом Хубе мнение и намерение верховного командования.

Сообщение генерала Хубе сводилось к следующему: ОКХ намеревается предпринять новое наступление с целью деблокады с запада, для этого подтягиваются танковые и моторизованные соединения; кроме того, снабжение воздушным путем должно будет теперь осуществляться на более широкой основе. Под Сталинградом еще будет одержана большая победа, подобно тому как это было в зимний кризис 1941/42 года под Харьковом. Начало контрнаступления намечено на вторую половину февраля, обсуждается вопрос о перенесении его на более близкий срок. Однако предпосылкой для этого является закрепление южной части Восточного фронта на новых рубежах и отвод кавказской группы армий. Поэтому 6-я армия должна

выстоять, сузив при необходимости кольцо окружения до территории города Сталинграда. Железнодорожная линия Сталинград — Котельниково ни в коем случае не должна быть сдана русским.

Таким образом, если до сих пор на первом плане стояла деблокада Сталинграда, то теперь были указаны еще два решающих момента: удержание 6-й армией своих позиций до последней возможности, как неременное условие для создания нового рубежа обороны в южной части Восточного фронта, и в связи с этим даже мысль о крупном наступлении.

Ввиду предписаний Гитлера о соблюдении секретности я не был подробно информирован ни об обстановке на участке среднего и нижнего течения Дона, ни о численности резервов для проведения наступления, находившихся якобы на исходных позициях. Я был в общих чертах информирован только о начавшемся 1.1.1943 года отходе кавказской группы армий.

Донесения генерала Хубе и аналогичные указания, исходившие от группы армий, наложили на меня обязательство во что бы то ни стало держаться, если я не хочу принять на себя ответственность одновременно не только перед верховным командованием, но также перед всем немецким народом за развал южного участка и тем самым всего Восточного фронта. Это мое мнение об общей обстановке я высказал командирам корпусов.

Поскольку стабилизация на новом южном участке Восточного фронта еще не была достигнута, во мне укрепилось убеждение, что преждевременное прекращение боевых действий, позволяющее противнику высвободить крупные силы, а также сдача важной для противника железнодорожной линии Сталинград — Тихорецк поставили бы под серьезную угрозу создание нового немецкого фронта и отвод группы армий с Кавказа.

IV.

Оборона окруженной группировки от большого русского наступления

10 января началось большое русское наступление, которое штаб 6-й армии ожидал примерно в это время. К 13.1 западный участок фронта был оттеснен к долине

реки Россоска. Последняя, а также аэродром Питомник были потеряны 15.1. В районе Гумрака еще имелись два небольших запасных аэродрома, которые, по данным командования авиации, могли бы обеспечить дальнейшее снабжение.

17.1 район окружения уменьшился наполовину. Бои велись пока еще планомерно, несмотря на тяжелое состояние войск. Командные органы были еще дееспособными. Но во все большей степени появлялись признаки известного психоза вследствие ухудшающегося положения и страха перед пленом. Последний был вызван у войск и командования пропагандой. Этим же объясняется издание приказа по армии 20.1. Наряду с товарищеским предупреждением против перебежки он напоминал об участии в плену, где угрожает смерть от голода и холода или жизнь в позоре. До этого со стороны отдельных штабов (51-го армейского корпуса и 14-го танкового корпуса) поступали ходатайства о разрешении прорыва отдельными группами на запад, юго-запад и на юг. В основе их лежала мысль о том, чтобы спасти от плена как можно больше людей. Эти предложения пришлось отклонить после серьезного изучения как неосуществимые, особенно если учесть, что невозможно было взять с собой раненых. 19—20 января стало заметным сильное разложение в войсках в результате их тяжелого положения, особенно на основных участках боев. Я знал о бедственном положении войск на основании личных наблюдений при моих почти ежедневных поездках на главные участки боев, а также из донесений войск. Под этим все усиливающимся впечатлением от невыразимых страданий моих солдат, вызванных длительным голоданием, холодом и отсутствием крова, я считал себя обязанным 20.1 вновь обратиться к вышестоящему командованию. В группу армий и ОКХ было направлено одновременно несколько донесений, которые в общих чертах говорили о следующем: «Боеспособность войск быстро снижается вследствие катастрофического положения с продовольствием, горючим и боеприпасами. Имеется 16 тыс. раненых, которые не получают никакого ухода. У войск, за исключением тех, которые действуют на волжском фронте, нет оборудованных позиций, возможностей для расквартирования и дров. Начинают отмечаться явления морального разложения. Еще раз прошу свободы действий, чтобы продолжать сопротивление, пока это возможно, или прекра-

тить боевые действия, если их нельзя будет вести, и тем самым обеспечить уход за ранеными и избежать полного разложения».

Такое же донесение с дополнительными разъяснениями было дано офицеру связи ОКХ, убывшему на самолете из окружения.

В ответ ОКХ сообщило примерно следующее: «Капитуляция исключена. Армии выполнять свою историческую задачу, чтобы своим стойким сопротивлением до последней возможности облегчить создание нового фронта в районе Ростова и севернее и отвод кавказской группы армий».

21 или 22.1 к командующему 6-й армией прибыл командир воздушно-транспортного соединения, чтобы на месте выяснить обстановку в районе окружения. Он сообщил, что его соединение переброшено из района Средиземного моря в Ростовскую область и находится в боевой готовности. Он указал, что сможет за сутки перебросить одним рейсом всех самолетов более 300 тонн груза. Прибыло уже свыше 100 машин, в том числе крупные самолеты новейшего типа (гиганты); остальные 100 самолетов придут позже. Но было слишком поздно. Через день был потерян последний аэродром.

Бои продолжались в последующие дни, и кольцо окружения все более сужалось. 24.1 западный участок фронта обороны был отеснен к окраине Сталинграда. Штаб армии переместился из Гумрака на командный пункт 77-й пехотной дивизии юго-восточнее Гумрака, а 23.1 во второй половине дня — в южную часть Сталинграда, где противник наносил главный удар.

С 24.1 снабжение воздушным путем было возможно только посредством сбрасывания.

На случай расщепления армии на отдельные группы ОКХ приказало, чтобы эти группы продолжали бой до последних сил самостоятельно и поддерживали радиосвязь с группой армий и ОКХ. В соответствии с этим были назначены командирами: северного участка — генерал пехоты Штрекер, центрального — генерал артиллерии Хейтц, южный участок оставался под моим непосредственным командованием.

Северная группа была отрезана 26.1, центральная — 29.1. Тем самым, согласно вышеприведенному приказу ОКХ, моя командная власть не распространялась на северную и центральную группы.

V.

Конец боев

После того как наступающим войскам Красной Армии удалось сдать 6-ю армию в центральной части города, боевые действия постепенно начали превращаться в частные бои за отдельные окопы, доты и командные пункты штабов. Сопротивление совершенно измотанных войск южной (включая штаб армии) и центральной групп прекратилось 31.1.43. Северная группа еще держалась до утра 2.2.

Первоначальная численность окруженных в котле частей 6-й армии составляла около 220 тыс. человек. Из них были эвакуированы воздушным транспортом 42 тыс. раненых. $91\ 000 + 16\ 800 = 107\ 800$ человек попали в плен. Это составляло около 60% всей численности группировки без учета вывезенных воздушным путем раненых*.

Большое количество личного состава вследствие перенапряжений и истощения от боев, холода и голодания находилось на грани смерти. Многие из-за недостаточной сопротивляемости организма подверглись впоследствии заболеваниям, хотя врачи и командование Красной Армии делали все, что было в человеческих возможностях, чтобы сохранить жизнь пленных.

Таков был конец начавшегося со столь большими надеждами летнего наступления 1942 года, которое по замыслам Гитлера должно было решить исход войны на Востоке.

VI.

Ретроспективные заключения

Еще до момента окружения, но особенно после провала попытки деблокады, предпринятой 4-й танковой армией в конце декабря, передо мной, как командующим, стояла трудная дилемма. С одной стороны, я получал постоянно категорические приказы удерживать позиции, неоднократные обещания помощи и сообщения об общей тяжелой

* В сообщении Совинформбюро от 2 февраля 1942 года говорится о пленении 91 тыс. человек.— *Ред.*

обстановке. С другой стороны, видя невероятно бедственное и все более ухудшающееся положение моих солдат, я, движимый человеческими чувствами, задумывался над вопросом о том, не следует ли прекратить борьбу. Несмотря на полное понимание тяжелого положения подчиненных мне войск, я полагал, что надо отдавать предпочтение точке зрения командования.

Всякий мой самовольный выход из общих рядов или сознательные действия против отданных приказов означали бы принятие с самого начала ответственности за судьбу соседних войск, а в дальнейшем — за судьбу южного участка и тем самым всего Восточного фронта, т. е. означали бы, что в глазах всего немецкого народа на меня, по меньшей мере внешне, ляжет основная часть вины за проигрыш войны. Тогда вооруженные силы и народ не поняли бы такие действия с моей стороны. По своим последствиям они представляли бы собой исключительно революционный, политический акт против Гитлера. Такая мысль не входила тогда в мои личные соображения. Она была чужда моей личной природе. Я был солдатом и считал тогда, что именно послушанием буду служить своему народу.

Перед войсками и командирами 6-й армии, а также перед немецким народом я несу ответственность за то, что до конца выполнял отданные верховным командованием приказы об удержании позиций.

Что касается ответственности подчиненных мне командиров, то они с тактической точки зрения вынуждены были следовать моим приказам точно так же, как я в оперативном звене выполнял данные мне приказы.

Последовательно продолжая свою линию как командующего армией, я не считал себя в праве, находясь в плену, вмешиваться в судьбу моего отечества, что создало бы видимость сотрудничества с противником Германии. Поэтому я вначале не вошел в «Союз немецких офицеров», основанный осенью 1943 года под руководством генерала фон Зейдлица и присоединившийся к движению «Свободная Германия».

Развитие военных событий до лета 1944 года позволило мне осознать, что Гитлер не намерен сделать выводов из ставшего бесперспективным положения и что поэтому он ввергнет немецкий народ в невообразимую катастрофу. К тому же я получил возможность составить более полное представление о систематических зверствах и мероприя-

тиях по истреблению населения оккупированных областей, которые проводились по приказу Гитлера. Мне стало ясно: Гитлер не только не мог выиграть войну, но и не должен ее выиграть, что было в интересах человечества и в интересах самого германского народа.

Особенно сильно угнетала меня мысль, что в связи с этим оказались бессмысленными жертвы, принесенные 6-й армией под Сталинградом, где наступил перелом в войне. Они лишь способствовали затягиванию войны и увеличению общих потерь немецкого народа.

Все эти новые выводы побудили меня тогда опубликовать мой призыв к немецкому народу от 8.8.1944 года и вступить в «Союз немецких офицеров» движения «Свободная Германия».

Я все больше видел в принципах и целях движения «Свободная Германия» не только критерии для понимания всей войны, но также единственный путеводитель для будущего немецкого народа как в отношении уничтожения национал-социализма и всех его корней, так и в отношении создания нового демократического государства. В Советском Союзе, который, несмотря на чудовищные бесчинства, творившиеся нами, содействовал движению «Свободная Германия», я вижу нашего искреннего помощника на будущее. Для нас, немцев, отсюда вытекает требование, исправив прошлые ошибки, всеми силами завоевать доверие Советского Союза и тем самым добиться затем возможности для установления с ним тесных отношений.

Приложение к разделу

«Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом»

I.

**Обмен мнениями с вышестоящими инстанциями
в период до начала русского наступления
{19.11.42}**

Еще с самого начала наступления на большую излучину Дона имели место оживленные переговоры между командованием 6-й армии и командованием группы армий по вопросу, с одной стороны, о все более удлиняющемся и

слабо защищенном северном фланге и, с другой стороны, о невысокой боеспособности войск на направлении главного удара вследствие отвлечения сил для обеспечения флангов.

С прибытием союзных войск на Дон наступило лишь кажущееся облегчение. В действительности соединений союзников было недостаточно, тем более что их боевой уровень являлся низким как в отношении личного состава, так и техники. Об этом ясно свидетельствовал эпизод при создании итальянского оборонительного фронта на Дону: примерно в конце августа наступление небольших русских сил через Дон в район Серафимовичи привело к тому, что целая итальянская дивизия отступила на 20 км на юг.

Я просил 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерала Блюментритта, случайно находившегося в это время в 6-й армии при инспектировании фронта, удостовериться в правильности моих сообщений и предупреждений об этом путем личного ознакомления на месте с обстановкой на участке, занимаемом итальянцами, и доложить о ней в штаб группы армий и в главное командование сухопутных войск.

На это мероприятие, выходящее за рамки моей ответственности, я решился как в интересах 6-й армии, так и всего фронта в целом.

Во время моего присутствия в ставке фюрера в Виннице 12.9 я указал на: а) слабость фронта (под Сталинградом); б) опасность на фланге и на необходимость использовать немецкие соединения на участке союзников и держать их в боевой готовности в качестве резерва за линией фронта.

В конце сентября офицер связи главного командования сухопутных войск при 6-й армии майор Менцель, был послан в ОКХ, чтобы вновь поставить там следующие вопросы: а) об увеличении боевых сил; б) о защите флангов; в) об увеличении и доставке снабжения.

В этом же духе были информированы все лица, которые как представители вышестоящих штабов прибыли в армию. Перед ними была изложена просьба сообщить по командной линии о наших соображениях. К ним относились: а) начальник химической службы при ОКХ генерал Окснер; б) начальник службы связи генерал Фельгибель; в) адъютант вооруженных сил при Гитлере генерал-майор Шмундт.

Последнего я взял с собой в 767-й пехотный полк (376-й пехотной дивизии) на северный фланг. Этот полк под командованием подполковника Штейдле как раз вел борьбу с русскими, которые продвинулись через Дон на юг к самому командному пункту 8-го армейского корпуса.

Чтобы несколько усилить северный фланг, я даже пошел необычным путем, прибегнув к посредничеству штаба 3-й румынской армии. Командующего этой армией, генерала армии Думитреску, я просил, чтобы он через румынское командование сухопутной армии энергично потребовал усиления румын немецкими танкоистребительными частями, а также немецкой артиллерией РГК и немецкими резервами.

Командующий 6-й армией ходатайствовал о предоставлении трех свежих пехотных дивизий, чтобы захватить весь Сталинград для устранения будущего очага опасностей. Последовавшая в ответ помощь практически не имела значения для 6-й армии. Из 4-й танковой армии были переданы в 6-ю армию: 14, 24-я танковые и 91-я пехотная дивизии. Зато 6-я армия должна была принять два дивизионных участка 4-й танковой армии, так что она фактически получила только одну дивизию. К тому же все три дивизии были потрепаны. 94-я пехотная дивизия вскоре после этого была передана по частям другим дивизиям.

Во второй половине октября было подано ходатайство о прекращении наступления на Сталинград, чтобы можно было снять с фронта 14-й танковый корпус, пополнить его и использовать в качестве ударного резерва в тактических и оперативных целях посменно с двумя танковыми и одной моторизованной дивизией. В намеченных районах были уже созданы необходимые склады снабжения и мастерские для ремонта танков.

Несмотря на то что подготовка русских к наступлению была установлена еще в середине октября и о ней постоянно докладывалось, ходатайство было отклонено. Более того, был отдан приказ о продолжении наступления на Сталинград, и для этой цели в середине октября было выделено три саперных батальона и вскоре после этого еще два *.

На все мои данные, доклады, расчеты, представления карт с обстановкой и разъяснения относительно пополне-

* Эти саперные батальоны имели лишь ограниченную боеспособность. Они были укомплектованы молодыми резервами и имели неполный состав.

ния сил, обеспечения флангов и снабжения вышестоящие инстанции предприняли, как это явствует из вышеизложенного, совершенно недостаточные меры. От Гитлера же в середине ноября пришла следующая телеграмма: «От испытанного командования 6-й армии и ее генералов, а также от ее войск, так часто проявлявших храбрость, я ожидаю, что при напряжении последних сил будет достигнут берег Волги на всем протяжении города Сталинграда и этим самым создана важная предпосылка для обороны этого бастиона на Волге».

В соответствии с этим приказом командование армии смогло лишь высвободить два только что переброшенных саперных батальона для использования их в качестве ударных частей в черте города. Характерно то, что в телеграмме Гитлера не учитывалась главная опасность на фланге.

В этот период бесплодных разногласий с середины октября все в большей степени становилась очевидной, как уже было сказано выше, подготовка русских к крупному наступлению на северном фланге в районе западнее Клецкой перед фронтом румынских войск, а также дальше к западу на итальянском участке фронта.

В этой обстановке поступил приказ нового начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Цейтцлера примерно следующего содержания: «Русские уже не располагают сколько-нибудь значительными оперативными резервами и больше не способны провести наступление крупного масштаба. Из этого основного мнения следует исходить при любой оценке противника».

Несоответствие между этой оценкой противника и фактами означало, как это показывает ход дальнейших событий, что верховное командование все больше предавалось бесплодным мечтаниям и вместе с тем прибегало к обману войск, ставя по-прежнему главной целью захват Сталинграда, тогда как нужно было мобилизовать все имевшиеся силы для обороны флангов и для отражения русского зимнего наступления. Мероприятие по отражению ожидавшегося наступления, проводившееся на основании приказов по армии, сводилось главным образом к прекращению вопреки приказам свыше крупных атак, к продолжению боев только ударными частями, к усилению левого фланга, снятию сил с фронта и переброске их на участок за левым флангом армии (14-я танковая дивизия), подготовке к снятию дальнейших сил (14-й танковый корпус) и затребо-

ванию авиации для бомбардировки обнаруженных исходных позиций русских. Таким образом, командование армии сделало все, что было в его власти.

Основополагающие соображения и вытекающие из них решения, изложенные выше, далеко выходили за рамки 6-й армии. Они касались широкой оценки обстановки, а также полномочий и ответственности командования группы армий и даже верховного командования.

Если я, несмотря на мою недостаточную осведомленность в делах группы армий, постоянно обращался к вопросам, выходящим за рамки моей компетенции, то только потому, что вследствие взаимной обусловленности событий на всем фронте судьба 6-й армии в решающей степени зависела от решений и мероприятий командования группы армий и верховного командования.

II.

Взаимодействие с вышестоящими инстанциями в начале и в ходе зимней битвы за Сталинград

Выше было подробно рассмотрено взаимодействие командования 6-й армии с вышестоящими служебными инстанциями. Однако здесь следует сделать еще некоторые пояснения:

1. Срочное предложение командующего 6-й армией от 21.11.1942 года об отводе 6-й армии на реку Дон встретило одобрение командования группы армий «Б». В какой форме и с какой настойчивостью эта точка зрения была доложена им в ОКХ, мне, конечно, в такой же степени неизвестно, как и основание, на котором обе инстанции — ОКХ и группа армий — стали надеяться на возможность восстановить фронт и деблокировать Сталинград.

Вообще следует сказать, что все представители верховного командования, в том числе и я, находились под парализующим влиянием приказа Гитлера, вышедшего в октябре, примерно следующего содержания: «...Ни один командующий группой армий, не говоря уже о командующем армией, не имеет права без моего разрешения сдать населенный пункт или же окоп...»

Тем самым высшие командиры были сознательно лишены свободы принимать не только оперативные и тактические, но даже мелкие тактические решения.

Я теперь не припоминаю, говорил ли Гитлер в выше названном или в более раннем приказе, что он не может предоставить высшему командиру право снять с себя ответственность за выполнение отданного ему приказа или отказаться от должности, на которую он назначен. Это относилось к любому солдату на фронте. Последний не мог отказаться от выполнения воинского долга и уйти домой; это рассматривалось дезертирством.

2. Фельдмаршал фон Манштейн, который со своим штабом принял командование группой армий «Дон» и взял руководство над 4-й танковой армией, 6-й армией и 3-й румынской армией, вначале также разделял мое мнение об обстановке. Но он мог настоять на своем мнении перед Гитлером, как и фельдмаршал фон Вейхс.

3. 23.11 я был вынужден в целях высвобождения сил для юго-западного участка образующегося котла произвести сокращение фронта в районе севернее Сталинграда. Я провел это самостоятельно, вопреки принципиальному приказу Гитлера, упомянутому в пункте 1. После этого командующий 6-й армией получил 25.11 радиogramму, в которой ОКХ в строжайшей форме потребовало отчета за это мероприятие.

4. Одновременно была получена телеграмма ОКХ, примерное содержание которой приведено выше на 8-й странице рукописи. Недоверие, выраженное по отношению ко мне в этом необычном приказе, я неизбежно связывал, с одной стороны, с радиogramмой, упомянутой выше в пункте 3, и, с другой стороны, что касается личной стороны вопроса, с тем заявлением, которое мне сделал в конце октября 1-й адъютант Гитлера и начальник управления личного состава сухопутных войск генерал-майор Шмундт во время его визита в 6-ю армию. Он сказал мне, что я в ближайшее время получу другое назначение, а генерал Зейдлиц, пользующийся особым доверием Гитлера, будет назначен моим преемником.

5. После неудачной попытки деблокады, в ответ на многократные и очень настоятельные требования дать мне разрешение на прорыв и обеспечить необходимое для этого снабжение по воздуху, я получил в начале января 1943 года письмо лично от фельдмаршала фон Манштейна.

В нем говорилось примерно следующее: «...Я понимаю и разделяю Ваши мысли и опасения за свою армию. Однако Ваши вышестоящие служебные инстанции имеют более широкое представление об обстановке и о вытекающих из нее требованиях и несут ответственность. Ваша задача заключается в том, чтобы любой ценой выполнять отданные Вам приказы. За то, что случится потом, Вы не несете никакой ответственности...»

То обстоятельство, что командующий группой армий до конца поддерживал передо мной приказы ОКХ, также повлияло на мою позицию. Фельдмаршал фон Манштейн пользовался репутацией человека, обладающего высокой квалификацией и оперативным умом и умеющим отстаивать перед Гитлером свое мнение.

III.

Взаимодействие с подчиненными командирами

В течение всего времени окружения существовала тесная связь между командирами корпусов и мной. Проводился постоянный обмен мнениями об обстановке и о проведении необходимых мероприятий зачастую непосредственно с командирами дивизий в районах боевых действий. Такие совещания проводились во время моих поездок на командные пункты и когда отдельные командиры корпусов находились в моем штабе. Совещания с участием представителей всех штабов я никогда не проводил, и при существовавших условиях они едва ли были возможны.

По вопросу о самовольном прорыве из окружения вопреки категорическим приказам командующего группой армий и ОКХ командиры корпусов генерал Хейтц, Штрекер, Хубе и Енеке высказались резко отрицательно, тогда как генерал фон Зейдлиц одобрял действия против приказов.

Ни один из подчиненных мне командиров не обратился ко мне с советом принять предложение Красной Армии о капитуляции от 8.1.

Вопрос о прекращении боев впервые подняли около 20.1 генералы фон Зейдлиц и Пфееффер (сменивший генерала Енеке на посту командира 4-го армейского корпуса), в то время как генералы Хейтц и Штрекер до самого конца придерживались противоположной точки зре-

ния, как и генерал Хубе до своего убийства на самолете из окружения.

В это же время я сам на основании собственных наблюдений и соображений начал высказываться на совещаниях с моим начальником штаба, начальником оперативного отдела и начальником отдела командного состава о необходимости прекращения боевых действий. Против этого выступил только начальник оперативного отдела. В результате я решил, что после нового исчерпывающего доклада об обстановке в кольце окружения должно быть получено решение вышестоящего командования. Насколько я помню, генерал фон Зейдлиц на моем командном пункте ознакомился с проектом этого доклада. Тогда я заявил вышестоящему командованию о том, что лишения солдат в районе окружения достигли пределов. Одновременно в тесном кругу работников штаба обсуждались мероприятия, которые необходимо будет принять в случае получения положительного ответа на ходатайство. Ответом была телеграмма, приведенная на 7-й странице рукописи *. Согласно этой телеграмме, на 6-ю армию возлагалась «историческая задача» спасти фронт, продолжая сопротивление до последней возможности.

Новое обсуждение вопроса о прекращении боевых действий имело место 25.1, когда генерал фон Зейдлиц последний раз посетил меня на моем командном пункте на южном берегу р. Царица, а затем 27.1 с генералами Шеммером и фон Даниэльсом во время моего пребывания на их командном пункте в городской тюрьме. Я мог указать только на то, что общая обстановка требует продолжения сопротивления до тех пор, пока это возможно, и не допускает добровольного прекращения боевых действий.

Насколько различной в последние дни была оценка командирами обстановки и боеспособности войск, становится понятным, между прочим, из того, что генерал Корфес еще 30.1 контратакой частями 295-й пехотной дивизии отбил отданную им ранее часть здания в казармах.

О мнении командиров дивизий по вопросу о прекращении боевых действий мне ничего не было известно.

* В этой телеграмме говорилось о том, что «капитуляция исключена» (см.: «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, стр. 90.—*Ред.*).

IV.

Состояние войск

Состояние войск сильно ухудшилось еще в ходе наступательных боев. С началом большого русского наступления утомление и напряжение войск возросли до небывалых размеров. Они были на разных участках фронта окружения различными. Войска, оставшиеся на своих старых позициях, имели более высокую боеспособность и хорошее продовольственное обеспечение за счет запасов. Чрезвычайно большие тяготы испытывали с самого начала те войска, которые для создания обороны окруженной группировки должны были занять новые неподготовленные позиции в заснеженной волго-донской степи. У них не было ни материала для сооружения убежищ, ни горючего, ни печей, ощущался недостаток воды и зимнего обмундирования.

Для соединений 11-го армейского корпуса, который находился вначале западнее Дона, прибавлялось еще то, что они могли лишь в тяжелых боях проложить себе путь через Дон в западную часть района окружения и при этом понесли чувствительные потери в людях.

Затруднено было также положение со снабжением войск, которые пришлось снять с восточного участка, оторвав от дивизий, и, следовательно, от их органов снабжения, и поспешно бросить на вновь создаваемый юго-западный фронт.

Несмотря на все это, вначале боевой дух войск был удивительно высоким. Они верили командованию и наделись на деблокаду, которую считали само собой разумеющейся: в противном случае, полагали они, их не заставляли бы удерживать оборону. Эта надежда питалась начавшимся в начале декабря наступлением 4-й танковой армией с целью деблокады; после его провала новые надежды пробудились новыми обещаниями со стороны ОКВ.

Лишь с 10 января, с началом крупного русского наступления, снизились настроение и надежды на деблокаду. Это проявилось в явлениях апатии и постепенного разложения. Усталые и измотанные солдаты все больше искали себе убежище в подвалах Сталинграда. Все чаще слышались высказывания о бессмысленности сопротивления, но были и голоса против прекращения боевых действий.

Я узнавал об обстановке и условиях жизни войск не только из получаемых мною донесений, но и благодаря

моим почти ежедневным поездкам в штабы и к командирам боевых групп.

Если в начале окружения снабжение состояло из совершенно недостаточного рациона, прежде всего хлеба, то распределение его до середины января производилось весьма организованно. С потерей последних аэродромов (24.1) оно снизилось до невообразимо малых размеров, уже не соответствовало количеству людей и почти не распространялось на большое количество солдат, находившихся в городе в отрыве от своих соединений.

Несмотря на категорические приказы, отдельные соединения задерживали у себя запасы снабжения, как это выяснилось лишь в самые последние дни, когда часть этих черных запасов уже не могла быть роздана войскам.

Начавшееся с 25.1 снабжение воздушным путем в целом оказалось бесполезным. Его объем был слишком незначительным, планомерный сбор предметов снабжения и их организованное распределение были уже невозможны. Значительная их часть попала в руки противника.

Трудной проблемой было медицинское обслуживание. Транспортировка раненых на самолетах хотя и производилась, но была недостаточной и с 24.1 совершенно прекратилась. Госпитали были переполнены. Прочие возможности для размещения раненых и больных также были недостаточны. Все подвалы были переполнены, и ежедневно в Сталинград прибывало новое количество больных и истощенных. Все в большей мере становилась заметной нехватка медикаментов и перевязочного материала.

Другим тяжелым бременем как в моральном, так и в гигиеническом отношении было то, что захоронить убитых в конце концов было вообще невозможно, так как открытие могил ввиду истощения солдат и промерзшей земли было непосильно.

Невообразимые страдания моих солдат и офицеров оказывали сильное влияние на мои решения. В конфликте между послушанием, которое от меня требовалось в сочетании с самыми серьезными предупреждениями, что важен каждый час сопротивления, и человеческим отношением к моим солдатам я полагал тогда, что следует отдать предпочтение послушанию.

Возложение на 6-ю армию ответственности за восстановление южного участка Восточного фронта означало воспрепятствовать тому, чтобы к большим жертвам 6-й ар-

мии не прибавились бы еще большие жертвы на вновь создаваемом участке фронта в результате добровольного прекращения боевых действий в Сталинграде.

V.

Конец боев

В связи с вышеизложенным требуют пояснения еще следующие частные вопросы:

1. Эвакуация из окружения на самолетах.

При наличии у многих стремления вырваться из окружения большое значение в моральном отношении с самого начала приобрело обеспечение эвакуации из котла воздушным путем. Поэтому командующий армией в самом начале издал строгие указания о перевозке личного состава по воздуху и постоянно контролировал ее осуществление.

Перевозки воздушным транспортом производились в следующем порядке.

А. По приказу командующего армии вывозились:

1) тяжело раненные, затем раненые. Решал этот вопрос армейский врач, который находился на аэродроме. В общей сложности было эвакуировано около 42 тыс. раненых;

2) корпуса и дивизии должны были использовать в качестве курьеров армии лишь офицеров и чиновников, не пригодных к использованию на фронте. Вопрос о том, кто мог вылететь на самолете, решал только начальник штаба армии. В январе 1943 года порядок изменился. В качестве курьеров вылетали на самолетах только офицеры и чиновники, которые были назначены главным командованием сухопутных войск или группой армий и не служили в окруженных войсках;

3) следующие штабы разгромленных и расформированных дивизий по согласованию с группой армий:

а) штаб 384-й пехотной дивизии. Действовал на р. Чир. Отдел квартирмейстера (3 машины) был уничтожен русскими;

б) штаб 94-й пехотной дивизии. Действовал у Морозовской;

в) штаб 79-й пехотной дивизии. Формировал новую 79-ю пехотную дивизию в районе Ростова.

Б. По приказу главного командования сухопутных войск:

а) кандидаты для прохождения службы в генеральном штабе;

б) командиры (полков и батальонов) танковых войск, унтер-офицеры и рядовые (специалисты) танковых войск;

в) генерал танковых войск Хубе (14-й танковый корпус), подполковник генерального штаба Вилуцки. Оба переводились в «Штаб снабжения Сталинграда», который находился в Мариуполе;

г) генерал инженерных войск Енеке (4-й армейский корпус), раненый. Генерал-майор Штейнметц, тяжело раненный. Полковник Селле, начальник инженерной службы армии. Полковник Арнольд, начальник службы связи армии, заболел до окружения; о его замене был отдан приказ еще до окружения. Его преемник, назначенный главным командованием сухопутных войск, не прибыл. Замена была произведена, когда войска находились уже в окружении (Арнольд был сменин полковником ван Гооеном);

д) офицер связи ОКХ, майор генерального штаба фон Цитцевитц, возвращавшийся обратно в ОКХ.

2. Назначение на должности и повышение в звании командиров.

Учитывая обстановку, командующий армии считал целесообразным назначить на вакантные командные должности офицеров из состава армии и присваивать им звание в соответствии с занимаемой должностью.

Командующий 6-й армией получил полномочие производить повышение в звании до генерал-лейтенанта в соответствии с указаниями управления личного состава.

Документ № 3

Заключительная оценка

Весь комплекс операций под Сталинградом состоит из 3 фаз развития:

1. Продвижение к Волге.

В общих рамках войны летнее наступление 1942 года означало попытку в новом наступлении осуществить планы, потерпевшие провал поздней осенью 1941 года, а

именно: довести войну на Востоке до победного конца, т. е. добиться целей нападения на Россию вообще. Тем самым существовала надежда решить исход войны.

В замыслах военного командования на первом месте стояла чисто военная задача. Это основная ставка на последний для Германии шанс выиграть войну определяла все планы германского командования и во время двух следующих фаз.

II. С началом русского ноябрьского наступления и окружения 6-й армии, а также частей 4-й танковой армии, в целом 220—240 тыс. человек, становилось все более ясно, вопреки всем ложным обещаниям и иллюзиям ОКВ, что вместо «победного завершения войны против России» возник вопрос: как избежать на Востоке полного поражения и, следовательно, проигрыша всей войны?

Этими мыслями были целиком поглощены командование и войска 6-й армии, в то время как вышестоящие командные инстанции (группа армий, начальник генерального штаба сухопутных войск и ОКВ) еще верили в шансы на победу или по крайней мере утверждали это.

Поэтому мнения о мероприятиях командования и методах ведения боевых действий, диктовавшихся обстановкой, резко расходились.

Поскольку вышестоящие командные инстанции, исходя из вышеуказанных соображений и обещания прислать подкрепления, отклонили прорыв, еще возможный в первой фазе окружения, оставалось только удерживаться, чтобы воспрепятствовать дезорганизации и, следовательно, распаду всего южного участка Восточного фронта вследствие самовольных действий. Но последнее в дополнение к крушению первоначальных надежд на победу уничтожило бы быстро всякую возможность избежать решающего поражения и вместе с тем развала Восточного фронта.

III. В третьей фазе, после провала попыток деблокады и отсутствия обещанной помощи необходимо было выиграть время, чтобы позволить восстановить южную часть Восточного фронта и спасти крупные немецкие силы, находившиеся на Кавказе.

Можно было полагать, что в случае неудачи вся война будет проиграна только в результате громадного по масштабам поражения на Восточном фронте.

Поэтому вышестоящие командные инстанции выдвинули теперь аргумент, что необходимо «выстоять до конца», чтобы предотвратить самое худшее для всего фронта. Таким образом, вопрос о сопротивлении 6-й армии под Сталинградом сводился к следующему: при той обстановке, как она мне представлялась и о которой мне докладывалось, полного поражения можно было избежать только крайне упорной обороной 6-й армии под Сталинградом. Следовательно, 6-я армия должна была принять на себя невиданные жертвы, чтобы спасти других. В этом смысле были составлены радиogramмы последних дней: «Важен каждый час». Преждевременное прекращение сопротивления под Сталинградом означало бы, что я дал толчок к проигрышу войны и что мои действия, как я тогда это представлял себе, были бы направлены именно против немецкого народа.

При том положении вещей, какое сложилось на рубеже 1942—1943 годов, я надеялся путем длительного упорного сопротивления под Сталинградом служить интересам немецкого народа, так как мне казалось, что поражение на Восточном фронте исключит всякий политический выход.

Мне тогда совсем не приходила в голову революционная мысль о том, чтобы сознательно вызвать поражение и тем самым привести к падению Гитлера и нацистского режима как препятствия для окончания войны. Мне также не было известно, чтобы подобное мнение высказывалось среди моих подчиненных.

Документ № 4

Период времени с начала плена

Первый период плена для нас, генералов, характеризовался сильной депрессией после пережитого под Сталинградом и опасениями за дальнейшие последствия этой катастрофы для военного положения всей Германии.

По мере быстрого восстановления, благодаря заботливому медицинскому обслуживанию и питанию, физических и моральных сил после потрясений, вызванных боями под Сталинградом, и по мере того, как события отходили в прошлое, нас, генералов, стали занимать главным образом следующие соображения.

Существовало единогласие в том, что со стороны верховного командования было безответственной ошибкой дать окружить 6-ю армию и запретить ее прорыв из окружения, ссылаясь на деблокаду. Но единогласие существовало также в том, что 6-я армия, после того как она вследствие приказа Гитлера попала в окружение под Сталинградом, должна была как можно дольше держаться, чтобы выиграть время для восстановления распавшегося участка Восточного фронта.

В первое время до конца лета 1943 года мнения генералов в целом были едины. Все существенные вопросы обсуждались со мной, как с бывшим командующим армией. При этом каждый из нас в меру личной осведомленности и личных интересов начал все лучше понимать принципиальные вопросы:

1. Что обещания ОКВ относительно деблокады никоим образом не соответствовали фактически имеющимся силам, условиям времени и пространства для их сосредоточения. То, что верховное командование при этом действовало легкомысленно и совсем не принимало в расчет мероприятия русских, объяснялось тем, что оно с начала января возложило вопреки здравому смыслу на 6-ю армию задачу воспрепятствовать катастрофе на южном участке Восточного фронта.

2. Что существовало несоответствие между расчетами на снабжение окруженной 6-й армии воздушным путем и возможностями осуществления этого снабжения, которые были известны специалистам ОКВ и главнокомандующему военно-воздушными силами, а именно:

- а) имевшиеся в распоряжении средства;
- б) расстояние от авиационных баз, увеличившееся в связи с ухудшением положения войск.

3. Что достижение победы даже над одними русскими после предыдущих потерь на Востоке, в особенности после уничтожения всей 6-й армии и одновременного разгрома румынских, итальянских и венгерских сил, действовавших под Сталинградом, сомнительно.

4. Что в связи с выводом о невозможности достигнуть победы оставалось две надежды:

- а) на возможность укрепления всех фронтов при успешном отражении высадки союзников на Западе, так что ни одна из воюющих сторон не будет иметь шансов на победу и поэтому создадутся условия для переговоров или

б) на возможность прийти к соглашению с одними западными державами, в пользу чего, по-видимому, говорило отсутствие второго фронта во Франции.

К правильной политической оценке всех событий этой войны и к осознанию собственной ответственности мы в это время не пришли. Наоборот, мы возлагали всю ответственность только на Гитлера и на его непосредственных советников, точно так же, как во время окружения под Сталинградом мы критиковали только чисто военные мероприятия.

Различия в позиции пленных генералов проявлялись лишь в том, что часть их по-прежнему безгранично доверяла Гитлеру, в то время как другие объясняли неблагоприятный исход войны против Советского Союза только ошибками верховного командования, особенно Гитлера. Мы полагали, что недопущение таких ошибок в будущем — особенно учитывая уроки под Сталинградом — создаст возможности для выхода из положения (см. вышеуказанный пункт 4).

Визит депутата рейхстага Пика в Суздаль

В июне 1943 года меня посетил в лагере Суздаль живший в Москве в эмиграции депутат рейхстага Вильгельм Пик. Он указал на то, что именно его партия предостерегала от нацистского господства и от его неизбежных последствий и боролась против него. Для Гитлера, который нарушал один договор за другим и развязал всю войну, нет возможности выйти из войны, если даже он этого хочет. Проникнутый горячей заботой о будущем немецкого народа, он указал на то, что для Германии имеется только один выход, чтобы избежать катастрофы, а именно, свергнув Гитлера, немедленно закончить войну. Патриотическим долгом каждого немца является содействие этому.

В связи с этим он сообщил мне также о предстоящем создании Национального комитета «Свободная Германия» из пленных немецких солдат и офицеров и выразил надежду, что некоторые генералы будут участвовать в нем.

Эта беседа была для нас, генералов, первым толчком к тому, чтобы, выйдя за узкие рамки нашего чисто военного мышления, заняться — хотя вначале лишь наощупь — также всем комплексом политических вопросов.

Основание Национального комитета «Свободная Германия»

Приблизительно во второй половине июля 1943 года — после перевода военнопленных генералов 3.7.1943 года из лагеря Суздаль в лагерь Войково — мы узнали из газеты для военнопленных о создании Национального комитета «Свободная Германия». Это стремление военнопленных, находясь в плену, путем публичной пропаганды вмешаться в ведение войны своей страной мы, генералы, единодушно отвергали, несмотря на впечатление от высказываний Пика.

Создание «Союза немецких офицеров»

Во второй половине августа генералы фон Зейдлиц, Корфес и Латтман были переведены из лагеря Войково в лагерь «НК» под Москвой и там связаны с видными немецкими эмигрантами.

Вскоре после этого генералы фон Зейдлиц и Латтман вернулись в лагерь Войково в сопровождении двух молодых офицеров — представителей движения «Свободная Германия». Зейдлиц, воодушевленный надеждой на то, что благодаря дальнейшему развитию и деятельности «НК» можно будет добиться быстрого окончания войны путем просвещения солдат на фронте и населения в Германии, выступил с теми же идеями, которые Пик изложил в конце июля, и призывал к вступлению в организуемый «Союз немецких офицеров». При этом он подчеркнул прежде всего ухудшение военного положения и указал на то, что только в случае быстрого окончания войны Германия еще смогла бы оказаться в сравнительно благоприятном положении.

Высказывания Зейдлица не встретили одобрения ни с моей стороны, ни со стороны моих товарищей по следующим причинам:

1) ухудшение военного положения не могло быть причиной для изменения нашей позиции, наоборот, теперь было важно сохранить единство вооруженных сил и народа;

2) как военнопленные, мы не можем достаточно точно судить ни о политическом, ни о военном положении Германии;

3) нам тогда казалось, что подрыв с помощью пропаганды единства вооруженных сил и народа уподоблялся действиям германского верховного командования в 1917 году, которое хотело путем разложения сломить русский фронт, чтобы продиктовать России свои условия мира;

4) наконец, мы находились также под впечатлением «легенды об ударе в спину» в 1918 году. Именно потому, что мы считали, что война уже не могла быть выиграна и что нужно было выйти из нее при достаточно сносных условиях, мы, как солдаты, осуждали эти устремления «НК», как якобы направленные против интересов германского народа.

Отсюда мы заключали, что как раз в данной ситуации нужно было сохранять и укреплять сплоченность вооруженных сил и народа. Кроме того, мы считали, что вмешательство военнопленных путем выдвижения определенных политических требований в политическую жизнь своей страны противоречит международным обычаям.

Проведенный по моей инициативе обмен мнениями между генералами, находившимися в Войково (без Зейдлица и Латтмана), привел к принятию письменного заявления, в котором мы резко отвергли подобные попытки разложения и резко осудили присоединение генералов фон Зейдлица, Корфеса и Латтмана к движению «Свободная Германия».

Несмотря на это, по настоянию генерала фон Зейдлица при его возвращении в начале сентября в Москву я был переведен на дачу Дуброво для дальнейших переговоров. При этом преследовалась цель вовлечь меня и тем самым остальных генералов в движение «Свободная Германия», чтобы таким единством добиться более сильного воздействия на вооруженные силы и на народ. После многочисленных бесед, явившихся для меня основательным испытанием, я лично все же не мог отступить от моей вышеизложенной точки зрения.

Но я обещал, что постараюсь убедить генералов, находившихся в Войково, отказаться от упомянутого выше письменного порочащего заявления относительно действий генералов фон Зейдлица, Корфеса и Латтмана. Для этой цели я поехал обратно в Войково.

Однако мое предложение взять безоговорочно обратно

вышеупомянутое письменное заявление встретило одобрение лишь части генералов. Чтобы добиться единодушного отказа от него всех, я согласился на такую формулировку, принятую всеми, которая хотя и снимала первоначальное единодушное осуждение действий генералов Зейдлица, Корфеса и Латтмана, но не определяла при этом отношение каждого из них к движению «Свободная Германия». Одновременно я на основании письменного заявления без своей оценки, чисто по-существу, сообщил генералам мотивы, побудившие генералов Зейдлица, Корфеса и Латтмана к такому шагу. Кроме того, я объявил, что впредь не должно быть каких-либо коллективных действий против движения «Свободная Германия» и что никто не имеет права в своих решениях ссылаться на мою позицию.

В последующем серьезное влияние на нас оказала не только газета «Свободная Германия», которую мы регулярно получали, но и два письма генерала фон Ленски, переведенного в середине февраля 1944 года в Москву, который в последнем письме (май 1944 г.) изложил причины своего присоединения к движению «Свободная Германия» и призывал нас последовать его примеру. На это письмо я тогда не ответил. С одной стороны, я не мог отказаться от своей принципиальной позиции, но, с другой стороны, я не хотел выступать и против, так как в соответствии с моим принципиальным заявлением в октябре 1943 года такого рода решение должно было приниматься по усмотрению каждого в отдельности. Вследствие такой позиции, занятой мной в октябре 1943 года, в лагере Войково больше не проводились общие собрания находившихся там генералов. Среди них имелись лица, которые по-прежнему выступали яркими противниками «НК», но были и представители — в их числе и я, — которые приглядывались к этому движению, воздерживаясь, однако, вступать в него.

Мое присоединение к движению «Свободная Германия»

В конце июля 1944 года по ходатайству Национального комитета я был доставлен в Москву (на дачу Озеро) для дальнейших переговоров.

После поражений на Востоке в 1943 году и в начале

1944 года и наступления англичан и американцев в Италии положение Германии стало безнадежным вследствие высадки союзников во Франции (6.6.44) и уничтожения группы армий «Центр» на Восточном фронте (в конце июня — начале июля 1944 года).

Решающее влияние на меня оказало также то, что я получил новые, хотя все еще ограниченные сведения о зверствах по отношению к гражданскому населению оккупированных восточных областей и к русским военнопленным, совершавшихся как в ходе военных действий, так и независимо от них.

Наконец, события 20 июля 1944 г., в которых участвовали известные генералы (Витцлебен, Бек, Геппнер, Фельгибель), показали, что и в Германии единственный выход из войны видели в устранении Гитлера.

В связи с этим основные препятствия и сомнения, определявшие мое прежнее отношение к «НК», отпали. Особенно важные сведения о положении в Германии и в германских вооруженных силах я получил из бесед с отдельными генералами группы армий «Центр», попавшими в русский плен.

Так я пришел к выводу, что теперь уже было важно не то, чтобы окончить войну на сносных условиях, а, скорее, то, чтобы поощрять враждебные нацизму силы и разложением фронта добиться прекращения борьбы и тем самым избежать ужасной окончательной катастрофы.

8.8.1944 года я объявил о своем присоединении к движению «Свободная Германия» и одновременно опубликовал воззвание, соответствовавшее тогдашним условиям в Германии.

При моем вступлении в движение «Свободная Германия» для меня было само собой понятным, что мое прежнее звание и прежнее положение в германской армии не могут быть препятствием к тому, чтобы в этом политическом движении безоговорочно признать генерала фон Зейдлица президентом «Союза немецких офицеров», примыкавшего к движению «Свободная Германия», первым вице-президентом Национального комитета и первым немецким генералом, вступившим в это движение.

В движении «Свободная Германия» передо мной, как старшим по званию офицером, возникли следующие особые задачи.

В середине августа русское правительство приняло

представленный мной проект предложения о почетной капитуляции для немецкой группы армий в Курляндии. Это предложение, выдвинутое теперь от имени русского командования, было передано вместе с личным письмом от меня тогдашнему командующему группой армий «Курляндия» генерал-полковнику Шернеру; ответа от него не последовало.

В конце сентября 1944 года в связи с сокрушительным наступлением русских против немецкой группы армий в Румынии я, как бывший командующий разгромленной под Сталинградом бывшей 6-й армии, обратился с призывом о капитуляции к вновь окруженной 6-й армии.

В конце октября 1944 года я, как старший по званию немецкий офицер среди пленных, посчитал своим долгом защитить в письменном выступлении и по радио генерала фон Зейдлица от подлой клеветы, которую возвел на него Гиммлер при обращении к солдатам фольксштурма *. Последним коллективным выступлением генералов, входивших в движение «Свободная Германия», был «Призыв 50 генералов», составленный мной во второй половине декабря 1944 года. Он являлся последним серьезным предостережением непосредственно перед русским наступлением на Висле и против Восточной Пруссии, завершившимся окончательным поражением Германии.

Выводы, сделанные из движения «Свободная Германия»

Окончание войны означало также прекращение пропагандистской деятельности движения «Свободная Германия». Хотя это движение и не принесло желанного успеха в деле скорейшего окончания войны в интересах Германии и всех воюющих стран, все же его принципы и основные идеи, независимо от того, какими участниками они представлялись, должны стать основой для восстановления единой демократической Германии и для ее вклада в сохранение мира.

В тесной связи с пропагандистской деятельностью на

* Это послужило прямым поводом к заключению моей семьи в концентрационный лагерь.

основании более глубокого понимания явлений и событий второй мировой войны было подвергнуто коренному пересмотру и беспощадной критике все наше прошлое мировоззрение. Этому содействовало ознакомление с прогрессивными взглядами на историю и изучение политических и экономических вопросов. При этом особенно важное значение имели строй, общественные цели и мирная политика Советского Союза, а также тяжелая ответственность и вина, которую мы, немцы, приняли на себя в результате нашего коварного нападения на Советский Союз и захватнической войны против него.

Мое выступление на Нюрнбергском процессе

Все эти соображения побудили меня, не ради умаления моей собственной ответственности по отношению к Советскому правительству, выступить свидетелем на Нюрнбергском процессе. Это было также следствием моей деятельности против Гитлера в движении «Свободная Германия».

Внести вклад в разоблачение преступного характера войны, развязанной Гитлером и его ближайшими помощниками, и вскрыть соучастие его ближайших советников, знавших о всех его замыслах, было долгом перед Советским Союзом, на который мы напали.

Кроме этого, к такому шагу меня побудил долг перед немецким народом. В интересах будущего немецкого народа, его реабилитации, его будущего мирного сосуществования с другими народами было необходимо, чтобы перед Международным трибуналом в Нюрнберге выступил немецкий свидетель с показаниями о противозаконном развязывании захватнической войны, о вызванных ею бесчеловечных деяниях (как искоренение целых народов чужих стран, грабеж населения на чужих территориях, организация концентрационных лагерей и массовое уничтожение в них людей) и о ужасных последствиях войны.

Уяснение этих вопросов в интересах самого немецкого народа, которому необходимо избавиться от носителей его губительного прошлого, в интересах реабилитации немецкого народа и его будущего мирного сосуществования с другими народами.

Буря разразилась

Телефон яростно звонил. Я сразу очнулся от сна. Не успел я взять трубку, как услышал далекий гул. Ураганный огонь, подумал я. Дежурный офицер доложил: «Тревога, господин полковник! Немедленно к начальнику штаба!»

То было начало советского контрнаступления*. На листке календаря значилось: 19 ноября 1942 года.

Я надел китель, натянул сапоги и поспешил к Шмидту. Туда уже явились многие офицеры, которых разбудили, как и меня. Начальник штаба Шмидт уже поднял всю армию по тревоге. Положение стало крайне серьезным. Минували дни напряженного ожидания, когда артиллеристы и танкисты не отходили от орудий, всегда готовые к отпо-

Глава из книги Вильгельма Адама «Трудное решение». М., изд-во «Прогресс», 1972.

* Наступление войск Юго-Западного фронта (командующий генерал Н. Ф. Ватутин) и правого крыла Донского фронта (командующий генерал К. К. Рокоссовский) началось в 8 часов 50 минут 19 ноября мощной артиллерийской подготовкой, которая продолжалась 1 час 20 минут. Около 3500 орудий и минометов, сосредоточенные на трех узких участках прорыва общим протяжением 28 километров, обрушили свой огонь на врага. (Здесь и далее примечания русской редакции.)

ру, пехотинцы лежали около пулеметов, снаряженных для ведения непрерывного огня, а ручные гранаты они клали около себя.

Вскоре вслед за мной к Шмидту прибыл командующий армией. Зазвонил телефон. Из Осиновки докладывал генерал Штрекер, командир XI корпуса.

— Здесь сущий ад, — доносил Штрекер, — невообразимый ураганный огонь обрушился на наши позиции. Земля буквально перепажана. У нас значительные потери. Однако основной удар, видимо, нанесен по румынам*. Я связался по телефону со своим левым соседом, IV румынским армейским корпусом. Его начштаба настроен весьма пессимистически. Он опасается паники в своих войсках. Наши дивизии держатся стойко, но из-за метели очень плохая видимость. Мы будем докладывать командованию о ходе дел.

Генерал Паулюс пояснил Штрекеру:

— Для обеспечения вашего левого фланга я намерен 14-ю танковую дивизию ввести в действие юго-западнее Мело-Клетской. О дальнейшем вы узнаете, когда выяснится направление удара противника.

Паулюс положил трубку, молча взглянул на нас и снова протянул руку к телефону.

— Соедините меня с группой армий «Б».

Офицер оперативного отдела группы армий принял первое донесение 6-й армии об артиллерийской подготовке противника.

С этого момента телефон в кабинете начальника штаба звонил почти не переставая. Донесения, запросы, распоряжения следовали одно за другим. Подготавливался вывод XIV танкового корпуса из города. Генеральный штаб получал информацию о происходящем от своего офицера связи при 6-й армии по его собственной радиостанции; то

* Главный удар Юго-Западный фронт наносил силами 5-й танковой и 21-й армий. Противник оказал сопротивление. Особенно упорным оно было в полосе наступления 5-й танковой армии генерала П. Л. Романенко, где гитлеровцы опирались на сильно укрепленные населенные пункты. Но советские войска умелым маневрированием вынуждали противника к отходу, а местами и к паническому бегству. Прорыв вражеской обороны оказался все же трудной задачей, лишь ввод в бой подвижной группы в составе 1-го и 26-го танковых корпусов позволил форсировать продвижение. К 14 часам прорыв был завершен,

был майор генерального штаба фон Цитцевиц, сменивший майора Менцеля. Но мы все еще не знали ничего определенного о намерениях и направлении удара противника. Наконец около 7 часов генерал Штрекер снова дал о себе знать.

Прорыв у румын

— Противник нанес удар со своего плацдарма. Мы пока удерживаем свои позиции. Удар нанесен по 3-й румынской армии. 376-я пехотная дивизия сообщает, что русские прорвали позиции IV румынского армейского корпуса и продвигаются вперед в южном направлении. Совершенно неясно положение 1-й румынской кавалерийской дивизии. Она уже не имеет никакой связи с левым соседом. Я перебросю 376-ю пехотную дивизию для прикрытия нашего фланга, развернув ее фронтом на запад. Нарушена телефонная связь с 44-й пехотной дивизией. Связной мотоциклист доложил, что артиллерийским обстрелом почти вовсе разгромлены передовые позиции у румын, танки красных все сровняли с землей.

Паулюс одобрил переброску 376-й пехотной дивизии на отсечную позицию, потребовал восстановления связи с 14-й танковой дивизией, а 1-ю румынскую кавалерийскую дивизию, отошедшую на восток, подчинил XI армейскому корпусу.

Из штаба группы армий «Б» мы узнали, что советская артиллерия в течение многих часов обрушивала тысячи тонн стали на позиции 3-й румынской армии. Затем две ударные армии прорвались с плацдарма у Клетской и Серафимовича. Румыны, видимо, храбро оборонялись, но были смяты и обращены в бегство. В настоящее время советские бронетанковые соединения, механизированные пехотные части и кавалерия неудержимо движутся дальше на запад. Ни германский, ни румынский штаб не могли сказать, где находятся передовые части наступающего противника. Одно было ясно: уже создана угроза 6-й армии с тыла.

Не удалась также мои попытки получить представление о потерях, постигших XI армейский корпус. Адъютант корпуса сообщил мне, что начиная с раннего утра связь почти постоянно нарушена. По его мнению, надо считать-

ся с весьма большими потерями в 44-й и 376-й пехотных дивизиях. 19 ноября офицеры штаба армии провели в томительном ожидании. Потом с каждым часом все более учащались сообщения о катастрофе. Хотя мы к вечеру еще не имели точного представления о масштабе советских успехов, но каждому было ясно, что нам угрожает смертельная опасность. Около 19 часов я явился с докладом к Паулюсу. Сутулясь, он шагал взад и вперед по комнате. Чаше обычного нервно подергивалось его лицо. Он остановился передо мной.

— Итак, случилось то, что я предсказывал в течение недель. Гитлер не хотел признавать то, что ясно было любому простому солдату. А Кейтель и Йодль его в этом поддерживали. Несколько недель от нас отделялись пустыми фразами. Теперь мы должны расхлебывать кашу. При этом мы еще вовсе не знаем, удастся ли нам приостановить контрнаступление Красной Армии.

Я молча кивал головой, ведь меня терзали те же мысли. Взволнованно Паулюс продолжал:

— Нам угрожает колоссальная опасность. Я вижу только один выход из создавшегося положения: отход на юго-запад. Необходимо действовать быстро.

Таково было и мое мнение. Поэтому я спросил:

— Действительно ли в этом случае командование армии должно испрашивать согласие генерального штаба? Ведь сейчас речь идет о жизни 330 тысяч человек.

— Именно потому, что дело идет о том, быть или не быть всей 6-й армии, я, как вы знаете, предложил оставить Сталинград. Это было отвергнуто. Все еще остается в силе приказ, согласно которому ни один главнокомандующий группой армий или командующий армией не имеет права без разрешения Гитлера оставить населенный пункт или даже окоп. Разумеется, этим парализуется решимость всякого командующего армией. Однако на что же это похоже, если в условиях войны приказы больше не будут выполняться? Как это отразилось бы на армии? Чем большей властью обладает генерал, тем в большей мере он должен быть для своих солдат образцом в соблюдении приказов.

Эта принципиальная позиция определяла поведение Паулюса и в последующие дни. Как бы повелительно ни требовали обстоятельства действовать самостоятельно, Паулюс постоянно колебался, но не принимал решения. Он

оставался послушным генералом. В этом его поддерживали и темпераментный, но фанатичный начальник штаба генерал-майор Шмидт, и большинство командиров корпусов. Да и я сам, несмотря на переживаемую мной душевную коллизия, не мог преодолеть эти хотя и мучительные, но безысходные колебания.

Наши первые контрмеры

В ночь с 19 на 20 ноября штаб армии уже имел ясное представление об обстановке. 14-я танковая дивизия доложила, что к вечеру 19 ноября противник танками и кавалерией продвинулся в наш тыл примерно на 30 километров. Артиллерийский полк дивизии уже отбивал энергичные атаки противника. Из новых донесений XI армейского корпуса выяснилось, что румыны были атакованы сильными бронетанковыми соединениями, которые, не встречая серьезного сопротивления, смяли все на своем пути. Оставшиеся в живых бежали в страхе на юг и на восток. Видимо, 3-я румынская армия более не существовала. Но и многие наши тыловые части охватила паника перед лицом рвущегося на юг противника *.

Естественно, этой ночью в штабе никто и не помышлял о сне. Все начальники отделов собрались у Шмидта. Без всяких признаков внутреннего волнения он объяснил новую обстановку западнее Дона, закончив следующими словами:

— Надлежит подготовить перенесение командного пункта армии в Нижне-Чирскую. Об уничтожении документов, без которых можно обойтись, и особенно секретных дел, командованием будет отдан приказ.

Оптимизм и кипучая энергия Шмидта резко отличали его от Паулюса, изнемогавшего под бременем павшей на него ответственности. Начальнику штаба были чужды моральные проблемы, терзавшие командующего армией. Он находился в родной стихии, ведь снова нужно было при-

* К утру 20 ноября 26-й танковый корпус генерала А. Г. Роди-на разгромил части 1-й румынской танковой дивизии и вышел в район Перелазовского. Здесь танкисты уничтожили штаб 5-го армейского румынского корпуса и захватили много пленных, после чего повернули на юго-восток в общем направлении на Калач — Советский.

нимать решения, отдавать приказы, проверять их выполнение. Шмидт был уверен, что, несмотря на значительные первоначальные успехи, противника удастся после перегруппировки разбить в открытом бою, и представил Паулюсу предложения, которые он разрабатывал совместно с начальником оперативного отдела. Предложения сводились к следующему.

XIV танковый корпус в составе танковых полков 16-й и 24-й танковых дивизий форсированным маршем движется к Дону и с высоты западнее Голубинского наносит фланговый удар по продвигающимся на юг силам Красной Армии и уничтожает их. Штаб XIV танкового корпуса переходит на командный пункт армии в Голубинский. Ему будет подчинена 14-я танковая дивизия. Действия штурмовых групп в городе немедленно прекратить.

С участка VIII и LI армейских корпусов снимаются все свободные части, и из них создается резерв 6-й армии.

Плацдарм на западном берегу Дона, западнее Калача, занимают под командованием полковника Микоша военное инженерное училище и школа зенитчиков, усиленные всеми подразделениями тыловых служб, без которых можно обойтись.

Офицерская школа в Суворовском приводится в боевую готовность.

Штаб армии с 21 ноября переводится в Нижне-Чирскую. Ответственный за выполнение — полковник Адам.

Раненые и подразделения интендантской службы, без которых можно обойтись, отводятся в район южнее реки Чир, так как наступление русских угрожает железной дороге и тем самым основным коммуникациям снабжения армии.

Паулюс утвердил эти предложения. Соответствующие приказы разослали в войска.

Надежды на высшие инстанции

Уже было далеко за полночь. Нельзя было предполагать, чтобы до рассвета поступили новые донесения. На командном пункте армии делать было нечего, и я проводил Паулюса до его квартиры. По дороге он заговорил со мной:

— Если бы ставка фюрера одобрила мое предложение об отводе 6-й армии за Дон, мы были бы теперь избавлены

от тяжелого кризиса. Будем надеяться, что по крайней мере теперь Гитлер и его окружение вникнут в создавшееся положение и отдадут приказ оставить город. Это теперь не так уж просто, ведь вся 3-я румынская армия выбита из Донского фронта. Фактически русские танковые и кавалерийские соединения никого перед собой не имеют. Столь же мало рассчитываю я и на то, что XXXXVIII танковый корпус Гейма сдержит натиск русских.

— Если вы, господин генерал, рассчитываете получить такой приказ из ставки фюрера, не целесообразно ли уже сейчас провести необходимые подготовительные меры?

— Пока я предложил командованию группы армий вывести все войска из города, — продолжал Паулюс. — Разумеется, я не могу сейчас такое решение довести до сведения армии. Это могло бы вызвать панику или по меньшей мере ослабить сопротивление. Однако штабы корпусов уже занимаются этим вопросом. Впрочем, вам должно быть ясно, что цель подписанных мною приказов — вывести армию из угрожающего окружения.

Мы подошли к убежищу командующего. Я простился и вернулся к себе. Обер-фельдфебель Кюппер бодрствовал. Другие писаря уже спали.

— Так, Кюппер, мы можем сразу взяться за работу.

— У меня все в порядке, господин полковник.

— Вам это только кажется. Не удивляйтесь. Надо подготовить для уничтожения все ненужные документы, особенно секретные дела командования. Остальное упаковать. Штаб переходит завтра в Нижне-Чирскую.

— Вот как, значит, обстоят дела. Вчера я много всякого наслышался от связных мотоциклистов из корпусов. Мотоциклист из XI армейского корпуса говорил, что русские смяли румын и быстро продвигаются на юг. Я решил, что это очередная выдумка. Когда же я примерно через час узнал, что вы все еще у начштаба, я заподозрил что-то неладное. Вот почему я все еще на ногах. Дело плохо, если мы сжигаем документы.

— Без паники, Кюппер. Пока речь идет о мерах предосторожности. Посмотрим, что принесет сегодняшний день. Пусть писаря поспят. Мы сами все сделаем.

Обер-фельдфебель вытащил из-под койки два стальных сундука с секретными делами и стал передавать мне один документ за другим.

Я их сложил в две кипы: документы, которые в случае опасности надлежало уничтожить, и менее секретные, такие, как представление к наградам, распоряжения об отпусках и т. п. После этого каждая груда бумаг была в отдельности перевязана и положена обратно в сундуки. Когда мы закончили работу, уже занялась заря.

— Теперь поспите немного, Кюппер. Я пойду к себе, умоюсь и побреюсь. В 8 часов самое позднее я буду снова здесь.

Удар с юга

Через полчаса, когда я еще брился, зазвонил телефон. Телефонист сообщил:

— У аппарата начальник оперативного отдела, господин полковник.

«Что еще могло случиться?» — думал я, поднося трубку к уху.

— Немедленно приходите к начальнику штаба! Генерал Паулюс уже здесь, — услышал я голос Эльхлеппа на другом конце провода.

Быстро побрившись, я направился в оперативный отдел. На улице резкий ветер обжигал лицо, пронизывал насквозь. Пушинки снега садились на сукно шинели или таяли на щеках и подбородке. В комнате Шмидта от большой беленой печки, какие бывают в крестьянских избах, шло приятное тепло. Командующий армией вместе с начальником штаба, начальниками оперативного и разведывательного отделов стояли перед картой, висевшей на стене. Шел разбор новой обстановки. С напряженным вниманием следил я за тем, как наносятся последние данные на карту.

В районе действий 4-й танковой армии была проведена жирная красная стрела, прорезавшая в центре передний край. Советская Армия вступила в бой и на южном направлении*.

* 20 ноября 1942 г. с плацдарма в районе Сарпинских озер нанесли удар войска Сталинградского фронта (командующий генерал А. И. Еременко). Утро было туманным, поэтому армии фронта переходили в наступление не одновременно, а по мере того как туман на их участках рассеивался. В 8 часов 30 минут после артиллерий-

Паулюс подвел итоги:

— Сегодня рано утром после сильной артиллерийской подготовки противник атаковал позиции 4-й танковой армии и 4-й румынской армии. В данный момент положение там еще неясно. С севера Красная Армия продолжала наступать. Ее левое крыло продвигается в юго-восточном направлении на Верхне-Бузиновку. Мы должны считаться с тем, что через несколько часов XI армейскому корпусу будет отрезана дорога на юг. Наиболее серьезная угроза создана для железнодорожной ветки Морозовская — станция Чир.

Вот мы и влипли! Советское верховное командование начало замыкать клещи. Мы попытались этому воспрепятствовать контрнаступлением XIV и XXXXVIII танковых корпусов. Но если эта попытка не удастся? Если наши танковые соединения слишком слабы? Что тогда?

Тогда противник стянет петлю, и 6-я армия окажется в котле.

Генерал подает рапорт о болезни

Беспокойно шагал я по своей комнатке — три шага вперед, три шага назад. Как ни пытался я овладеть собой, мои мысли снова и снова возвращались к оперативной карте. Как грозные призраки, вставали перед глазами красные стрелы наступающего противника. Если их мысленно продлить, они сойдутся у Калача. Господи боже, что делать? Поспеют ли вовремя наши танковые полки, смогут ли предотвратить угрозу с тыла 6-й армии?

Ответ был получен быстрее, чем мне бы этого хотелось.

Паулюс вызвал меня к себе. Его комната была буквально пропитана табачным дымом. Пепельница на столе до

ской подготовки перешла в наступление 51-я армия генерала Н. И. Труфанова, спустя два часа — 57-я генерала Ф. И. Толбухина, а затем 64-я генерала М. С. Шумилова. Враг также оказал отчаянное сопротивление, но в первый же день оборона была прорвана. Для развития прорыва были введены 13-й, 4-й механизированные и 4-й кавалерийский корпуса. Нараставшая темп продвижения, они быстро охватывали с юга 4-ю танковую и 6-ю полевую армии врага. В авангарде в направлении Калач — Советский, навстречу танкистам Юго-Западного фронта, двигался 4-й мехкорпус генерала В. Т. Вольского. (Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1965, стр. 213.)

краев заполнена окурками. Рядом стояла нетронутая чашка черного кофе. Командующий как раз закурил очередную сигарету.

— Вам известно, Адам, что генерал-майор Беслер несколько дней назад принял 14-ю танковую дивизию. Однако сегодня он подал рапорт о болезни, заявил, что его старая болезнь сердца обострилась. Он просит разрешения вернуться на родину. Я дал согласие. Командир, который при такой ситуации рапортует о болезни, непригоден и является обузой для армии.

— Этот упитанный господин мне показался несимпатичным уже при первой встрече, — ответил я. — Тем не менее я не мог предполагать, что в такой опасный момент он бросит свою часть на произвол судьбы. Ведь это дезертирство.

— Пусть в этом разбирается командование группы армий. Я информировал о происшедшем. Генерал Беслер так спешил, что, наверное, скоро там будет. Начальник оперативного отдела 14-й танковой дивизии доложил Шмидту, что Беслер уже находится в своей машине на пути к станции Чир. Он даже не считал необходимым дожидаться прибытия своего преемника. Какой позор, что такое ничтожество носит звание генерала!

— Беслер не просто офицер, забывший свой долг. Уже позавчера, при первом соприкосновении с противником, его обуял страх, и он не отдал никаких распоряжений для того, чтобы избавить свои войска от излишних жертв. Офицер связи 14-й танковой дивизии рассказал мне, что по этому поводу произошло резкое столкновение между Беслером и его начальником оперативного отдела. Я не верю, что Беслер болен. На языке солдат это называется трусостью. Он дрожит за свою жизнь.

— Посмотрим, что покажет расследование. Управление кадров этим займется. Кого вы рекомендуете назначить преемником Беслера? Этот вопрос должен быть решен немедленно.

— Если генерал-майор Шмидт согласен, я предлагаю полковника Латтмана, командира артиллерийского полка 16-й танковой дивизии. Считаю его одним из самых способных офицеров нашей армии. Он умен, гибок, осмотрителен и энергичен. К тому же Латтман знает бронетанковые силы досконально. Это особенно важно в такой сложной ситуации.

После того как Шмидт одобрил мое предложение, Паулюс также дал свое согласие. По телеграфу было запрошено согласие управления кадров на замену командования 14-й танковой дивизии.

Через несколько часов полковник Латтман явился в штаб армии в Голубинский. Начальник штаба объяснил ему обстановку. Не приходилось завидовать новому командиру дивизии в связи с поставленной перед ним задачей. 14-я танковая дивизия уже понесла в предшествующих боях тяжелые потери. А главное — артиллерийский полк был буквально разгромлен танками противника.

Часы тревоги и неопределенности

Мы переживали тревожные дни. Носились самые различные слухи. Никто не знал, откуда они взялись. Никто не знал, что в них верно. Действительно ли противник отрезал путь по шоссе по правому берегу Дона к станции Чир? Верно ли, что он достиг железнодорожной ветки от Морозовской к Дону и что 4-я танковая армия разгромлена? Какие меры приняло Главное командование сухопутных сил для того, чтобы ликвидировать угрозу армии с тыла? Где находится XXXXVIII танковый корпус? Перешел ли он в наступление? С какими результатами?

Наши нервы были напряжены до крайности. Наконец вечером 20 ноября мы кое-что узнали о положении у нашего левого соседа — 4-й танковой армии. Противник прорвал с юга немецкую оборону и продвинулся к Дону. Командование группы армий выделило 29-ю моторизованную дивизию, чтобы закрыть брешь, но дивизия не смогла противостоять натиску советских войск. IV армейский корпус и 20-я румынская пехотная дивизия отступили и теперь сражались фронтом на юг. О прочих находившихся на юге румынских дивизиях ничего не было известно. По последним донесениям, советские танки подошли непосредственно к командному пункту 4-й танковой армии.

Какой оборот приняло дело? Зияющая брешь на нашем левом фланге, а теперь еще и на правом....

Противник прорывался все большими силами сквозь наш фронт, взломанный в нескольких местах. Передовые части его наступающих войск быстро сближались. А у нас

не было никаких резервов для того, чтобы предотвратить смертельную угрозу.

Из штаба группы армий стало известно, что контратака слабого XXXXVIII танкового корпуса генерал-лейтенанта Гейма была сразу же отбита. Наши воздушные силы, которым, вероятно, удалось бы облегчить положение, не могли из-за метели вести боевые действия. Советские танковые соединения, наступавшие с севера, достигнув долины реки Лиска, повернули на юго-восток, на Калач. Соседние же соединения продолжали выдвижение на юг, что поставило под прямую угрозу единственную коммуникацию снабжения — железную дорогу, идущую с запада через Морозовскую к Дону и к станции Чир *. Перед противником уже был почти открыт путь на юг вплоть до устья Дона у Азовского моря. Это означает, что советские войска вот-вот выйдут в тыл группы армий «А», состоявшей из 1-й танковой и 17-й армий и действовавшей на Кавказе. Стало ясно, что нас ждет страшная катастрофа, если германское командование не будет действовать быстро и эффективно **.

Паулюс снова предлагает оставить Сталинград

Что было делать в сложившейся ситуации? Паулюс представил Главному командованию сухопутных сил предложение оставить Сталинград, армии пробиваться на юго-запад и таким образом избежать окружения. Группа армий «Б» поддержала перед ставкой Гитлера предложение Паулюса.

В ожидании ответа минуты казались часами, часы —

* На юго-восток, в сторону Калача, основные силы Юго-Западного фронта, имея в авангарде 26-й и 4-й танковые корпуса, повернули не с рубежа реки Лиски, а раньше, с рубежа Перелазовский, Свечниковский.

Удар на юг развивали 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова и 8-й кавалерийский корпус генерала М. Д. Борисова. Они и имели задачу перерезать упомянутую Адамом железную дорогу в районе станций Бол. Осиповка, Суровикино, Обливская.

** В данном случае автор несколько сгущает краски. В тот момент угроза выхода советских войск к Азовскому морю была еще проблематичной. Окружение сталинградской группировки не было завершено.

вечностью. Тем временем наши попавшие под удар войска вели ожесточенные бои, не будучи в состоянии остановить противника.

Части тыловых соединений при приближении танков с красной пятиконечной звездой бежали в дикой панике на восток.

Все же командование 6-й армии и группы армий «Б» послушно ожидало решения верховного главнокомандующего. Вечером наконец прибыла долгожданная телеграмма. Прорыв из окружения не был разрешен. Надлежало удерживать Сталинград — такова была воля Гитлера и генерального штаба. Паулюс, Шмидт, все мы, то есть те, кто, занимая высокие командные посты, имел представление о катастрофическом положении 6-й армии, испытали горькое разочарование. Но все мы повиновались.

Ночью генерал-майор Шмидт осведомил начальников всех отделов о последних событиях. Поступили новые угрожающие известия; подтвердилось, что 3-я румынская армия полностью разгромлена. Брешь в нашем левом фланге увеличилась. XI армейский корпус и 14-я танковая дивизия истекали кровью в оборонительных боях. 4-я танковая армия была рассечена, ее штаб бежал на запад. Тыловые службы всех частей бежали, преследуемые советскими танковыми клиньями. Как скоро противник может оказаться у Голубинского?

В связи с такой проблемой, а следовательно, реальной угрозой для командного пункта армии возникла неотложная необходимость перевести его в другое место. В Голубинском командование армией больше не находилось в безопасности. Поэтому Шмидт в согласии с Паулюсом назначил перенесение командного пункта на 21 ноября.

До рассвета связки с секретными делами и ненужными документами сжигались на кострах. Но и сейчас Красная Армия не оставляла нас в покое. Внезапно несколько штабных грузовиков примчались в деревню. Они должны были проехать по дороге по правому берегу Дона через станцию Чир к Нижне-Чирской. Однако, удалившись от Голубинского на несколько километров, они якобы натолкнулись на отряды противника.

Мы допускали, что советские войска готовят нам всяческие сюрпризы. Но это сообщение мы сочли чистой фантазией. Начальник оперативного отдела полковник Эльхлепп заметил:

— От страха им померещились привидения.

Но это были не привидения. Ясность внесла тотчас же снаряженная Шмидтом моторизованная разведка под командованием офицера. Несколько легковых вездеходов и мотоциклов с погашенными огнями и приглушенными моторами медленно продвигались к югу. Не прошло и часа, как они вернулись, и командир дозора доложил, что красные танки действительно стоят на правом берегу Дона не более чем в 20 километрах южнее Голубинского *. Таким образом, был отрезан кратчайший путь к новому командному пункту в Нижне-Чирской. В смутном настроении мы усилили караулы. Несколько противотанковых орудий заняли позиции на дороге, идущей вдоль Дона.

Переход в Нижне-Чирскую

Казалось, и природа ополчилась против нас. В ночь с 20 на 21 ноября ртуть в термометре упала до минус 20 градусов. Оттаявшая за день снежная пелена превратилась в ледяную корку. Дорога, связывавшая Голубинский с шоссе, идущим вдоль Дона, стала гладкой, как зеркало. Жутко было думать о том, что нашим тяжелым машинам придется взбираться по этому крутому склону. Но пока до этого дело еще не дошло.

Паулюс решил организовать между Доном и Волгой передовой командный пункт армии, чтобы обеспечить надежное и бесперебойное руководство войсками. Там должны были расположиться начальники оперативного и разведывательного отделов и один квартирмейстер с соответствующими офицерами связи и транспортом. Этот командный пункт решено было расположить западнее Гумрака, близ станции.

Ранним утром в Голубинский прибыл генерал Хубе, командир XIV танкового корпуса со своим штабом. Он доложил, что танковые части 16-й и 24-й танковых дивизий сняты с фронта и во второй половине дня или вечером выйдут к Дону. Это известие вселило во всех нас бодрость.

* Это были танки 4-го танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко, который наступал на Калач — Советский левее 26-го танкового корпуса.

К Хубе относились в штабе с большим уважением. Ведь это он однажды в августе пробился со своей 16-й танковой дивизией через вражеский фронт от Дона к Волге. Конечно, я знал, что танки понесли в боях за город большие потери. Но словно утопающий, хватающийся за соломинку, я возлагал мои надежды на Хубе.

Паулюс охарактеризовал командирскую обстановку на западном берегу Дона. Затем он объяснил ему его задачу: танковыми полками 14-й, 16-й и 24-й танковых дивизий атаковать с фланга продвигающегося на юг противника. Это должно было устранить угрозу 6-й армии с тыла. Штаб XIV танкового корпуса занял наш командный пункт в Голубинском. Телеграфная и телефонная сеть не была свернута, так что штаб корпуса сохранил связь со всеми корпусными и дивизионными штабами, а также с новым командным пунктом армии.

21 ноября около полудня я проводил Паулюса и Шмидта на аэродром в Голубинском. Там стояли только два «шторха», которые должны были доставить генералов и их личных адъютантов на новый командный пункт. Все остальные самолеты из эскадрильи связи штаба армии перебазировались в Нижне-Чирскую. Пожимая мне руку на прощанье, Паулюс добавил:

— Тотчас же отправляйтесь в путь. Вы должны перебраться через Дон у Перепольного и двигаться по восточному берегу к югу. Самое позднее завтра утром мы увидимся в Нижне-Чирской.

Лишь только самолеты оторвались от земли, как с придонских высот был открыт сильный огонь. «Будем надеяться, что все сойдет благополучно,— подумал я.— Ведь «шторхи» могут лететь только на небольшой высоте».

Но надо было спешить. Легковая машина доставила меня обратно в деревню. Все штабное имущество уже было погружена на несколько десятков автомашин. Ввиду близости противника я счел целесообразным образовать пять колонн. Каждая из них находилась под командованием пачальника отдела, в том числе начальника инженерной службы армии полковника Зелле и начальника связи полковника Арнольда. Я возглавил пятую колонну. Мы предполагали после перехода через Дон собраться в Песковатке у штаба VIII армейского корпуса и оттуда вместе двинуться дальше.

С трудом поднялись мы по обледенелой дороге на кру-

той берег. Иногда водители и команды должны были помогать друг другу. В конце концов все машины преодолели подъем. Сначала шоссе на высоком берегу Дона было почти пусто. Мы быстро двигались вперед. Но по мере приближения к мосту у Перепольного мы продвигались все медленнее. Все чаще загромождали путь опрокинутые машины или повозки. Сплошь да рядом ящики всех видов и различных размеров лежали посредине дороги, и мы были вынуждены объезжать их. Винтовки, стальные каски, а также несколько разбитых орудий и даже два-три танка с опознавательными знаками вермахта обозначили путь отступления румынских и немецких соединений. Все здесь говорило о бегстве. На шоссе въезжали машины с запада. Они старались на него выбраться всюду, где только открывался малейший просвет между машинами, шедшими по шоссе, так что было почти невозможно сохранить построение собственной колонны. Вблизи от моста беспорядок угрожал перерасти в хаос.

Наступила ночь. С потушенными фарами наши машины медленно двигались на второй скорости. Вдруг крик и ругань на дороге. Потом все остановилось. Когда я вышел из машины, чтобы выяснить причину затора, я встретил полковника Зелле. Он выступил со своей колонной на полчаса раньше меня. Я предполагал, что он уже на восточном берегу. Зелле пытался вместе со своим спутником капитаном Готтсманом ликвидировать пробку. Это было нелегко, ведь мы столкнулись с двигавшейся навстречу 16-й танковой дивизией. Ее стальные гиганты пересекали Дон с востока на запад, чтобы занять исходный район, указанный командованием армии. Непосредственной причиной пробки явился танк, который забуксовал на абсолютно обледенелой дороге и встал поперек пути. Зелле чуть-чуть не доехал до этого места. Капитан Готтсман как раз выходил из своей машины, когда подошел следующий танк, который тоже забуксовал; нога капитана попала под гусеницу, и его ранило так тяжело, что он вскоре скончался.

После этого происшествия мы медленно тронулись дальше по ледяному покрову. Только через много часов мы перевели все машины через мост. После краткого отдыха в штабе VIII армейского корпуса в ожидании, пока все колонны соберутся, мы двинулись на юг по восточному берегу Дона.

Степь запорошило свежевывпавшим снегом. Он покрыл и дорогу, так что колоннам пришлось двигаться вперед по компасу. Около 5 часов утра 22 ноября мы проехали через Калач. За исключением нескольких караульных постов все было погружено в глубокий сон, словно противник был совсем далеко. Глубокая тишина еще царила и в деревне, расположенной немного дальше к юго-востоку, где помещался отдел снабжения армии. Совершенно замерзшие, мы там отдыхали в течение часа, наслаждались комнатным теплом, горячим кофе и — как особым лакомством — свежейиспеченным хлебом.

Я приказал разбудить обер-квартирмейстера. Выяснилось, что он вообще не сознавал, какое сложилось опасное положение. Теперь он забил тревогу и принимал меры для передислокации. Но это было легче сказать, чем сделать. Для переброски складов с продовольствием, обмундированием и полевой почты нужны были тысячи тонн транспортных средств. Через два дня я узнал, что многое пришлось уничтожить.

От отдела снабжения армии до моста через Дон у Нижне-Чирской было уже недалеко. Но то, что мы теперь пережили, превзошло все, что было раньше. Страшная картина! Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт; они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затапывали, переезжали, давили.

В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли все, что мешало поспешному бегству, бросали оружие и снаряжение, неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза — ведь верхом на выпряженных лошадях можно было быстрее двигаться вперед. Дикий хаос царил в Верхне-Чирской. К беглецам из 4-й танковой армии присоединились двигавшиеся с севера солдаты и офицеры 3-й румынской армии и тыловых служб XI армейского корпуса. Все они, охваченные паникой и ошалевшие, были похожи друг на друга. Все бежали в Нижне-Чирскую.

Паулюс и Шмидт вылетают в котел

22 ноября около 9 часов я прибыл с последними колоннами в Нижне-Чирскую и доложил Паулюсу, что приказ о перенесении командного пункта выполнен. Он как раз сидел вместе с генерал-полковником Готом, командующим 4-й танковой армией. Оба командующих и несколько офицеров из их штабов обсуждали обстановку.

Вскоре я вновь должен был явиться в комнату, где происходило совещание. От Гитлера была получена радиogramма, которую я передал Паулюсу. Он прочел вслух краткий текст. Гот со своим штабом отзывался для выполнения других задач. Паулюсу и Шмидту был дан приказ немедленно вылететь в пределы образующегося котла и разместить командный пункт армии вблизи станции Гумрак.

На всех лицах отразилось изумление. В то время как Гот, видимо, был рад, что он избавлен от решения трудных вопросов, Паулюс и Шмидт глубоко задумались. Это неудивительно: ведь верховное командование в создавшемся катастрофическом положении возложило на них огромную ответственность. Опять поступили новые тревожные известия; XIV танковый корпус под командованием генерала Хубе, который должен был приостановить продвижение противника, атаковав его с фланга, уже почти вовсе не имел горючего. Не приходилось и думать о наступлении, корпус не мог удержать свои позиции, и противник оттеснил его к востоку от Дона, как и XI армейский корпус. Важный в стратегическом отношении мост через Дон у Калача был отдан без боя*. Путь на юг — предположительный путь отступления 6-й армии — в значительной мере находился в руках противника. Всего несколько километров отделяло его передовые отряды от Калача. Не было силы, способной его остановить. Мы должны были считаться с тем, что котел замкнется уже в течение этого дня.

* Мост был захвачен небольшим отрядом под командованием подполковника Г. Н. Филиппова. Танки Филиппова с включенными фарами подошли к переправе. Гитлеровцы, охранявшие мост, приняли их за своих. Советские танкисты, переправившись через реку, уничтожили охрану и захватили мост.

(См.: «Битва за Волгу». Волгоград, 1958, стр. 133—134; «История Великой Отечественной войны, 1941—1945». М., 1961, т. 3, стр. 33—34.)

— Счастья в бою, — пожелал при прощании генерал-полковник Гот генералу Паулюсу. Это было более чем сомнительное пожелание в этой проклятой ситуации.

«Физелер-Шторх» уже ждал Паулюса и Шмидта. Перед самым отлетом командующий позвал меня к себе в комнату.

— Теперь мы должны расстаться, Адам. Не знаю, когда мы снова увидимся. В качестве старшего офицера вы возглавите штаб. Как только Красная Армия достигнет нижнего течения реки Чир, переведите штаб через Тормосин в Морозовскую и объединитесь там с управлением тыла армии, которое уже выехало туда.

Я проводил Паулюса и Шмидта до аэродрома, который был расположен на краю города. Мы молча простились, и они сели в самолет.

Пропеллеры завертелись, перешли на полные обороты. Самолеты покатались, оторвались от земли, легли курсом на восток, перелетели Дон и быстро скрылись за противоположным лесистым берегом.

Чтобы проехать пять или шесть километров до моего штаба, потребовалось более часа. Автомобиль еле двигался, пробиваясь по улицам, забитым людьми и всевозможным транспортом. Нижне-Чирская превратилась в армейский лагерь.

С быстротой молнии распространилась весть о том, что здесь разместился штаб армии. Где штаб армии, там безопасно — так думали тысячи солдат и оставались в маленьком казацком городке на реке Чир.

Мы создаем боевые группы из отставших солдат

Вечером я связался по телефону с комендантом станции Чир.

— Что вам известно о противнике? Где находятся его передовые части?

— К сожалению, я не могу этого сказать, господин полковник. Со мной осталось всего несколько сотрудников, все прочие отступили вместе с нагруженными машинами. Здесь на складах еще есть несколько сот тонн продовольствия, снаряжения и горючего. Не знаю, как я их отправлю отсюда. У меня мало машин.

— Здесь застряли сотни грузовиков. Попытаюсь часть послать вам. При всех обстоятельствах держите со мной связь. Если произойдет что-либо новое, прошу немедленно сообщить. В Верхне-Чирской расположена боевая группа полковника Микоша. Присоединитесь к ней, если противник вас вытеснит со станции. Но обязательно заберите с собой все оружие, все пулеметы.

Только я положил трубку, как телефон зазвонил снова. Я обрадовался, услышав голос Паулюса.

— Мы благополучно приземлились. Как дела у вас?

— Станция Чир еще в наших руках. В Нижне-Чирской тысячи машин загромождают улицы. Но я удивлен, господин генерал, что мы с вами имеем возможность разговаривать по телефону. Ведь провод тянется через район, который русские уже захватили во многих местах.

— Может быть, они его не обнаружили, а может быть, хотят засечь разговоры. Держите с нами связь по радио. Всего доброго. Конец.

Ко мне явились полковник Абрагам и капитан Гебель. Они доложили о прибытии офицерской школы, которую я вызвал в Нижне-Чирскую.

Снова зазвонил телефон. Полковник Винтер, начальник оперативного отдела штаба группы армий «Б», осведомлялся о положении на нижнем течении реки Чир. От него я узнал также, что в районе Верхне-Чирской, восточнее Морозовска, уже не было ни одного немецкого солдата. Это было крайне неприятно. Надо было немедленно что-то предпринимать. Я предложил из скопившихся здесь солдат образовать боевую группу для обеспечения Нижне-Чирской и плацдарма восточнее Дона у Верхне-Чирской. Ядро группы должна была составить офицерская школа. Винтер полностью согласился. Правда, ночью я уже мало что мог сделать. Поэтому я поручил капитану Гебелю выслать усиленные разведывательные отряды в северном направлении вплоть до станции Чир и на северо-запад до впадения реки Лиски в реку Чир, установить связь с полковником Микошем и организовать охрану Нижне-Чирской. Коменданту города было приказано собрать колонну грузовиков и направить ее на станцию Чир.

Около 23 часов группа армий снова вызвала меня по телефону и передала следующий приказ: «Подготовить силами боевых групп оборону плацдарма к востоку от Дона и железнодорожной линии, чтобы обеспечить 6-й ар-

мии после оставления Сталинграда отход в южном направлении».

Я облегченно вздохнул. Итак, командование группы армий все же рассчитывало получить от главного командования сухопутных сил приказ на прорыв из окружения. Тотчас же я вызвал к себе офицеров штаба, чтобы обсудить мероприятия на 23 ноября. Прежде всего нужно было ликвидировать пробку, созданную транспортом на улицах Нижне-Чирской. Для выполнения этой задачи были командированы все офицеры штаба и комендатуры города. Одновременно было приказано всех тыловиков — солдат и офицеров, за исключением водителей, снабдить оружием и боеприпасами и направить на сборный пункт у школы. Там их разделят на отряды.

Наконец наступила тишина. Смертельно усталый, я прилег на матрац, но не мог заснуть. Снова ожили в памяти события последних трех дней. В глубине души я проклинал Гитлера и генеральный штаб. Это они нас довели до такого безвыходного положения, потому что они отмахивались от всех предложений и предостережений командования армии. Основная предпосылка успешного руководства войсками — правильная оценка противника. Верховное командование нарушило этот принцип самым безответственным и легкомысленным образом*. Что, в сущности, можно было теперь предпринять, когда армия фактически уже находится в окружении? Только одно — прорываться на юго-запад. А пока необходимо удержать плацдарм над Доном восточнее Нижне-Чирской.

Я твердо решил с наступлением дня употребить все силы для достижения этой цели.

Гитлер приказывает удержать город на Волге

Снова зазвонил телефон. Начальник оперативного отдела группы армий требовал данных о положении на Нижнем Чире.

* Здесь, как и в ряде других мест книги, Адам одной из важнейших причин катастрофы гитлеровских войск на Волге считает недооценку со стороны Гитлера и генерального штаба сухопутных войск сил и возможностей Красной Армии. Но этот порок был свойствен также и командованию 6-й армии, которое неоднократно заверяло Гитлера, что овладеет Сталинградом.

— Пока без перемен,— ответил я.— А как обстоят дела на других участках нашей армии?

— XI армейский корпус и XIV танковый корпус сражаются, имея в тылу Дон, IV армейский корпус, опираясь на Сталинград, отбивает ожесточенные атаки с юга. Прибыв на командный пункт в Гумраке, Паулюс советовался со всеми командирами корпусов, с которыми удалось установить связь. Они единодушно предложили вновь поставить вопрос об отводе 6-й армии за Дон. Группа армий немедленно поддержала это предложение. Но только что поступил ответ из ставки Гитлера. Слушайте внимательно. Согласно приказанию фюрера, 6-я армия должна при всех обстоятельствах удерживать Сталинград и фронт на Волге. Если из-за прорыва на флангах станет необходимой круговая оборона, то, продолжая удерживать Сталинград, организовать круговую оборону. Командный пункт армии должен быть перенесен в район северо-восточнее Калача. IV армейский корпус, 297-я пехотная дивизия, 371-я пехотная дивизия, 29-я моторизованная дивизия 4-й танковой армии передаются 6-й армии!

Полковник Винтер на том конце провода сделал короткую паузу, словно он хотел дать мне время, чтобы я мог освоиться с приказом Гитлера. Затем он продолжал:

— Командование армии немедленно возразило против этого приказа, так как нет возможности осуществить переброску войск, необходимых для образования круговой обороны. Нет свободных частей, необходимых для того, чтобы заполнить бреши на флангах армии, не ясно, можно ли снять части из города, а на вновь образуемом рубеже обороны нет укрепленных позиций, нет там и лесоматериала для устройства позиций и убежищ.

— Этот приказ занять круговую оборону целой армией — безумие,— вырвалось у меня.— А что станет с нашими дивизиями, сражающимися западнее Дона?

— Их следует, по приказу Гитлера, отвести на восток через Дон,— сказал Винтер.— Но независимо от точки зрения генерального штаба сделайте, Адам, все возможное для того, чтобы удержать плацдарм и оборону по реке Чир.

На этом разговор закончился. Ясно, я не пожалел сил для того, чтобы удержать порученный мне участок. Но что ждет фактически окруженные 20 немецких и 2 румынские дивизии? Какая же это все-таки гнусность со сторо-

ны главного командования сухопутных сил! А должен ли вообще Паулюс выполнять приказ, отданный Гитлером? Не должен ли он, опираясь на свою неизмеримо большую осведомленность, действовать самостоятельно, прорываться на юго-восток, пока еще не поздно?

Сколько ни думал я над создавшимся положением, в одном я был уверен: Паулюс — до глубины души дисциплинированный и послушный солдат. Он скорее погибнет вместе со своей армией, чем взбунтуется. Генерал Паулюс был мне внутренне весьма близок и как начальник и как человек. Я сочувствовал ему, понимая, какой душевный конфликт он переживает. Я жалел, что в эти тяжелые часы не мог быть вместе с ним на передовом командном пункте под Гумраком.

Телефон зазвонил снова в этот полночный час. Паулюс по все еще не нарушенной линии связи осведомлялся, как у нас обстоят дела и когда штаб армии перейдет в Тормосин. Печально отозвался он на мой доклад:

— Котел уже замкнулся, Адам.

— Но, господин генерал, сюда беспрестанно прибывают отставшие солдаты из района восточнее Дона. Следовательно, кольцо окружения не очень плотное.

— Какая от этого польза, если мы прикованы к городу, — прозвучал горький ответ *.

* В ночь с 22 на 23 ноября, когда происходил этот разговор между Паулюсом и Адамом, кольцо окружения еще не замкнулось. Это произошло днем 23 ноября, когда 45-я танковая бригада подполковника П. К. Жидкова из 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и 36-я механизированная бригада подполковника М. Р. Родионова из 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта встретились в районе Калач — Советский. Вслед за подвижными соединениями продвигались стрелковые дивизии. Они создавали все более прочный внутренний фронт окружения. В тот же день, 23 ноября, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта вышли на рубеж реки Червленной и закрыли пути отхода окруженным на юг. В районе Калача выдвинулись передовые части 21-й армии Юго-Западного фронта, лишив противника возможности идти на запад.

Создавался и внешний фронт окружения: к исходу 23 ноября части 1-й гвардейской и 5-й танковых армий Юго-Западного фронта, выйдя на рубеж рек Кривая и Чир, приступили к созданию прочной обороны, а части 51-й армии и 4-го кавкорпуса Сталинградского фронта выдвинулись на рубеж восточнее Садового. В результате всех этих действий операция на окружение была надежно обеспечена, так что возможность прорыва из котла зависела отнюдь не только от разрешения Гитлера.

Из некоторых его слов я уловил, что командование группы армий «Б», разделявшее мнение Паулюса о необходимости прорываться из окружения, не склонно было действовать под собственную ответственность. Более того, оно указало ему на то, что он должен до получения новых директив выполнять приказы Главного командования сухопутных сил.

Станция Чир замолкла

Усталость в конце концов одолела меня. Но недолго длился сон, принесший забвение. Около двух часов ночи меня бесцеремонно разбудили. Передо мной стоял полковник Арнольд, начальник связи армии.

— Комендант станции Чир больше не отвечает. Мои линейные дозоры доносят, что в направлении железной дороги происходит сильная ружейная и пулеметная перестрелка. Пока я еще не знаю подробностей. Оперативная группа Микоша выслала разведку к станции Чир.

Я вскочил со своего матраца.

— Вызвать тотчас же ко мне коменданта Нижне-Чирской и капитана Гебеля.

Я ощутил всю тяжесть ответственности за укрывшихся в городе измученных солдат, за оружие и снаряжение. Ответственность за оказавшуюся под тяжелой угрозой 6-ю армию.

Вызванные ко мне офицеры немедленно явились. Я проинформировал их о последних событиях.

— Капитан Гебель, — сказал я, — немедленно вышлите новую разведку. Я должен безотлагательно узнать, какова обстановка на станции Чир, где находятся передовые отряды противника. Сообщите вашим разведчикам, что оперативная группа Микоша также ведет разведку в направлении станции Чир.

Коменданту города я приказал усилить караулы у выходов из населенного пункта и разведать местность между городом и станцией.

Из телефонных переговоров с группой Микоша выяснилось, что еще не получены данные разведки. Полковник опасался, как бы не попасть в окружение в связи с продвижением противника на юг. Я осведомил его, что с наступлением дня западнее Верхне-Чирской на равнине,

примерно в 2 километрах южнее железной дороги, мы введем в дело усиленную боевую группу. Далее я ему предложил установить тесное взаимодействие с оперативной группой полковника Чекеля на придонском плацдарме. Фланги обеих групп сходились у разрушенного железнодорожного моста через Дон.

Поднять по тревоге штаб армии, доложить обстановку командованию группы армий «Б», организовать разведку и обозначение пути в Тормосин — таковы были мои дальнейшие действия. Тем временем разведка донесла, что противник своими передовыми частями оседлал железнодорожное полотно у станции Чир, а его патрули просочились к югу, хотя и отошли назад, когда с нашей стороны был открыт огонь.

На востоке забрезжил рассвет, занимался новый день, 23 ноября. Офицеры штаба продолжали ликвидировать пробку у южного выхода из города. Угрюмо и неохотно выполняли водители отданные им распоряжения. Настроение мгновенно изменилось, когда один из курсантов офицерской школы вскользь заметил, что русские уже оседлали железную дорогу. Тупое безразличие сменилось лихорадочной деятельностью.

Сильнее приказа был страх — он побуждал действовать молниеносно. Капитан Гебель организовал в школе в Нижне-Чирской сборный пункт для солдат, отбившихся от своих частей. Со всех сторон туда прибывали отряды под командованием курсантов офицерской школы. Они были вооружены и обеспечены боеприпасами, так что сразу можно было формировать роты и батальоны. Преподаватели офицерской школы были назначены командирами батальонов, курсанты — командирами рот и взводов.

Вновь сформированные части немедленно заняли указанные им позиции. К середине дня первые батальоны уже стояли, готовые к обороне западнее Верхне-Чирской. Командование ими я возложил на капитана Гебеля. Ему, наверное, и во сне не снилось, что придется командовать таким пестрым, наскоро сколоченным отрядом. В основной массе это были солдаты из службы тыла, полевой почты, строительной организации Тодта. К ним присоединилось небольшое количество солдат, оставших от тех дивизий, которые подверглись удару советских войск, а также солдаты-отпускники. Они были вооружены винтовками, пистолетами и тремя ручными пулеметами. Особенной бод-

рости это не внушало. Но все они стремились помочь своим товарищам, оказавшимся в окружении в районе между Волгой и Доном. Известие о том, что котел замкнулся, подтвердил мне квартирмейстер 6-й армии, капитан генерального штаба Тюмплинг. Он участвовал в оборонительных боях под Калачом и, убегая к Дону, наблюдал, как советские клещи сомкнулись восточнее Сталинграда.

За несколько часов стало пусто в Нижне-Чирской. Очистились проезжие дороги. Я передал полковнику Зелле командование штабом и поручил ему перенести штаб в Тормосин, а сам остался в Нижне-Чирской. Теперь моей главной задачей было добыть противотанковые пушки, артиллерию, минометы и танки для боевых групп. Без этого оружия они не могли оказать противнику серьезное сопротивление. Я уже рано утром по телефону приказал нашим мастерским в Тормосине все отремонтированные орудия, танки и пулеметы как можно быстрее, не позднее вечера, доставить в Нижне-Чирскую. Действительно, во второй половине дня стали поступать первые орудия. Полковник Зелле, прибыв в Тормосин, энергично поддерживал это мероприятие. Он буквально все дочиста вывез из мастерских, заставил ремонтные отряды работать днем и ночью и почти ежедневно доставлял оружие и боеприпасы.

Подхлестываемые страхом...

Я стремился побывать во всех боевых группах. На легковом вездеходе я проделал в обратном направлении тот путь, по которому прибыл не более суток назад. Уже накануне никак нельзя было сказать, что на дороге сохраняется порядок. Но теперь я не находил слов, пораженный тем, какой хаос порожден паническим бегством.

Не прекращался поток солдат, подхлестываемых страхом. К моей машине приблизился отряд, состоявший примерно из двадцати немцев и румын. Все они были без оружия, небриты, в лохмотьях.

— Откуда идете, к какой части принадлежите? — спросил я немецкого унтер-офицера.

— Мы из 4-й танковой армии. Мы отстали от наших частей. Русский следует за нами по пятам, господин полковник.

— Это чепуха. Вы видите, я еду туда, откуда вы пришли. Там уже развернут новый фронт. Почему вы не воюете? Вы что, решили бросить своих товарищей на произвол судьбы? И где вообще ваше оружие?

— Мы водители, господин полковник. Наше оружие в машинах.

— А где машины?

— Мы были вынуждены их оставить в одной деревне. Иначе мы бы не выбрались. Повсюду уже русские. Уже два дня мы голодаем.

— Явитесь к коменданту Нижне-Чирской, это вон то селение за лесом. Там вас накормят. И выспитесь прежде всего как следует, тогда все предстанет в другом свете.

Они провожали меня удивленными взглядами, когда моя машина вновь двинулась по направлению к Верхне-Чирской. Видимо, им было непонятно, как можно ехать навстречу страшной опасности. А я не понимал, как могли так быстро пасть духом немецкие войска, как случилось, что так безвольно отступили те самые солдаты, которые всего несколько месяцев назад, уверенные в победе, шествовали по донским степям. Был ли это страх за собственную жизнь? Или боязнь плена? Усомнились ли они, наконец, в самом смысле войны?

Оборона без тяжелого оружия

В Верхне-Чирской я встретил полковника Микоша. Его боевая группа развернулась всего на расстоянии около полутора километров от противника. Но ее землянки и окопы были хорошо оборудованы. Солдаты по очереди могли поспать в домах, расположенных за линией фронта, которые, однако, то и дело обстреливались из «катюш». А у Микоша не было ни одного орудия или миномета для того, чтобы отвечать противнику. Еще более серьезным было положение боевой группы полковника Чекеля на придонском плацдарме, которую я вслед за этим посетил. Она окопалась на опушке леса, и ее то и дело атаковали небольшие советские подразделения, не дававшие солдатам покоя. Отсутствие тяжелого оружия было для них еще опаснее, чем для Микоша.

— Без артиллерийской поддержки,— заметил полковник Чекель,— мы здесь долго не продержимся. Нам необходимо хотя бы несколько танков.

— Мастерские в Тормосине направят в Нижне-Чирскую все исправные тяжелые орудия, подвезут боеприпасы. Я надеюсь вам завтра кое-чем помочь, — утешал я его, добавив еще несколько слов о предпринятых утром оборонительных мерах. Затем я отправился дальше к вновь созданной боевой группе Гебеля. В соответствии с отданным приказом она окопалась западнее Верхне-Чирской, километрах в двух южнее железной дороги.

Отряд капитана Гебеля численностью примерно 150 человек имел только одну полевую кухню. Этого, конечно, было далеко недостаточно. Но множество полевых кухонь находилось на дороге, по которой отступали войска. Я разрешил Гебелю забирать оттуда все, что ему может пригодиться: машины, снаряжение, боеприпасы и оружие. Что-то подозрительное происходило на его левом фланге. Куда бы его разведка ни направлялась, ей нигде не удавалось обнаружить хотя бы одного немецкого солдата.

— Противнику достаточно ночью продвинуться вон по той дороге вдоль реки Чир, и мы окажемся в ловушке, господин полковник.

— Сейчас же после моего возвращения я запрошу у группы армий подкрепления. Вы немедленно получите от меня ответ... Есть ли у вас связь с Нижне-Чирской?

— Есть, господин полковник. Только что я говорил с дежурным.

Несколько успокоенный, я возвратился назад. Конечно, без тяжелого оружия положение у нас отвратительное. Но если бы противник хотя бы на несколько дней оставил нас в покое, мы могли бы укрепить полосу обороны.

Я считал целесообразным, чтобы все три боевые группы находились под единым командованием. Это усилило бы их боеспособность в случае наступления русских. Я решил в тот же день переговорить об этом с командованием группы армий.

За время моего отсутствия наш офицер, преподаватель военного училища в Суворовском, сформировал еще шесть рот из отставших солдат. Я их тотчас же под его командованием отправил на передовую. Во взаимодействии с боевой группой капитана Гебеля они обеспечивали по обе стороны Чира дороги, идущие вдоль реки. Так был усилен еще один опасный участок обороны. Мало-помалу бремя забот становилось легче.

Фронт получил еще и другую желанную помощь. Комendant города доложил, что 22 ноября прибыли в Нижне-Чирскую полностью укомплектованная ротная хлебопекарня и взвод полевой скотобойни. Они удрали от танков противника, что при создавшемся положении трудно было поставить им в вину. Обе эти части я сразу же включил в состав боевых групп.

Командир боевых групп на реке Чир

У меня состоялся еще один разговор с группой армий «Б». Связь была установлена в течение нескольких минут. Полковник Винтер подошел к аппарату. Я доложил ему о том, что ввел в дело 18 рот западнее Верхне-Чирской, а также о других принятых мной мерах.

— Пока противник еще не оседлал железную дорогу, идущую на юг. Я объездил сегодня все боевые группы. Наша самая большая беда — это то, что у нас почти вовсе нет тяжелого оружия. Чревато осложнениями и то, что три боевые группы не находятся под единым командованием. Я предлагаю объединить их в дивизионную боевую группу.

— Согласен. Кто примет командование боевой группой?

— Здесь у меня находится полковник Абрагам из 76-й пехотной дивизии. Месяц назад мы отозвали его с фронта по болезни. Теперь он вполне здоров. Я считаю, что он совершенно подходит.

— Согласен. Вы знаете Абрагама лучше, чем я. Но без работоспособного штаба он будет беспомощен.

— Здесь расположился штаб командующего артиллерией армии. Генерала здесь нет, так что штаб может в полном составе перейти к Абрагаму. Могу я соответственно распорядиться?

— Разумеется, Адам. Есть у вас еще вопросы?

— Еще бы! Как обстоят дела на участке левее нас? Разведка доносит, что там нет ни одного немецкого солдата.

— Это, к сожалению, верно. Фронт прорван на ширину в несколько сот километров. Мы еще не знаем, как закрыть эту гигантскую брешь. Если у меня где-нибудь

освободится дивизия, я ее разверну слева от вас. До этого придется действовать боевыми группами, сформированными из остатков отступивших частей.

— Это плохие перспективы. Если бы мы имели по крайней мере противотанковые средства с достаточным количеством боеприпасов и несколько десятков пехотных офицеров. Большинство рот командуют унтер-офицеры.

— Я учел ваши пожелания. Мы поможем, насколько это в наших силах. Но вы ведь знаете, что и нам трудно заткнуть все дыры. Кстати, где вы намерены расположить свой командный пункт? В Нижне-Чирской опасно оставаться.

— Наш штаб я сегодня перенес в Тормосин. Я лично остаюсь здесь, пока мало-мальски не стабилизируется положение на Чире и придонском плацдарме.

После этой беседы я вызвал к себе полковника Абрагама, осведомил его о предложении принять командование вновь созданной дивизионной группой и сообщил ему, что штаб группы армий одобрил этот шаг. К моему величайшему изумлению, он отказался, ссылаясь на болезнь. Редко когда я так разочаровывался в товарище, как в Абрагаме. От простых солдат мы требовали, чтобы они отдавали последние силы, а как поступил кадровый офицер и командир полка? Он ссылаясь на болезнь, хотя за последние недели его пребывания в Суворовском нельзя было заметить никаких признаков нездоровья. Поведение моего старого сослуживца я оценил как шкурничество. И ничего не менялось от того, что Абрагам представил врачебное свидетельство. Тем не менее я должен был с этим считаться согласно уставу.

Без колебаний я решил, что сам приму командование боевой группой. Генерал Паулюс, с которым у меня, как ни странно, все еще сохранялась проводная связь, одобрил мое решение.

— Обеспечьте мне путь к отступлению, Адам,— сказал Паулюс.— Главное командование сухопутных сил должно разрешить прорыв из окружения, если оно не окончательно потеряло рассудок.

Командование группы армий «Б» также дало свое согласие. Его оперативный отдел сообщил мне, что по приказу генерала фон Зоденштерна, начальника штаба группы армий, я подчиняюсь непосредственно группе армий впредь до новых распоряжений.

Я собрал штаб командующего артиллерии армии, распределил обязанности, отдал целый ряд приказов, обеспечивавших четкую организацию боевых групп. Оставшись снова один, я на несколько минут дал волю своим мыслям. Уже было темно. Настольная электрическая лампа отбрасывала светлый круг, касавшийся своим внешним краем окон на улицу, покрытых толстым слоем льда. Был свирепый мороз, уже днем термометр показывал 15 градусов ниже нуля. Ночью мороз может дойти до 25 градусов. А войска находились на позициях без зимнего обмундирования, в степи под пронизывающим ледяным ветром. Имеет ли вообще смысл с таким наскоро сколоченным отрядом, без противотанковых средств, без артиллерии, без минометов, без танков, даже без достаточного числа пулеметов попытаться создать оборонительную линию, которую в ее теперешнем состоянии сломит любая сильная атака противника? Разве это не значило бессмысленно жертвовать солдатами? Но я помнил последний телефонный разговор с Паулюсом: «Обеспечьте мне путь к отступлению, Адам». Да, я должен сделать все от меня зависящее, чтобы сохранить эту возможность для попавших в котел 22 дивизий. В этом теперь состоит мой высший долг, такова неотложная задача. Дело идет о жизни и смерти почти четверти миллиона людей, попавших в окружение. Я тоже за них отвечаю. Поэтому прочь все сомнения, надо сосредоточить все силы, чтобы обеспечить обороноспособность боевых групп.

Укрепившись после мучительной внутренней борьбы в своем решении, я как будто дал толчок силам, действовавшим вовне. Офицер штаба доложил мне о прибытии тяжелого оружия из Тормосина: два зенитных орудия калибра 88 миллиметров, четыре гаубицы калибра 105 миллиметров и четыре противотанковые пушки калибра 55 миллиметров. На следующий день должны были прибыть танки. Настроение у меня поднялось: если нас подержит и группа армий, мы остановим противника.

В ночь на 24 ноября капитан Гебель донес об оживленной деятельности советской разведки. В последующие дни противник несколько раз атаковал нас небольшими силами. Он, несомненно, прощупывал силы нашей обороны. Постепенно советские атаки становились все более чувствительными, бои упорнее, а наши потери серьезнее.

Назначение фон Манштейна

Вскоре после начала контрнаступления Красной Армии главное командование сухопутных сил осуществило некоторые организационные мероприятия, касающиеся войск, сражавшихся на Дону и в Сталинграде. 6-я армия, боевые группы на Чире и остатки 3-й румынской армии составили новую группу армий «Дон», которой предстояло действовать между группами армий «А» и «Б»*. Командующим группой армий «Дон» 28 ноября был назначен генерал-фельдмаршал фон Манштейн. Моя боевая группа была подчинена XXXXVIII танковому корпусу, штаб которого был перенесен в Тормосин. Этот корпус под командованием генерал-лейтенанта Гейма к началу наступления был расположен в тылу 3-й румынской армии и должен был остановить наступление противника. Генерал Паулюс мне не раз говорил, что считает это одной из опаснейших иллюзий главного командования сухопутных сил. И действительно, разразилась беда. Обе значительно ослабленные дивизии Гейма были окружены. С небольшими остатками своих войск ему удалось пробиться на запад. Гитлер сделал его козлом отпущения и снял с занимаемого поста. Несмотря на то что его дивизиям явно недоставало боевого опыта, техники и численности, на фон Гейма взвалили вину и за советский прорыв. Генерал был изгнан из вермахта, но, впрочем, позднее реабилитирован. Его преемником стал генерал танковых войск фон Кнобельсдорф, который 1 декабря прибыл в Тормосин.

Одними этими организационными изменениями и перестановкой военачальников, конечно, нельзя было улучшить положение на опасных участках. На всем чирском фронте от устья реки до ее верховьев обстановка постепенно становилась катастрофической. Достаточно было бы противнику атаковать более крупными силами, и наши боевые группы не могли бы противостоять напору. Советские войска все глубже вклинивались на различных участках нашей обороны. Мы нуждались в немедленном подкреплении.

* В группу армий «Дон» вошла также вновь созданная 4-я танковая армия под командованием генерал-полковника Гота. Этой армии предстояло выполнить главную задачу всей группы армий — деблокировать окруженных.

В начале декабря левее моей боевой группы заняла позицию 336-я пехотная дивизия. Кроме того, мне подчинили несколько рот авиаполевой дивизии. Они были превосходно вооружены и снаряжены, а главное — у них было то, о чем больше всего мечтали наши солдаты: зимнее обмундирование. Понятно, что настроение моих пехотинцев не могло улучшиться, когда они увидели все эти груды шуб, меховых жилетов, меховых шапок, валенок, зимних теплых рукавиц, подбитых ватой маскировочных костюмов, которыми были снабжены солдаты военно-воздушных сил, находившихся под покровительством Геринга. Вдобавок еще они оскандалились в бою. Большинство офицеров держалось запозсчиво, хотя не имело никакого представления о боевых действиях пехоты.

Деблокирующая армия Гота

В эти дни меня навестил в Нижне-Чирской генерал фон Кнобельсдорф. Он подтвердил то, что мне уже было известно по слухам: в районе Котельниково, восточнее Дона, готовилась к удару новая 4-я танковая армия под командованием генерал-полковника Гота. В ближайшие дни она должна была прорвать кольцо окружения и развернуть наступление на широком фронте. Одновременно армейская группа под командованием генерала пехоты Холлидта должна была из района западнее верхнего течения Чира атаковать с фланга противника, наступающего на юг. XXXXVIII танковый корпус под командованием генерала танковых войск фон Кнобельсдорфа вместе с только что прибывшей 11-й танковой дивизией и еще ожидавшимися соединениями должен был наступать с плацдарма восточнее Нижне-Чирской. Командир корпуса получил у нас подробную информацию об обстановке на придонском плацдарме и о расположении войск противника.

Появление немецких танков в непосредственной близости от нас вызвало огромный подъем среди солдат и офицеров. Много дней они вели кровопролитные бои с большими потерями, удерживали в самых тяжелых условиях оборонительную линию против сильного, упорного и мужественно сражающегося противника. У многих моих солдат и офицеров были друзья и родные в котле. Они считали долгом чести внести свой вклад в дело их осво-

бождения. Тем не менее войска чрезвычайно измотались, сдали физически и морально — это было неизбежно. Немалое влияние оказали и просочившиеся сведения относительно того, с каким упрямством Гитлер и главное командование сухопутных сил отклоняли все разумные предложения о прорыве котла изнутри.

Зачем мы здесь, на берегах Волги, господин полковник!

Каждый день я бывал на переднем крае. Часто меня спрашивали: «Почему мы вообще должны удерживать эти позиции, если армия должна оставаться в котле?» Все чаще беседовал я с пожилым солдатом, участником боев в последний год первой мировой войны. Однажды он сказал мне:

— Господин полковник, я не понимаю, зачем, собственно, мы здесь, на Дону и на Волге. Мне думается, если меня сегодня или завтра укокошат, жена и дети даже не будут знать толком, за что я здесь сражался. Честно говоря, я и сам этого не знаю.

Мне сразу стало ясно, что тут затронут серьезный вопрос. Если подобные настроения распространятся, мы сами себя обезоружим. Этому я должен противодействовать. Я попытался это сделать в следующих словах:

— Подумайте только о наших земляках, попавших в окружение. Если мы не удержим этот плацдарм, если мы сдадим оборонительную линию вдоль Чира, наш основной фронт придется оттянуть назад на многие километры. Тогда не придется и думать, чтобы восстановить связь с нашими частями в котле. Мы сейчас сражаемся для спасения жизни наших 330 тысяч товарищей.

Мой собеседник молчал. Я сказал после небольшой паузы:

— Я не знаю намерений верховного командования. Но одно во всяком случае ясно: нам нельзя сидеть сложа руки. Это война. Как солдаты, мы должны выполнять свой долг.

В душе я чувствовал себя неловко, давая такой ответ. Он обходил существо вопроса, поставленного солдатом. Зачем мы вообще находились здесь, на берегах Дона и Чира? Почему мы стремились взять Сталинград? Ради

чего и здесь и в котле ежедневно сотни, тысячи гибнут или становятся калеками, голодают и замерзают? От этой главной проблемы я пытался своими речами отвлечь собеседника. Но это не было ответом. Эти вопросы терзали и меня, какие бы усилия я ни употреблял, чтобы от них отмахнуться. Правда, они еще не одолели меня окончательно, не побуждали ни к каким выводам. Традиция, представление о долге, сочувствие к товарищам, находившимся в котле,— все это брало верх над голосом разума. К тому же в непосредственной близости от нас началась интенсивная подготовка деблокирующего удара. Это внушало надежду, вызывало подъем. Может быть, в течение двух недель мы справимся с бедой. «Вслед за декабрем всегда приходит снова май» * — таковы были слова солдатской песни, которую, правда, у нас уже никто не пел, но которую почти ежедневно передавали по радио.

Новая атака на реке Чир

Все лихорадочно ждали дня, когда деблокирующая армия нанесет удар. Между тем «май» все еще маячил в недоступной дали. У нас же было лишь начало декабря в буквальном смысле этого слова и соответственно обстояли дела. После того как 336-я пехотная дивизия заняла позиции слева от нас, сильные советские части нанесли удар на ее участке. Дивизия была оттеснена. Этим была создана угроза на нашем левом фланге. Правда, 11-я танковая дивизия восстановила положение. Но тем временем пламя пробилось в другом месте, и его тоже должна была погасить 11-я танковая дивизия. Она и впрямь превратилась во фронтовую «пожарную команду», которая спешила туда, где под натиском противника грозила порваться тонкая нить нашей обороны. Однако в этих дневных и ночных маневренных сражениях она тоже была сильно потрепана. На нашем участке мы ее больше не видели, хотя крайне нуждались в поддержке танков ввиду все более усиливавшихся атак противника. Плохо обстояло дело на придонском плацдарме. Он все больше суживался, чувствовалось, что вскоре придется его очистить. Все это сно-

* Слова из песни, которую по приказу Геббельса передавали по немецкому радио во время Сталинградской битвы.

ва значительно ухудшило настроение. Если несколько дней назад прибытие наших танков способствовало подъему духа, то теперь настроение падало быстрее, чем когда-либо раньше. Стало обычным, что солдаты без разрешения покидали свои позиции. Нам доносили об отказах повиноваться. Все были охвачены страхом перед пленом. Офицеры также стремились как можно быстрее выбраться из ловушки.

Тем временем проводная связь с котлом была прервана. Зато непрерывно поступали радиogramмы. Генерал-майор Шмидт вызывал офицеров и писарей из штаба. Они летели из Морозовска в котел на самолетах, обеспечивавших его снабжение. Одна из радиogramм начштаба гласила: «Командиру полка связи 6-й армии полковнику Шрадеру немедленно вылететь в котел, ему надлежит заменить заболевшего начальника связи армии». Так как наш штаб тем временем перешел из Тормосина в Морозовск, то я передал радиogramму туда обер-квартирмейстеру армии. Не прошло и часа, как оттуда радиовали, что полковник Шрадер рапортовал о болезни. За две недели это был уже третий случай, когда высший офицер 6-й армии, в сущности, дезертировал*. Начальник штаба генерал-майор Шмидт потребовал, чтобы полковник Шрадер был предан военному суду. Чем это кончилось, я так и не узнал.

* Трудно судить о моральном облике военачальников вермахта, отказавшихся сражаться в «котле». Быть может, речь шла не о трусости, а о понимании безвыходности положения. Во всяком случае, преданность Гитлеру, которую в эту пору проявили многие офицеры и генералы, усугубила, а отнюдь не облегчила участь окруженных.

Агония между Дмитриевкой и Алексеевкой

Беспочвенные попытки

Примерно 26 ноября пришел приказ о переподчинении нашей 376-й пехотной дивизии XIV танковому корпусу под командованием генерал-лейтенанта Хубе. То же относится к нашему левому соседу, 3-й моторизованной дивизии, которой командует генерал-лейтенант Шлёмер. Генерал-лейтенанта Хубе я знаю. До войны он, будучи начальником военного училища в Дрездене, приобрел известность публикацией значительного количества работ по вопросам тактики. Во время учений для командиров и преподавателей военных училищ мы неоднократно имели случай убедиться, что это живой и весьма подвижный человек.

Поэтому можно было предположить, что наш участок очень скоро отличится хорошо продуманной, образцовой организацией обороны. Правда, мы по-прежнему почти ничего не знали о положении на юге котла, зато узнали, как идут дела на северо-западном и северном участках фронта, где нашим правым соседом оказалась 44-я пехотная дивизия VIII армейского корпуса.

Наш прежний, XI корпус под командованием генерала Штрекера теперь был подчинен корпусной группе под командованием генерала фон Зейдлица. В ее состав передаются 24-я, 16-я танковые и 60-я моторизованная дивизии, которые обороняют северный участок.

Примерно в это же время создается новая группа армий «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна.

на, до этого командовавшего 11-й армией и пользовавшегося у офицеров и солдат большим авторитетом. Этой группе армий будет подчинена и окруженная 6-я армия. Все считают, что теперь, когда во главе поставлен такой человек, можно быть уверенным, что кольцо окружения будет разорвано. Одно имя Манштейна служит порукой тому, что кризисная ситуация превратится в победу. К чему каркать о второй Москве? Москва не повторится. Разве перегруппировки у нас и, по-видимому, повсюду в котле не служат всякому разбирающемуся в военном деле доказательством того, что подготавливается перемена?

Манштейну действительно была поставлена задача выволить нас. Однако ноябрьское наступление Красной Армии имело такие серьезные последствия для всего южного участка фронта, что операцию по деблокированию удалось начать на 14 дней позднее, чем первоначально было запланировано, и, несмотря на первоначальные успехи, она провалилась. Манштейн не может возместить большие ноябрьские потери за счет своих собственных резервов; ему приходится ждать, пока на Восточный фронт прибьет из Бретани 6-я танковая дивизия. Ввиду действий советских партизан на железнодорожных линиях ее прибытие задерживается до первой недели декабря. Поэтому Манштейн вынужден отложить деблокирующий удар до середины декабря. Для этой операции под командованием генерал-полковника Гота, командующего 4-й танковой армией, предназначены LVII танковый корпус с 23-й и 6-й танковыми дивизиями, а также 15-я авиаполевая дивизия. Им приданы четыре румынские пехотные дивизии и остатки двух румынских кавалерийских дивизий. Но лишь перебрасываемая из Франции 6-я танковая дивизия обладает почти полной боевой мощью! *

Манштейн намеревался образовать две ударные группировки: первую в районе Котельниково с задачей овладеть высотами в 50 километрах юго-западнее Сталинграда и оттуда установить связь с южным участком фронта кот-

* Соединения 4-й танковой армии, наступавшей вместе с 6-й полевой армией на Сталинград, были окружены советскими войсками в период с 20 по 23 ноября. Армейское же управление во главе с генералом Готом осталось вне кольца окружения, и ему были подчинены другие соединения, кроме перечисленных автором, среди них были также 17-я танковая дивизия, 16-я и СС «Викинг» моторизованные дивизии.

ла и вторую в районе Тормосина с задачей, используя еще имеющийся немецкий плацдарм у Нижне-Чирской, взломать кольцо окружения на его юго-западном фланге у Мариновки и Карповки. Примерно к этому же времени приурочивается наше отвлекающее наступление в направлении от Вертячего на Миллерово. Все еще делается ставка именно на немецкие соединения между Доном и Чиром, которые якобы не только в состоянии оказать сопротивление прорвавшемуся в глубину противнику, но и перейти в контрнаступление в восточном направлении, хотя никаких конкретных и определенных данных для такого предположения нет. Слух об этом питается тем, что все мы знаем о наличии плацдарма у Нижне-Чирской. Второй плацдарм, у Немковского, Ложек и Рычковского, еще оставляет открытым путь на восточный берег Дона. И наш левый сосед, 3-я моторизованная дивизия, под Мариновкой находится всего в 40 километрах от этого плацдарма!

Приказ о наступлении ожидается 12 декабря.

Операция «Зимняя гроза» *

В то время как ударной группировке в районе Тормосина ** не только не удастся перейти в наступление, но приходится вести тяжелые оборонительные бои под Нижне-Чирской, LVII танковому корпусу армейской группы «Гот», имея в авангарде 6-ю танковую дивизию, удастся 12 декабря продвинуться вдоль железнодорожной линии Тихорецкая — Сталинград и в течение последующих трех дней достигнуть рубежа реки Аксай Есауловский. За боевыми группами якобы следуют автоколонны с несколькими тысячами тонн боеприпасов, горючего и продовольствия для окруженных войск.

Одновременно начальник штаба 6-й армии генерал-майор Шмидт должен сосредоточить в районе Карповка — Ракотино, за юго-западным фронтом котла, соединения с задачей наступать навстречу Готу и образовать коридор между деблокирующей армией и котлом. Этому ударному клину приданы еще боеспособные танки 6-й армии (при-

* «Зимняя гроза» — так была закодирована наступательная операция, которую пытался осуществить фельдмаршал Манштейн с целью прорыва кольца окружения.

** Для полного укомплектования этой группировки у неприятельского командования не хватало сил.

мерно 40—50), а также части 3-й и 29-й моторизованных и 295-й пехотной дивизий, которые должны обеспечивать коридор и справа и слева. Автомашины общей грузоподъемностью 700 тонн имеют задачу из Карповки следовать за танками и принять на себя снабжение группы Гота. VIII авиационный корпус должен сбрасывать в коридор горючее и боеприпасы для танков.

Со дня на день ждем мы приказа о прорыве — операция получила кодовое наименование «Удар грома». Положение в котле все ухудшается и внушает серьезные опасения. Боеспособность войск снижается также в результате голода, обморожений, болезней — степень истощения личного состава с каждым днем становится все более угрожающей, тем более что предстоит форсированный марш в 30—40 километров. Разрыв между грузоподъемностью транспорта и растущим числом раненых и больных достигает такой величины, что вынуждает отказаться от первоначального плана взять с собой всех, кто не способен идти.

Но приказ начать операцию «Удар грома» все не поступает даже после 19 декабря, когда Манштейн отдал Паулюсу приказ привести в готовность силы, предназначенные для прорыва *. К этому времени не только было остановлено наступление Гота у Верхне-Кумского и Круглякова, но армии советских Воронежского и Юго-Западного фронтов форсировали Средний Дон между Вешенской и Новой Калитвой, разгромили немецкие позиции и оборону 8-й итальянской армии и устремились на юг **.

* Под кодовым названием «Удар грома» был зашифрован второй этап операции «Зимняя гроза». По условному сигналу Манштейна 6-я армия должна была частью сил нанести удар навстречу армии Гота, прорывая внутреннее кольцо окружения советских войск и одновременно основными силами начать отход от рубежа к рубежу, оставляя захваченные кварталы Сталинграда.

Как следует из достоверных источников, Манштейн был не против того, чтобы 6-я армия нанесла удар навстречу 4-й танковой армии, но он не разрешал Паулюсу одновременно с этим начать отход из Сталинграда.

** С 16 по 30 декабря Юго-Западный (командующий генерал Н. Ф. Ватутин) и Воронежский (командующий генерал Ф. И. Голikov) фронты осуществили операцию «Малый Сатурн», нанеся удары по 8-й итальянской армии, оперативной группе «Холдт» и остаткам 3-й румынской армии на Среднем Дону. В итоге было разгромлено 11 дивизий и 3 бригады. 8-я итальянская армия потерпела сокрушительное поражение. В плен было взято 60 тысяч ее солдат и офицеров, захвачено более 2 тысяч орудий, 178 танков, 368 самолетов.

Нам становится ясно, что рассчитывать на деблокирование с запада больше не приходится. Представляется сомнительным, чтобы 17-я и 6-я танковые дивизии группы Гота в новой попытке сумели пробиться с боем. Да и у нас в котле в результате усилившейся усталости людей и потерь материальной части и до того неблагоприятные для успешного прорыва условия еще более ухудшились. Все сомневаются, что можно пробиться из котла без одновременного дальнейшего продвижения Гота.

Правда, LVII танковому корпусу удастся с упорными боями несколько продвинуться на северо-восток и к 23 декабря закрепиться на рубеже реки Мышковой под Васильевкой. Идут воздушные и танковые бои, в которых обе стороны борются с предельным напряжением и несут тяжелейшие потери. Затем контрнаступление советских войск под командованием генерала Еременко за несколько дней отбрасывает войска Гота далеко на юго-запад. Операция «Зимняя гроза» провалилась, судьба 6-й армии решена.

Немецкие солдаты, участники Сталинградской битвы, оставшиеся в живых, всегда будут помнить радиogramмы Манштейна: «Держитесь, я пробьюсь к вам! Держитесь, мы наступаем!» Неспособный сделать правильные выводы из всего хода восточной кампании, прежде всего из поражения под Москвой, и правильно оценить силы противника, его стратегические и тактические возможности, Манштейн ради своего преступного тщеславия пожертвовал не только 6-й армией, но и жизнью десятков тысяч немецких, итальянских и румынских солдат, которые в эти декабрьские дни 1942 года погибли в донских и волжских степях, под Кантемировкой, в районе Алексеево-Лозовское, под Верхне-Чирской, Тормосином, Котельниковом.

Паулюс понимал, что самостоятельный прорыв из окружения был возможен только в первые дни. Но такой прорыв, равно как и операцию «Удар грома», он не хотел предпринимать без прямого приказа главного командования сухопутных сил. Ему дважды отказали в этом, и он со своей армией остался в «крепости Сталинград». Даже потом, в лагере военнопленных и по возвращении в Дрезден, Паулюс подтверждал свое глубокое убеждение в том, что 6-я армия упорным сопротивлением сковывала значительные силы Красной Армии и что поэтому очень важно было продержаться хотя бы один лишний день. Поэтому он не

мог ни взять на себя ответственность за выход из окружения, ни — позднее — капитулировать «на свой страх и риск».

Впрочем, командир нашего XIV танкового корпуса генерал Хубе в начале января поддержал мнение Паулюса о том, будто бы, находясь в Сталинграде, невозможно оценить развитие боевых действий на других фронтах. После личного доклада в ставке фюрера Хубе сообщил 7 января, что Гитлер подтвердил приказ 6-й армии оборонять Сталинград до последнего, даже если речь будет идти в конце концов только об удержании самого города. При всех обстоятельствах, заявил он, необходимо выиграть время, чтобы стабилизировать положение на Южном фронте; с участием соединений армий «А» запланировано новое наступление с целью деблокировать окруженную армию.

Хубе сообщил это 7 января, за день до советского предложения о капитуляции, за три дня до начала решающего наступления Красной Армии!

Встреча с мертвецами

На возвышенном западном участке фронта окружения идут упорные бои за так называемый Казачий Курган, считающийся ключом кольца обороны. С него можно контролировать переправы через Дон. Борьба за эти высоты, за высоту 102, у которой погибли три немецкие дивизии, или за высоту 129, вокруг которой окопался мой полк, требует больших жертв.

Как часто я пробирался от командного пункта полка в расположение моих рот! Днем и ночью, во время буров, а также в тумане, когда ничего нельзя было различить уже за десять шагов.

Если ехать на мотоцикле от Дмитриевки по пологому подъему, где все покрыто гладким льдом и путь преграждают похожие на дюны снежные сугробы, приходится включать малую скорость. Дорога разбита тысячами солдат, шагавших неуверенно, ошупью. Каждый, кто с трудом пробирается вперед, проходит мимо трупов, которые раньше лежали примерно в ста шагах южнее дороги. С каждым днем они оказываются ближе. Мертвые придвигаются к живым. Страшная картина. Снег, который сегодня, как саван, прикрывает трупы, на следующий день сметается ле-

денящим ураганом, и трупы тянутся к небесам в позах, в которых их оставила жизнь. Поле, усеянное мертвыми телами, неопишимо страшно. С ужасом смотришь на обнаженные конечности, разорванные грудные клетки, сведенные судорогой руки. И каждый раз я не могу оторвать глаз от этого страшного зрелища — от мертвых лиц, совсем недавно беспечно юных, или солдат старших возрастов, вчера еще полных энергии. Теперь лица их застыли в скорбной гримасе и под густыми бровями остекленевшие выпланные глаза. Во имя чего они приняли смерть, во имя чего бесцельно погибли?

Никто не должен отворачиваться от этого зрелища. Никто не должен пройти мимо, и пусть гнетущие вопросы никому не дают покоя. Вот небесно-голубые мертвые глаза. Темной ночью линейный связной посветит фонариком, и они вдруг засверкают, напомнив о жизни.

Однако не только ветер и погода меняют облик этого поля. Сами солдаты посягают на мертвых — друзей или недругов. Если идешь по полю смерти после наступления темноты, то видишь зловещую картину ограбления мертвых. Они, эти солдаты, еще стыдятся друг друга, и они грабят мертвых ночью.

Вот мелькнули тени, pinaющие мертвые тела сапогами или тянущие их за руки или ноги. То и дело загорается спичка, когда мародер закуривает сигарету. Вот двое или трое солдат пытаются стащить с мертвого сапоги. Это удастся не сразу. Сапог ведь нужен целый, и они действуют ножом или топором, и нога вместе с сапогом отделяется от мертвого тела. Они не отвечают на окрики, крадучись, они поворачиваются спиной и под покровом темноты бесшумно исчезают, ступая по трупам.

Как-то я схватил одного из таких и забрал его с собой. Это солдат средних лет, по профессии приказчик, отец двоих детей. Он стоит передо мной, узкогрудый, худой. В кармане шинели кусок хлеба, пара смятых грязных сигарет, пропитанных талой водой, и сломанный гребешок. Все это он взял у мертвецов! Я отпускаю его...

Через несколько дней и у моего связного появилась пара новых сапог. Бойкий юнец, не стесняясь, рассказывает, что эти сапоги стоили нескольких часов работы на поле мертвых. Затем у другого солдата появляется толстый серый шерстяной шарф с бахромой в узелках. Правда, в одном месте шарф разорван. И хотя он с поля мертвых, но

зато теплый, очень теплый. На третьем — толстый ватник с коричнево-красными пятнами крови на спине. Но он защищает от ветра, и в конце концов это именно та вещь, которую он уже давно искал — на поле мертвых.

На поле мертвых остались обнаженные трупы, и оно выглядит еще более страшным. Среди мертвецов стоит во весь рост оледеневший труп, у которого рука и нога откинута, как у деревянного паяца. Ветер колышет конец перевязки на бедре, которую раненый намотал в надежде на спасение. Издали кажется, что среди мертвых стоит живой. Да, так оно и есть: трупы живут, напоминают. Гляди на нас, мертвецов, на мертвецов Казачьего Кургана, высоты 129, кладбища танков, оврагов у «Платины» и «Золота», Дона, Клетской. Каждому из нас они напоминают, и каждый, кто идет мимо поля мертвых, наклоняет голову и невольно думает о самом себе. Значит, большего мы не стоим... Значит, большего мы не заслужили. Вот так ограбят тебя, так же осквернят и твой заледенелый труп.

Неверно, будто бы все солдаты становятся бесчувственными и равнодушными к таким переживаниям. Они становятся более замкнутыми, молчаливыми, а вовсе не равнодушными. Просто у них не хватает слов, чтобы выразить свои чувства. Часами молча сидят они у костров, наблюдая, как разгорается и ярко пылает всепожирающий огонь, но никак не выражают своих чувств. И нет разницы между солдатами и офицерами перед лицом смерти.

Теперь она всегда рядом с нами. Вскоре у нас установятся с ней нормальные отношения, по крайней мере мы так думаем. Думаем, но не говорим, потому что каждый из нас избегает проявлять эмоции по отношению к другому, если слышит, что кто-то убит. Мы обманываем себя. Собственно говоря, все мы дрожим при мысли о том, что нас неотвратимо ждет точно такая же судьба, что и обитателей поля мертвых.

Когда в приказе по дивизии или в телефонограмме упоминается, как превосходно держатся солдаты в своих снеговых окопах, меня охватывает негодование. Все это легко говорить, когда сидишь в бункере, по крайней мере имея крышу над головой, в тепле, когда можешь есть чистыми руками и, главное, можешь обойти стороной поле мертвых. Но пехотинец на Казачьем Кургане уже несколько недель живет среди трупов. Трупы справа, трупы слева, трупы рядом с ним, трупы под ним или под его винтовкой.

Все попытки похоронить погибших не удаются, хотя у нас уже имеется опыт могильщиков. В середине сентября в северной излучине Дона между Кременской и Ближней Перекопкой, у высоты 199, мы похоронили мертвых прямо в окопах, в которых мы сами сидели пригнувшись. И пока связисты шифровали донесения и стучали ключами, посыльные притаскивали с покинутых позиций тела наших погибших товарищей, втискивали их между радиоаппаратурой в неглубокие стрелковые ячейки и присыпали землей. Уже через несколько часов на нашем командном пункте путали могилы с окопами, а то и садились на тонкий земляной слой, который пружинил, так как под ним лежало еще даже не успевшее остыть тело. А потом горячо спорили, можно ли с чистой совестью сообщать родственникам погибших, что их родные погребены на кладбищах.

Здесь, в котле, все выглядит иначе. Тот, кто не падает сам в свой снеговой окоп, не умирает там и его не заносит снегом, тот остается на поле. Могилы копали только в первые дни, и появилось кладбище с деревянными крестами, надписями и высоким четырехметровым дубовым крестом. Но это длилось лишь несколько дней. Но уже не хватало живых, чтобы копать могилы мертвым и сколачивать кресты, а земля промерзала все глубже и глубже.

То, что на въезде в Дмитриевку устроено кладбище, служит темой разговоров, но кто же в нашем отчаянном положении станет спрашивать, что целесообразно и что нет? На небольших санках, сколоченных из грубых досок, по вечерам в снеговые окопы, которые называются «позициями», привозят продовольствие, а в обратный путь грузят на них окоченевшие трупы.

На огневые позиции минометов и противотанковых орудий на санках доставляют ночью боеприпасы, а увозят тяжелораненых на передовой перевязочный пункт. Проезжая мимо кладбища, смотрят, подает ли еще раненый признаки жизни. В таком случае его волокут до санитарного бункера. Если нет, то без всяких формальностей увозят вместе с мертвецами на кладбище. Так из лежащих рядом мертвецов образуется поле мертвых. Сотни и сотни трупов лежат рядом друг с другом или друг на друге.

И эти штабеля трупов грабят, раздевают, как находящиеся на свалке автомобили, забирая то моторный блок, то шасси, демонтируют то, что нужно. Различия почти никакого. Здесь все бесплатно. Необходимо лишь примириться

с пронизывающим холодом и замерзшей человеческой кровью.

Сердце и разум должны молчать, и солдаты в отчаянии ищут объяснений происходящему. На их глазах растут горы трупов. Это ввергает их в еще большее отчаяние. И перед мысленным взором возникают разорванные облака, какие можно видеть в бурную ночь, восходит луна, потом она прячется за темными причудливыми облаками, наконец исчезает совсем, и в бесконечной дали открывается темная, черно-синяя бездна. А на безграничной заснеженной степи неожиданно возникают то светлые, то мрачные очертания фантастических фигур.

Так в снежной пустыне под Дмитриевкой всплыли в памяти картины прошлого, и перед глазами чередой проносятся мертвецы и кладбища. Все время кладбища, кресты и могилы — нескончаемыми рядами. И никуда от этого не уйти, ибо, как только выходишь из жалкого блиндажа на морозный воздух, сразу оказываешься на гигантском кладбище.

И разве эти покрытые снегом высоты и долины, пропитанные кровью, не превратились уже давно в бесконечное кладбище? Меня пробирает дрожь. Сегодня я с Вернебургом, Фрезе, Штрэнгом и Урбаном подсчитал численный и боевой состав полка. Дальше так продолжаться не может! Потери полка, артиллерии, подразделений связи и противовоздушной обороны не поддаются учету. Солдатский рацион — это два куска хлеба в день, порция жидкого супа, две-три кружки кофе или чаю. Кто сможет выдержать это долго?

И в таком состоянии мы встречаем рождество! О чем же думают все они — солдаты, сидящие в снежных окопах, юные лейтенанты, артиллеристы, живущие между лафетами зенитных орудий и ящиками с боеприпасами?

Богослужение на выжженной земле

До рождества осталось всего два дня. И мы снова будем желать друг другу счастья и удачи, хорошо зная, что все это пустые слова. Я уже несколько раз встречал рождество на фронте и знаю, что и в праздничные дни поднимаются осветительные ракеты, идет стрельба, слышны раз-

рывы ручных гранат и гибнут люди. И в то же самое время в церквах молятся богу, просят, чтобы наконец наступил мир на земле, разумеется после того, как будет одержана победа. И это богослужение происходит во время войны, когда в невиданных размерах происходит преднамеренное убийство, земля превращается в выжженную пустыню и матери теряют детей. Кошунством звучит слово «богослужение» в устах тех, кто повинен во всех этих злодеяниях. При чем же здесь вера, вызывающая к сердцу, к совести?

Вероятно, по этой причине богослужения в вермахте, как и в первую мировую войну, посещаются многими солдатами и офицерами. Внутренняя необходимость заставляет подумать о себе. Они пытаются хоть на мгновение уйти в себя, даже если и в эти часы гремит оружейная канонада.

Невольно мои губы шепчут молитву, которую я в раннем детстве слышал от бабушки: «Помилуй, боже!»

Я вспоминаю о богослужении после крестного хода от церкви Крещения господня в Тауфкирхене на Вильсе в Альтфрауэнхофен, маленький нижебаварский городок паломников. Рядом со мной — погонщики быков, первый и второй батраки, крестьяне, а в рядах идущих — сотни крепких парней с высокими флагами и крестами, все как на подбор, а вместе с ними глубокие старики, которым не так-то легко выдержать длинный путь.

Я вспоминаю простые и помпезные походные алтари, перед которыми я когда-либо молился как солдат. Вот рядом с разрушенными крестьянскими домами Бэйо — шатающийся, ветхий, стертый стол, покрытый полотнищем палатки. На нем — переносный алтарь; маленькая каменная плитка с пятью высеченными на ней крестами, на которых в пору раннего христианства совершались первые богослужения, под ними вставлены мощи святых, символизирующие погребения мучеников.

Во время первой мировой войны в нашем альпийском корпусе военные священники имели своих вьючных лошадей. На одной стороне седла помещался хорошо сделанный ящик с предметами для богослужения, на другой стороне — офицерский чемодан, а сверху были пристегнуты полотнища палаток и одеяла или мешок с кормом. Эти ящики служили алтарями — у подножия Монте Матажур, Монте-Томба или в одной из высокогорных долин Доломитов.

В одном из французских загородных дворцов алтарем служил великолепный столик эпохи Ренессанса. На Сомме близ Эпен это был поставленный боком старый шкаф. В Амьене во время первой мировой войны это был главный алтарь в соборе. Однако во всех алтарях реликварии * были взломаны с помощью зубил или мотыг. Воры подозревали, и не напрасно, что их оправы золотые, чего доброго, с драгоценными камнями. Стоявшая перед удивительной работы церковной кафедрой фисгармония была разбита, ризница взломана. Мы снова задвинули железную решетку между клиросом и нефом. На ней также были видны следы упорной работы грабителей. О богослужении нечего было и думать. Тем более что пастор Эбен Эмаэля с негодованием говорил о вероломном нарушении нейтралитета 10 и 11 мая 1940 года, когда этот бельгийский форт был захвачен в первой воздушнодесантной операции с помощью тяжелых планеров.

Эти воспоминания нахлынули на меня под Сталинградом. Всюду, где ступал немецкий солдатский сапог, это было святотатством и кощунством. Такова одна из многих мрачных глав нашей «славной германской истории», и никакое богослужение не может изъять это из памяти.

Дело наших рук...

С середины декабря активность противника чрезвычайно возросла. Однажды незадолго до рассвета прямо перед нашим командным пунктом из тумана внезапно появился советский танк с десантом пехоты. Солдаты в снежных окопах были раздавлены. Советская штурмовая группа попыталась ворваться в дома и руины южной части Дмитриевки. Ее внезапное появление вызвало у нас невероятный переполох.

Почти всегда такие атаки предваряются сильным огнем налетом батарей многоствольных реактивных установок, так пазываемых «катюш», что вынуждает всех прижиматься к земле. По опыту мы знаем, что эта огневая

* *Реликварий* — ларец для хранения особо почитаемых церковью предметов. Нередко реликварии представляют собой образцы ювелирного искусства,

поддержка будет длиться до последнего мгновения, то есть до тех пор, пока советские солдаты не бросятся в еще дымящиеся воронки и на покрываемые осколками участки, чтобы захватить наши позиции или участки обороны.

В таких операциях в зависимости от погоды и направления ветра используется искусственный туман. Для маскировки дымовые снаряды выстреливают и туда, где в действительности наступление не планируется. Этим противник достигает исключительно сильного распыления наших сил и находит достаточно слабых мест, чтобы наносить нам тяжелые потери в людях и в материальной части.

Между рождеством и Новым годом мы сидим в нашем низком бункере из небольших искривленных стволов деревьев, от сырости подгнивших и покрывшихся плесенью. Щели между стволами, чтобы не сыпалась земля, заткнуты травой. Однако то, что мы гордо называем бункером, в лучшем случае погреб для хранения картофеля, капусты и лука. В одну из изматывающих ночей, когда мы разговорились с Вернебургом, я заметил, что он смотрит на меня вопросительно, испытующе, почти недоверчиво. По выражению его лица, которое в свете масляной мигалки казалось бледно-желтым, я понял, что его мучает совесть.

Наконец он прерывает гнетущую тишину, задавая вопрос медленно и таким тоном, который уже предreshает ответ: «Значит, я совершенно сознательно убивал людей, уничтожал людей?»

Разговор не клеился. Очевидно, нас тяготит одно и то же. Он, наверное, увидел на моем лице и отражение своих мыслей.

Вернебург — коммерсант. В первую мировую войну он также служил артиллеристом. Если батарея противника замолкает, загорается танк, рушатся дома и взлетают мосты, то это его успех. Разумеется, он нередко видел в бинокль или через стереотрубу, как его снаряды убивают людей. Не раз он имел возможность убедиться в губительности действий его орудий. Он видел трупы людей и лошадей, горящие автомашины и изрытую землю, пахнущую порохом. Однако лично он не стрелял в людей.

Только здесь, в котле, ему пришлось применить пистолеты. Противник прорвался и со всех сторон бросился на одну из его батарей. Вернебург неожиданно оказался в воронке под одним советским солдатом, которому он выстрелил в грудь. Красноармеец пробормотал что-то непонятное

и умер у него на глазах. Это потрясло Вернебурга, глубоко взволновало его. Он, вероятно, знал, что, для того чтобы победить в войне, приходится убивать. Но раньше он никогда непосредственно не участвовал в этом.

«Да, Вернебург. Вы правы. Чем дальше от фронта, тем меньше думаешь о том, к каким беспощадным, жестоким действиям готовят всех нас. Но каждому из нас когда-либо приходится поразмыслить об этом. И как только это случается, в нас закрадывается страх, овладевает чувство вины. И это давит, преследует неделями, месяцами, годами. А в этой войне вина лежит на нас. Быть может, то, что происходит здесь, в котле,— это заслуженная кара за несправедливости, которые мы допустили или которые совершили сами.

Знаете, Вернебург, я до сих пор не забыл о первых боях в марте — апреле 1917 года. Это было под Армантьером-Бэйо! Наш королевско-баварский пехотный лейбполк в тяжелых, подбитых крупными гвоздями сапогах и обшитых кожей брюках, с нагруженными до отказа вьючными лошадьми и легкими пулеметными повозками прошел через город. Мы прибыли из Вогез, чтобы захватить бельгийско-фландрскую землю, наступать на Монт-Руж и Монт-Нуар. Цель нашей операции состояла в том, чтобы выйти к морю. Наступление началось в семь утра. Прежде чем рассеялся туман, на позиции противника обрушился сосредоточенный огонь из минометов и гранатометов, пулеметов и горных орудий. Пять минут спустя пехота должна была начать атаку, чтобы сломить последнее сопротивление. Я был в пулеметном расчете и видел, как пулеметные очереди били точно в цель. Каждая десятая пуля была трассирующей. Канадцы стремглав бросились бежать, падали, и лишь немногие снова поднимались. Я выстреливал ленту за лентой. После огневого налета наши стрелки бросились на вражеские позиции. И через несколько минут мы увидели мертвых канадцев, с изуродованными лицами, искромсанными телами и простреленными касками. Некоторые еще были живы. Один, тяжело раненный в плечо, прислонился к березе. Вдруг я начал дрожать всем телом, как сумасшедший, как пораженный параличом.

Так вот какая у нас работа. Вот для чего нас воспитывали, для этого нами командуют, это мы считаем правильным. Дорога к Каналу проходила по трупам и по раненым. Картины, развернувшиеся передо мной, не оставляли меня

весь день, целые недели и месяцы. Я видел их даже во сне».

Я прерываю беседу. Что пользы рыться в воспоминаниях, которые в молодости так угнетающе действовали на меня? Беспокойство, овладевшее мной при этих воспоминаниях, заставляет меня выйти из бункера. Нужно вернуться к действительности, привести в порядок свои мысли. И все же картины прошлого бередают мое сознание.

Неожиданно вспоминается широкоплечий обер-ефрейтор из взвода связи полка. Его лицо искажено от боли, он громко кричит. Я вижу, как он растопыренными руками прижимает к себе выпадающие из его тела внутренности, ловит ртом воздух и пронзительно вопит о помощи, шатаясь, делает несколько шагов вперед. «Господин полковник, господин полковник, помогите. Я хочу домой, помогите, помогите! Я хочу домой. О мама, мама...»

Но помочь ему невозможно. Вокруг идет ожесточенный бой, под Логовским, вдоль проселочной дороги на Мело-Логовский. Снова вопреки нашей оценке противника советские войска неожиданно вклинились южнее Дона, нанося удар с флангов. И все время в похожем на удары бича щелканье пулеметных и автоматных очередей мне слышится пронзительный крик: «О мама, мама!» Когда мы оставляем высотку, я еще раз прохожу мимо того места, где погиб солдат. Никогда не забыть мне, что за этим отчаянным призывом к матери стоял безжалостный вопрос, обращенный к тем, кто командует: «Во имя чего?»

Каким мучительным может быть этот вопрос! И не ответит на него ни командир, сам отец семейства, ни военный священник, который дает отпущение грехов, и ни друзья, с которыми о таких переживаниях уже был разговор после первой мировой войны. Нет на него ответа в книгах. И мы утешаемся тем, что до последней минуты выполняем свой долг по отношению к народу и отечеству — теперь же по отношению к фюреру. Так, как этого требует присяга...

Раненые в овощехранилище

На западной окраине Дмитриевки между обгоревшими зданиями колхоза находится большое, наполовину врытое в землю овощехранилище с перегородками, по-видимому, для хранения корнеплодов, запасов корма и всего того, что

в большом хозяйстве должно храниться долгую зиму. Там пришлось разместить сотни тяжелораненых, они лежат вплотную друг к другу двумя или тремя тесными рядами. Передние доски перегородок оторваны, чтобы удобнее было ухаживать за ранеными.

Все строение, которое прилегает к западному склону, за исключением плоской крыши, засыпано снегом. Это несколько защищает от артиллерийского огня и шальных пуль. Снег перед входом утоптан, но перемешан с мусором, окровавленными обрывками бинтов, пустыми консервными банками и лоскутьями одежды. Все это смешалось в отвратительно пахнущую грязную массу. Такое впечатление, как будто стоишь не около лазарета, а у помойной ямы.

Врачи и санитары вместе с санитарями-носильщиками прилагают большие усилия, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок. Но это им не удается.

Сразу же за входом, справа и слева, находятся комнаты для врачей и санитаров. Это совершенно необорудованные подсобные помещения. Они годятся только для того, чтобы присесть в углу, немного поспать. Если кто захотел бы лечь, ему пришлось бы искать место рядом с ранеными. Выдолбленные в стене отверстия, заменяющие окна, скудно освещают строение метров пять-десять длиной, так что в разных местах повесили керосиновые лампы. В самом конце прохода работает бензоагрегат, обеспечивающий электрическим светом «операционную линию».

Когда я протиснулся сюда, мне показалось, что я попал в подземную шахту, в место, где произошла катастрофа. К моему удивлению, здесь есть и несколько медицинских сестер. Если бы они не стояли как раз на свету, то было бы невозможно узнать, кто здесь работает: мужчины или женщины. У них бледные, усталые, печальные и суровые лица. Сначала я не поверил, что между ними есть и русские. Сейчас не время спрашивать, откуда они, почему они остались или кто задержал их. Они помогают усердно, старательно, неутомимо. Среди них бросается в глаза одна пожилая женщина, широкая в плечах и несколько согнувшаяся, вероятно под тяжестью лет.

В это время шла обработка солдата, тяжело раненого в грудь и ноги. Из-за перегородок слышны причитания и стоны. Несмотря на это, здесь делается все, что положено, и притом с железным спокойствием. Удушливый воздух

становится просто нестерпимым, когда с солдат сдирают последние лохмотья.

Полчаса мы можем провести у раненых. Разговор не клеится. Вместе с нами молча сидят русские женщины. Каждый пытается хоть на несколько мгновений отвлечься от жалоб и стонов раненых.

Я не могу оторвать взгляд от старой русской женщины. Выражение ее лица, ее отсутствующий взгляд показывает, что она переживает такие человеческие чувства, которые, вероятно, только мать проявляет по отношению к беспомощному ребенку. За ее чисто механическими движениями угадываются ее чувства, страдания, немой плач, заглушенный крик по поводу тысячекратных страданий, которые приписаны ей и всем русским людям.

Она как будто не реагирует на то, что происходит вокруг. Рассеянно смотрит она то туда, то сюда — то на стол, то на раненых, которые нуждаются в уходе и которых она хотела бы успокоить, как когда-то утешала своих сыновей.

Еще светло, и я жду, пока стемнеет, чтобы отправиться на командный пункт роты, расположенный на Казачьем Кургане. Дорога туда идет через извилистые впадины и доходит до окопа — неглубокой выемки, укрепленной мешками с песком и досками. Забраться в окоп можно только ползком, а сидеть приходится на корточках. Командиру роты я принес новогодний подарок — буханку хлеба и банку мясных консервов, которые накануне мне подарил генерал фон Даниэльс.

Мы не знаем, о чем говорить друг с другом. Впереди полная неизвестность, а о прошлом не отваживаешься и думать.

Я понимаю состояние молодого лейтенанта. Он тоскует по родине, свидание с которой — несбыточная мечта.

Там теперь зажигают рождественские свечи, короткие огарки, так как в эту военную зиму свечи очень дороги. Каждый думает о своей семье, о родине, о друге.

Утром следующего дня меня снова навещает командир дивизии. Пасмурная погода позволяет незаметно пробраться по дороге от Дмитриевки к передовым позициям. Даниэльс непременно хочет еще раз взглянуть на Вертячий и говорит, что еще не поздно прорваться. А что касается обещания деблокировать нас, то оно не выполнено, и это, говорит он, большое свинство.

Мы слышим немецкую речь

Вскоре после Нового года лейтенант и унтер-офицер с передового наблюдательного пункта южнее дороги между Дмитриевкой и Песковаткой решились доверительно сообщить мне кое-что очень важное. Накануне вечером, примерно между 21 и 22 часами, они слышали с советской стороны немецкую речь. По-видимому, использовался мегафон. Несмотря на сильный западный ветер, отдельные слова были слышны хорошо. Говоривший назвал себя немцем, который хочет обратиться к немецким солдатам, к немецким братьям. Он утверждал, что положение окруженных безнадежно. Попытки Манштейна пробиться провалились. На выручку извне рассчитывать не приходится. Гитлер предал солдат в котле. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Единственное спасение — прекратить его. Фразы примерно такого содержания были повторены по нескольку раз. «Что я думаю по этому поводу, могут ли там быть немцы?» — спросил лейтенант.

Лейтенант и унтер-офицер высказали предположение, что передачу мог вести немец, хотя я тут же сказал им, что вполне мог быть и русский. Разве среди военнопленных не было знающих немецкий язык? Может быть, это просто попытка застрашать нас или ввести в заблуждение. Так или иначе, нужно следить за тем, что будет дальше. Не исключено, что передача повторится, а может быть, удастся заглушить ее. Это вполне возможно, так как направление установить нетрудно; а расстояние придется определить приближенно. Я спросил у лейтенанта, не знает ли он, известно ли об этих передачах пехоте, находящейся в непосредственной близости от нас. На это последовал отрицательный ответ. Но лейтенант тут же добавил, что он ни с кем по этому поводу не говорил.

Я заметил, что человек, ведущий передачу, действует, конечно, не в одиночку. Не исключено, что он говорит из снегового окопа, впереди советского переднего края. Все это возможно, сказал лейтенант, но таким путем удалось узнать кое-что о нашем положении. Кое у кого это может вызвать интерес к передачам с русской стороны, а это позволит прояснить наше положение. Лейтенант вопросительно и несколько неуверенно смотрит на меня: он явно испуган своей смелостью.

Что делать? Я говорю, что наведу соответствующие

справки у командиров рот и что, видимо, надо издать приказ об обстреле местности, откуда слышен голос. Если передача повторится, то надо открыть огонь из тяжелого пехотного оружия. Это заглушит передачу.

Удивительное дело! Неужели оттуда к нам обратился немец?

Разговор кончается тем, что я отдаю распоряжение немедленно и в любое время сообщать мне по любому виду связи, если передача повторится.

Затем я добираюсь до пехотного взвода, которым командует лейтенант Гейдельбергер. Там были слышны только отрывки передачи. По-видимому, помешал сильный ветер. Возможно, взвод расположен в стороне от передатчика. Выясняется, однако, что слышали передачу в одно и то же время. Первым обратил внимание на передачу пулеметный расчет, который подумал сначала, что это кричат наши товарищи. Возможно, что, выполняя разведывательное задание, они отклонились от намеченного маршрута и теперь нуждаются в помощи.

Я отдаю приказание: «В каждом случае доносить непосредственно мне. Нужно выяснить, в чем дело».

После моего возвращения поздней ночью в Дмитриевку в штаб полка мы обсуждаем случившееся. Вспоминаем, что еще в октябре солдат нашей дивизии несколько дней находился в советском плену, а затем неожиданно ночью вернулся в наши позиции. Солдат этот из пехотного взвода, который проводил ночную разведку под Мело-Клетской. Там он и был взят в плен. Ранен он не был. Командир роты, на участке которого около трех часов утра появился этот солдат, доставил его ко мне, поскольку высказывания солдата показались ему сомнительными. Солдат утверждал, что в плену с ним обращались хорошо. обстоятельно-му допросу он не подвергался. Он встретил там нескольких немецких солдат, которым тоже было неплохо, но затем их разлучили. Ясно, что он увидел кое-что такое, чего раньше не знал. Его самого спросили, не хочет ли он вернуться в свою роту. У Красной Армии уже столько немецких пленных, что в нем не нуждаются. Его вполне могут отослать назад. Вернувшись к себе, он должен будет рассказать о том, что видел и слышал. Ясно, что Гитлер просчитался, погнав столько немецких солдат на Дон, за тысячи километров от Германии. Это может принести Германии огромное несчастье. Не лучше ли и не умнее ли покончить с

этим? Во всяком случае, в Донской степи немцу делать нечего.

Таково примерно было сообщение солдата. Это совпало с тем, что он рассказывал по возвращении на передний край. Там его засыпали вопросами: «Хорошо ли вооружены русские? Чем тебя кормили? Оказывали ли на тебя давление? Угрожали ли тебе? Как ты перебрался через Дон туда и обратно? Как глубоко ты был в тылу?»

Солдат отвечал, что он около часа ехал ночью в тыл на джипе с советским офицером. Назад он был доставлен также ночью.

Я хотел, однако, узнать от него больше. Этому помог счастливый случай. Солдат говорил на швабском диалекте, примерно так, как говорят жители Альгау*. Все, что он говорил о своей родине и что он отвечал на мои вопросы, требовавшие подробных ответов, я мог подтвердить исходя из своего жизненного опыта. Он не лгал. И я спрашивал себя: чего же хотят добиться русские, в чем заключаются их намерения?

Несколько дней спустя мне сообщили по телефону, что снова слышны немецкие голоса. Я тотчас же отправился на мотоцикле на наблюдательный пункт. Однако КП переменил позицию, так как прежняя была совершенно разбита артиллерией. Мне удалось услышать последние фразы. С русской стороны напоминали, предупреждали, требовали. То же самое слышали в пехотных подразделениях.

Сперва я хотел было промолчать об этих происшествиях. Но уже на следующее утро поступили однотипные донесения из соседних полков. Следовательно, что-то надо было предпринять. В ту же ночь я вместе с командиром артиллерийского дивизиона подполковником Вернебургом и командиром стрелковой роты обсудил создавшееся положение. На карте я отмечаю три сектора обстрела.

Расстояние между передатчиками и нашим передним краем равно, вероятно, 200—600 метрам. Можно, однако, предположить, что говорящий работает не с мегафоном, а использует выносной динамик, который ночью устанавливается где-либо в стороне. Представляется, что это именно так, поскольку стрельба из пулемета в ту сторону, откуда слышался голос, была безрезультатной. Мы попытаемся

* *Альгау* — местность в южной горной части Западной Германии между Лехом и Боденским озером,

прервать передачу беспокоящим огнем. Из штаба дивизии сразу же запросили, почему мы открыли огонь из стрелкового оружия и артиллерийских орудий.

Чтобы ответить на запросы штаба дивизии, я до 7 января еще дважды побывал на передовой, последний раз — в снеговом окопе, на высоте южного склона отрога Казачьего Кургана. Оттуда снова донесся голос, настойчиво призывавший нас одуматься и прекратить сопротивление. Продолжение сопротивления — чистое самоубийство. Красная Армия наступает все дальше на запад и тем самым уничтожает последние надежды на деблокировку.

Мы не знаем, кто ведет передачу. Первые фразы, с которыми он обращается к нам, плохо слышны. А нам, конечно, хочется узнать что-нибудь новое о положении в котле и на всех фронтах. Позднее, в Красногорском лагере для военнопленных, я узнал, кто пытался тогда в снежной пустыне вокруг сталинградского котла положить конец бессмысленным жертвам и спасти жизнь немецких солдат и офицеров. Это были Вальтер Ульбрихт, Эрих Вайнерт, Вилли Бредель и с ними капитан д-р Хадерманн, обер-лейтенант Харизиус и обер-лейтенант Рейтер.

Никакой капитуляции!

По парламентарам открывать огонь!

На одном из командирских совещаний, это было, кажется, 5 января, генерал фон Даниэльс охарактеризовал все сообщения о выступлениях немцев со стороны противника пустой болтовней или жульничеством. Даниэльс любит употреблять такие выражения. Очевидно, считает он, русские не рассчитывали на наше упорное сопротивление и теперь прибегают к таким средствам, чтобы поколебать моральное состояние наших войск. То же они пытаются делать с помощью листовок.

8 января мне доставляют одну из таких листовок. В ней содержится предложение о капитуляции на почетных условиях. «Положение ваших окруженных войск, — говорится в ней, — тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается. Сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежно, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла» *. Все это верно.

В тот же день генерал фон Даниэльс приходит ко мне с листовкой в руках: «Прочитайте, пожалуйста, Штейдле. Какая гадость! Никто не примет парламентариев. Штаб армии дал указание применять против них оружие. А если кто-либо из нас попробует вступить в переговоры с русскими, то будет немедленно расстрелян. Приказ об этом уже готов. До чего мы дойдем, Штейдле, если каждому вздумается вести переговоры с русскими по своему усмотрению».

В тот же вечер приходит такой приказ по дивизии. Я решаю не объявлять его в своем полку. Как и офицеры моего штаба, я возмущен его содержанием. Оно явно нарушает международные конвенции. Кроме того, как листовка, так и человек, ведущий передачу из русских окопов, совершенно правы: наше положение отчаянное, состояние наших войск катастрофическое. В боях за Дмитриевку личный состав моего полка сократился до 15—20 процентов. Пополнение за счет солдат и младших командиров из уже расформированных воинских частей мало чего стоит, так как они еще не оправились от пережитого. Но даже если это не учитывать, то они не подготовлены и не снаряжены должным образом для ведения боя. Шесть недель без смены непрерывных тяжелых оборонительных боев лишают воинскую часть боеспособности.

Генерал фон Даниэльс, кажется, понимает наше положение: «Я сделаю все, чтобы добиться смены полка», — сказал он мне при последней встрече. И действительно, в ночь с 8 на 9 января появляется генерал-лейтенант Лейзер, командир 29-й моторизованной дивизии, которому приказа-

* Автор цитирует ультиматум советского командования генерал-полковнику Паулюсу, полный русский текст которого приведен в книге «Великая победа на Волге» под редакцией Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, М., Воениздат МО СССР, 1966, стр. 445—446.

Речь идет о начале контрнаступления трех советских фронтов с целью окружения и разгрома сталинградской группировки противника. На участке, где находился полк Штейдле, наносило удар правое крыло Донского фронта (командующий генерал К. К. Рокоссовский), в частности 65-я армия под командованием генерала П. И. Батова.

но взять на себя руководство боем. Он думает, что для этого достаточно на командном пункте полка ознакомиться с оперативной обстановкой. Но этим здесь ограничиться нельзя: ведь участок, который мы, неся большие потери, обороняем уже шесть недель, надо удерживать. Здесь важна каждая мелочь, любой даже небольшой опыт. Здесь нет непрерывной линии укреплений. Есть лишь снеговые окопы, небольшие балки и ложбины. Снабжение, эвакуация раненых возможны только почью. И каждый раз надо давать точные ориентиры — бураны меняют облик ландшафта, — иначе люди не доберутся к окопам, попадут под вражеский огонь или, потеряв силы, замерзнут. Наблюдательные пункты? Да, есть, но хороших только несколько, использовать их очень трудно, так как русские держат пас под огнем. Наша линия обороны — это ряд опорных пунктов стрелковых отделений южнее Казачьего Кургана до шоссе Дмитриевка — Песковатка и непосредственно на стыке с 3-й моторизованной дивизией. И еще, разумеется, три 88-миллиметровых орудия, уже шесть недель как врытые в землю и приспособленные для круговой обороны! Они могут поражать танки прямой наводкой. Все время приходится считаться с внезапными атаками, главным образом ночью и даже в туман и снегопад, не исключены атаки и на Дмитриевку.

Что могу я еще сказать старшему по званию командиру? Что необходимо почью патрулировать снеговые окопы, тормозить солдат, чтобы они не заснули, не замерзли или не были застигнуты противником врасплох. И что все же то здесь, то там через какой-нибудь час советские пулеметки открывают огонь.

9 января, как только стемнело, мы отходим с позиций с задачей соорудить тыловую оборонительную линию на восточном берегу Россошки у Ново-Алексеевского. Предстоит новое крупное советское наступление. После отклонения предложения о капитуляции это неизбежно.

Последний бой за Сталинград

10 января в 8 часов 5 минут русские начинают артиллерийский обстрел еще более сильный, чем 19 ноября: 55 минут воют «катюши», гремят тяжелые орудия — без

перерыва залп за залпом. Ураганный огонь перенахивает всю землю. Начался последний штурм котла.

Потом орудийный гром смолкает, приближаются выкрашенные в белое танки, за ними — автоматчики в маскировочных халатах. Мы оставляем Мариновку, затем Дмитриевку. Все живое драпает в долину Россошки. Мы окапываемся у Дубинина, а через два дня оказываемся в районе станции Питомник в Толовой балке. Котел постепенно сжимается с запада на восток: 15-го — до Россошки, 18-го — до линии Воропоново — Питомник — хутор Гончара, 22-го — до Верхне-Елшанки — Гумрака. Затем мы сдаем Гумрак. Исчезает последняя возможность самолетами вывозить раненых и получать боеприпасы и продовольствие.

16 января наша дивизия перестает существовать. Я назначаюсь командиром боевой группы, в которую сведены остатки моей дивизии и других разбитых частей. Ее задача — обеспечивать выход из окружения штаба армии, план, который 22 января обсуждался в одной из балок Толовой балки. Ходят слухи, что остатки окруженной 6-й армии должны попытаться прорваться либо в направлении на Калач, либо на Верхне-Царицынский. Обсуждается даже абсурдный план направить обороняющиеся на севере котла части походным порядком вниз по замерзшей Волге. «Все свихнулись...» — так комментирует полковник Больё этот план, который так и не был осуществлен.

Разложение усиливается. Иные офицеры, как, например, начальник оперативного отдела штаба нашей дивизии майор Вилуцки, удирают на самолете. После потери Питомника самолеты приземляются в Гумраке, который русские непрерывно обстреливают. Иные офицеры после расформирования их подразделений тайком бегут в Сталинград. Все больше офицеров хотят в одиночку пробиться к откатывающемуся назад немецкому фронту. Такие есть и в моей боевой группе. Случайно мне становится известно, что казначей моего полка сговаривается с двумя товарищами. Местность до Дона им известна, они знают несколько слов по-русски и поэтому рассчитывают, переодевшись в советскую военную форму, пробиться к своим. Напрасно я уговариваю их оставить этот безумный замысел: ведь это же самоубийство — надеяться русской зимой втроем пробиться за сотни километров через территорию противника к своему фронту. Они еще больше настаивают на

своем давно задуманном плане, просят, чтобы я их не выдал.

Их дальнейшая судьба мне не известна.

Нас охватывает все большая растерянность, я говорю Штрэнгу и Урбану, что надо подготовиться к новому отступлению.

Мой походный чемодан не удастся сохранить. Да он теперь и не нужен: самое необходимое носишь на себе — вторую рубашку и две пары кальсон, последние чистые носки я запихнул в карманы шинели; на нее — толстый шерстяной шарф. Неожиданно я вспоминаю бой в горах между Монте-Томба и Монте-Граппа в Италии в 1917 году. Это произошло бурной ночью. Нам удалось с огромными предосторожностями, чтобы нас не заметил невероятно умелый противник, подобрать труп моего школьного товарища и одноклассника графа Монтгеласа. Воспитанник пажевского корпуса в Мюнхене, учебного заведения для сыновей королевского дома и дворян, лейтенант Монтгелас, не имевший никакого боевого опыта, был прислан к нам за два дня до боя. Итальянцы ночью забросали ручными гранатами подразделение этого неопытного лейтенанта. У Монтгеласа был такой же мягкий, теплый шарф ручной вязки... Когда мы нашли убитого, шарф, пропитанный кровью, уже примерз к его груди и шее.

Это тягостное воспоминание мучает меня. Не постигнет ли и меня такая же судьба? Моя уверенность, мой оптимизм, кажется, начинают сдавать. Чувствую, как меня буквально обволакивает глубокая депрессия. Я нервно роюсь в чемодане. К чему все это? Зачем мне нужен этот ящичек с акварельными красками и сверхсильная лупа? К чему теперь матерчатый мешочек с орденами и знаками отличия? Ведь орденские планки нашиты на кителе. Не нужны теперь и уставы, с которыми я не расставался еще с военного училища.

Я бросаю в огонь письма, а вот на дне чемодана я нащупываю две книги, среди них «Майн кампф» Гитлера, и маленькую икону, которую я купил за два рубля в Богучаре.

Я уже хотел бросить «Майн кампф» в огонь, но что это мне даст? Пусть русские посмотрят, чего только нет в чемодане немецкого полковника.

23 января приходит приказ: «На рассвете оставшиеся части 376-й пехотной дивизии под командованием коман-

дира 767-го гренадерского полка по возможности за один переход отвести в район непосредственно западнее комендатуры Сталинград-Запад. Дальнейшие приказы поступят на месте».

Мы чувствуем облегчение. Кажется, будто теперь наступит порядок. Одно только слово «Сталинград» успокаивает. Там домá, там кров и, конечно, продовольствие. Оружие и боеприпасы — это менее важно.

Когда солдаты проходят мимо нас, мне становится легче. Мы присоединяемся к арьергарду. Теперь отступление похоже не на бегство от противника, а на планомерный, упорядоченный отход с линии фронта. Вероятно, в Сталинграде мы отдохнем и нас сменят. Да, мы направляемся в Сталинград! До сих пор никто из нас не видел этого города.

Темп движения не особенно быстрый. Но с каждым часом фронт отдаляется. Я сижу в коляске мотоцикла, который ведет Штрэнг, и вдруг чувствую, что дошел до точки, нервы больше не выдерживают. Изнуренный и измотанный, я дрожу всем телом. У меня даже нет сил, чтобы попросить помощи. Штрэнг, видимо, заметил это. Он сворачивает в сторону и останавливается. Я чувствую, что он кладет правую руку на мое плечо и сильно встряхивает меня: «Придите в себя, господин полковник. Все хорошо. Теперь нам удастся отдохнуть. Последние дни были слишком тяжелыми, зато теперь мы будем в Сталинграде».

Он включает мотор, и я чувствую, как холодный ветер превращает в ледышку мой высоко повязанный и сделавшийся влажным у подбородка шарф. На перекрестке я пересаживаюсь в вездеход. Я уже переборол себя. Штрэнг и Урбан остаются в мотоцикле. Ко мне садятся Вернебург и мой старый фронтовой товарищ полковник Вебер. И от его полка 100-й егерской дивизии почти ничего не осталось.

Конец в Сталинграде

После долгих блужданий в поисках гарнизонной комендатуры мы останавливаемся у сгоревшего поезда. Железные скелеты вагонов преграждают нам путь. В бледном свете луны, которая то и дело проглядывает сквозь несущиеся по ночному небу тучи, можно определить, что дальше пришлось бы ехать по рельсам, подпрыгивая на шпалах. Быть может, потеряно много времени и нам это уда-

лось бы с трудом, но кто знает, что ждет нас в темноте. А свернуть с рельсов в сторону невозможно.

Поэтому мы оставляем вездеход и идем пешком. Теперь мы попали в бесконечную толпу солдат. Почти все они движутся в одном направлении и, видимо желая подбодрить себя, то и дело окликают друг друга на различнейших диалектах... «Это дорога к гарнизонной комендатуре?» — «Так точно, к комендатуре. Прямо по рельсам, а потом направо». Одни считают так, другие иначе, а третьи вообще не имеют никакого представления и просто несутся в общем потоке.

Медленно пробираемся и проталкиваемся вперед. Солдаты, как репейники, цепляются друг за друга. Время от времени появляются автомашины, реже — лошади. Полная дезорганизация. Стоит тревожный гул, какой иногда можно услышать в большом вокзальном зале ожидания, который не может больше вместить поток людей. Все сильнее слышны возгласы, крики и свист.

И вот мы у очень высокого дома. Бескопечное число этажей с бесчисленными черными нишами окон. Это здание набито людьми до самой крыши. Где вход, сразу определить не удастся. Мы безрезультатно пытаемся это выяснить. Мы — это Штрепг, Урбан и я. Вернебурга и Вебера мы потеряли в толпе.

Кому вообще пришло в голову всех отсылать в комендатуру? Быть может, это связано с тем, что в этой войне комендатура учреждалась в каждом населенном пункте. Не потому ли все, кто стремится в Сталинград, пунктом назначения считают комендатуру?

Входа нет. Не находим мы и узел связи. В вестибюле огромное количество раненых. В углу полыхает огонь, там что-то варят. Они подвергаются опасности, что их столкнут в огонь или что они со всем своим варевом будут просто растоптаны. Я охотно присоединился бы к ним на несколько минут. Мои ноги стали как колоды. Сильно распухшие веки подергиваются. Руки бессильно опущены отчасти из-за тяжести моей пропитавшейся влагой шинели. Меня непрерывно знобит.

Сначала, однако, надо найти комендатуру. Ведь там должны указать нам место, где могли бы найти прибежище остатки полка.

Быть может, нам больше повезет в доме на противоположной стороне. Здесь тоже есть подъезд с колоннами и

арками. Можно предположить, что здание принадлежало какому-то большому учреждению. Мы отваживаемся расстаться на тридцать минут, чтобы найти какую-либо возможность разместить людей.

События разворачиваются быстро. Я нахожусь в центре толпы солдат, от которой пахнет потом, лизоформом*, гниющими коровьими кишками, по которым мы, очевидно, скользим. То и дело наступаешь на ноги или на ранец, спотыкаешься о ящики или перекладыны носилок. Наконец над распахнутой дверью видим крупную надпись: «Гарнизонная комендатура — II этаж».

Но как попасть внутрь? Вход буквально берется приступом. Невозможно передать проклятия и площадную брань, с помощью которых эти измученные люди дают волю своим чувствам! Многие прокладывают себе путь прикладами винтовок, которыми толкают идущих впереди в мягкие места или давят им между лопаток. Никто не протестует. Толкают все и всех. Время от времени слышны возгласы: «Держи язык за зубами! Прикуси язык! Нечего корчить из себя фельдфебеля, ты не на казарменном дворе!»

Я пытаюсь сохранять спокойствие. Когда я вытаскиваю из кармана огарок свечи и хочу зажечь его, это вызывает бурное возмущение. «Сумасшедший! Какая наглость! Никто не имеет права распоряжаться здесь, никто! Все чепуха и бессмыслица! Командиры исчезли! Эти трусливые птицы давно улетели! Какой там порядок — скорее бы это кончилось! Пора наконец послать все это к чертям!»

Дверная филенка с треском вылетает и, как нож, врзается в человеческое месиво.

Стремление уйти от действительности

Я втискиваюсь в комнату, чтобы увидеть собственными глазами, что здесь происходит. Это первое здание в Сталинграде, в которое я вхожу или, лучше сказать, в которое меня вталкивают — как строптивую скотину, которую загоняют на бойню. Под мышкой я зажал мешок с драгоценными сухарями и горсткой кофейных зерен. Протискиваясь через дверь, какой-то солдат уцепился за мои поясные

* *Лизоформ* — дезинфицирующее средство.

ремни, и его приходится просто тащить за собой. Его левая рука — на пропитанной кровью перевязи. Он испуганно таращит глаза, когда при мерцающем свете карманного фонаря вдруг узнает во мне старшего офицера. Сначала он не может выговорить ни слова, но его лицо молит о понимании и помощи.

Так мы в давке пробиваемся вверх по лестнице. На всех ступеньках сидят солдаты. На первой лестничной площадке стонут раненые. Оттуда тянет ледяной воздух. Куда ни сунься, всюду одна и та же картина.

По боковой лестнице нам удастся пробиться выше. Там уборные и кладовые. Огромное здание «освоено» вплоть до последнего угла. Лишь горстка солдат стремится вырваться снова из этой безрадостной атмосферы. Большинство толчется из одного коридора, из одного помещения в другое до тех пор, пока им покажется, что они нашли мало-мальски теплый угол, и они валятся на пол. Все так утомлены, что ни у кого нет сил принять другое решение. В некоторых местах в нос ударяет такая отвратительная вонь от застарелых и гниющих перевязок и гноящихся ран, что едва можно выдержать. Все помещения превращены в огромную уборную. Это омерзительно до невозможности. Помочь никто не может. Возможно только одно: покончить с этим. Меня пробирает дрожь при мысли о том, что сюда могут попасть снаряды.

Сводка командования вермахта по-прежнему утверждает: «Несмотря ни на что, обороняющиеся все еще не сломлены и, являя яркий пример лучших германских солдатских традиций, продолжают удерживать все более сужающееся кольцо вокруг города».

Яркий пример лучших германских солдатских традиций! Как можно так издевательски лгать, когда тысячи гибнут здесь, не будучи в состоянии бороться. Что это, как не стремление хоть как-нибудь уйти от действительности. Ведь большинство тех, кто пробрался сюда, уже отмечены печатью смерти. В массе солдаты похожи на живые скелеты. Это жалкие фигуры, которые желают лишь одного: спать, спать, ничего не знать, ничего не слышать, ничего не видеть! У них высокая температура, они ранены, у них недержание кала, уже несколько недель они страдают от недоедания и теперь полумертвы от голода.

И это называется гарнизонной комендатурой? Здесь должны отдаваться приказы и распределяться помещения,

как это было обещано мне штабом корпуса? Разве в высших штабах не знают, что здесь происходит? Разве у них нет никакого представления о том, что делается в Сталинграде? Разве они так слепы, так тупы или настолько потеряли совесть, что составляют приказы, как будто еще существует работоспособная комендатура?

И все же хорошо, что мы познакомились и с этим домом. Здесь становятся ясными все размеры невероятного преступления. То, что мы продолжали воевать хоть один час после предложения русских о капитуляции, было бессмысленно. После 23 ноября, когда нам запретили прорыв из котла, вся наша борьба стала бесполезной. Генералам, начальникам оперативных отделов надо было бы побывать здесь, чтобы увидеть, как солдаты сходят с ума, как недавно сильные солдаты падают от изнеможения, как люди превращаются в скотов. Здесь надо побывать для того, чтобы с презрением и ненавистью отнестись ко всему тому, что вызвало этот крах, а вовсе не для того, чтобы получить убежище. Где его здесь взять?

Обещание нормальных условий в Сталинграде оказывается беспримерным обманом. Здесь агонизирует целая армия, здесь повторяется то, что было на поле мертвых у Дмитриевки, у Россошки, у Царицы. «Дальнейшие приказы последуют там...» Как будто в этом доме мертвых еще может быть порядок, организованность или, еще лучше, принятые в офицерских клубах церемонии:

— Простите, лейтенант Мейер, нет ли здесь еще местечка, где я мог бы умереть спокойно?

— Пожалуйста, очень рад, прошу вас, если бы коллега немного подвинулся, то это было бы можно. Надеюсь, вас не беспокоит моя зловонная перевязка. Впрочем, кажется, у меня еще есть немного одеколона.

— Вы очень любезны. Только, пожалуйста, говорите немного тише. Слева от вас умирают два унтер-офицера. Они очень тактичны: делают это почти бесшумно.

Пока все это проносится у меня в голове, я наконец добираюсь до выхода. Солдата с кровоточащей рукой я давно потерял. Быть может, он свалился в каком-либо углу. Под бетонными колоннами перед входом стоит Вебер. Он встретил обер-лейтенанта из дивизиона Вернебурга и узнал от него, что остаткам 3-й моторизованной дивизии и 376-й назначен сбор в здании городской тюрьмы. Наконец мы знаем, куда идти.

Место сбора: городская тюрьма

Снова мы идем по шпалам. Как и все, ни с чем не считаясь, мы вынуждены идти против течения. Наступает серый рассвет. Теперь видны разбитые улицы, руины зданий, поднимающиеся среди разрушенных кварталов и предприятий. Итак, это Сталинград — первый город, в который мы попали со времени пребывания 21 июля в разбомбленном Белгороде.

С Волги тянутся клочья тумана, сверху падает снежная крупа, сырость пронизывает до мозга костей, меня знобит. Слышна артиллерийская стрельба, взрывы и пулеметные очереди.

Шум боя доносится из развалин на территории, которую мы пересекли ночью. Повсюду бесцельно слоняются оборванные и измотанные в боях солдаты. Район боев похож на огромный рынок, который только что закрылся и с которого расходится народ. Только вместо пустых ящиков для поросят и корзин здесь повсюду стоят повозки и автомашины.

Мы сворачиваем с улицы вправо, проходим через ворота и оказываемся во дворе огромной тюрьмы. Судя по фасаду, это здание построено в середине прошлого века и с тех пор неоднократно расширялось. Окна, как и в любой другой тюрьме, зарешечены.

Первый, кто меня встречает здесь, — подполковник Вернебург. Его вид пугает меня: запавшие щеки, резко выступили скулы, лицо красное, как от мороза. Вокруг шеи — толстый шерстяной шарф. Шинель не по росту и волочится по земле. Он выглядит одичавшим. Волнуясь, он докладывает хриплым голосом, что его люди размещены вместе с ранеными. О раненых никто не заботится. Здесь же лежат умершие. Выносить их некому. Непрерывно слышатся стоны. Не могли бы по крайней мере помочь наши врачи? Никто не знает, где они.

Мы входим в большое помещение. Впечатление такое, что находишься в плохо обставленной гостинице. Сначала надо сориентироваться, узнать, кто размещается в здании тюрьмы. Рядом в комнате, засунув руки в карманы теплой тужурки, стоит полковник фон Бойё. Он встречает нас несколько эффектированно, но с искренней радостью. Рядом с ним обер-лейтенант медицинской службы д-р Кайзер, знакомый мне по совещанию в Дмитриевке. Он при-

ветлив и готов помочь, но обеспокоен, не знает, что же будет дальше.

В следующем помещении нас встречают недружелюбно. Здесь как раз собираются расставить две походные кровати, помещение забронировано для штаба. Офицер для поручений оперативного отдела задает нам несколько вопросов, из которых предельно ясно, что он хочет поскорее отделаться от нас. Внешне — церемонная вежливость, готовность выполнить свои обязанности и оказать услуги, а за всем этим явно различимый грубый эгоизм: боязнь, что придется поделиться своими запасами с другими.

На улицах бродят тысячи солдат. Они переходят из одной развалины в другую, из одного переполненного подвала в другой, из одного оледеневшего снегового окопа в другой. А здесь пытаются делать вид, будто штаб еще существует.

Я твердо решил больше не посылать в бой ни одного человека. Если командование само не хочет воевать, при этом ловко ссылаясь на ответственность, то никто другой не должен больше умирать ради него. Можно принудить командование и к капитуляции. Тем более что по своей натуре это слишком трусливые люди, чтобы самим взяться за оружие.

Вернебург полностью разделяет мое мнение, мои офицеры тоже. Полковник Вебер присоединяется к нам. Надо тщательно проверять тех, кто вокруг нас. Никому нельзя доверять. Моего ординарца, ефрейтора Шредера, который тоже добрался сюда, мы сажаем в передней, поскольку он настолько толстокож, что терпеливо перенесет все, что угодно, но не уйдет с указанного ему места. Ему поручается также охранять наши одеяла и подогревать хлеб.

Меня снова тянет наружу. Мне не удастся зашнуровать горные сапоги, так как ноги отекли до самых колен, которые сделались мягкими на ощупь и болят. Лицо распухло, как от укуса пчелы. Полученный в походе нефрит все еще не вылечен. Но я не могу сидеть, ничего не делая, и хочу знать, что происходит в этом здании.

По коридору, пол которого покрыт утоптанном снегом и льдом, бредут, поддерживая друг друга, солдаты. Напротив наших помещений — две смежные комнаты; часовой получил строгий приказ никого не пускать. Однако перед командиром он устоять не может. В комнате немного мебели: полки, длинный стол, на перовой доске которого

выцарапаны русские буквы, в углу горит высокая железная печка.

Это — убежище генерала и нескольких старших офицеров. В отличие от тех, кто разделяет наши взгляды по поводу оперативной обстановки, они проявляют крайнюю сдержанность. Отвечать на мои вопросы избегают или отвечают ничего не значащими словами. Как долго может продолжаться все это? Почему не прекращается сопротивление?

Я все более убеждаюсь в том, что в котле царит сплошной обман и самообман.

Мне было до предела отвратительно это притворство, это бегство от действительности. Оно пронизывает всех — от ефрейтора до генерала. Печать двуличия лежит на всех. Впрочем, слова «взаимный обман» не точно выражают суть дела. Грань между ложью и правдой давно уже стерлась. Еще есть немало таких, которые выполняют свои обязанности с полным знанием дела и служебным рвением. Они не могли бы это сделать лучше в мирное время на инспекторской поверке, чтобы блеснуть перед своими начальниками.

Вот входит фельдфебель, щелкает каблуками и докладывает о формировании штурмовой группы. При этом он проявляет чрезмерное рвение, описывая, как он отбирал каждого солдата, лично проверил снаряжение и для выполнения особых заданий выделил двух солдат. Это замечательные парни, неоднократно получавшие поощрения и за храбрость досрочно повышенные в звании. Разведку он проведет по точно разработанному плану. У того, кто слушает это, может сложиться впечатление, что он уже разведал на назначенном участке каждую развалину, каждую щель, каждую разбитую автомашину. Вкратце повторив свою задачу, фельдфебель так же молодцевато поворачивается кругом и уходит.

Появляются связисты. Они уже не раз пытались установить связь с соседями, бормочут что-то вполголоса, чтобы не беспокоить генерала, но в то же время стараются обратить на себя внимание, чтобы все видели, как они стараются.

Затем появляется обер-лейтенант хозяйственной службы и излагает длиннейшую программу распределения продовольствия. Он указывает, что запасы сложены в одном из гаражей, он поставил там часовых. Обер-лейтенант

обещает добавку к пайку. Они организовали несколько бесхозных автомашин, груженных ящиками с консервами: все уже подсчитано и поделено, причем не забыт и неприкосновенный запас. Речь идет даже об увеличении хлебного пайка на несколько десятков граммов. Все это излагается как нечто чрезвычайно важное. Доклад подкрепляется табличкой с точными выкладками. Не нужно обладать фантазией, чтобы представить себе, как солдаты получают свои пайки и даже нажрутсЯ до отвала. Командир энергично хвалит обер-лейтенанта. Подумать только: такая обстановка — и такая хорошая организация. Разве это не замечательный офицер хозяйственной службы?

Но вот появляется врач. Внешне он уже конченный человек: бледный, грязный, небритый, замерзший, однако и он излагает свои планы и предложения, проникнутые такой заботой о раненых, что это просто умиляет.

Все хотят обмануть друг друга

Как ни невероятно это звучит, но штабы, как обычно, еще руководят своими дивизиями, хотя в них осталось всего по горстке солдат. Если послушать, о чем здесь говорят, то можно подумать, что все идет нормально и ничего за последние недели не произошло.

Поступают оперативные сводки, штабы продолжают слать донесения. Никто не признает, что войска разбиты. Уставных предписаний о том, как действовать в случае гибели войск, потери боеспособности целого корпуса, нет и не было. Поэтому и нельзя признать, что такова реальная действительность. Притворный оптимизм на всех лицах потрясает. Все обманывают друг друга.

По улице перед зарешеченными окнами движется неслучайное число солдат. Уже много дней они переходят из одного окопа в другой, роются в брошенных автомашинах. Многие из них прибыли из укрепленных подвалов на окраинах Сталинграда; их выбили оттуда советские штурмовые группы; здесь они ищут, где бы укрыться. То тут, то там появляется офицер. В этой сутолоке он пытается собрать боеспособных солдат. Однако многие из них предпочитают присоединиться к какому-либо подразделению

в качестве отставших. Советские войска наступают и безостановочно продвигаются из одного квартала, сада, заводской территории к другой, захватывая позицию за позицией. Все еще идет ожесточенная и упорная борьба. Но на одной стороне она поддерживается высокой моралью справедливой обороны, защиты от агрессора, который к тому же установил небывалый террористический режим, а на другой стороне — только отчаянием и страхом, иногда еще духом товарищества да изредка фанатичной верой в «железные законы национал-социализма». Многие предельно устали, чтобы самостоятельно покончить с этим и покинуть этот разваливающийся фронт. Такие продолжают сражаться, так как рядом с ними стоят другие, намеревающиеся защищать свою жизнь до последнего патрона, те, кто все еще видит в советском солдате настоящего врага или же боится возмездия.

Вокруг нас — руины и дымящиеся развалины огромного города, а за ними течет Волга. Нас обстреливают со всех сторон. Где появляется танк, там одновременно видна и советская пехота, следующая непосредственно за «Т-34». Отчетливо слышны выстрелы и страшная музыка «катюш», которые через короткие промежутки ведут заградительный огонь. Уже давно известно, что против них нет защиты. Апатия так велика, что это уже не причиняет беспокойства. Важнее вытащить из карманов или сухарных мешков убитых и раненых что-либо съедобное. Если кто-либо находит мясные консервы, он медленно съедает их, а коробку вычищает распухшими пальцами так, как будто именно от этих последних остатков зависит, выживет он или нет. А вот еще одно ужасное зрелище: три или четыре солдата, скорчившись, сидят вокруг дохлой лошади, отрывают куски мяса и едят его сырым.

Таково положение «на фронте» на переднем крае. Генералам оно известно так же хорошо, как и нам. Им «доносят» обо всем этом, и они обдумывают новые оборонительные мероприятия.

Невыносимо слышать, когда приходят с новым предложением, как укрепить оборону. Но почему же я не выступаю открыто против этого, не возмущаюсь, не стучу кулаком по столу? Почему я не высмеиваю генерала, его начальника артиллерии и начальника штаба? Почему я не бросаю им в лицо, что они унизились до того, что стали безвольными и слепыми исполнителями указаний ставки

фюрера? Я не способен на это. Сначала у меня не хватает мужества. Да и просто возмущение не поможет: надо также знать, как выйти из этого положения.

Почему продолжается сопротивление!

Здесь, в здании городской тюрьмы, в этом смятии впечатлений и чувств, мировоззрений и вероисповеданий, слабости и экзальтированности, безнадежных поисков истины идет борьба за то, чтоб целые поколения в Германии понимали под «отечеством», «родиной» и «нацией».

Для одного отечество и присяга, в том числе присяга фюреру, являются непреложным жизненным содержанием. Другой просто был попутчиком, и Гитлер для него никогда и ничего не значил. Третий полагает, что надо воспользоваться развитием военных событий, чтобы устранить Гитлера.

Один из генералов высказал мнение, что Гитлер — это последняя гарантия того, что никакой коммунист никогда не водрузит красный флаг на поместьях его многочисленного дворянского рода.

Закоренелые эсэсовцы считают, что, даже если останешься в живых, отсюда все равно не выберешься. Поэтому надо как можно дороже продать свою жизнь. Эту точку зрения разделяют и некоторые старшие офицеры, которые утверждают, что раз Советы в 1917 году поставили своих офицеров к стенке, то нет оснований ожидать, что с немецкими они поступят иначе.

Обсуждаются самые невероятные способы выхода из котла, создаются крошечные группки, чтобы с пистолетами-автоматами, ручными гранатами и несколькими банками консервов пробраться через линию советского фронта к своим. Некоторые кончают жизнь самоубийством. Есть оригиналы, которые прощупывают возможности, которые быть может, еще оставляет присяга Гитлеру, чтобы, не теряя чести и не совершая проступка, порвать с ним.

Разумеется, есть и такие, которые борются с психозом страха, напоминают о советских листовках и о предложении капитулировать и открыто заявляют, что им не в чем упрекать себя и потому нет оснований страшиться плена.

Наконец, некоторые ссылаются на Освальда Шпен-

глера *: закат Европы неотвратим. В этом свете надо рассматривать и события в котле. Еще годы и даже десятилетия назад надо было куда серьезнее отнестись к мыслям Шпенглера. В конце концов, для него становление личности, упоение властью, которое в наше время переходит все границы, были высшим достижимым выражением динамичного космополитизма. И именно Шпенглер восхвалял сознание превосходства, исключительность пруссачества!

Я вспоминаю речь Шпенглера на 80-летию со дня рождения Ницше в октябре 1924 года, в которой он прославлял его как человека, который определил, что воля к власти сильнее, чем все другое, что она с давних времен определяет ход истории и будет определять его и в будущем.

Сталинград, так заявляют последователи Шпенглера, как раз и является закатом Запада, в котором одиночка спастись не может.

Впрочем, офицеры штаба дивизии говорят, что надо приложить все силы, чтобы предотвратить развал котла, и что это можно сделать, пока в середине февраля или в начале весны подоспеет помощь.

И в то же время очень многие командиры и офицеры штабов покидают котел на самолетах. Гнусную роль играет начальник штаба армии генерал Шмидт, который категорически отвергает всякую мысль о переговорах с русскими и любую попытку начать капитуляцию, угрожая военным трибуналом, тогда как сам он при помощи нескольких своих подчиненных и за спиной Паулюса исподволь готовится к сдаче в плен.

Выживание ослабляет и будоражит

Кто-то в разгар споров бросил слово «выжидать». Оно было подхвачено, и его варьировали на все лады. Выживание как спасительный выход? Но разве это не глумление над любой солдатской традицией — выживание в обстановке, когда необходимо как можно быстрее действовать?

* Шпенглер, Освальд (1880—1936) — реакционный немецкий философ. В его книге «Закат Европы» (1918—1922 гг.) отразился кризис буржуазной идеологии. Он пытается предотвратить его посредством «героического пессимизма» и призывает к агрессивной фашистской активности. Шпенглер своими взглядами подготовил путь для гитлеровско-фашистской идеологии и практики.

Выжидать — это значит полагаться на нечто неподвижное, на ближайшие часы, на товарищей, которые, может быть, установят связь с другой стороной, и, наконец, на Красную Армию, которая, быть может, не так быстро нанесет последний удар.

Выжидание ослабляет и одновременно будоражит. Оно также успокаивает, ибо надежда на какой-нибудь выход, который не является ни капитуляцией, ни пленом, сохраняется до тех пор, пока ничего не происходит. И все же этому выжиданию противится разум, ибо всякое выжидание бессмысленно, безответственно. В нашем положении необходимо действовать.

По сути дела, мы обречены на это проклятое выжидание с 23 ноября, когда нам запретили осуществить прорыв из окружения. Мы приняли этот приговор. Гитлеру нетрудно было отдать приказ. Знает ли он, какие последствия имеет для нас этот приказ? Разве у него хватит храбрости прилететь сюда, в этот ад, и пробыть несколько дней с солдатами, «героическое сопротивление» и «образцовую самоотверженность» которых он так восхваляет? Почти ежедневно в сводках командования вермахта мы находим слова о немецких знаменах, овеванных в Сталинграде «бесмертной славой». Никто из нас не хочет больше и слышать об этом. Неужели Гитлер полагает, что, запретив прорыв, он запретил тем самым и думать?

Это верно, что на некоторых участках немецкие войска оказывают упорное сопротивление. Но во имя чего? Это борьба из отчаяния, борьба за личное спасение. Теперь среди сотни солдат не найдешь и десятка таких, которые хотели бы отдать свою жизнь за Гитлера. Именно поэтому офицеры рыскают повсюду в надежде найти пополнение. Но это бесполезно. Никто не откликнулся на призыв организовать подразделения из офицеров. Ведь это было бы как раз то, чего требует Гитлер: готовность каждого умереть и пожертвовать собой. А разве во вчерашней сводке вермахта не говорилось, что нашими героическими действиями мы сковываем крупные силы противника? Если это так, то разве мы не должны быть готовы умереть ради этого? И если бы здесь, в Сталинграде, войска самолично решали вопрос о капитуляции, то что произошло бы на других участках фронта и что стало бы здесь, в районе Сталинграда, с нашим соседом, чей фланг неожиданно оказался бы открытым?

Значит, нельзя прекратить сопротивление только ради самих себя и ради своей сильно поредевшей части, а надо попытаться добиться капитуляции всей армии. Но командование армии не идет на это и, ссылаясь на приказ Гитлера держаться, угрожает полевым судом... Теперь, ночью, после двухдневного наблюдения за тем, что происходит в здании городской тюрьмы, я еще раз представляю себе, как генералы, встречаясь друг с другом, обсуждают «за» и «против» капитуляции: вопрос о риске здесь и о риске там, у русских. Фон Даниэльс, мой непосредственный начальник, тоже торчит тут... Первые десять дней после расформирования дивизии он как сквозь землю провалился. Теперь он снова здесь. Он не изменился... включая манеру, с которой он вручил мне рыцарский крест: «...награждаетесь за героическую борьбу под Дмитриевкой...» Рыцарский крест... крест, кресты — мне вспоминается при этом мертвый при выезде из Дмитриевки, который с широко растопыренными руками возвышался на усеянном трупами поле. Невольно я вздрагиваю при этих воспоминаниях. Эти генеральские совещания за закрытыми дверями невыносимы... О них ничего не узнаешь. «Конечно, осведомлен только узкий круг пользующихся доверием...» Только ли это осторожность по отношению к тем ненадежным, которые могут проболтаться? А может, это только боязнь, что не хватит небольших запасов чая и алкоголя.

«Вебер,— хочется спросить мне,— как долго, по вашему мнению, будет тянуться все это?»

Он лежит рядом со мной, на походной кровати, в шинели, с полузакрытыми глазами. Свеча, горящая около меня на табурете, бросает на стену большую тень от его лица, расплывшуюся и похожую на силуэт мертвеца. Что за наваждение! Я вижу его мертвым! Не предзнаменование ли это? А его жена, его дети? В шумной толчее мне кажется, что я сижу около мертвеца, для которого все кончено.

В ветхом плетеном кресле сидит, съездившись, полковник Кур. Голова его склонилась на грудь. Нет сомнения, что этот человек изнурен до предела. Предыдущие дни доконали его, тяжело больного печенью. В последние часы он крайне редко говорил что-нибудь лающее и на восточно-прусский манер. Он ждал, ждал и заснул в кресле.

Рядом с ним сидит подполковник Грауэ. В своем по-прежнему хорошо сидящем на нем обмундировании он

резко выделяется среди нас. Так же нерешительно и тихо, как он вошел в помещение, пробираясь сторонкой вдоль стены, он сидит все время в своем углу на груде сырых одеял и терпеливо ждет. Тихо и молча он ждет и ждет.

На печке стоит котелок. Через помещение протянута веревка, на которой висят и сушатся носки, рукавицы и сапоги. Шредер, устроившись на сиденье от легковой машины, пытается разжечь огонь. Для этого он использует морскую траву, которую выдрал из спинки сиденья автомашины. Она тлеет и наполняет помещение едким дымом. Все же Шредеру удастся таким способом снова растопить печь.

Физически совершенно истощен и потерял всякую надежду на спасение майор медицинской службы д-р Мейер — врач по призванию, все что хотите, но не солдат. Он не в состоянии выдержать все то, что ему пришлось пережить в котле, где он видел столько раненых, голодающих, умирающих. Душевно он потрясен, его обычно столь уверенная манера поведения парализована, его единственная надежда — найти совет и утешение у старого товарища по полку, генерала фон Даниэльса. Его счеты с жизнью покончены. Он ничего больше не ждет. Он не верит ни в гуманность русских, ни в самого себя, ни в свое командование. Иногда он раздумывает, не принять ли яд. Он все время ищет объяснения тому, что происходит вокруг него, — гибель целой армии. Нет-нет и его мысли переносятся в Билефельд, и он припоминает старые факты, которые уже много лет назад свидетельствовали о подлости и наглости нацистов. То и дело он бросается рыдая на койку, горюет по своей жене и охвачен тоской по родине. Он все время возвращается к мысли, которая, по видимому, не дает ему покоя: «Такое унижение, и это должно произойти с нашей армией».

Последняя встреча с Паулюсом в Сталинграде

26 января я встречаю Паулюса, когда он вместе с несколькими офицерами покидает двор городской тюрьмы. Он обращается ко мне и дает понять, что он слышал, будто кое-кто подумывает о прекращении сопротивления. Для него важно одно: строгое исполнение категорических при-

казов главного командования сухопутных сил. Несомненно, они отдаются с основанием. Отсюда, из котла, при всем желании нельзя судить, какие последствия окажет ослабление сопротивления на весь ход войны, даже если бы речь шла только об одном дне.

Таким удрученным и духовно переутомленным я никогда Паулюса раньше не видел. Его жесты и мимика выдают сильную нервозность. Я настойчиво прошу его детально ознакомиться с действительным положением дел. Что касается нас, то мы уже несколько недель почти не получаем точных данных ни о противнике, ни о том, что происходит на флангах. Импровизация уже давно стала правилом. Только мучительная безысходность, а у большинства, несомненно, и страх перед русскими еще удерживают солдат и офицеров на фронте. По моему мнению, следовало бы немедленно прекратить боевые действия. Если противник снова перейдет в наступление, нам угрожает катастрофа невиданного размера. Мне известно, что многие подвалы и подземные сооружения забиты сотнями раненых. Что будет с ними? Генералы в свою очередь тоже ждут решения сверху. По-видимому, они ничего не хотят предпринимать через голову командующего.

Паулюс спокойно выслушивает все это. Однако остается при своем мнении. «Полковник Штейдле, мы не можем действовать вопреки широким замыслам главного командования сухопутных сил». И мы расходимся, не подозревая, что это наша последняя беседа до того дня в марте, когда мы встретимся в Суздале уже как военнопленные.

Вскоре после этой встречи я узнаю в здании тюрьмы, что Паулюс, встревоженный капитуляцией генерала фон Дреббера, командира 297-й пехотной дивизии, и расчленением котла на две части: северную и южную — действительно снова предостерег всех генералов от сепаратной капитуляции. Шлёмер и Даниэльс, которых, по общему мнению, можно было привлечь на нашу сторону, снова заколебались. Шмидт еще раз пригрозил военным судом. Теперь, пожалуй, все останется по-старому. Теперь, по-видимому, мы будем выжидать и дальше. Я резко возражаю. Снова впасть в летаргию ожидания — это безумие, это безответственно. Мы должны действовать, в крайнем случае поставить генералов перед свершившимся фактом. С Даниэльсом я сам поговорю еще раз. Важно без промедления установить связь с русскими. Полковник Бойё,

командир также полностью уничтоженного Венского пехотного полка, заявляет о готовности следующей ночью отыскать такое место на передовой, где он может перейти линию фронта, не опасаясь обстрела со своей же стороны.

Затем я направляюсь к остаткам моего полка, которые размещены в двух помещениях первого этажа тюремного блока. Солдаты лежат и стоят в тесноте и с напряженным вниманием слушают мои доводы. Не следует падать духом, так примерно говорю я им, и нельзя позволить увлечь себя и действовать непродуманно. Не может быть и речи о том, чтобы, потеряв надежду, наложить на себя руки. Нам, последним солдатам полка, совершенно необходимо держаться вместе. Мы действительно представляем собой остаток полка. Во всяком случае, мне не известно, чтобы где-либо еще находились отбившиеся от нашего полка солдаты. Он может положиться на меня, я сделаю все, чтобы добиться организованной капитуляции. Я убежден, что русские уважают международное право. Поэтому надо подготовить себя к этому и в надлежащий момент вывесить из окна какое-либо белое полотнище или даже чехол от тюфяка. Главное же — сохранять спокойствие.

Эти же вопросы в присутствии солдат я еще раз обсуждаю с офицерами и врачами. В это время мой полк состоял из 11 офицеров, 2 врачей, 1 ветеринара и 34 солдат.

Несмотря на то что у многих на лицах написано явное недоумение, по помещению проносится вздох облегчения. На некоторое время мы перестаем обращать внимание на характерный свист проносящихся снарядов, на их разрывы и на звон лопающихся стекол. С этого момента каждый старается «организовать» что-нибудь вне здания, найти что-либо в разбитом багажном вагоне или на мертвых.

Ночью я еще раз иду на верхние этажи к связным, санитарам и товарищам из других частей. Тем временем все больше солдат ищут укрытия в здании. Повсюду обсуждается возможность капитуляции. Рано утром наше положение становится критическим. Полковник Бойё успешно осуществил свою миссию: когда стемнеет, к нам должны прийти советские офицеры для переговоров о прекращении огня. Но почти в то же время, когда возвращается Бойё, появляется один майор, который по заданию штаба армии должен не только получить «ориентировку в оперативной обстановке», но, по-видимому, и разведать, не происходит ли здесь что-нибудь такое, что нарушает приказ командо-

вания армии, категорически запрещающий капитулировать. Мы пытаемся втянуть его в разговоры, не имеющие никакого отношения к его заданию, но он уклоняется от этого. Майор Добберкау из Ширке, видимо, замечает, что ему не так-то легко выполнить столь деликатное поручение. Мое заявление о серьезности положения он встречает без возражений. Однако ни с чем он, по-видимому, тоже не хочет возвращаться в штаб армии. Поэтому он избегает новых вопросов и еще несколько часов тихо и спокойно сидит в своем углу.

Внутреннее беспокойство заставляет меня на следующее утро посетить командующего Паулюса в сталинградском универмаге, где находится командный пункт армии. Так как вездеход больше не пригоден для использования, я вместе с водителем отправляюсь пешком. Под сильным обстрелом приходится, используя как прикрытие стены домов, перебегать от одной развалины к другой, укрываясь в подвалах. Наконец мы оказываемся перед зданием, высокий и разбитый фасад которого является как бы символом нашей гибели. У широкого входа собралось множество солдат, которые ищут укрытия. Это напоминает столпотворение у ворот шахты после катастрофы под землей.

И здесь помещается штаб армии? Ведь именно во время похода в Советский Союз стало правилом размещать наши штабы, пусть даже мелкие — батальонные и полковые, — если только возможно, в стороне, подальше от заметных ориентиров! Впрочем, здесь мы находимся в центре большого города, который растянулся вдоль Волги на 40 километров. Вокруг нас — сплошные руины и развалины, как в 1917—1918 годах на Сомме, у Амьена и в промышленных районах Северной Франции и Бельгии. Впрочем, руины можно было увидеть там даже через 22 года после первой мировой войны.

Как много времени пройдет, пока здесь, на Волге, расцветет новая жизнь?

Ссора с генералом Шмидтом

Мы обращаемся к солдатам с вопросами, но либо не получаем никаких ответов, либо получаем ничего не значащие. Только в дальнем конце коридора, кажется, немного больше порядка. Там я попадаю в помещение начальника

штаба 6-й армии генерала Шмидта. Я прошу его доложить о моем приходе Паулюсу и напоминаю, что командующий неоднократно бывал в районе обороны моего полка и что мы знаем друг друга со времени первой мировой войны. Мне необходимо еще раз поговорить с ним лично.

Генерал Шмидт выслушивает меня, но категорически отказывается доложить Паулюсу. Это, мол, не принято, чтобы войсковые командиры попросту допускались к командующему. Но я могу доложить свои просьбы и ему, Шмидту.

Я продолжаю настаивать на своей просьбе, но опять получаю отказ. Генерал Шмидт, раскрывая которому мои намерения у меня нет никакого желания, требует, чтобы я немедленно возвратился к своим солдатам.

Внутренне весь дрожа, но стараясь оставаться спокойным, я возражаю ему: «Господин генерал, мне кажется, что вы либо недостаточно ясно представляете, как изменилась обстановка, либо не желаете знать этого! Разве вы не видите, что даже здесь, прямо у вашей двери, происходит с нашими солдатами? Вы не учитываете, что, может, пройдет совсем немного времени — и здесь мне кажется, что это только вопрос времени, — и вам придется считаться с тем, что скоро и здесь, да, именно здесь, на дворе и в этих коридорах подвала, немецкие солдаты начнут стрелять в немецких солдат, а может быть, и офицеры — в офицеров. Быть может, будут пущены в ход даже ручные гранаты. Такое может случиться весьма неожиданно».

Генерал, ошеломленный сказанным мною, сначала даже не пытается прервать меня.

«Разве вы, господин генерал, — продолжаю я, — хотите отвечать за то, что битва за Сталинград закончится таким образом? Вы в самом деле хотите отвечать за то, что немцы здесь будут стрелять в немцев? Надо скорее кончать! Надо капитулировать до таких событий! Нельзя допустить этого!»

Шмидт меняется в лице. Оно становится багрово-красным. В гневе он начинает грубо кричать на меня, затем сдерживается, меняет тон, но не менее твердо и определенно, стуча кулаком по столу и медленно, подчеркивая каждое слово, говорит мне: «Господин полковник Штейдле, с командующим говорить нельзя. Я требую еще раз, чтобы вы сейчас же возвратились в свою часть! Приказ вам известен: продолжать борьбу! Да! Да! Продолжать борьбу!

Вы знаете, что у нас есть и другие средства заставить выполнять приказ! Не делайте глупостей!» И он указал мне на дверь.

Праздник по случаю присвоения звания

Здесь, следовательно, ничего добиться не удалось. Я покидаю помещение, не пытаюсь пробраться к Паулюсу иным способом.

Возвращаясь назад по длинному коридору, через несколько дверей слышу громкие голоса. Мне интересно, что здесь происходит. Распахиваю дверь, не постучавшись и не прочитав надписи над ней. Я оказываюсь в освещенном множеством свечей большом помещении, среди десятка офицеров. Они навеселе, одни сидят за двумя столами, другие стоят, облокотившись о комод. Перед ними стаканы, бутылки вина, кофейники, тарелки с хлебом, печеньем и кусочками шоколада. Один из них как раз собирается брэнчать на пианино, освещенном несколькими свечами.

Я настолько озадачен и удивлен, что мне трудно сразу переключиться. Однако нужно как можно быстрее выяснить обстановку. Я задаю вопрос нарочито громко, и это заставляет некоторых насторожиться: «Ага, наверное, здесь кого-то чествуют? Разрешите представиться: полковник Штейдле».

«Прошу, чествуют генерала Роске». Генерал Роске? Ах, вот оно что: наверное, только что получил генеральское звание.

«Как идут у всех вас дела? Неужели всем вам разрешили покинуть фронт?» — спрашиваю я.

«О да, конечно: наши участки находятся непосредственно у Волги, понимаете ли, широкое течение реки служит надежной преградой. Обычно все начинается ночью или в тумане. Но до сих пор было сравнительно спокойно. Пока держать оборону удастся, беспокойство доставляют главным образом толпы наших солдат, хлынувших с запада в город и блуждающих в руинах по несколько дней. Такая недисциплинированность недопустима. Скоро некуда будет девать раненых. К тому же все требуют продовольствия».

«Кстати, как у вас обстоят дела с продовольствием?»

«Нам очень повезло. На Волге вмерзла в лед баржа с мукой и зерном. Кроме того, нас предусмотрительно снабдили всем необходимым раньше. У нас даже есть хлеб. Но давайте поговорим о чем-нибудь другом,— продолжает генерал Роске.— Я думаю, следовало бы пригласить к нам командующего. Это было бы для него полезно. Он теперь часто расстраивается. Надо бы его подбодрить хоть немного».

Один из молодых офицеров вскакивает и хочет сразу пойти, чтобы передать приглашение. Мне предлагают кофе, коньяк, вино и приглашают остаться. Вопрос о том, как у нас, на западном участке кольца окружения, оценивают оперативную обстановку, видимо, никого вообще не интересует. Меня это раздражает.

«Не знаю,— обращаюсь я к Роске,— испытали ли вы на собственном опыте здесь, как мы за вокзалом, у городской тюрьмы, выше по реке Царице, как изменилась боевая обстановка? Ясно ли вам, что мы сидим на бочке с порохом? Как вы полагаете, что думают солдаты здесь, в коридоре за вашей дверью?»

Ответа я не получаю. Все отмалчиваются, чокаются друг с другом, поют, кто-то бренчит на пианино марш, а в перерывах импровизирует такты вальса. Мои вопросы, очевидно, считают здесь совершенно неуместными. Я ухожу.

Мой водитель, сопровождавший меня, стоял в коридоре, как на посту, и, конечно, понимал, что здесь развлекаются. Но он не проронил ни слова. Я не скрываю от него, что осуждаю эту фривольную беспечность, с помощью которой пытаются игнорировать исключительно критическую ситуацию. Кроме того, долго разговаривать нельзя. Чтобы целым и невредимым быстро добраться до здания тюрьмы, придется приложить немало усилий. Ясно, однако, от штаба нашей армии ждать больше нечего, совсем нечего.

Теперь дело за тем, чтобы окончательно склонить на свою сторону генерала фон Даниэльса.

**«Господин генерал,
вам надо действовать!»**

Напрасно я ломал себе голову над тем, как бы скорее наедине поговорить с генералом фон Даниэльсом. «Надо посмотреть, Штейдле, что делается на улице»,— говорит

он. Мы выходим из здания и бродим от одного квартала к другому.

Сразу же за тюрьмой валяются разбитые автомашины, в которых копаются десятки солдат, не обращающих на нас никакого внимания. Сейчас им совершенно безразлично, что мимо проходит генерал или полковник. Поиски барахла продолжаются. Разве только тебя встречают недоброжелательным взглядом, который означает: если кто-либо еще заинтересуется этим же объектом, то против него применят силу.

«Штейдле, — начинает генерал, — как вы думаете: увижу ли я жену и детей? Русские, конечно, прикончат любого генерала. Солдат — тех они оставят в живых, это ясно. А вот генералов? Правда, у русских тоже есть генералы. И все же во время русской революции генералы были в основном ликвидированы... следует ли нам капитулировать?.. Один из фон Даниэльсов — и вдруг нарушает присягу! Штейдле, вы можете себе это представить? Правда, давно пора порвать с этим негодяем, этим ефрейтором. От вас мне скрывать нечего. Я всегда говорил, что Гитлер — негодяй, он всех нас посадил на мель. Больше я, Штейдле, в этом не участвую! Какое мне дело до штаба армии и других генералов! Начальник штаба сошел с ума. Он врет и врет, обманывает командующего и держит его таким образом в своих руках. Что нам теперь до Гитлера! Посмотрите на раненых и на эти жалкие фигуры. Вот что надо было бы показать Гитлеру. Остается одно: кончать, скорее кончать!

Или вы думаете, что надо продолжать ждать? И капитулировать всем вместе? В конце концов и наверху образумятся. Как вы думаете?»

Вот как расшумелся мой командир дивизии. Видимо, он преодолел боязнь, охватившую его после того, как Паулюс неожиданно посетил нас. Очевидно, он хочет узнать настроение каждого в отдельности и проверить, не подведет ли его кто-нибудь в последнюю минуту. Вероятно, поэтому он и вышел со мной из здания тюрьмы, где царит гнетущая атмосфера, где один доводит другого до безумия, где сталкиваются мнения и где никто ничего не в состоянии понять.

Мы находимся у разбитой стены и пытаемся обнаружить пулеметные гнезда, которые будто бы заново соорудил здесь полковник Мюллер. Мы хотим обнаружить офи-

церов и солдат, которых полковник Мюллер только еще в полдень с помощью угроз и хватаясь за пистолет согнал сюда. Мы ищем стык с боевой группой дивизии генерала Дебуа. Мы ищем, ищем и ничего не находим. На позициях нет ни одного человека, у пулеметов и минометов — ни одного офицера.

Через проломы в стене, если смотреть по направлению к главной улице, виден советский танк «Т-34». Это дает мне новую возможность воздействовать на генерала, заставить его придерживаться своих собственных планов, которые он, смотря по настроению вокруг него, то подтверждает, то отбрасывает.

Генерал тычет палкой в запор канцелярского ящика, который лежит перед нами. Не потому, что надеется найти там что-нибудь полезное, а чтобы дать выход своей нервозности. Мы, нагибаясь, пробираемся вдоль разрушенной стены. Перед нами два солдата, которые, по-видимому, не обращают внимания ни на стрельбу вокруг нас, ни на нас самих. Они тоже выжидают... Воеет пронизывающий ветер.

Я обращаюсь к генералу: «Впереди нас солдат больше нет. И я не могу выделить для усиления ни одного солдата. От всего моего полка осталось 34 солдата, 3 врача и 11 офицеров. Все они изнурены. Посмотрите сами, в каком ужасном состоянии они лежат наверху, там, в городской тюрьме. Чего мы ждем? Командование армии и впредь в принципе будет запрещать самовольную капитуляцию, поэтому надо поставить его перед свершившимся фактом. У нас больше нет солдат. Я больше не способен воевать. Или, быть может, у вас есть солдаты? А русские? Они-то с определенным умыслом не наступают сейчас здесь. Но как долго такое положение будет сохраняться? Для нас было бы важно прекратить сопротивление еще до того, как они возобновят наступление. Вы можете поручиться за то, что такое состояние продлится еще долго? Ведь вы уже давно распознали все это свинство. Господин генерал, вам надо действовать, вы должны прекратить сопротивление даже в одиночку.

Разве есть смысл советоваться с другими командирами дивизий? Какая бестолковщина царит в здании городской тюрьмы. Чего только там ни говорят, какие решения ни принимают, снова отменяют и снова принимают».

Генерал фон Даниэльс все больше задумывается. Сгорбившись, стоит он рядом со мной. Ворошит палкой груды рваного белья. Одним ударом он далеко отшвыривает валявшуюся там пилотку и продолжает ворошить белье, нетерпеливо переступая при этом с ноги на ногу.

«Что же мне делать! — восклицает он. — Подумайте только, что станет с моим именем, с моей семьей. Все станет известно дома, все. Правда, присяга больше никого не связывает. Никого, так как Гитлер сам давно нарушил ее. Он обещал помочь нам и не сдержал обещания».

Генерал поворачивается ко мне своим морщинистым лицом с распухшими от мороза губами. Гневно и с презрением он восклицает: «Ах этот ефрейтор, что же можно было еще ждать от него!»

Между тем снова начинает падать снежная крупа. Все сильнее метет ветер. Мы стоим на углу, откуда видна узкая долина реки Царицы. Неожиданно начинается сильнейший минометный обстрел высоты, на которой находится городская тюрьма. Затем огонь переносится в нашу сторону, туда, где поток отбившихся от своих частей солдат волнами катится по главной улице. Нам приходится спасаться в укрытии.

В разрушенном цехе мы пригибаемся за лопнувшими бочками из-под смолы. Из снежного сугроба торчат тряпки. Я нагибаюсь, разгребаю снег, и у меня в руках оказывается нижняя рубашка. Новая рубашка! Прилично ли просто так взять эту рубашку? Я стесняюсь фон Даниэльса, но говорю ему: «Это всегда может пригодиться — впрочем, господин генерал, никто не видит нас, и было бы глупо дать пропасть такой рубашке». И рубашка исчезает в левом кармане моей шинели. Генерал Даниэльс считает, что я поступил правильно. Прилично или неприлично — это сейчас никого не интересует.

Из снежного сугроба мы вытаскиваем ремень от ранца. Генерал говорит, что ремень может пригодиться, чтобы перетянуть им свои манатки, когда будем собираться в плен.

Не ослышался ли я? Собираться в плен? Значит, Даниэльс всерьез думает о том, чтобы прекратить сопротивление. Значит, полковник Бойё рисковал не напрасно.

Мы капитулируем

С наступлением сумерек мы возвращаемся в здание городской тюрьмы. Прямо у входа нас останавливает фельдфебель и взволнованно докладывает: «Русские уже здесь!» Итак, парламентарии явились к назначенному сроку.

Даниэльс, казалось, на какой-то момент заколебался вновь. «Господин генерал, мы обязаны вести переговоры!» С этими словами я распахиваю дверь в одно из помещений вестибюля и быстро осматриваюсь. За столом сидят несколько советских офицеров и один солдат. Из-за скудного освещения большего разглядеть не удастся. «Генерал фон Даниэльс, — представляю я, — командир 376-й пехотной дивизии. Он предлагает начать переговоры».

Переводчик переводит мои слова, а также ответ, что все понятно. Представители советского командования прибыли сюда в соответствии с просьбой немецких офицеров, которые хотят прекратить сопротивление.

Фон Даниэльс садится и предлагает представить русским присутствующих немецких офицеров. На это следует отрывистое «пожалуйста», которое переводчик дополняет тем, что подполковник согласен. Генерал Даниэльс поясняет коротко, что здесь находятся старшие офицеры и командиры боевых групп, которые уже осведомлены об установленных накануне контактах. Он просит объявить условия капитуляции.

Советский офицер заявляет, что никаких особых условий капитуляции нет; положение немецких войск настолько катастрофично, что им остается только один выход: безоговорочно прекратить сопротивление. Главное условие: немецкие войска на всем этом участке фронта воздерживаются от каких бы то ни было боевых действий. Приказ об этом должен быть объявлен немедленно. С советской стороны дано указание в течение часа ничего не предпринимать на этом участке фронта.

Генерал фон Даниэльс отвечает, что он согласен, что продолжать боевые действия при создавшихся обстоятельствах безнадежно. Поэтому он не будет выставлять никаких условий. Но обещает ли русская сторона придерживаться положений Женевской конвенции о военнопленных? На это следует утвердительный ответ. Тогда генерал спрашивает, можем ли мы взять с собой раненых и в каком порядке должны будут выходить офицеры и солдаты.

Ведь для выхода с позиций нужно придерживаться каких-то правил.

Советский подполковник отвечает, что нельзя терять времени; поэтому многого организовать не удастся. Если немцы готовы прекратить сопротивление, то отход с этого участка фронта надо осуществить быстро. Солдатам надлежит сложить все оружие в одном определенном месте. Они могут взять с собой лишь то, что совершенно необходимо в плену для них лично. Вопрос о том, что могут взять с собой офицеры, сначала обсуждается советскими офицерами и уточняется ими. Затем переводчик коротко поясняет, что для них можно принять тот же порядок, что и для солдат: ведь генералы тоже солдаты.

В заключение подполковник объявляет, что немцы должны закончить все приготовления за одну ночь. «С нами прибыла команда связистов. Мы хотели бы сообщить нашему командованию о результатах наших переговоров! Если немецкие командиры в течение ближайших часов не сумеют правильно организовать капитуляцию и если где-либо будет оказано сопротивление, то советские вооруженные силы начнут предусмотренное генеральное наступление. Нет надобности объяснять, что это будет означать для фашистских войск».

Генерал фон Даниэльс отвечает на это: «Мы сделаем все, чтобы как можно больше подразделений и частей присоединилось к капитулирующим. Это мое твердое обещание. Вы можете положиться на честное слово немецкого генерала».

До сих пор переговоры велись только между генералом фон Даниэльсом и руководителем советской группы. Теперь, казалось, настало время перейти к обсуждению отдельных вопросов, таких, например, как медицинское обслуживание наших тяжелораненых, разбросанных по разным местам и предоставленных самим себе. На мой вопрос, могут ли наши врачи остаться при наших раненых, получаю утвердительный ответ. Снабжение раненых будет организовано позднее советским персоналом на основании Положения о военнопленных в Советском Союзе; тогда же будет решено, нужно ли оставлять в дальнейшем немецкий медицинский персонал.

Второй вопрос касается питания немецких солдат. Советский подполковник некоторое время молчит, а затем говорит спокойно, но язвительно: «При капитуляции вопрос

о снабжении побежденных войск продовольствием в принципе не решается так, чтобы им немедленно предоставили полные еды полевые кухни. Однако все, что возможно, будет сделано. Во всяком случае, это будет больше, чем немецкие офицеры здесь, в котле, делали для советских военнопленных. Есть ли еще вопросы?» Он хочет теперь получить от своего командования санкцию на свои переговоры по телефонной линии, протянутой его солдатами.

Советское командование подтверждает, что этой ночью здесь боевых действий не будет, если только немцы не нарушат условия капитуляции, которую надо начать осуществлять немедленно.

На эти переговоры ушло около часу. Примерно в 21 час фон Даниэльс вместе с генералом Шлёмером, полковником Бойё и мной возвращаются в ту часть здания, где обосновались остатки наскоро собранных штабов. Коротко рассказав офицерам о случившемся и ответив на их вопросы, я спешу к своим солдатам и сообщаю им, что должно произойти ночью и ближайшим утром. Немногих еще способных передвигаться солдат и младших командиров, которые знают общее расположение наших слабо обороняемых позиций, я посылаю на передовую, чтобы соответственно проинформировать тех, кто еще находится на переднем крае.

Однако генералы, которые фактически уже никем не командуют, снова затевают бесконечные дискуссии о том, что их ждет в плену. Одновременно они начинают отбирать вещи, которые можно будет взять с собой в плен. При этом понятие «совершенно необходимое» оказывается весьма растяжимым. Один относит сюда французский коньяк, специальный шоколад для летчиков, несессер; другой хочет отправиться в плен с пятью чемоданами и многочисленным мелким ручным багажом, и притом делает вид, что это само собой разумеется. Поражает хладнокровие советской стороны, которая сначала соглашается и с таким необычным поведением.

Некоторым совершенно необходимо разобрать вещи еще и потому, что у них есть не только топографические карты, но и приказы, которые — раз они уже были изданы — лучше не давать в руки советским офицерам. Сюда же относятся и письма, написанные в надежде, что из котла удастся отправить их самолетом, в которых врагу даются самые нелестные характеристики.

Вопрос о том, действительно ли можно считать, что с безвыходным положением покончено, что солдатам больше не грозит неотвратимая медленная гибель, все еще остается неясным. Поэтому для многих эта ночь тянется бесконечно долго. И когда с какого-либо направления слышатся гром орудий, взрывы или треск пулеметов, то кажется, что снова началась чертовщина, что почти невыносимая тишина на нашем участке фронта — это только обман и что над нами вот-вот разверзнется еще более ужасный ад.

Прекращайте борьбу!

Как можно больше солдат должны узнать, что произойдет через несколько часов, когда настанет утро; как можно больше солдат должны капитулировать, сложить оружие, сохранить жизнь. Мои офицеры, врачи, ветеринары тоже пошли к войскам, а также два радиста из штаба полка, которые не участвовали в боях на открытой местности и в снеговых окопах и у которых поэтому еще осталось достаточно физических и моральных сил, чтобы своими действиями противостоять общему упадку, общей апатии.

И это делать было нелегко. Из одного снежного окопа в другой снежный окоп, из одного подвала в другой, из руины в руину — мертвые, раненые, обмороженные, полумертвые от голода, которые, сразу даже не понимая, с безразличием встречают сообщение о капитуляции. Они снова апатично скрываются там, где их подстерегает верная смерть. Главное — надо попытаться спасти не только одиночек, а спасти всех тех, кто доверяет посланным, кто складывает оружие, выползает из укрытий и идет к сборному пункту, при этом шатаясь, падая, снова поднимаясь.

Что будет с ранеными, с совершенно обессилевшими и сошедшими с ума? Нести их невозможно, ни у кого для этого нет сил. Итак... лучше не думать об этом, дальше, дальше к следующему окопу: «Перемирие до рассвета... Капитуляция... Женевская конвенция... Плен, сборный пункт: городская тюрьма».

Нам удалось осуществить капитуляцию. Между четырьмя и пятью часами 28 января мы увидели, что решение о прекращении сопротивления распространилось в районы

на север и на юг до реки Царицы и даже захватило часть центра города.

Оставшиеся с нами советские командиры, примерно семь-восемь человек, в том числе майор и переводчик, непрерывно сообщают в свой штаб, что мы выполнили все условия капитуляции. Около пяти часов к нам снова прибывает советский подполковник со своим сопровождением. Теперь можно начинать движение.

Еще темно, едва заметны признаки наступающего утра. Мы собираемся неподалеку от входа в городскую тюрьму перед фасадом одного из соседних домов, к которому ведет высокая лестница. Тут будет официально объявлено о нашей капитуляции. Собралось много солдат: оборванных, с впалыми глазами, обессиленных, трясущихся от жара, раненых, которых, несмотря ни на что, притащили сюда.

Потом выступает генерал фон Даниэльс. Серьезно и прочувствованным голосом он говорит всего несколько фраз: «Удалось договориться с русскими офицерами о прекращении боевых действий, причем меня заверили, что с нами будут обращаться в соответствии с международным правом. Нам предстоит тяжелый, очень тяжелый путь. Но надо надеяться, что этот путь многим спасет жизнь. И это правильный путь; ведь гибнуть дальше, как этого требуют от нас, бессмысленно. Надо, чтобы офицеры и солдаты и в плену вели себя с честью». Он выражает надежду, что мы когда-нибудь снова увидимся в нашем немецком отечестве.

В этой прощальной речи, которая на всех нас произвела большое впечатление, не было ни звука о фюрере. Но большинство и так знает, что это он обрек 6-ю армию на полное уничтожение, что это он предал целую армию!

Походная колонна трогается. Рядом с нами стоят советские офицеры, которые своими мужественными действиями помогли нам сделать этот шаг. Затем и мы, офицеры, становимся в ряды бесконечной колонны. Спотыкаясь и шатаясь, поддерживая друг друга, а иногда и падая, солдаты движутся мимо руин, зигзагами через сады, на край оврага реки Царицы и оттуда круто спускаются в ее долину. Сквозь морозную утреннюю дымку видны заснеженные склоны и дно оврага, где колонна пленных петляет, пока совсем не исчезает между развалинами небольших домов и фабрик.

Так проходит около двух часов. Все плетутся вперед с трудом. В это утро каждому приходится тащить не только груз своего изнуренного, обессиленного тела, но еще больший груз непонятого и гнетущего прошлого, груз тяжелых раздумий. Все двигаются пошатываясь, с глухим топотом и приглушенным шумом, прерываемым кашлем, глубокими вздохами и стонами. Резко и хрипло звучат отчаянные просьбы, передаваемые сзади в голову колонны, замедлить движение. Но мольбы не помогают, потому что темп движения определяется теми, кто, будучи еще относительно здоровым и способным вынести марш, поставлен во главе колонны. Мера сама по себе понятная, так как надо как можно быстрее выбраться из безотрадной, покрытой снегом пустыни в районе Сталинграда. Время от времени, чтобы все подтянулись, устраиваются короткие привалы. Но перед многими перерыв движения ставит роковой вопрос, не окажется ли данный привал для них последним привалом в их жизни.

В короткие минуты отдыха никто не нарушает молчания. Мысли у всех еще слишком притуплены, каждому приходится концентрировать все свои усилия на том, чтобы выдержать марш; и, кроме того, все еще мучают сомнения и недоверие, которые уже и так немало осложнили и замедлили капитуляцию.

Меня знобит. В ногах зудит и покалывает. Пальцы на ногах потеряли чувствительность. Снова я чувствую ноющую боль в коленях и суставах. Как и несколько дней назад, мои уши распухли, горят, стали шероховатыми на ощупь. Возобновился и зуд на веках.

Мысли путаются. Было ли то, что произошло в последние часы, действительностью или это игра моего воображения? В голове трещит, так что нет не только желания, но и возможности думать. Я чувствую, как у меня невольно текут по щекам слезы. С трудом сдерживаюсь, чтобы не зарыдать как ребенок.

Фельдмаршал Манштейн и битва в «котле»

Повествуя о «потерянных победах» и оплакивая их, фельдмаршал фон Манштейн в своих военных мемуарах посвящает большую главу сталинградской трагедии. Вышедшие в 1955 году воспоминания фельдмаршала сразу же привлекли к себе всеобщее внимание: достоверность изложения и глубина мысли выгодно отличали этот труд — бесспорно, один из важных источников для историка второй мировой войны. Сталинградская историография, уже в то время весьма многообразная и обширная, впервые обогатилась свидетельством крупного военного авторитета полководца, чье имя было связано и с битвой на Волге, в частности с отчаянной попыткой пробиться сквозь заснеженные донские степи к окруженной под Сталинградом 6-й армии. Книга содержала, следовательно, первый в послевоенной литературе стратегический разбор сражения на Волге и его неразрывной связи с другими военными операциями того периода. Сам автор следующим образом обрисовал цели и характер своего анализа: «Я вновь попы-

Глава из книги Иоахима Видера «Катастрофа на Волге». М., изд-во «Прогресс», 1965.

таюсь, как этого и требовало тогда мое положение, оценить трагедию 6-й армии с точки зрения ответственного военачальника, для которого Сталинград был в конечном счете лишь одним, хотя, несомненно, и самым тяжелым, роковым этапом кампании. Поэтому пусть поймет (и простит) меня читатель — я не пытаюсь воскресить на страницах этой книги картины отгремевших сражений. Я поведу его за собой не в заснеженную приволжскую пустыню, не к степным оврагам и развалинам сталинградских кварталов, переходившим из рук в руки в кровавой сумятице бесчисленных боев, а в высшие штабы, откуда осуществлялось управление войсками. Огонь битвы не опалит там его воображения, он не почувствует ледяного дыхания зимних степей, но зато с головой окунется в атмосферу, в которой обсуждались и принимались ответственные решения» *.

Разумеется, все, что может сказать по этому поводу столь видный военный, как Манштейн, само по себе заслуживает пристального внимания, тем более что этот талантливый полководец принял командование вновь созданной группой армии «Дон» уже после того, как оперативные просчеты ставки привели к окружению 6-й армии между Доном и Волгой и поставили под удар все южное крыло немецкого Восточного фронта. В тот момент фельдмаршал был настолько уверен в себе, что обязался восстановить прежнее положение в междуречье Дона и Волги — иными словами, взялся за дело, практически безнадежное, ибо для решения такой задачи он не располагал ни достаточными силами, ни стратегическими резервами. В результате Манштейн как командующий группой армии «Дон», которой была подчинена злополучная 6-я армия, несет свою долю ответственности за катастрофу, постигшую нас вскоре после этого под Сталинградом.

В своих воспоминаниях фельдмаршал заверяет, что он старался бесстрастно и непредвзято рассказать о том, как разворачивалась эта трагедия. Однако в предисловии он делает одну весьма примечательную оговорку: «Хотя я стремился по мере сил объективно оценивать людей, их действия и решения, точка зрения непосредственного участника событий всегда субъективна». Эта фраза косвенным образом подтверждает то, что по опыту хорошо известно любому историку: мемуары в конечном счете

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 321.

пишут для самооправдания. Такова уж натура человеческая! Удивительно ли, что Манштейн, во многом лично причастный к сталинградской трагедии, оказался не в состоянии до конца разобраться в роковом хитросплетении превратностей судьбы и наших непростительных ошибок и признать, что повиновение приказу привело нас к политической слепоте, а вера в непогрешимость собственной стратегии — к растерянности и малодушию в решающий час. Нам предстоит теперь разобраться в том, в какой степени выводы фельдмаршала, как объективные, так и субъективные, помогают осознать все значение катастрофы на Волге, в частности уяснить себе всю сложность возникавших тогда проблем и извлечь из этого необходимые уроки. Ряд серьезных работ о Сталинграде, вышедших уже после 1955 года, и прежде всего опубликованные за это время сборники документов, а также свидетельства и воспоминания генералов, стоявших во главе армии, принесенной в жертву на берегах Волги, побуждают нас подвергнуть критическому рассмотрению трактовку событий, которую дает Манштейн. Вначале, однако, нужно предоставить слово самому фельдмаршалу и подробнее ознакомиться с его точкой зрения, которую он с подкупающей убедительностью и логикой отстаивает в своих «Потерянных победах» на 80 страницах посвященной Сталинграду главы.

Основные просчеты Гитлера и беспрекословное повиновение генерала Паулюса

Воздав в первых строках хвалу храбрости немецких солдат в битве на Волге, Манштейн в начале главы дает глубокий анализ и оценку операций, в ходе которых немецкое летнее наступление 1942 года привело в конечном счете к ноябрьской катастрофе — к полному окружению 6-й армии под Сталинградом. Фельдмаршал характеризует также обстановку, сложившуюся к тому моменту, когда он принял командование группой армии «Дон».

Основной причиной оперативных просчетов Гитлера и главного командования сухопутных сил является, по мнению Манштейна, то обстоятельство, что летнее наступление 1942 года в южной России преследовало главным образом военно-экономические цели. Поэтому были избраны два совершенно различных направления главных ударов —

Сталинградское и Кавказское, что и привело к распылению немецких сил. Между обеими группами армий Южного фронта образовалась зияющая брешь в калмыцких степях, протяженность которой достигла под конец 300 километров. Весь этот участок прикрывала одна-единственная моторизованная дивизия! Попытка удержать в течение сколько-нибудь длительного времени столь растянутый фронт не могла не привести к роковым последствиям, тем более что немецкое командование не располагало ни достаточными силами, ни оперативными резервами. Две немецкие лучшие ударные армии втянулись в кровопролитные затяжные бои на подступах к Сталинграду и в самом городе, завязли там и так и остались на занятых крайне ненадежных позициях с глубокими, а частично попросту открытыми флангами, единственным обеспечением которых были румынские, итальянские и венгерские части, плохо оснащенные и обладавшие лишь весьма ограниченной боеспособностью. Главное командование, как справедливо считает Манштейн, должно было бы своевременно сделать необходимые выводы из того, что наше летнее наступление не привело к решающему успеху. Было непростительной роковой ошибкой оставлять лучшие ударные соединения в сталинградской «мышеловке», без надежных коммуникаций, довольствуясь лишь видимостью флангового прикрытия — слабыми заслонами, прорвать которые не стоило большого труда. Если до начала русской зимы необходимо было отвести немецкие войска с наиболее угрожаемых участков фронта, выдававшегося уступом далеко на восток. Это возвращение к маневренной войне по всему фронту, от Кавказского хребта до среднего течения Дона, было, разумеется, связано с известным риском, но только таким путем мы могли сохранить за собой инициативу*.

Поскольку ничего подобного не произошло, противник не замедлил воспользоваться представившимся ему шансом и провести широкую наступательную операцию по окружению немецких войск. Мы как бы сами подсказали

* Ретроспективные советы Гитлеру, которые дает Манштейн и повторяет Видер, показывают лишний раз, что план летней кампании 1942 года был авантюристичен. Однако не только Гитлер, но и большинство высших генералов вермахта утверждали, что силы Красной Армии к зиме 1942 года будут окончательно исчерпаны. Поэтому никто из них не ставил вопрос об отводе войск с Кавказа и Волги осенью 1942 года.

ему, что надо делать. Непосредственной же причиной гибели 6-й армии фельдмаршал Манштейн считает фанатическое упорство Гитлера, который до самого конца не разрешал оставить Сталинград.

Зная характер диктатора, нетрудно было понять, что в Сталинграде он поставил на карту свой престиж. По мнению Манштейна, генерал Паулюс допустил серьезную психологическую ошибку, пытаясь испросить у Гитлера разрешение на спасительный прорыв в первые, решающие дни сражения в «котле», когда вражеское кольцо было еще непрочным. Этого вообще не следовало делать! Командующий 6-й армией, еще в бытность свою генерал-квартирмейстером главного командования сухопутных сил, уже успевший достаточно хорошо изучить характер и взгляды Гитлера, должен был поэтому незамедлительно воспользоваться единственной предоставлявшейся ему возможностью и вывести армию из Сталинграда, поставив Гитлера перед свершившимся фактом. Такое решение облегчалось и тем обстоятельством, что главное командование сухопутных сил в течение полутора суток медлило с ответом, прежде чем окончательно запретить прорыв. Манштейн считает, что Паулюс не решился взять на себя всю полноту ответственности главным образом из-за своей личной лояльности к Гитлеру*.

Прежде чем принять командование группой армий «Дон», 27 ноября 1942 года фельдмаршал, по его собственным словам, довел до сведения начальника генштаба сухопутных сил, что 6-я армия уже упустила наиболее благоприятный момент для самостоятельного выхода из окружения и что с оперативной точки зрения немецкой группировке теперь целесообразнее ожидать подхода соединений, выделенных для прорыва кольца извне. Разумеется, было чрезвычайно рискованно оставлять окруженную армию в Сталинграде, учитывая острую нехватку горючего и боеприпасов. Но, по мнению Манштейна, на этот риск теперь следовало все же пойти, правда, при одном основном условии: немедленной организации достаточного снабжения 6-й армии воздушным путем. Вот почему он не потребовал вновь от Гитлера в ультимативной форме разрешить окруженной армии сразу же идти на прорыв и не отдал по

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 369—377.

своей собственной инициативе соответствующего приказа Паулюсу. Он, Манштейн, исходил при этом из предположения, что судьба окруженной армии для верховного командования в данный момент важнее, чем обстановка на всех других фронтах, и что оно поэтому сделает все возможное для прорыва сталинградского кольца извне. Во взаимодействии с выделенными для этой цели соединениями 6-я армия должна была, по его мысли, оставить Сталинград и, вновь обретя таким образом свободу маневра, проложить себе путь к спасению*.

Описывая драматические события, связанные с его попыткой освободить 6-ю армию из кольца, Манштейн особенно подробно останавливается на причинах, предопределивших провал этой операции. Главным виновником и здесь, по его мнению, являлся Гитлер, который отклонил основные оперативные требования группы армий «Дон», подлежавшие немедленному удовлетворению, и вопреки здравому смыслу упорно противодействовал выводу 6-й армии из Сталинградского «котла», руководствуясь исключительно соображениями своего личного престижа. Но Манштейн обвиняет и командование 6-й армии, которое, по его словам, в ответственный момент оказалось не на высоте, не выполнив полученного от самого фельдмаршала указания идти на прорыв. Фельдмаршал считает, что Паулюс совершил непростительную ошибку, упустив последний шанс на спасение своей армии 18 декабря 1942 года и в течение нескольких последующих дней, когда войска, подходившие на помощь окруженным, находились примерно в 50 километрах от внешнего фронта окружения. Манштейн рассказывает о неудачном исходе миссии майора Эйсмана, одного из своих штабных офицеров, посланного им в «котел» с заданием согласовать оперативные планы штаба группы армий и командования 6-й армии в ходе подготовки к прорыву, в необходимости которого никто тогда не сомневался.

По версии Манштейна, генерал Паулюс в конце концов не решился взять на себя тяжелую ответственность, пойдя на риск, связанный с прорывом, главным образом под влиянием своего начальника штаба генерала Шмидта, который упорно настаивал на беспрекословном выполне-

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 355 ff.

нии приказа Гитлера, отвергал любое решение, «принятое на худой конец», и даже выражал уверенность в том, что 6-я армия может продержаться в «котле» до пасхи, если ее боеснабжение будет улучшено. Сам же фельдмаршал, по его словам, прекрасно понимал, что настал момент поставить на карту все, какими бы трудностями и опасностями ни грозил 6-й армии предстоящий прорыв. Поэтому 19 декабря он отдал на свою ответственность приказ 6-й армии прорываться на юго-запад и готовиться к отходу из «крепости на Волге» *. Автор подчеркивает, что он поступил так вопреки воле Гитлера, который не давал еще разрешения оставить Сталинград.

Первым этапом этих действий и должна была стать операция «Зимняя гроза» — наступление группировки Манштейна, о котором в «котле» знали уже в начале декабря. Наступавшие соединения 4-й танковой армии должны были пробить брешь во внешнем фронте окружения «котла» и войти в соприкосновение с окруженными войсками. Через образовавшийся коридор в «котел» «прошмыгнул» бы заблаговременно снаряженный «караван» — автоколонна с боеприпасами и продовольствием.

На втором этапе, с необходимостью вытекавшем из первого, предусматривался постепенный отход 6-й армии из района Сталинграда. Получив условный сигнал (по коду: «Удар грома»), окруженные части начали бы покидать занимаемые ими участки фронта один за другим. Манштейн оставил за собой выбор момента для подачи сигнала к началу отхода, желая, как он особо отмечает, снять с командования окруженной армии ответственность за неизбежный риск и за неповиновение категорическому приказу Гитлера удерживать Сталинград любой ценой, тем самым развязать ему руки и побудить к активным действиям. Но, несмотря на это, Паулюс так и не нашел в себе мужества в свою очередь отдать решающий приказ о прорыве. Впрочем, стремясь быть объективным, Манштейн пишет, что командующий 6-й армией находился в исключительно сложном положении. Фельдмаршал подробно анализирует все «за» и «против», которые приходилось взвешивать Паулюсу, и делает вывод, что роковая нерешительность последнего объяснялась не «слепым повиновением», а была результатом глубокой внутренней борьбы.

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 367

Паулюс не пошел на риск и не воспользовался последним представившимся ему шансом лишь потому, что не решился снять с себя бремя ответственности перед верховным главнокомандующим Гитлером и перед самим собой за судьбу вверенной ему армии, несмотря на то, что командование группы армий своим приказом стремилось освободить его от этого бремени *. Таким образом, фельдмаршал хочет убедить читателей в том, что, возглавляя группу армий «Дон», он вопреки воле Гитлера действительно отдал на свою ответственность решающий приказ оставить Сталинград, приказ, который «перестраховщик» Паулюс не выполнил, не осмелившись рисковать армией и идти на открытое неподчинение верховному командованию. Ответственность генерала Паулюса Манштейн подчеркивает при этом еще и тем обстоятельством, что оперативное подчинение 6-й армии командованию группы армий «Дон» приобретало, как фельдмаршал достаточно ясно дает понять, более или менее формальный характер, и не в последнюю очередь благодаря самому же Гитлеру, который до самого конца непосредственно руководил всеми действиями окруженной армии, поддерживая с ней постоянный контакт через личного офицера связи, специально командированного к ее штабу.

Операция «Зимняя гроза»

Уцелевшие и дожившие до наших дней участники Сталинградской битвы с интересом прочтут страницы мемуаров фельдмаршала, посвященные драматическому описанию зимнего наступления на Сталинград, предпринятого для освобождения 6-й армии из вражеского кольца. Манштейн подробно описывает весь ход операции, рассказывает обо всех связанных с нею препятствиях и трудностях, достигнутых вначале успехах, о радужных надеждах, которые она породила, и о горьком похмелье после ее окончательного провала. Автор повествует о своих длительных и в конечном счете бесплодных препирательствах с главным командованием сухопутных сил и с Гитлером, от которых он тщетно добивался принятия мер, необходимых для отвода 6-й армии из Сталинграда и возвращения к маневренным операциям на всем участке его группы

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 372.

армий. Манштейн настойчиво требовал выделения дополнительных транспортных авиачастей для воздушного снабжения окруженной армии и резервов для группировки, сформированной с целью прорыва кольца извне. Приняв командование группой армий «Дон» 27 ноября 1942 года, фельдмаршал во всех своих действиях и решениях исходил из того, что главное командование сухопутных сил сдержит свои обещания на этот счет.

Принятие соответствующих решений целиком и полностью зависело от Гитлера — верховного главнокомандующего, в единоличном распоряжении которого находились все необходимые для этого средства и резервы. Не сомневаясь, что Гитлер хотя бы и ценой предельного напряжения сил предпримет все возможное для спасения 6-й армии, которой грозило полное уничтожение, Манштейн считал в те дни оправданным риск, связанный для окруженных с выжидательной тактикой, и сосредоточил все свое внимание на подготовке наступательной операции «Зимняя гроза». Впрочем, с каждой новой неделей фельдмаршалу становилось все яснее, что поставленные им условия, необходимые для успеха операции, не выполняются. Это вызывало у него растущее беспокойство, тем более что «Зимняя гроза» с самого начала была делом весьма рискованным ввиду явного недостатка сил.

Операцию по прорыву внешнего фронта окружения «котла», в ходе которой необходимо было пойти на смертельный риск во имя избавления окруженных от смерти или плена, Манштейн описывает как «бег наперегонки со смертью». Он анализирует эту операцию в ее неразрывной связи с той страшной угрозой, которая нависла тогда над всем южным крылом немецкого Восточного фронта. Создается впечатление, что фельдмаршал и впрямь использовал все имевшиеся в его распоряжении силы и средства — «вплоть до последнего солдата и последнего снаряда» — и даже поставил на карту судьбу вверенной ему группы армий, чтобы освободить 6-ю армию из вражеского кольца; и лишь отчаянное положение на всем фронте группы армий «Дон» вынудило его в последний момент снять с плацдарма у реки Мышковой у внешнего фронта окружения самую боеспособную из трех дивизий 4-й танковой армии, выделенных для «Зимней грозы». К тому времени эти дивизии уже были вынуждены перейти к обороне и вели упорные, кровопролитные бои, отбивая яростные ата-

ки противника. Фельдмаршал перебросил эту дивизию на левый фланг своей группы армий, где складывалась критическая обстановка. Однако, по его словам, он долго колебался и решился на такой шаг лишь после того, как исчезла последняя надежда на то, что 6-я армия со своей стороны предпримет попытку прорвать кольцо изнутри и тем самым облегчит тяжелое положение деблокирующей группировки, отражавшей натиск превосходящих сил противника на подступах к «котлу». После этого инициатива перешла к русским и в районе к востоку от Дона, а операция «Зимняя гроза» лишилась последних шансов на успех.

С интересом читатель узнает из воспоминаний Манштейна, что фельдмаршал собирался предпринять еще одну, последнюю попытку вызволить 6-ю армию из беды. С этой целью он в конце декабря самым решительным образом потребовал у ставки немедленно передать в его распоряжение три дивизии из состава 1-й танковой армии, которая входила в южную группу армий «А», действовавшую на Кавказе. Фельдмаршал был убежден, что первая танковая армия в тот момент могла обойтись без этих дивизий, и обосновал свое мнение*. Однако Гитлер отверг требование, и судьба 6-й армии была решена окончательно. Что же до плана Гитлера помочь 6-й армии еще позднее, то Манштейн считает его совершенно фантастическим. По этому плану один из эсэсовских танковых корпусов должен был весной 1943 года прорвать фронт в районе Харькова и, пройдя с боями 550 километров, выйти к Волге! **

О том, что происходило в Сталинградском «котле» после провала операции «Зимняя гроза» от рождества 1942 года до самого конца, Манштейн пишет откровенно и без прикрас. Это была агония 6-й армии. «Однако командование группы армий «Дон», — пишет он далее, — будучи вынуждено учитывать и другой аспект стоявшей перед ним задачи: не допустить развала всего южного фланга Восточного фронта, — могло дать согласие на капитуля-

* План Манштейна не менее фантастичен, чем приведенный им выше план Гитлера. Если Готу с помощью трех танковых дивизий и поддерживавших их сил пехоты не удалось деблокировать окруженную в середине декабря группу, то шансов на это в конце декабря вовсе не было.

** Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 380.

цию 6-й армии с целью избежать бессмысленного дальнейшего кровопролития лишь на самой последней стадии ее безнадежной борьбы» *. Таким образом, фельдмаршал признает, что 6-я армия была сознательно принесена в жертву, и оправдывает это. В заключительном разделе своих мемуаров, посвященном Сталинграду, он отвечает на вопрос о том, во имя чего была обречена на безнадежное сопротивление и гибель армия, еще насчитывавшая в тот момент около 200 тысяч человек. Манштейн считает, что такой образ действий был продиктован соображениями высшей стратегии. По его мнению, гибнущая 6-я армия, приковывая к себе в течение нескольких недель значительные силы противника, решила в январе 1943 года стратегическую задачу первостепенной важности. Если бы противнику удалось высвободить тогда силы и перебросить их на другие участки, то, по всей вероятности, рухнуло бы южное крыло Восточного фронта. Это в свою очередь предопределило бы судьбу и всего Восточного фронта. Безнадежное сопротивление 6-й армии вплоть до ее ужасного конца создало необходимые предпосылки для предотвращения грозившей катастрофы. Манштейн, этот бесспорно талантливый полководец, считает, таким образом, что именно сталинградская трагедия позволила ему блестяще решить остальные стратегические задачи, стоявшие перед его группой армий: удержать широкий коридор, по которому прошла отступавшая с Кавказа группа армий «А», и обеспечить в районе между Доном и Донцом коммуникации всего южного фланга немецкого фронта, над которым нависла угроза обхода. Более того, в самом конце столь тяжелой для нас зимней кампании 1942—1943 годов фельдмаршал провел еще одну операцию: искусно маневрируя крупными соединениями, он в ходе отступления нанес противнику под Харьковом контрудар, завершившийся полным успехом.

Проблемы и спорные места в работе Манштейна

На первый взгляд анализ сталинградской трагедии в работе Манштейна кажется исчерпывающим и убедительным. Ничто как будто бы не вызывает у читателя сколько-

* Там же, стр. 343.

нибудь серьезных возражений. Все соображения, расчеты и действия фельдмаршала, обусловленные той катастрофической ситуацией, в которой он оказался по вине верховного главнокомандующего, выглядят целесообразными и логически обоснованными. В пределах своей компетенции Манштейн, располагая лишь весьма ограниченными силами, старался по мере возможности сделать все, что требовала от него стратегическая обстановка. Взявшись решить исключительно сложную задачу, фельдмаршал показал высокие образцы полководческого искусства. Признав это, вроде бы неуместно критиковать его действия на отдельных этапах трагедии — звеньях в цепи событий, неумолимая логика которых потребовала в конечном счете принести в жертву целую армию, чтобы обеспечить такой ценной успех важнейших операций кампании. У читателя «Потерянных побед» создается впечатление, что война на определенной стадии сводится к стратегической игре — этаким грандиозной шахматной партии с рискованными рокировками, смелыми комбинациями и большим количеством пожертвованного материала. Эффективная стратегия «скорой помощи», о которой пишет фельдмаршал, требовала, конечно, немалых жертв.

Все это так! Но почему же анализ и выводы Манштейна, казалось бы математически точные и неопровержимые, вызывают у многих думающих читателей, и прежде всего у участников Сталинградской битвы, доживших до наших дней, чувство глубокой неудовлетворенности? Дело здесь, разумеется, не в том, что фельдмаршал анализирует и оценивает волжскую трагедию и ту ответственную роль, которую он сам в ней сыграл, исключительно с позиций стратегического руководства, не пытаясь при этом «модернизировать» свою точку зрения. Он не только имеет на это полное право, но и обязан был так подойти к своей задаче. Именно благодаря этому его воспоминания и приобрели ценность подлинного исторического источника. Значение мемуаров Манштейна не исчерпывается тем, что они позволяют военному историку глубже изучить операции Манштейна. «Потерянные победы» дают определенное представление и об образе мыслей, мироощущении и психологии крупного немецкого военачальника в трагической ситуации того времени.

И все же читателя сразу же настораживает то обстоятельство, что фельдмаршал, занимавший тогда столь вы-

сокий пост, считает возможным ограничить свой анализ сталинградской катастрофы одним лишь стратегическим аспектом и не ставит в заключение вопрос о политической и моральной ответственности руководства.

Бывшие участники Сталинградской битвы — и не только они одни, — несомненно, еще более критически отнесутся к попыткам Манштейна истолковать катастрофу на берегах Волги как трагедию, полную высокого смысла.

Не случайно фельдмаршал избрал в качестве эпиграфа к своей главе о Сталинграде знаменитое изречение о битве в Фермопильском ущелье*. Очевидно, этот эпиграф продиктован не столько искренним убеждением автора, сколько желанием переубедить читателя. Недаром он в конце главы то и дело говорит о «Фермопильской аналогии», которая красной нитью проходит через главу, и это особенно чувствуется в манере изложения, во всей подаче материала. Трудно избавиться от впечатления, что точка зрения Манштейна и поныне определяется его тогдашними раздумьями и выводами и что для него и по сей день сохраняют полную силу те в высшей степени сомнительные соображения (как стратегические, так и политические, и моральные в самом широком смысле этого слова), в жертву которым были принесены на берегах Волги сотни тысяч людей.

Говоря о Сталинграде, Манштейн уделяет основное, если не исключительное, внимание чисто военной оперативной стороне вопроса. Этого, однако, далеко не достаточно, чтобы дать общий анализ сталинградской катастрофы, и тем более, чтобы оценить ее с позиций высшего руководства, как претендует на это фельдмаршал. Конечно, не следует упрекать его в том, что он лишь ненадолго останавливается на других, чисто человеческих аспектах трагедии, разыгравшейся на берегах Волги. Задачи, которые он ставил перед собой в своей работе, не позволяли ему поступить иначе. Манштейн заверяет читателей, что он сам и его ближайшие помощники, как и все солдаты и офицеры, которые, сражаясь тогда под его командованием, напрягали последние силы, чтобы вызволить 6-ю ар-

* В 400 году до нашей эры в период греко-персидских войн греческий отряд под командованием царя Леонида оборонял Фермопильское ущелье. Отряд Леонида был обойден персами и пал на поле боя.

мию из беды, «ежедневно и ежечасно помнили о безмерных страданиях своих боевых товарищей, погибавших в «котле», и мысленно были с ними». Без сомнения, фельдмаршал здесь вполне искренен. И это делает честь его чувствам. Но окруженная группировка вправе была ожидать, что командующий группой армий поможет им не только и не столько мысленно, сколько реально.

Проследовав за фельдмаршалом туда, «где обсуждались и принимались ответственные решения», читатель не в силах скрыть своего разочарования, а потом и гнетущего недоумения, убедившись в том, что неразрешимые моральные и политические проблемы, омрачавшие последние часы многих обреченных под Сталинградом, здесь, судя по всему, никого не волновали.

В январе 1943 года в Сталинградском «котле» создавалась чудовищная, беспрецедентная ситуация. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы тот неоспоримый факт, что именно в это время Гитлер, категорически запретив окруженным капитулировать, обрек на неминуемую, медленную и мучительную смерть 6-ю армию, уже потерявшую треть своего состава, но еще насчитывавшую около 200 тысяч человек. Солдаты и офицеры, которым пришлось пройти через все муки сталинградского ада, не могли тогда найти этому никакого оправдания. И сегодня ни один человек, стремящийся до конца осмыслить катастрофу на берегах Волги, и, уж конечно, никто из доживших до наших дней участников Сталинградской битвы не оставит без возражений любую попытку оправдать смертный приговор, вынесенный сотням тысяч людей и беспощадно приведенный в исполнение во имя «высшей стратегии». Никакие чисто военные аргументы не в силах заглушить голос человеческой совести!

Пределы компетенции и ответственности Манштейна

Но возвратимся еще раз в область стратегии, туда, где Манштейн чувствует себя полноправным хозяином, и проследим вновь ход операций группы армий «Дон», при разборе которых автор «Потерянных побед» стремится убедить читателя в том, что лишь слепое упрямство верхов-

ного главнокомандующего Гитлера и полная несостоятельность командования 6-й армии помешали ему самому добиться решающего успеха в конце ноября — первой декаде декабря 1942 года. Документы из архива покойного фельдмаршала Паулюса, высказывания начальника штаба 6-й армии генерала Шмидта, приведенные в работе Вальтера Гёрлица, и другие опубликованные тем временем источники * проливают новый свет на сталинградскую главу «Потерянных побед» и приводят критически мыслящего читателя к выводу, что анализ Манштейна при всей его логической обоснованности и внешней убедительности является, по сути дела, попыткой самооправдания, ради которого фельдмаршал обходит или затушевывает целый ряд обстоятельств. Так он не говорит, что деблокирующая операция его группы армий по освобождению 6-й армии из окружения была порочна в своей основе, и старается запутать вопрос о пределах своей компетенции, не в последнюю очередь для того, чтобы снять с себя ответственность за действия Паулюса как командующего армией, входившей в группу армий «Дон».

Начав свой рассказ о сталинградской катастрофе с глубокого анализа действий и роли Гитлера как верховного главнокомандующего, Манштейн как бы психологически обрабатывает читателя, стараясь, и не без успеха, сразу же завоевать его доверие. Он рисует достоверный портрет всенного диктатора, особенно подчеркивая роковые особенности его характера; Гитлер предстает перед читателем как человек безудержных страстей и невероятного упорства, обладающий магической силой убеждения и сочетающий суеверное преклонение перед техникой и точным расчетом с фанатической верой во всемогущество собственной воли. Гитлер всегда стремился удерживать любой ценой занятые позиции, очень неохотно шел на стратегический риск, избегал заглядывать далеко вперед, оттягивал принятие неприятных для себя решений, необходимость которых была очевидна, и, самое главное, на каждом шагу вмешивался в оперативное руководство, ограничивая или даже парализуя инициативу и свободу дей-

* Paulus. Ich stehe hier auf Befehl! Lebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlaß, Briefen und Dokumenten herausgegeben von Walter Görlich, Frankfurt a. M., 1960.

ствий командиров частей и соединений. Все это вместе взятое, по мнению Манштейна, и приводило чаще всего к катастрофическим последствиям. Таким образом, фельдмаршал дает понять, что разногласия между ним и верховным главнокомандующим вермахта были неизбежны.

Разумеется, он во всех подробностях описывает свои бесплодные препирательства с Гитлером в роковые недели накануне «Зимней грозы» и в ходе наступления. Остается, однако, неясным, в какой мере сам фельдмаршал несет ответственность за те тяжелые военные ошибки, которые привели к провалу деблокирующей операции и обрекли на гибель окруженную армию. Лишь в конце главы Манштейн подходит к вопросу об ответственности за сталинградскую катастрофу. Однако он предпочитает не утруждать себя мыслями на этот счет и тут же приводит слова Гитлера, к которому он был вызван 6 февраля 1943 года, то есть сразу после окончания битвы.

Вот что пишет в этой связи Манштейн: «На вопрос о том, кто несет ответственность за трагическую судьбу 6-й армии, сам Гитлер дал достаточно ясный ответ... Открывая в тот день совещание, он сказал: «Всю полноту ответственности за Сталинград я несу один. Я мог бы, конечно, сослаться на то, что Геринг неправильно проинформировал меня о тех возможностях, которыми располагала наша авиация для снабжения окруженной армии воздушным путем, и таким образом переложить на его плечи хотя бы часть этой тяжелой ответственности. Но я не могу возлагать ответственность за Сталинград на преемника, назначенного мною же самим» *.

Манштейн с нескрываемым одобрением подчеркивает, что Гитлер безоговорочно взял на себя всю ответственность за сталинградскую трагедию, и пишет, что с точки зрения воинской этики это был «порядочный поступок». Пусть так. Но тем более неприятно поражает читателя, что сам фельдмаршал оговаривает бывшего в его непосредственном подчинении генерала Паулюса, пытаясь возложить на него вину за провал деблокирующей операции и все связанные с этим тяжелые последствия. Неужели сам Манштейн, претендующий на стратегическую непогрешимость, не несет в данном случае никакой ответственности?

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 395.

Говоря о пределах компетенции фельдмаршала, следует сразу же заметить, что в отношении 6-й армии он волен был делать все необходимое для выполнения поставленной перед ним задачи. Более того, он обязан был в этом случае не только проводить в жизнь решения, диктуемые обстановкой, но и добиваться их одобрения в ставке и их неуклонного исполнения на местах. Утверждение Манштейна о том, что окруженная армия практически подчинялась непосредственно главному командованию сухопутных сил, а ее оперативное подчинение группе армий «Дон» носило более или менее фиктивный характер, опровергается источниками точно так же, как и его заявление о роковой роли личного офицера связи, которого Гитлер прикомандировал к штабу 6-й армии в Сталинградском «котле».

По мнению Манштейна, именно донесения этого офицера связи, поступавшие непосредственно в ставку, в немалой степени объясняют упорное нежелание верховного командования оставить Сталинград. Нет, 6-я армия, без сомнения, была подчинена группе армий «Дон». Это вытекает из приказов, отданных самим Манштейном, и подтверждается особенно убедительно документами из архива фельдмаршала Паулюса, а также записями в сохранившемся оперативном журнале штаба 6-й армии и целым рядом других источников. Гитлер вообще от случая к случаю отдавал приказы непосредственно командующим армиями; точно так же он неоднократно направлял личные директивы в Сталинградский «котел» *. Но одно здесь вовсе не исключает другого. Как бы то ни было, с самого начала до печального конца операции «Зимняя гроза» 6-я армия не получила непосредственно от Гитлера ни одного приказа. Генерал Паулюс и его штаб не только считали, что находятся в полном подчинении группы армий, но и относились с высоким уважением и неограниченным доверием к ее командующему фельдмаршалу Манштейну, который был для них непререкаемым авторитетом в вопросах стратегии.

«Я должен сказать, господин фельдмаршал, ваше руководство является для меня залогом того, что для осво-

* Лишь на отдельных критических этапах битвы Паулюс обращался непосредственно к Гитлеру. Подавляющее большинство приказов, направленных командующему 6-й армией, и его собственных донесений проходило через штаб группы армий «Дон».

бождения 6-й армии из кольца будет сделано все возможное» *, — писал Манштейну командующий окруженной армией 26 ноября 1942 года. Уже после войны бывший начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Цейцлер в письме к генералу Дёрру, автору первой военно-исторической монографии о Сталинграде, еще раз с полной ответственностью заявил, что 6-я армия была в тот момент, вне всякого сомнения, подчинена группе армий «Дон» **.

Вопреки мнению Манштейна офицер связи, присланный в «котел» из ставки, не имел каких-либо особых полномочий, которые ограничивали бы компетенцию группы армий или позволяли бы обходить ее распоряжения. Кстати сказать, офицер этот был откомандирован не лично Гитлером, а тем же генералом Цейцлером, который хотел получить из первых рук и как можно быстрее информацию обо всем происходившем в «котле», по всей вероятности, для того, чтобы иметь лишние козыри в своих беспрестанных спорах с диктатором, чье фанатическое упрямство он не в силах был преодолеть ***.

Можно, конечно, поверить Манштейну, что он был твердо намерен освободить окруженную армию из «котла», а в случае необходимости и отдать вопреки указаниям Гитлера приказ оставить Сталинград. Судя по его мемуарам, он и на самом деле приказал приступить к проведению операции «Удар грома», иными словами, якобы отдал окончательный приказ о сдаче «твердыни на Волге» и тем самым снял с генерала Паулюса ответственность за самовольное нарушение директив верховного командования. Соответствует ли это действительности? Архив фельдмаршала Паулюса и другие документы неопровержимо свидетельствуют о том, что 6-я армия не получала от Манштейна подобного приказа. Когда Паулюс 23 декабря 1942 года, понимая, что с прорывом медлить больше нельзя, вновь запросил по радио разрешения приступить к проведению операции «Удар грома», Манштейн ответил, что пока не может предоставить эти полномочия ****. Коман-

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 651. См. также: Paulus. Ich stehe hier auf Befehl! S. 218 f.

** Hans Doerr. Der Feldzug nach Stalingrad, Versuch eines operativen Überblickes. Darmstadt, 1955, S. 96.

*** Paulus. Ich stehe hier auf Befehl! S. 202.

**** Там же, стр. 256.

дующий армией, несмотря на неоднократные запросы, так и не дождался от фельдмаршала приказа оставить Сталинград. Таким образом, командование группы армий не взяло на себя ответственность за самовольное нарушение директив Гитлера. Не меняет дела и полученный еще 19 декабря приказ Манштейна идти на прорыв с выходом на соединение с деблокирующей группировкой, поскольку отход из «крепости» рассматривался в этом приказе лишь как одна из возможностей. Так или иначе, командование 6-й армией не имело ясного представления о том, что же Манштейн намеревался в конечном счете предпринять. Но документы того периода, во всяком случае во многом, ставят под вопрос ту версию, которую выдвигает задним числом Манштейн в своих «Потерянных победах», и говорят не в пользу командования группы армий, чьи действия в трагические дни накануне рождества 1942 года выглядят в свете этих факторов спорно.

Вот почему Манштейн еще до опубликования Гёрлицем документов из архива Паулюса счел необходимым выступить с критикой книги покойного фельдмаршала «Я выполняю приказ»*. Манштейн считает, что Паулюс «предвзято и односторонне» освещает события, говоря о намечавшемся в декабре прорыве 6-й армии как о ключевой проблеме всей сталинградской катастрофы. Далее он вновь излагает и комментирует свою точку зрения, уже сформулированную в «Потерянных победах», и, в частности, пишет о конечной цели своих тогдашних приказов. Оказывается, Манштейн хотел приступить к операции «Удар грома» тайком от Гитлера, который в противном случае ни за что не согласился бы на уход с берегов Волги. Командование группы армий не могло поэтому отдать 6-й армии приказ идти на прорыв с одновременным отходом от Сталинграда: Гитлер наверняка тут же отменил бы этот приказ. Напротив, если бы операция «Зимняя гроза» развивалась успешно и части 6-й армии пошли бы на прорыв, чтобы «прорубить просеку жизни» от «котла» в сторону деблокирующей группировки, отход с других участков внутреннего фронта окружения стал бы явной необходимостью, которой подчинился бы в конце концов и Гитлер. Стало быть, как ни крути, Манштейн явно со-

* Erich v. Manstein. Stalingrad war es so? Статья в еженедельнике «Welt am Sonntag», 24 апреля 1960 года (стр. 17).

бирался взять на себя ответственность за эвакуацию «крепости» лишь после того, как Паулюс начал бы действовать на свой страх и риск. Не подлежит сомнению, что после этого он взял бы на себя всю полноту ответственности и сам отчитался бы перед Гитлером за действия 6-й армии. Однако следует учесть, что штаб армии в тот момент был плохо информирован об общей обстановке на фронтах и еле справлялся с текущими делами. Где уж было там разобраться в истинных намерениях фельдмаршала. К тому же ни его приказ от 19 декабря, ни поступившая позднее радиограмма не позволяли прийти к выводу, что Манштейн в завуалированной форме советует 6-й армии немедленно оставить Сталинград.

Налицо явно серьезный просчет со стороны командующего группой армий «Дон». Если он действительно намеревался провести операцию «Удар грома», так сказать, за закрытыми дверями и действительно готов был впоследствии принять на себя ответственность за окончательный уход из Сталинграда против воли Гитлера, то ему надлежало в любом случае открыть Паулюсу все свои карты. Личная встреча обоих командующих перед принятием столь ответственных решений была совершенно необходима. С этой целью фельдмаршалу Манштейну следовало бы самому вылететь в «котел» и полностью посвятить командующего 6-й армией во все свои планы. Если же он почему-либо не мог или не хотел лететь туда сам, то должен был по меньшей мере послать к Паулюсу одного из своих ближайших помощников — лучше всего начальника своего штаба. Уж это-то он мог сделать при всех условиях.

Одному из моих знакомых, служившему в оперативном отделе штаба 6-й армии, тогда еще молодому генштабисту, для которого долгожданный прорыв воистину был бы осуществлением всех желаний, довелось в те критические дни присутствовать при нескольких радиотелефонных разговорах Паулюса с командующим группой армий. Он с удивлением рассказывал мне потом, сколь «бесцветными» и «бессодержательными» были эти разговоры. Манштейн «словно не договаривал чего-то». «Фельдмаршал ушел от ответа на вопросы Паулюса об обстановке вообще и о воздушном снабжении в частности, ограничивался лишь успокоительными заверениями, — рассказывал мой знакомый. — Я полагал, что на подобные вопросы нашего командующего Манштейн даст прямой и точный ответ, иначе

говоря, скажет, в какие сроки придет к нам обещанная помощь. Но это не было сделано» *.

Многочисленные свидетельства подтверждают, что штаб 6-й армии не получал тогда достаточно полной информации о положении на всем участке группы армий, и прежде всего о том, как развивалась операция «Зимняя гроза», хотя Манштейн и откомандировал в «котел» своего офицера связи — майора Эйсмана. Фельдмаршал почему-то не посчитал нужным со всей необходимой прямотой разъяснить Паулюсу, что окруженная армия стоит перед альтернативой: прорыв или неминуемая гибель. В то же время он хорошо знал особенности характера нашего командующего, осмотрительного, вдумчивого генштабиста. Паулюс не умел быстро принимать смелые решения и лишь скрепя сердце шел на риск. Поэтому 6-я армия особенно нуждалась в тот момент в твердом и решительном руководстве командующего группой армий. В чем, в чем, но в решающих вопросах о сроках и оперативных планах прорыва кольца изнутри Манштейну надлежало быть предельно точным в своих приказах. На самом же деле это было далеко не так, и неопределенный характер полученных приказов отрицательно сказывался на работе штаба армий, обрекая его на бездействие и безынициативность.

Надо полагать, Манштейну с его энергией, решимостью и авторитетом не стоило бы большого труда убедить подчиненный ему штаб 6-й армии в необходимости и правильности своих решений. Весьма примечательно, что он не сделал этого и даже не попытался добиться неукоснительного выполнения своих приказов. Вообще, возглавляя группу армий «Дон», фельдмаршал действовал до странности непоследовательно и противоречиво. Неубедительно звучат и его заявления о том, что командование группы армий в конце концов не могло навязать Паулюсу решение, которое тот считал невыполнимым, тем более что Гитлер категорически запретил прорыв, а ударные части 6-й армии были малоподвижны и к тому же не могли оторваться от наседавшего противника даже после того, как заняли исходные рубежи для прорыва. Нерешительность и неуверенность, проявленные Манштейном в те дни, объяснялись, по-видимому, целым рядом причин. Критиче-

* Günter Toepeke, Stalingrad — wie es wirklich war. Stade, 1949, S. 81 f.

ская обстановка на всем участке группы армий, несомненно, тревожила фельдмаршала, вдобавок отлично понимавшего, что вся операция «Зимняя гроза» была попыткой с негодными средствами, вероятный провал которой обрекал на неудачу любую операцию окруженной армии по прорыву кольца изнутри. Наконец, Манштейн в глубине души, возможно, опасался неприятных для себя последствий, поскольку ему так и не удалось своевременно добиться от Гитлера предоставления 6-й армии полной свободы действий.

Промахи и упущения

Как командующий группой армий «Дон», Манштейн находился перед трагической дилеммой. В создавшейся по вине Гитлера критической обстановке фельдмаршал, веря в свою звезду, взял на себя задачу, которая хотя и льстила его самолюбию, но требовала для своего успешного решения ряда объективных предпосылок, зависевших не только от его воли и полководческого мастерства. Манштейн, естественно, считал своим святым долгом сделать все возможное для создания этих предпосылок, обеспечивших успех операции, дав исчерпывающий анализ обстановки со всеми трудностями и опасностями, которыми она грозила. Предвидя возможные последствия, он то и дело доказывал, напоминал, предостерегал об опасности. Сознавая, с каким риском для 6-й армии связан отказ от немедленной попытки прорыва кольца изнутри, фельдмаршал поставил ряд предварительных условий, от которых, по его мнению, зависел исход планируемой им операции. Он требовал полностью обеспечить окруженных всем необходимым по воздуху, сосредоточить в предельно сжатые сроки мощную деблокирующую группировку, непрерывно наращивать ее силы и, наконец, вывести части 6-й армии из Сталинграда и оставить город. Однако ни одно из этих предварительных условий выполнено не было. Удовлетворительное воздушное снабжение оказалось с самого начала неосуществимым делом. Впрочем, командующие военно-воздушными соединениями на этом участке фронта заранее предрекали неудачу этого предприятия, ссылаясь на нехватку транспортных самолетов

и зимнюю непогоду. Переброска (главным образом с Кавказа) свежих дивизий на Сталинградское направление сильно затянулась, и численность деблокирующей группировки так и не была доведена до того уровня, который командование группы армий считало необходимым. В довершение всего Гитлер не был склонен оставить Сталинград, о чем достаточно убедительно свидетельствовала его реакция на настойчивые просьбы и донесения Манштейна с соответствующей оценкой обстановки.

Фельдмаршал неустанно, но безрезультатно добивался принятия необходимых мер. С каждой неделей шансы на успех его операции уменьшались. Безответственность и военная безграмотность верховного главнокомандующего не давали Манштейну выйти на оперативный простор. В своих воспоминаниях командующий группой армий «Дон» подчеркивает, что в результате всего этого судьба операции была предрешена, сколько бы ни старался он сам в пределах своей компетенции сделать все еще возможное для достижения цели. «Недостаточно» и «слишком поздно» — эти роковые слова определяли всю обстановку, в которой фельдмаршалу приходилось принимать решения и действовать. Это, кстати сказать, отмечали и советские военные историки¹.

Под несчастливой звездой с самого начала проходило и наступление деблокирующих соединений генерала Гота, продвигавшихся из района Котельниково в северном направлении. Его, с позволения сказать, «танковой армии» — по сути дела лишь танковому корпусу неполного состава, из двух дивизий которого только одна была полностью

¹ Советский маршал Еременко, в то время командующий Сталинградским фронтом, подчеркивает, что на Манштейне лежала огромная ответственность, и указывает в этой связи на серьезные упущения последнего. Так, по его мнению Манштейн, оттянув на десять дней начало наступления, упустил драгоценное время, а вместе с ним и весьма реальные шансы на успех. Наступающей группе Гота вначале противостояла одна лишь советская 51-я армия, которая, обороняя участок фронта, растянутый на 100 километров, навряд ли выдержала бы натиск полнокровной 6-й танковой дивизии, если бы удар был нанесен своевременно. К тому же Советское командование вынуждено было существенно ослабить внутренний фронт окружения, чтобы отразить наступление деблокирующей группировки. (См.: Еременко. Против фальсификации истории второй мировой войны. М., 1959; см. также: «Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale», 11, № 44, 1961, p. 82.)

укомплектована и боеспособна*, — предстояло проделать стопятидесятикилометровый марш к Сталинградскому «котлу» по заснеженным калмыцким степям; это означало идти на безнадежную авантюру, особенно если учесть, что с флангов группу Гота прикрывали лишь два румынских корпуса. Две дивизии Гота и румынские соединения — это все, что осталось к началу операции от обещанных фельдмаршалу одиннадцати дивизий. Так называемая группировка Холидта, которая должна была по первоначальному плану наступать на Калач с запада из района среднего течения реки Чир, уже очень скоро перешла к обороне и втянулась в тяжелые бои. Таким образом, на эти, кстати сказать, еще ранее основательно потрепанные части рассчитывать больше не приходилось.

Итак, связанная «с предельным риском» операция, на которую следовало пойти, чтобы, по словам Манштейна, предоставить 6-й армии хоть какой-либо реальный шанс на спасение, была, по сути дела, актом отчаяния**. Ряд обстоятельств — и не в последнюю очередь сила советских войск и обретенная ими тем временем оперативная гибкость — заранее обрекали операцию на неудачу. И все же фельдмаршал решил взять на себя ответственность за столь сомнительное предприятие. Судя по всему, это в немалой степени объяснялось самоуверенностью и чувством собственного превосходства, которые были столь характерны для привыкшего к победам германского командования. Поэтому уместно задать вопрос: не повинен ли в роковом исходе деблокирующей операции и сам Манштейн, теоретически правильно оценивший обстановку, но практически недооценивший русских?

Приведем в этой связи оценку операции «Зимняя гроза», которую дал один из участвовавших в ее проведении

* Принимая на веру сетования Манштейна на малочисленность войск, предназначенных для деблокирующей группировки, Видер уменьшил силы Гота. Гот имел 7 дивизий и ряд частей.

** По-иному оценивал Манштейн свои возможности в то время, когда ему предстояло действовать. В телеграмме Антонеску он просил помочь ему, чтобы «обратить кризис, который в настоящее время имеет место, в победу». Далее Манштейн высокомерно подчеркивал: «Я думаю, что моя личность послужит вам гарантией успеха и что славу этого успеха вместе с немецкими частями разделят и румынские войска». («История Великой Отечественной войны». М., Воениздат МО СССР, 1961, т. 3, стр. 44.)

генералов — бывший командир 17-й танковой дивизии Фридо фон Зенгер унд Этерлин. В своих воспоминаниях, свидетельствующих об острой наблюдательности и трезвости суждений, он пишет: «На последнем привале, перед выходом в район развертывания, я разместился не без удобств. Но мысль о вопиющем противоречии между стратегической ответственностью и безответственной тактикой не давала мне покоя. Бросалось в глаза, с какими негодными средствами мы предпринимаем попытку деблокировать сталинградскую группировку. Линия фронта была уже недалеко — там, еще в девяноста километрах от внешнего фронта окружения, вели бой две наши дивизии. Одной из них, 6-й танковой, крупно повезло: незадолго до этого она стояла на переформировании во Франции и была там вновь полностью укомплектована. Зато в другой — 23-й танковой — техника и личный состав находились в еще более плачевном состоянии, чем в моей, 17-й. Итак, трем танковым дивизиям, одной полноценной и двум, обладавшим лишь половиной боевого состава, предстояло преодолеть около ста километров, пробиваясь к Сталинграду. От нашей хваленной внезапности не осталось и следа: вот уже две недели обе дивизии, начавшие наступление, безуспешно пытаются преодолеть сопротивление крупных сил противника. Но если бы им даже и удалось нанести поначалу внезапный удар, они все равно не смогли бы развить успех в столь глубокой полосе наступления. Никто не сомневался, что противник всеми силами попытается сорвать нашу операцию по освобождению 6-й армии из кольца, ведь это сулило ему грандиозную победу. В то же время, судя по малочисленности нашей ударной группировки, на резервы нам рассчитывать не приходилось» *.

Хорст Шейберт не менее убедительно рассказал о боевых действиях 6-й танковой дивизии, которая вынесла на своих плечах главную тяжесть декабрьского наступления Манштейна. Приведенные выше источники не оставляют сомнения о том, что перед наступающими соединениями была поставлена задача, в конечном счете невыполнимая. Ни самоотверженность, проявленная солдатами Гота в кипевших и днем и ночью боях, ни тактическое искусство

* Frido v. Senger und Etterlin. Krieg in Europa, Köln und Berlin, 1960, S. 74.

его командиров ничего не могли изменить*. Когда танковые авангарды ценой огромных потерь создали наконец в районе реки Мышкова, примерно в 50 километрах от внешнего фронта окружения, ненадежный плацдарм для последнего броска и некоторое время даже удерживали его, отражая яростные атаки наседавшего со всех сторон противника, весь корпус Гота уже выдохся и, по сути дела, вынужден был повсюду перейти к обороне. Противник перехватил инициативу и перешел с превосходящими силами в контрнаступление. Деблокирующая операция потерпела полную неудачу. Тем временем и без того нелегкая ситуация на участке всей группы армий стала воистину критической в результате новых победоносных ударов, нанесенных русскими в районе реки Чир и в большой излучине Дона. Но справедливости ради, следует сказать, что обстановка ставила под сомнения оперативные перспективы деблокирующей операции еще задолго до того, как Манштейн вынужден был перебросить 6-ю танковую дивизию из района реки Мышкова в излучину Дона — на левый фланг группы армий, над которым нависла теперь смертельная угроза.

Вот что пишет по этому поводу генерал фон Зенгер унд Этерлин: «Поражение было полным. Судя по всему, противник подтянул большие силы. Случилось то, чего я так опасался в начале деблокирующей операции. Тогда мне казалось, впрочем, что попытка прорыва 6-й армии навстречу наступавшей 4-й танковой армии еще имела какие-то шансы на успех, поскольку соединениям 6-й армии, по данным ее штаба, хватило бы горючего, как-никак, на 30 километров. Теперь, зная на собственном опыте, как выглядело продвижение наших ударных клиньев, я вынужден был прийти к выводу, что моя прежняя точка зрения была чересчур оптимистичной»**.

* Horst Scheibert. Nach Stalingrad — 48 Kilometer. Der Entsatzvorstoß der 6. Panzer-Division. Dezember 1942, Heidelberg 1956 (Die Wehrmacht im Kampf, Bd. 10).

** Frido v. Senger und Etterlin. Krieg in Europa. Köln und Berlin, 1960, S. 87, 91. Генерал фон Меллентин в своей книге подтверждает, что начальник генштаба сухопутных сил Цейцлер с самого начала скептически относился к деблокирующей операции, которая, по его мнению, почти не имела шансов на успех (см.: Mellenthin, Panzer Battles, London, 1955, S. 166). Позднее сам Цейцлер так писал о провале деблокирующей операции: «Сил ока-

Анализируя проведенные тогда операции и ту временами критическую обстановку, в которой они развивались, Манштейн указывает на целый ряд ошибок и упущений Советского Главного командования: так, он считает, что русские упустили реальный шанс нанести неожиданный и стремительный удар в направлении на Ростов и перерезать жизненно важную артерию всего немецкого Южного фронта, что, по всей вероятности, значительно приблизило бы окончательную победу советских войск. Но, надо сказать, что и без этого советские войска к рождеству 1942 года добились немалых успехов в междуречье Волги и Дона. Группа армий «Дон» была далеко отброшена и перешла к обороне. Ее фронт был уже прорван в нескольких местах и трещал по всем швам. Участь окруженных под Сталинградом дивизий была решена окончательно: успешно отразив наступление деблокирующей группировки Манштейна, русские знали, что 6-я армия никуда от них не уйдет. На сей раз искусство управления войсками не помогло фельдмаршалу. Советское командование нанесло ему под Котельниковом серьезное поражение, чреватое самыми тяжкими последствиями для всей группы армий «Дон».

В описании Манштейном зимней кампании 1942/43 года отчетливо выпирают противоречия между данной им правильной оценкой обстановки и его половинчатыми решениями. Фельдмаршалу не удалось тогда добиться от верховного командования создания предпосылок, которые он считал необходимым залогом успеха, и трагизм его положения на первый взгляд в том и заключался, что ему не оставалось как будто бы ничего иного, как махнуть рукой и идти на совершенно безнадежное дело. Но можно ли считать, что фельдмаршал, столь тонко оценивший общую обстановку перед началом операции и уже очень скоро убедившийся в безнадежности своих препирательств с главным командованием, до конца осознал, какую чудовищную ответственность он принимает на свои плечи, а осознав, действительно сделал все возможное, чтобы до-

залось явно недостаточно. Само по себе наступление выдохлось, а питать его из глубины оперативного пространства было больше нечем. Пришлось поставить на этом крест». (Kurt Zeitzler, *Das Ringen um militärische Entscheidungen im zweiten Weltkrieg* — статья в журнале: «Wehrwissenschaftliche Rundschau», № 1, 1951, Heft 8, S. 27.)

биться от Гитлера создания предпосылок, абсолютно необходимых для успешного проведения деблокирующей операции?

В своих донесениях Манштейн не раз и не два давал исчерпывающий анализ обстановки и настоятельно требовал принятия всех продиктованных ею мер. Но чего же он добился на деле? Необходимо было в первую очередь своевременно получить разрешение оставить Сталинград, без колебания разъяснив диктатору, не желавшему уходить с берегов Волги именно из соображений своего престижа, чем он рискует, оставляя 6-ю армию под Сталинградом, и с какими последствиями это связано. Сухая манера генштабистов, в которой Манштейн выдерживал свои донесения и записки, не могла в данном случае подействовать на воображение Гитлера. В качестве примера приведем донесение от 9 декабря 1942 года, в котором Манштейн, подробно анализируя обстановку, допустил психологическую ошибку и, более того, бесстрастно взвешивая все «за» и «против», по существу, лил воду на мельницу Гитлера. «Оставив 6-ю армию в «крепости», — писал, в частности, фельдмаршал, — мы, вполне возможно, добьемся того, что русские застрянут здесь и, истекая кровью в бесплодных атаках, растратят впустую все накопленные силы. В этом случае их наступление выдохнется под Сталинградом» *. Нет, в той исключительной, критической ситуации, в которой оказалась тогда группа армий, ее командующему следовало бы составлять свои донесения в ином, куда более решительном и совершенно недвусмысленном тоне и настаивать на своем с резкостью, обычно, быть может, и непозволительной, но в данном случае оправданной и необходимой. Так почему же фельдмаршал, отлично понимавший, что в окружении гибнет целая армия, а над двумя группами армий Южного фронта нависла угроза полного разгрома, не бросил на чашу весов весь свой авторитет в своих бесплодных спорах с главным командованием? Он знал, что Гитлер считает его одним из самых одаренных полководцев и относится к нему как к автору оперативного плана западной кампании с особым уважением. После того как фельдмаршал на исходе первой недели декабря убедился воочию, что в его распоряжение предоставлена лишь малая часть затребованных им

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. S. 654.

соединений и что деблокирующая операция заранее обрекается на провал ввиду явного недостатка сил, ему следовало, не теряя времени, вылететь в ставку Гитлера и в ультимативной форме потребовать выполнения своих требований и проведения более действенных мер, пригрозив в противном случае отказаться от командования группой армий «Дон». Поступив таким образом, Манштейн, несомненно, помог бы и начальнику штаба сухопутных сил Цейцлеру, который в тот момент тщетно добивался от Гитлера принятия необходимых решений *.

Улучшение совершенно недостаточного снабжения 6-й армии по воздуху, уход из Сталинграда и отход группы армий «А» с Кавказа, скоординированный с деблокирующей операцией группы армий «Дон», — все эти продиктованные обстановкой меры необходимо было осуществить планомерно и своевременно. От проведения их зависела в тот момент судьба всего немецкого Южного фронта. Отвод соединений группы армий «А» с Кавказа следовало бы начать сразу же после того, как в ходе мощного советского наступления 6-я армия 21 ноября ** 1942 года была полностью окружена под Сталинградом. Позднее Манштейн получил с Кавказа одну-единственную потрепанную танковую дивизию. Почему же фельдмаршал примирился с тем, что в его распоряжение не были выделены другие соединения из состава соседней группы армий, которая вообще смогла бы удерживать свои рубежи на Кавказе лишь при условии восстановления прочного фронта на Дону? Лишь 26—27 декабря после окончательного провала деблокирующей операции Манштейн, планировавший еще одну попытку прорваться к Сталинградскому «котлу», категорически потребовал от ставки перебросить с Кавказа один из танковых корпусов группы армий «А» для пополнения полуразгромленной и обескровленной 4-й танковой армии. Разве не мог фельдмаршал при поддержке начальника генерального штаба, чья точка зрения, как это ему было доподлинно известно, совпадала с его собственной, еще в начале декабря потребовать от Гитлера

* Видер излишне доверчив к послевоенным писаниям генерала Цейцлера. Фактически нет документальных или надежных свидетельских показаний о столь благородной позиции начальника штаба сухопутных сил вермахта.

** Ошибка Видера. В действительности окружение завершилось 23 ноября.

незамедлительного отвода немецких соединений с Кавказа? Вообще невозможно было выправить положение на Дону, не убедив предварительно главное командование в необходимости как можно скорее вернуться к маневренному руководству действиями застрявшей на Кавказе группы армий «А» и перебросить ее соединения в калмыцкие степи, где они приняли бы участие в освобождении 6-й армии из Сталинградского «котла». Это, вероятно, позволило бы по крайней мере предотвратить самое страшное.

Начальник генерального штаба сухопутных сил в тот момент твердо рассчитывал на личное вмешательство Манштейна в его спор с Гитлером. Об этом, в частности, свидетельствует следующая цитата из записок Кунрата фон Хаммерштейна: «Цейцлер, занимавший тогда пост начальника генштаба, надеялся, что Манштейн, опираясь на свой авторитет командующего группой армий, уговорит Гитлера оставить Сталинград. Манштейн долго отнекивался всячески, ссылаясь на то, что обстановка требует его личного присутствия на фронте, и прилетел лишь по прямому приказу ставки. Прямо с аэродрома он поехал к Гитлеру. Цейцлер хотел перехватить его по дороге, но не успел. Когда же он потом спросил у фельдмаршала, чем окончился его разговор с Гитлером, тот ответил: «Фонтан красноречия! Его не переспоришь!» *.

Во время сталинградской трагедии Манштейн, не прекращавший своих бесплодных споров со ставкой, которая упорно отказывалась выполнять его обоснованные требования, в моменты максимального обострения обстановки не раз собирался демонстративно сложить с себя полномочия командующего группой армий. Однако, как он пишет, ответственность за своих солдат не позволила ему так поступить. Позволительно спросить в этой связи: почему же он не пустил в ход это средство гораздо раньше и не угрозил Гитлеру своей отставкой сразу же после того, как убедился, что дела принимают катастрофический оборот? Как знать, быть может, Гитлер и уступил бы по крайней мере в решающих вопросах, если бы фельдмаршал пошел на риск и проявил в интересах общего дела подобную непоколебимую твердость. Ведь фанатик, стоявший во главе вермахта, в тот критический момент больше, чем когда-

* Kunrat v. Hammerstein. Manstein, Статья в журнале: «Frankfurter Hefte», 11, 1956, S. 453.

либо, зависел от самого одаренного из своих военачальников. Но Манштейн не пошел на это. В результате он не только лишился возможности полновластно решать вопросы стратегии, в которых его авторитет был до тех пор непререкаем, но и явно пошел на сделку с собственной совестью. Он подчинялся приказам, в неправильности которых был абсолютно убежден, и превратился в покорного исполнителя воли безграмотного в военном отношении верховного главнокомандующего, упорно не желавшего считаться с самыми очевидными последствиями своих действий. Вот почему на него падает гораздо большая доля ответственности, чем на его злополучного подчиненного — генерала Паулюса. Фельдмаршал с высоты своего положения видел больше и дальше, он понимал, что поставлено на карту, и знал, что надо делать. С него больше и спрос! К Манштейну вполне применимы горькие слова, сказанные в свой собственный адрес генерал-полковником Рихтгофеном, командующим 4-м воздушным флотом, который, взаимодействуя с группой армий «Дон», принимал участие в операции «Зимняя гроза». В те роковые дни Рихтгофен с присущими ему темпераментом и прямоотой записал в своем дневнике: «С оперативной точки зрения я сейчас не более как унтер с генеральским окладом» *.

Подлинные масштабы катастрофы

Прежде чем вернуться к комплексу связанных со Сталинградом проблем, нам придется внести кое-какие поправки в фактические данные — даты и цифры, на которые ссылается в своих воспоминаниях Манштейн. Приводя явно заниженные данные в подтверждение своей трактовки событий, фельдмаршал стремится не только и не столько преуменьшить фактические потери Германии, но и затушевать подлинные масштабы сталинградской катастрофы.

В «Потерянных победах» Манштейн признает, что командование группы армий «Дон» не получало сверху точных данных об общей численности окруженных под Сталинградом соединений и в соответствующих подсчетах исходило из неполных и разноречивых сведений, получен-

* P a u l u s. Ich stehe hier auf Befehl! S. 227.

ных из штаба самой 6-й армии. Отмечая, что 6-й армии были приданы многочисленные артиллерийские и саперные части главного командования сухопутных сил, фельдмаршал считает все же, что в «котле» находилось, «по всей вероятности, не менее 200 тысяч и не более 220 тысяч человек». Однако эту цифру нельзя считать достоверной. Опубликованные ныне источники позволяют определить численность окруженной армии если не с полной точностью, то, во всяком случае, в максимальном приближении. В октябре 1942 года, примерно за месяц до начала русского наступления, на довольствии в 6-й армии — самой боеспособной и полнокровной в группе армий «Б» — состояло 334 тысячи человек. До 19 ноября 1942 года армия потеряла убитыми и ранеными около 17 тысяч человек. Потери, понесенные после русского прорыва до того момента, когда кольцо окружения сомкнулось, составили примерно 34 тысячи человек. Кроме того, около 39 тысяч человек, главным образом обозники и солдаты различных тыловых подразделений, попали в плен в районе Чира. Оказавшиеся в «котле» основные силы армии увеличились за счет двух армейских корпусов 4-й танковой армии, не входивших в приведенную выше цифру личного состава 6-й армии, а также за счет крупных авиационных соединений и остатков двух разгромленных румынских дивизий. Вполне достоверно выглядит оценка численности окруженной армии, выведенная Шрөтером на основании официальных источников. Его данные совпадают с подсчетами; проведенными в то время в 6-й армии, и с советскими оценками *. Таким образом, общая численность попавших в «котел» соединений составляла примерно 270—280 тысяч человек.

У нас — в штабе VIII армейского корпуса — в первый период боев в «котле» тоже неоднократно определяли общую численность окруженной армии цифрой 300 тысяч. Я особо упоминаю об этом потому, что штаб нашего корпуса в течение нескольких недель поддерживал постоянный контакт со специальным штабом армейского снабжения, разместившимся рядом с нами на аэродроме в Питомнике. Учет личного состава в этом штабе вели с особой тщательностью. В ходе боев из «котла» удалось эвакуиро-

* Heinz Schröter. Stalingrad «...bis zur letzten Patrone», Lengerich o. J., S. 185 f.

вать воздушным путем около 40 тысяч раненых, больных и специалистов. В официальных русских сообщениях, подводивших итоги сражения, говорилось о 91 тысяче взятых в плен немецких солдат и офицеров за период с 10 января 1943 года, а также о 147 200 убитых, обнаруженных и погребенных *.

Между прочим, обер-квартирмейстер 6-й армии майор фон Куновски на основании имевшихся в его распоряжении данных подсчитал, что на 10 января 1943 года, то есть к началу завершающего русского наступления, численность окруженных соединений составляла еще 195 тысяч человек. Манштейн прав, конечно, считая «завышенными» данные, согласно которым в «котле» с самого начала находилось более 300 тысяч человек. Но, с другой стороны, его собственные данные, по моему мнению, занижены примерно тысяч на пятьдесят, что ни мало ни много равно полному боевому составу целого армейского корпуса! Между прочим, и сам генерал Паулюс в своем письме к Манштейну от 26 ноября 1942 года (фельдмаршал не только неоднократно цитирует его и в этой и в другой связи, но и публикует полностью в приложениях к своим мемуарам под номером 9) говорит о «своей ответственности за введенных ему около 300 тысяч солдат и офицеров» **. В свою очередь назначенный позднее обер-квартирмейстер (начальник тыла) 6-й армии, который, ведая вопросами снабжения и находясь сначала в «котле», а затем в штабе группы армий, по роду своей работы был более, чем кто-либо, осведомлен о нуждах личного состава, писал в своем отчете, что до середины декабря, когда он принимал дела, «численность окруженной армии понизилась с 270 тысяч до 250 тысяч человек» ***. При встрече с ответственным за воздушное снабжение командиром VIII авиакорпуса генералом Фибихом, который 11 декабря прибыл в «котел», чтобы на месте сориентироваться в обстановке,

* См.: Stalingrad, Die ersten authentischen Berichte der russischen Generäle... Zürich, 1945. См. также известную советскую монографию А. М. Самсонова «Сталинградская битва». М., 1960 (стр. 546 и сл.) и работу Тельпуховского «Великая победа Советской Армии под Сталинградом». М., 1953, стр. 109.

** Erich v. Manstein. Verlorene Siege. S. 650. Цитируя упомянутое письмо, Вальтер Гёрлиц попросту опустил эту фразу. (См. Paulus. Ich stehe hier auf Befehl! S. 222.)

*** Günter Toepeke. Stalingrad — wie es wirklich war Stade, 1949, S. 42, 52.

Паулюс и его начальник штаба Шмидт говорили, что «соединения, обороняющие крепость», насчитывают 270 тысяч человек*.

Остается указать на еще одну фактическую ошибку в изложении Манштейна: он пишет, что капитуляция произошла 1 февраля, тогда как на самом деле это случилось 2-го. Сам Паулюс, произведенный в последние дни битвы в фельдмаршалы, капитулировал со своим штабом еще на рассвете 31 января, нарушив тем самым собственный, так и не отмененный им приказ «держаться до конца». Однако его капитуляция не распространялась на остатки армии, которые под командованием генерала Штрекера продолжали на северном участке «котла» бессмысленное сопротивление и сложили оружие лишь 2 февраля на исходе дня. Я считаю нужным особо упомянуть об этом, поскольку каждый новый день безнадежной борьбы стоил тогда многих тысяч человеческих жизней.

Сталинград — не обычное поражение

Говоря о «восстановлении прежнего положения», Манштейн, конечно, имеет в виду не возвращение утраченных в результате русского наступления позиций в буквальном смысле слова, хотя верховное командование на первых порах именно этого и добивалось. Речь шла, говоря словами Шлиффена, которые неоднократно цитирует фельдмаршал, о том, чтобы «вновь встать на ноги после того поражения», или, проще говоря, о том, чтобы отвести в тыл потрепанные, полуразгромленные в тяжелых боях соединения и после этого восстановить прочную линию фронта. В конце концов, потеряв 6-ю армию, фельдмаршал, не-

* Hans-Detlef Herhudt v. Rohden. Die Luftwaffe ringt um Stalingrad. Wiesbaden, 1950, S. 35. В докладной записке генерала танковых войск Хубе «О воздушном снабжении сталинградской «крепости», датированной 15.3.1943 года, по этому поводу было сказано следующее: «К моменту окружения (в конце ноября 1942 года) на довольствии в сталинградской «крепости» стояло около 260 тысяч человек. К концу декабря число это сократилось примерно до 250 тысяч за счет убитых в боях и раненых, эвакуированных воздушным путем». Ганс-Адольф Якобсен полностью приводит в своей работе этот любопытный документ. (См.: Hans Adolf Jacobsen. 1939/45. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, 5 Auflage. Darmstadt, 1961, S. 365 ff.)

смотря на большое превосходство противника в силах, ликвидировал многочисленные угрозы и с блеском решил эту стратегическую задачу*.

Но никакие, пусть самые блестящие, оперативные решения не могли компенсировать чудовищное поражение на Волге и тем более вытеснить его из памяти. Никакие стратегические расчеты, сколь бы дальновидны они ни были, не могли свести на нет многообразные последствия политического и морального характера, порожденные страшной катастрофой, которая обрушилась на Германию под Сталинградом. Последствия эти не исчерпывались потерей одной из самых лучших и боеспособных немецких армий, вместе с которой была уничтожена и значительная часть артиллерийских и саперных соединений резерва главного командования сухопутных сил.

Дело не ограничилось гибелью 300 тысяч человек, что, впрочем, само по себе было трагедией хотя бы для доброго миллиона семей в Германии и Австрии. Катастрофа, постигшая Германию на Волге по вине Гитлера, позволила русским нанести целую серию сокрушительных ударов, в результате которых были уничтожены две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии. Таким образом, за короткий период основная масса вооруженных сил союзников Германии на Восточном фронте была сметена с полей сражений в России. Если учесть, подводя жуткий баланс Сталинградской битвы и связанных с ней событий, и тяжелые жертвы, понесенные нами в ходе деблокирующей операции, закончившейся полным провалом, и в тяжелых оборонительных боях в тех районах, где советские армии пробili в стене немецкого фронта кровавые бреши, то наши потери будут исчисляться многими сотнями тысяч. Гигантский участок Восточного фронта протяженностью в тысячу километров — от Терека до Воронежа — рухнул, и разверзшаяся бездна поглотила более 60 немецких дивизий и целый воздушный флот.

Но катастрофические последствия Сталинграда — это не только огромные потери в живой силе и технике. Паде-

* В данном случае Видер дает себя обмануть Манштейну. Каких-либо блестящих побед фельдмаршал весной 1943 года не одержал. В действительности в связи с тем, что Воронежский и Юго-Западный фронты продвинулись слишком далеко, не имея достаточных резервов для закрепления успеха, гитлеровцам удалось потеснить их с помощью частных контрударов.

ние боевого духа на фронте, моральный ущерб, нанесенный тылу, возросшая боеспособность русских, напрочно захвативших инициативу, окрепнувшая вера СССР в собственные силы, осложнение внутривойсковой обстановки в Германии и, наконец, резкое ослабление ее внешнеполитических позиций — все эти последствия сталинградской катастрофы не заставили себя долго ждать *.

Учитывая, что Германия вела тотальную войну, в которой моральный фактор играет решающую роль, следует признать, что Сталинград был из ряда вон выходящим, беспрецедентным и немыслимым до того поражением, поворотным пунктом всей минувшей войны. Фельдмаршал Манштейн, анализируя лишь стратегические аспекты этой самой страшной, самой черной катастрофы во всей немецкой истории, трагедии, с которой неразрывно связано и его собственное имя, пытается преуменьшить ее масштабы, скрыть ее подлинное значение, представить Сталинград обычным военным поражением, тяжелые последствия которого ему, одаренному полководцу, удалось в какой-то степени ликвидировать в ходе последующих военных операций.

Герделер, один из руководителей антигитлеровского заговора 20 июля 1944 года **, в письме к своему единомышленнику генералу Ольбрихту от 17 мая 1943 года выразил

* Последствия поражения немцев под Сталинградом сказались повсеместно, нейтральные страны — Турция, Испания, Швеция и Португалия — отступились от Гитлера, боевой дух союзников Германии окончательно испарился, партизанское движение в оккупированных странах обрело новые силы, фронт в вермахте, как и все движение Сопротивления в самой Германии, усилились и окрепли. Мюнхенский профессор Хубер в своей последней листовке (она-то и привела на эшафот самого профессора и его учеников — Ганса Шолль, его сестру Софи и их друзей) призывал немецких студентов к освободительной борьбе, заклиная их памятью погибших под Сталинградом. Листовка эта начиналась следующими словами: «Весь народ потрясен гибелью наших солдат под Сталинградом. «Гениальная стратегия» бывшего кайзеровского ефрейтора привела к бессмысленной, ничем не оправданной гибели трехсот тридцати тысяч немецких солдат. Спасибо тебе, фюрер!» Этот манифест «Белой розы» — мюнхенской группы Сопротивления — обращался к студенческой молодежи с пламенным призывом «к искуплению и отмщению, которые явились бы нашим вкладом в духовное возрождение Европы» (цитируется по Якобсону, *ibidem*, стр. 619 и сл.).

** Имеется в виду генеральский заговор, который ставил своей целью устранить Гитлера, заключить сепаратный мир с западными союзниками и продолжить войну против СССР.

чувства, которые испытывали в те дни миллионы немцев, и предвосхитил позднейший приговор истории.

«Сталинград и Тунис — это два самых тяжелых поражения в германской истории со времени Иены и Ауэрштадта, — писал тогда Герделер. — В обоих случаях немецкому народу было сказано, что соображения высшего порядка вынудили принести в жертву целые армии. Мы хорошо знаем, что это ложь. Военные, как и политики, имеют право идти лишь на такие жертвы, которые являются залогом решающего успеха в будущем. Только такой успех оправдывает жертву. В данном же случае виной всему неспособность и безответственность руководства...» *

Недопустимость и аморальность сталинградского «смертного приговора»

В те страшные январские дни 1943 года, когда обессиленная армия, давно уже испытывавшая острый недостаток во всем необходимом, шла на кровавую Голгофу и, подчиняясь приказу свыше, даже не попыталась сократить этот смертный путь, многие из немцев, сражавшихся под Сталинградом, тщетно пытались решить хотя бы для себя глубокие чисто человеческие и моральные проблемы, приводившие нас в отчаяние. Мемуары Манштейна с мучительной ясностью воскресили в моей памяти вопросы, которые я и попытаюсь здесь вновь сформулировать: имеет ли кто бы то ни было моральное право возложить на плечи ближнего своего столь тяжкое бремя невыносимых страданий и смертных мук? Позволено ли кому бы то ни было так пожирать человеческое достоинство? Почему ответственные руководители, обрекая на смерть 200 тысяч людей, не подумали предварительно о том, совместим ли такой приказ с требованиями человеческой морали? Неужели решающие стратегические соображения, от которых зависела якобы судьба войны, действительно требовали подобного неслыханного жертвоприношения? Быть может, подлинное глубокое чувство ответственности не позволило бы вынести смертный приговор целой армии? Можно ли и допустимо ли оправдывать такие гигантские жертвы

* Hans Bernd Gisevius. Bis zum bitteren Ende. Zürich, 1946, Bd. 2, S. 272.

только лишь восстановлением стратегического равновесия, к тому же временного и непрочного? Разве пельзя быть солдатом, оставаясь человеком? Быть может, военная этика и солдатская честь и впрямь несовместимы со стратегическим мышлением? Или среди ответственных за наши судьбы не нашлось ни одного, кто взял бы на себя смелость своевременными и решительными действиями предотвратить грозящую катастрофу, а после того, как она стала неизбежной, хотя бы сократить затянувшуюся агонию?

То, что произошло под Сталинградом, по моему глубокому убеждению, нельзя сравнивать ни с какими жертвами и поражениями, без которых, конечно, не обходится ни одна война. Голгофа германской армии на берегах Волги затмила все военные трагедии прошлого. И прежде всего потому, что в Сталинградском «котле» были обречены на медленную и мучительную смерть десятки тысяч людей, лишенных всего элементарно необходимого и сражавшихся в невыносимых условиях. Сталинградское побоище нанесло удар в самое сердце немецкого народа, плоть от плоти которого была уничтоженная 6-я армия.

Сознательно доведя дело до катастрофы, наши руководители не только потерпели военное поражение, но и гнусно надругались над всем, что свято для человека, — над его жизнью, честью и достоинством. В последние дни битвы я не мог избавиться от впечатления, что вместе с тысячами трупов в немецких могилах под Сталинградом погребена человечность.

На исходе второй недели января 1943 года, когда было отвергнуто первое русское предложение капитуляции, боеспособность 6-й армии была уже предельно ограничена. Долгие недели непрерывных лишений вконец измотали солдат. Голод терзал людей, не хватало боеприпасов, уцелевшая тяжелая техника была почти бесполезна из-за недостатка горючего. В лютые морозы армия сражалась без зимнего обмундирования в открытой степи. Число больных и раненых росло не по дням, а по часам, нехватка необходимых медикаментов и отсутствие самых элементарных условий для оказания медицинской помощи ощущались все более остро. И по сей день я с содроганием вспоминаю о сводках потерь, ежедневно поступавших в штаб нашего VIII корпуса из штабов дивизий, входивших в его состав: это была леденящая душу бухгалтерия смерти; люди гибли не только в боях — вскоре после рождества

резко возросло количество людей, умерших от холода и истощения.

В последних числах декабря главное командование сухопутных сил направило в Сталинградский «котел» одного из видных берлинских патологоанатомов с секретным поручением установить на основании медицинских вскрытий истинную причину скоропостижной смерти столь большого количества солдат. Вот как выглядели результаты вскрытия многочисленных трупов, которые приходилось вначале оттаивать: «Почти полное отсутствие жировой ткани; в кишечнике — студенистая жидкость; внутренние органы бледные, обескровленные; вместо костного мозга — стекловидная желеобразная масса, начисто утратившая нормальную — красную и желтую — окраску; печень — застойная, сердце — сморщенное, потемневшее, правое предсердие и правый желудочек значительно расширены». Протоколы этих вскрытий приводит Ганс Дибольд в своих записках, которые нельзя читать без волнения. О ненормальном расширении правого желудочка сердца как о причине внезапной смерти говорил и один из военных врачей 6-й армии (по происхождению австриец), выступивший в те дни перед своими коллегами и товарищами по несчастью со специальным сообщением на эту тему. Это патологическое перерождение сердца, характерное для людей преклонного возраста, по его словам, было следствием голода и переохлаждения организма. «Немецкие солдаты, молодые люди, еще недавно полные сил, умирают теперь от полного истощения сил смертью дряхлых стариков» *, — сказал он в заключение.

Это истощенное войско в течение определенного времени сдерживало силы противника. И даже после того, как 10 января русские начали последнее всеокрушающее наступление на позиции окруженной армии, наши солдаты еще в течение нескольких дней оказывали отчаянное сопротивление. Но когда под ударами противника вдребезги разлетелись западная и северная стенки «котла», когда 16 января противник занял аэродром Питомник — сердце окруженной армии, — наши беспорядочно и неудержимо откатывавшиеся соединения, по существу, уже утратили боеспособность. Небольшие вспомогательные аэродромы,

* Hans Dibold. Arzt in Stalingrad, Passion einer Gefangenschaft. Salzburg, 1949, S. 17 f.

еще находившиеся в наших руках, пустовали, снабжение по воздуху, и до тех пор недостаточное, почти полностью прекратилось. Командующему армией следовало в этот момент вопреки полученным приказам прекратить сопротивление, которое изо дня в день становилось все более бессмысленным, и вступить с Советским командованием в переговоры о капитуляции. Солдаты, лишенные всего необходимого и брошенные на произвол судьбы, не могли и не должны были больше сражаться.

Вот почему весьма сомнительно выглядят аргументы Манштейна, утверждающего, что 6-ю армию пришлось в конце концов принести в жертву высшим стратегическим соображениям. Выспренние рассуждения фельдмаршала, доказывающего на нескольких страницах, что лишь такой ценой ему удалось обеспечить планомерный отход немецких соединений с Кавказа и создать новую стабильную линию фронта, подозрительно смахивают на официальную пропаганду того времени, извращавшую подлинное положение дел. Солдаты и офицеры в Сталинградском «котле» понятия не имели о том, какого высокого смысла была, оказывается, исполнена их «славная гибель». Им было лишь приказано «держаться до последнего патрона и последнего человека». Они так ничего и не узнали о полученных штабом армии радиограммах, в которых говорилось, что их «героическое сопротивление помогло отвести смертельную угрозу, нависшую над группой армий «Дон», и шла речь о «судьбе всего Восточного фронта» и даже «всей западной цивилизации».

Оправдываясь перед потомством и историей, отставные генералы ныне ведут в своих мемуарах бесконечные споры друг с другом о том, когда же 6-я армия могла бы без ущерба для других участков фронта, так сказать, со спокойной совестью сложить оружие — 16, 20 или на худой конец 24 января 1943 года. Ограничимся здесь лишь констатацией того простого и бесспорного факта, что начиная с середины января приказ продолжать сопротивление лишь затягивал агонию злополучной 6-й армии и был поэтому не только безответственным, но и аморальным в самом прямом смысле этого слова.

Генерал Цейцлер, начальник генерального штаба сухопутных сил, благодаря своему положению лучше других понимавший, какие меры диктует общая обстановка на фронтах, ни слова не говорит в своих воспоминаниях о

стратегических соображениях, требовавших якобы пожертвовать 6-й армией. Напротив, еще 8 января, сразу же после первого русского предложения о капитуляции, он ходатайствовал перед Гитлером «о предоставлении генерал-полковнику Паулюсу испрошенной им свободы действий» и настаивал на немедленной капитуляции окруженной армии, явно не придавая значения тому, что в своей агонии она все еще приковывала к себе значительные силы, которые противник мог бы использовать на других участках фронта*.

По данным обер-квартирмейстера 6-й армии, число больных и раненых, находившихся в «котле» в нечеловеческих условиях, к началу последней недели января 1943 года превышало 50 тысяч**. В частях множились признаки разложения. 364 смертных приговора, вынесенных и приведенных в исполнение в окружении, тоже вписаны кровью на страницы сталинградской трагедии, которая по приказу свыше была неумолимо доведена до финала. Можно ли в таких условиях звать к солдатской доблести и верности долгу? Принципы воинской этики были растоптаны под Сталинградом! На заключительном этапе сражения от нас требовали уже не осознанного выполнения долга, а слепого повиновения бессмысленным приказам. Мы были лишь винтиками в бездушной человеческой машине милитаризма, извратившего и выхолостившего само понятие чести.

Генерал Дёрр, говоря о сталинградском побоище и о гибели 6-й армии, сознательно принесенной в жертву на берегах Волги, обнаружил куда более глубокое чувство ответственности, чем фельдмаршал Манштейн. В своей работе, посвященной Сталинграду, он писал: «Уцелевшим участникам Сталинградской битвы, родным и близким погибших на берегах Волги, семьям многих пропавших без вести в «котле», о чьей судьбе до сих пор ничего не известно, говорят теперь, что 6-я армия была принесена в жертву по стратегическим соображениям. Утешит ли это их или хотя бы принесет запоздалое чувство удовлетворения? Едва ли! По всем понятиям, божеским и человеческим, жертва оправдана, если ее приносят во имя какого-

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. S. 390 f.

** Günter Toepeke. Stalingrad — wie es wirklich war. Stade, 1949, S. 131 f.

то доброго дела. Спаситель принял смерть на кресте, а древние народы на заре цивилизации жертвами надеялись купить милость богов. Бессчетны случаи, когда человек жертвовал своей жизнью во имя спасения других людей. Но о судьбе 6-й армии этого не скажешь. Весь дальнейший ход войны и завершившая ее катастрофа доказали, что 6-я армия погибла напрасно; и чем очевидней это было, тем ясней становилось всем и каждому, что ни о какой оправданной жертве не может быть и речи. Вот почему мы обязаны осознать свою ответственность перед историей и стремиться к тому, чтобы грядущие поколения извлекли из нашего опыта урок, мы должны со всей решительностью отвергнуть точку зрения тех, кто считает, что жертва эта была оправдана военной необходимостью. Подобная точка зрения противоречит не только фактам, но и человеческой морали» *.

Манштейн не приказал 6-й армии капитулировать, хотя и считал ее капитуляцию «желательной»

Лишь 22 января фельдмаршал Манштейн вслед за Паулюсом счел возможным просить Гитлера, чтобы тот без промедления разрешил командованию 6-й армии срочно вступить с противником в переговоры о капитуляции. Не подлежит сомнению, что к этому времени дальнейшее сопротивление в «котле» уже противоречило самым элементарным требованиям гуманности и морали. Теперь уже и Манштейн не считал для себя возможным нести ответственность за продолжение бессмысленной борьбы гибнущей армии, хотя последняя в своей агонии все еще приковывала к себе силы, которые Советское командование могло бы в случае капитуляции окруженной группировки использовать на других участках фронта против соединений группы армий «Дон». Впрочем, надо оговориться, что фельдмаршал в своей, пожалуй, слишком схематичной характеристике обстановки у противника явно преувеличи-

* Hans Doerr. War Stalingrad ein Opfergang? Die politische Meinung, Monatshefte für Fragen der Zeit, 1958, S. 89. (Текст приветственной речи генерал-майора Дёрра, произнесенной в Нюрнберге 4 октября 1958 года на первом федеральном слете участников Сталинградской битвы.)

вает, говоря о 90 русских соединениях, составляющих якобы еще во второй половине января внешний обвод кольца. Русские в тот момент уже имели возможность постепенно высвобождать свои силы и реорганизовывать коммуникации, что они, несомненно, и начали делать примерно с середины января. Попад в плен и следуя по этапу в тыл, мы сами смогли впоследствии убедиться в том, что основная масса частей противника давно уже покинула недавнее поле битвы,— в этом районе оставались лишь его высшие штабы и тыловые службы.

Спору нет, русские не больно торопились с ликвидацией остатков «котла»: захватив аэродром Питомник, они еще целых две недели вели бои по окончательному уничтожению окруженных соединений, продвигаясь, таким образом, не более чем на 1—2 километра в день. Некоторые немецкие исследователи, например Тёпке, который, впрочем, судит о Сталинградской битве лишь понаслышке, объясняли это исключительно «героизмом и отчаянным сопротивлением остатков окруженной армии». Это одностороннее освещение, разумеется, не выдерживает критики. Без сомнения, немецкие солдаты даже в те страшные дни в отдельных случаях еще показали высокие образцы воинской доблести, но армия, как таковая, была уже разгромлена и небоеспособна. Русские, отлично знавшие о том, что Гитлер категорически запретил любую попытку прорыва, были полными господами положения. Зная, что 6-я армия никуда от них не уйдет, они не желали под конец рисковать чем бы то ни было, не торопились и явно щадили свои силы*.

* Эпизод, рассказанный маршалом Чуйковым, бывшим командующим легендарной советской 62-й армией, оборонявшей Сталинград и прилегающий к городу участок фронта вдоль берега Волги, свидетельствует о том, как низко оценивали русские в тот момент боеспособность обреченных немецких соединений в «котле». Перед началом завершающей операции по уничтожению окруженной группировки ответственный за ее проведение командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский специально заехал в штаб Чуйкова, чтобы уточнить на месте, окажется ли 62-я армия в состоянии отразить натиск противника, если окруженные предпримут отчаянную попытку прорваться через скованную льдом Волгу. Чуйков успокоил командующего фронтом, сказав, что немцы теперь «затравленные зайцы», а армия Паулюса уже не армия, а «окруженный лагерь военнопленных». (См.: В. И. Чуйков. Начало пути. М., 1959, стр. 286.)

Манштейн сурово осуждает фанатизм Гитлера, который по соображениям личного престижа не желал и слышать о капитуляции, не говоря уже о том, что человечность вообще была ему неведома; но наряду с этим фельдмаршал в своих мемуарах не отвергает некоторые из тех аргументов, которыми Гитлер в те дни пытался обосновать свою непреклонность. Так, приводя его слова о том, что капитуляция лишена-де всякого смысла, поскольку русские не сдержат своих обещаний, Манштейн замечает, что Гитлер здесь оказался «в общем и целом» прав, ибо из 90 тысяч пленных в конце концов уцелело лишь несколько тысяч, а гибель остальных «остается на совести русских, не оказавших им необходимой помощи» *. В общем контексте «Потерянных побед» подобное заявление производит весьма тягостное впечатление. При решении вопроса о капитуляции 6-й армии, хотя бы по чисто этическим соображениям, не следовало придавать никакого значения разного рода гипотезам об участии, которая ждет основную массу капитулирующих во вражеском плену. Ведь никто не мог с уверенностью сказать, что произойдет с уцелевшими участниками сражения, которые, капитулируя, во всяком случае, получали шанс остаться в живых! Манштейн пишет, что смертность среди немцев, взятых в плен в Сталинградском «котле», была необычно велика, и объясняет это главным образом недостатком доброй воли у победителей. Но мы должны, справедливости ради, указать в этой связи на следующий бесспорный факт: уцелевшие солдаты 6-й армии, сдавшиеся в плен в конце января и начале февраля 1943 года, были в большинстве своем уже отмечены печатью смерти; измотанные, предельно истощенные люди были усыпаны тифозными вшами — вскоре в пересылочных лагерях в Бекетовке, Красноармейске и Фролове вспыхнули жестокие эпидемии сыпняка. Так, для большинства уцелевших в Сталинградском «котле» русский плен был лишь коротким эпилогом трагедии — они не ушли от злой судьбы. В одном лишь Бекетовском лагере весной 1943 года от тифа умерло около 40 тысяч человек.

Русское командование, по-видимому, не считало нужным заранее принимать меры по снабжению и медицинскому обслуживанию большого количества пленных имен-

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. S. 391.

но в силу того, что его предложения о капитуляции отклонялись неоднократно и самым решительным образом и что 6-я армия, судя по всему, и впрямь намеревалась сопротивляться «до последнего солдата и последнего патрона». И все же впоследствии, несмотря на трудности с транспортом (которые Манштейн недооценивает), несмотря на бедственное положение своего гражданского населения, одним словом, несмотря на многочисленные объективные причины, русское командование старалось по мере сил оказать помощь пленным и улучшить их положение. И в этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что многие советские медсестры и женщины-врачи (в том числе и еврейки), движимые чувством истинного милосердия и принципами гуманизма, пожертвовали собой во имя спасения немцев, взятых в плен под Сталинградом: работая в лагерных госпиталях, они заражались сыпняком и умирали*.

Не вступив своевременно в переговоры с русскими о капитуляции, командование 6-й армии поступило безответственно, усугубив последствия катастрофы. Оно обрекло тем самым на новые муки своих уцелевших солдат и, по существу, заранее лишило многих из них каких-либо шансов пережить первые, самые тяжелые месяцы плена. Особенно тяжело пришлось нашим солдатам, взятым в плен в северной части «котла»: в течение двух дней после капитуляции Паулюса они еще продолжали сопротивление, естественно ожесточившее победителей.

Манштейн не считал нужным осудить это роковое упущение командующего 6-й армией, не попытавшегося хоть как-то повлиять на ход событий и предотвратить самое страшное. Это и понятно, ибо фельдмаршал в тот момент сам находился в том же порочном кругу. Ясно сознавая, что капитуляция 6-й армии необходима, но так и не добившись от Гитлера соответствующих санкций, Манштейн вступил в сделку с собственной совестью и предоставил окруженных своей участи. Он говорит, что лишь чувство ответственности за судьбу всей группы армий, за своих солдат, над которыми и за пределами Сталинградского «котла» нависла смертельная угроза, помешало ему тогда «бросить в лицо Гитлеру свою отставку». В этом фельд-

* Helmut Gollwitzer. «...und führen wohin du nicht willst». Bericht einer Gefangenschaft, München, 1951, S. 110 f.

маршалу можно поверить. Но весь трагизм положения, в которое он поставил себя, в том и заключался, что ему не оставалось ничего другого, как пожертвовать сотнями тысяч своих людей, в полном смысле слова бросить их на произвол судьбы во имя «высших стратегических соображений». Произошло же это потому, что Манштейн, хотя и решался от случая к случаю открыто критиковать действия Гитлера, безоговорочно поставил свое высокое полководческое искусство на службу диктатору, который попирает все законы войны, не признавая военной этики, и, по существу, обрек на бесчестье и многих сотрудничавших с ним ответственных военачальников. Как тут не вспомнить слова, сказанные одним из ближайших помощников Манштейна в разговоре с начальником инженерной службы 6-й армии в конце декабря 1942 года: «Все мы теперь ординарцы — что в штабе армии, что в штабе группы армий» *.

Сопrotивление в «котле» и воинский долг

Манштейн задним числом старается оправдать свою тогдашнюю точку зрения и доказать, что в январе 1943 года 6-я армия была принесена в жертву не напрасно. Его аргументы при этом весьма характерны — они позволяют нам взглянуть на происходившее глазами самого фельдмаршала, разобраться в его действиях, понять причины его упущений и подсказывают нам в конечном счете правильные ответы на серьезнейшие вопросы сталинградской трагедии.

Останавливаясь на том якобы решающем значении, которое приобрело безнадежное сопротивление обреченной 6-й армии на весь дальнейший ход войны, Манштейн пишет: «Нельзя согласиться с теми, кто считает теперь задним числом, что войну к тому времени мы все равно уже проиграли и что, кончив ее как можно скорее, мы лишь избавили бы людей от новых, еще более тяжелых лишений и мук. Задним умом кто из нас не крепок! В те дни военное поражение Германии ни в коем случае не

* Herbert Selle. Die Tragödie von Stalingrad. Der Untergang der 6. Armee, 3 verb. Auflage, Hannover, 1948, S. 6.

было неизбежным и неотвратимым. Восстановив положение на южном фланге Восточного фронта, мы еще вполне могли закончить партию вничью в военном, а следовательно, и в политическом отношении» *.

Возражения напрашиваются здесь буквально на каждом слове и отнюдь «не задним числом». Допустим, что Манштейн действительно еще не считал тогда войну проигранной и даже тешил себя надеждами на военную, а то и «политическую ничью». Непонятно только, как он мог рассчитывать на подобный исход в политической обстановке того времени — после всего того, что принесло Европе господство Гитлера! Фельдмаршал никак не обосновал в данном случае свою точку зрения. Трудно поверить, что такой выдающийся военный деятель, как Манштейн, занимая столь ответственный и высокий пост, в тот момент все еще не мог осознать, какими роковыми военными и политическими последствиями было для нас чревато продолжение войны. К тому времени некоторые исполненные чувства ответственности военачальники давно уже потеряли всякую надежду на благополучный исход войны, и сознание неизбежности поражения камнем лежало у них на сердце. И среди высших офицеров в соединениях самой группы армий «Дон» — не в последнюю очередь и в окруженной 6-й армии — многие уже сделали для себя обоснованный вывод о том, что война проиграна окончательно. Но прежде всего следует в этой связи вспомнить, что в немецком движении Сопротивления — и прежде всего среди участвовавших в нем военных — давно уже были дальновидные, исполненные чувства ответственности люди, искренне стремившиеся как можно скорее покончить с безнадежной войной, избавив таким образом от новых тяжелых жертв немецкий народ, которому приходилось расплачиваться за нее своим благосостоянием и своей кровью **. К числу этих людей принадлежал в первую оче-

* *Erich v. Manstein. Verlorene Siege. S. 384.*

** В соответствии с буржуазной версией о движении Сопротивления в Германии И. Видер пытается выдать за «движение Сопротивления» робкие и непоследовательные действия отдельных буржуазных группок, и в частности генеральский заговор против Гитлера 20 июля 1944 года. Среди участников заговора лишь такие одиночки, как полковник граф фон Штауффенберг, который, хотя и весьма туманно представлял себе, какой должна быть будущая демократическая Германия, все же искренне стремились избавить Германию от гитлеризма и пытались сблизиться с коммунистами-

редь генерал-полковник Бек, выдающийся военный деятель, во всех своих помыслах и поступках продолжавший наши лучшие боевые традиции и олицетворявший дух старого германского генштаба. Историк Фридрих Мейнеке относит его к тем, увы, весьма немногочисленным у нас высшим офицерам, которые были «не только решительными и энергичными военными», но и «высококультурными дальновидными патриотами — подлинными наследниками Шарнгорста» *. Генерал Бек с растущей тревогой сознавал, что продолжение войны ведет Германию на край пропасти. Он пытался убедить в этом Манштейна и привлечь его на свою сторону. Но тщетно! По словам одного из ближайших друзей и единомышленников Бека, фельдмаршал в своем ответе на письмо бывшего начальника генштаба не только покривил душой, но и обнаружил убожество мысли, непростительное для полководца. «В конце концов, — писал Манштейн Беку, — война не проиграна до тех пор, пока мы сами не признаем себя побежденными» **. К сожалению, фельдмаршал в своих мемуарах не считал нужным коснуться своей переписки с генералом Бекком. Не упоминает он и о своей беседе с полковником графом Штауффенбергом, который в январе 1943 года приезжал в его штаб в Таганроге с поручением от генерала Цейцлера. Не подлежит сомнению, что в этой длившейся несколько часов беседе Штауффенберг со свойственной ему решимостью поставил перед фельдмаршалом кардинальный вопрос о грядущей ответственности его как полководца ***. Повествуя о сталинградской катастрофе и вообще о минувшей войне, Манштейн старательно избегает

подпольщиками. Что же касается буржуазных «сопротивленцев», в частности «идейного вождя» участников заговора 20 июля Гёрделера, то они своей целью ставили внести раскол в антигитлеровскую коалицию и ослабить тем самым ее наступательную силу.

* *Герхард Иоган Шарнгорст* (1755—1813) — прусский генерал, один из инициаторов военных реформ в Пруссии после разгрома ее армии Наполеоном под Иеной и Ауэрштедтом в 1806 году, основатель военной академии в Берлине, автор ряда трудов по военно-теоретическим вопросам. (Friedrich Meinecke. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946, S. 146.)

** Hans Bernd Gisevius. Bis zum bitteren Ende, Zürich, 1946, Bd. 2, S. 271. См. также: Gerhard Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1955, S. 343 f., 523.

*** Kunrat v. Hammerstein. Manstein. В журнале: «Frankfurter Hefte», 11, 1956, S. 453.

каких бы то ни было политических оценок. Это лишь доказывает, что проблемы морального оправдания политики, ее нравственная сторона — одним словом, все те вопросы, которые именно в то время мучительно старались разрешить для себя многие немецкие военные, и не только такие выдающиеся, как Бек, самого фельдмаршала несколько не волновали или, говоря ясней, выходили, по его мнению, за пределы компетенции немецкого генерала.

В связи с этим следует вспомнить, что руководители немецкого движения Сопротивления хотели использовать поражение под Сталинградом (кстати сказать, предсказанное Бекем вплоть до отдельных деталей) в качестве предлога для того, чтобы с помощью некоторых из немецких фельдмаршалов отстранить Гитлера от руководства военными действиями на Восточном фронте. Впрочем, необходимой предпосылкой для этого они считали открытый отказ генерала Паулюса повиноваться приказу Гитлера, рассчитывая на то, что командующий 6-й армией во имя спасения своих солдат будет действовать на свой страх и риск или по крайней мере обратится в последнюю минуту с воззванием к армии и немецкому народу, превратив таким образом сталинградскую катастрофу, постигшую нас по вине Гитлера, в тревожный набат *. Но ничего подобного не произошло, более того, немецкие высшие военачальники и после сталинградского сражения, которое, казалось бы, должно было окончательно убедить их, что продолжение войны для Германии смерти подобно, продолжали служить Гитлеру верой и правдой. Это вызвало горькое разочарование и ожесточение у руководителей немецкого Сопротивления и в то же время укрепило их решимость любыми, пусть самыми крайними средствами покончить с войной. Как говорят, Бек заявил тогда, что после свержения Гитлера он, не колеблясь, предал бы Паулюса военному суду за «преступное бездействие» **. Тем же чувством ожесточения и горечи объясняется, по-видимому, и та резкость, с которой осуждали Манштейна некото-

* Hans Bernd Gisevius. Bis zum bitieren Ende. Zürich, 1946, Bd. 2, S. 267 f. См. также: Ulrich v. Hassel. Vom andern Deutschland. Aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938—1944. Zürich und Freiburg, 1946, S. 291; Gerhard Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1955, S. 343.

** Allan W. Dalles. Verschwörung in Deutschland. Kassel, 1949, S. 94.

рые участники немецкого Сопротивления, упрекавшие фельдмаршала в том, что, увлекаясь решением частных оперативных задач, он, что называется, не видит за деревьями леса, то есть начисто забывает обо всем ходе войны и теряет чувство исторической перспективы*.

Так или иначе, ясно одно: уверенность в неизбежном катастрофическом поражении в войне, которая, как ни крути, была для нас войной во имя Гитлера, и оценка, согласно которой положение Германии на фронтах после сталинградского побоища было безнадежным, отнюдь не является, говоря словами Манштейна, запоздалыми плодами «заднего ума». Между прочим, сам фельдмаршал на скамье подсудимых в Гамбурге, отвечая своему английскому защитнику, отстаивавшему его интересы, на вопрос о том, к какому времени он, Манштейн, сам убедился в неизбежности поражения, заявил дословно следующее: «Зимой 1942 года я понял, что нам не одержать победы в этой войне. Мы уже никак не могли удержать предельно растянутый фронт в России. Я понимал, что русские с их неисчерпаемыми людскими резервами, продвигаясь шаг за шагом, в конце концов раздавят нас»**.

Впрочем, тут же, на процессе, как и позднее в сталинградской главе «Потерянных побед», фельдмаршал сказал, что, по его убеждению, у Германии тогда еще была реальная возможность закончить войну на фронтах вничью, тем самым создав предпосылку и для политического ничейного исхода. Проведенные им военные операции, по его словам, объективно предоставляли такую возможность, и лишь после того, как Гитлер ее не использовал, поражение Германии стало неизбежным. Подобная точка зрения убедительно свидетельствует о том, что Манштейн переоценивает так называемую «чистую» стратегию, которую на самом деле нельзя рассматривать в отрыве от прочих факторов, определяющих в своей совокупности исход современной войны. Нечего и говорить, что он при этом совершенно сбрасывает со счета всю психологическую и политическую специфику, связанную с личностью Гитлера. И неудивительно — для фельдмаршала война была своего

* Hans Bernd Gisevius. Bis zum bitteren Ende. Zürich, 1946, Bd. 2, S. 271.

** R. T. Paget. Manstein. Seine Feldzüge und sein Prozeß. Wiesbaden, 1952, S. 69.

рода шахматной партией, где успех зависит исключительно только от виртуозной игры маэстро. Подобное мышление в узкопрофессиональных военных категориях и переоценка чисто стратегических аспектов невольно заставляют вспомнить слова все того же генерал-полковника Бека, который еще в 1938 году писал: «Многие из нас и по сей день считают, что большую войну можно решить в свою пользу одними лишь победами на поле брани. Это ложное и роковое заблуждение, и просто необъяснимо, почему оно бытует в наше время, когда везде и всюду только и говорят, что о «тотальной войне»» *.

К чему ведет безответственное и незаконное ведение войны

Манштейн не устает повторять, что поражение Германии в минувшей войне не лишило высокого нравственного смысла трагедию 6-й армии, хотя гибель ее и оказалась напрасной жертвой. Фельдмаршал вновь и вновь подчеркивает, что подвиги немецких солдат, погибших на берегу Волги, войдут в историю как пример воинской доблести и верности долгу, что «слава их не померкнет и память о них не умрет». Не слишком ли дешевый это пафос? Поведавав потомкам о сталинградской трагедии, фельдмаршал под конец и на скорую руку воздает хвалу немецкому солдату, не скупясь на эпитеты и превосходные степени.

Но все эти разглагольствования «о героизме, равного которому, пожалуй, не найти во всей военной истории», выглядят во многих отношениях более чем сомнительно.

Если уж говорить о «беспримерном героизме» и верности долгу, «не имеющих себе равных» в истории, то можно назвать немецкие и ненемецкие примеры подобной храбрости, отваги и самоотверженности и, в частности, назвать ту доблестную советскую 62-ю армию, которая осенью 1942 года в огненном аду Сталинграда долгие месяцы упорно обороняла два небольших плацдарма на волжском берегу; храбро сражаясь и выстояв под яростным напором превосходящих немецких сил, она создала

* Wolfgang Förster. Ein General kämpft gegen den Krieg. Aus nachgelassenen Papieren des Generalstabschefs Ludwig Beck, München, 1949, S. 113 f.

предпосылки для победоносного завершения этой великой битвы.

Спору нет, в течение многих недель вплоть до середины января 1943 года немецкие солдаты в Сталинградском «котле» показали высокие образцы отваги и боевого товарищества.

Но после этого в обстановке, когда солдаты, истощавшие все свои моральные и физические силы, просто не могли больше сражаться, говорить о доблести и верности уже не приходилось. Конечно, и в последней фазе сражения — для нас это была целая вечность — наши люди в отдельных случаях проявляли личное мужество, а подчас и жертвовали собой, спасая товарищей, но в общем и целом их «героизм» в те дни был лишь безграничным терпением обреченных. Истощенные, обессиленные, они умирали медленной, мучительной смертью. Покорившись неотвратимой судьбе, солдаты впали в полнейшую апатию и лишь иногда оказывали отчаянное предсмертное сопротивление, побуждаемые гаснущим инстинктом самосохранения. Приказы «держаться до конца» и беспрекословное повиновение этим приказам в подобной обстановке свидетельствовали не о доблести и верности солдат, а о безответственности командования. На завершающем этапе битвы, когда воинская дисциплина стала постепенно ослабевать, у нас случалось всякое — одни судорожно пытались «действовать по уставу» и держать себя и других в узде, другие в отчаянии пускали себе пулю в лоб; одни проклинали Гитлера и высшее командование, другие все еще надеялись неведомо на что. В отдельных частях вспыхивали мятежи, которые беспощадно подавлялись, и не раз в эти дни немецкие солдаты стреляли в немцев, пытавшихся капитулировать вопреки приказу. Все это было уже чудовищной карикатурой на армию. От принципов воинской этики в «котле» не осталось и следа.

Вот почему, анализируя сталинградское сражение, было бы куда более уместным и правильным говорить прежде всего о том, как немецкое высшее командование самым подлым образом надругалось над преданностью своих подчиненных — от простого солдата до генерал-фельдмаршала. Какой огромный капитал преданности и мужества был растрочен впустую!

Летописец Сталинградской битвы, кто бы он ни был, обязан основной упор сделать на то, что немецкое верхов-

ное командование ради достижения в высшей степени сомнительной цели предало своих солдат и обрекло их на неминуемую смерть на берегах Волги, что оно в нарушение принципов воинской этики злоупотребило доверием и беспрекословным повиновением людей, до конца исполнявших свой воинский долг, не щадя ни сил, ни жизни. Уйти от этого неопровержимого факта автор может, лишь фальсифицируя недопустимым образом сами понятия воинской доблести, долга и чести, лишая их какого бы то ни было положительного содержания и нравственного смысла. Нечего и говорить о том, сколь опасны и вредны подобные абстракции.

Читая мемуары Манштейна, и прежде всего их сталинградскую главу, трудно избавиться от впечатления, что в данном случае мы имеем дело как раз с такой сознательной попыткой фальсифицировать понятие воинской этики. В самом деле, уж не считает ли фельдмаршал, что под Сталинградом и вообще в минувшей войне мы сражались за святое и правое дело, не щадя ни сил, ни самой жизни в борьбе за высшие нравственные идеалы, как того требовала наша солдатская честь?! Нет, автор этих строк и многие его товарищи в Сталинградском «котле» осознали до конца всю жестокость судьбы, разуверившись в том, что они кладут свои жизни на алтарь отечества, защищая свой народ. Трагедия, непосредственными участниками которой мы были, слава богу, раскрыла нам глаза на все происходившее в Германии и за ее пределами, рассеяла наши заблуждения и заставила трезво взглянуть на вещи. Смутные подозрения, которые многие из нас до тех пор так или иначе старались заглушить, переросли в твердую уверенность в том, что сталинградское побоище было расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером. И десятки тысяч солдат проклинали в те дни Гитлера и послушных ему высших военачальников.

Казалось бы, фельдмаршал фон Манштейн, талантливый полководец, занимавший столь высокий пост и лучше других знавший, каковы были подлинные причины сталинградской трагедии, должен был одним из первых сделать для себя политические выводы и воспротивиться воле диктатора.

Выше уже говорилось о том, что он отказался от участия в Сопротивлении. Пытаясь оправдаться, фельдмар-

шал пишет по этому поводу в своих мемуарах, что в тот момент (и это уже в 1944 году) он, к сожалению, оказался не в состоянии до конца убедиться в «моральной деградации всего режима» и «распознать подлинную натуру Гитлера»*. Пусть так. Но он, во всяком случае, на собственном опыте убедился в том, что «под Сталинградом безответственность и невежество «величайшего полководца всех времен», которому он сам, германский фельдмаршал, служил верой и правдой, привели нас к невиданному в истории поражению. Однако и после этого Манштейн не осознал лежащую на нем ответственность. Причиной тому его аполитичность и холодное, «пустое сердце», однажды уже побудившее его поставить свою подпись под позорным приказом по армии, противоречившим безупречным прусским боевым традициям**. Если уж Манштейн и впрямь не считал себя вправе оспаривать военно-политические решения Гитлера, то неужели он не понимал, что политический руководитель, вмешиваясь в его распоряжения и срывая его планы, незаконно присваивает себе функции верховного главнокомандующего?

Заблуждение и сознательный самообман завели фельдмаршала в тупик. Окончательно запутавшись, не сумев провести границу между превратностями судьбы и ответственностью полководца, он все глубже погружался в трясину бесчестия и не сберег своей боевой славы и доброго имени. Бодо Шойриг писал об этом так: «...Роковая опухоль уже расползлась по всему организму, и симптомы ее проявлялись и в той сфере, где Манштейн пользовался непререкаемым авторитетом. И здесь диагноз больше не вызывал сомнений: разложение прогрессировало. Казалось бы, военная верхушка должна была призвать к свержению политического руководства хотя бы уже потому, что преступная клика, стоявшая во главе государства, подрывала его вооруженные силы — губила солдат, тех самых солдат, за судьбу которых Манштейн, как он подчеркивал

* Erich v. Manstein. Verlorene Siege. S. 603.

** Имеется в виду приказ от 20 ноября 1941 года, который Манштейн подписал, будучи командующим 11-й армией в Крыму. В одном из пунктов этого приказа говорилось: «Еврейско-большевистский строй надо искоренить раз и навсегда, покончив таким образом с его попытками пустить корни в нашем европейском жизненном пространстве...» См.: Verhandlungen des internationalen Militärgerichtshofes, Nürnberg, 1948, Bd. XX, S. 697 f.

это не раз, считал себя полностью ответственным. Но могла ли Германия рассчитывать на благополучный исход войны, если Гитлер, не встречая сколько-нибудь серьезного противодействия, расшатывал вермахт, от которого, по мнению самого фельдмаршала (и не только его одного), в тот момент зависело все?! Поскольку Манштейн не мог не видеть этого, остается лишь сделать вывод, что он не считал себя связанным какими-либо моральными обязательствами и принципами воинской этики. Фельдмаршал, судя по всему, не в состоянии был даже понять, что, поставив себя выше этих нерушимых принципов, он отрывается от традиций, в которых он сам был воспитан и которым был обязан всем!» *

Нестерпимая фальшь Фермопильской аналогии

В наши дни вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что битва на Волге была своего рода генеральной репетицией полного политического, идеологического и морального крушения нацизма. Тем более тягостное недоумение вызывает в связи с этим эпиграф к сталинградской главе «Потерянных побед». Просто диву даешься, как решился Манштейн предпослать этой главе гордую надпись на могиле спартанского царя Леонида и трехсот его воинов в Фермопильском ущелье: «Путник, если ты придешь в Спарту, скажи, что мы пали здесь, как повелел закон».

Шиллер считал эту эпитафию «прекраснейшей в своем роде» и назвал ее «благородным памятником в честь гражданской добродетели». Но приводить это древнее изречение в связи с катастрофой на Волге совершенно неуместно и бестактно. Более того, подобную героизацию можно расценить лишь как вредоносную попытку затушевать и свести на нет подлинное значение сталинградской трагедии как великого исторического урока. В самом деле, какой закон повелел немецким солдатам умирать на берегах Волги?

Я вспоминаю насквозь лживую «панихиду по живым», которую Геринг произнес 30 января 1943 года. В ней он

* Bodo Scheurig. Befehl und Gewissen, Die Memoiren des Feldmarschalls von Manstein (статья в журнале: «Geist und Tat. Monatsschrift für Recht, Freiheit und Kultur», № 15, 1960, S. 148).

говорил о неумолимом законе войны, о «честь немецкого народа» и превозносил агонию 6-й армии как «беспримерный героизм». Помню я и то, с каким возмущением восприняли мои товарищи эти напыщенные словословия, расценив их как дешевую пропаганду.

Слишком уж явным показалось нам еще в те дни стремление оправдать безответственность немецкого верховного командования и изобразить чудовищное поражение как национальный подвиг. Сравнение же с героями-спартамцами, павшими в Фермопильском ущелье, вызвало у нас чувство брезгливого отвращения. Творимая легенда о «немецких героях», погибших под Сталинградом, которую Манштейн, к великому сожалению, пытается пустить в оборот, бестактна и лжива насквозь. Трудно сказать об этом более убедительно и кратко, чем это сделал генерал Дёrr, характеризуя катастрофу, разыгравшуюся на берегах Волги: «Сталинград не был для нас ни оправданной жертвой, какой была для Спарты Фермопильская битва, ни благородным самопожертвованием, на которое сознательно шли древние испанцы в осаждаемой Сципионом Нуманции. Нет, Сталинград войдет в историю как пример величайшего военного просчета, допущенного когда-либо полководцем, и тягчайшего преступления государственной власти перед собственным народом и его армией, доверием которых оно злоупотребило самым подлым образом» *.

* Hans Doerr. War Stalingrad ein Opfergang? S. 89. См. его же: «Der Feldzug nach Stalingrad, Versuch eines operativen Überblicks», Darmstadt, 1955, S. 119.



**Свидетельство
английского публициста**



Сталинград. Личные впечатления

К 1 января 1943 г. немцы, оказавшиеся в Сталинградском «котле» — овале, простиравшемся примерно на 70 км с запада на восток и на 22 км с севера на юг,— уже более полутора месяцев находились почти в полной изоляции от внешнего мира, если не считать того, что время от времени к ним пробивались транспортные самолеты. К 24 декабря всякая надежда на то, что их спасет группа «Гот» под командованием Манштейна, окончательно рухнула.

В первой половине января мне представилась возможность вместе с несколькими другими корреспондентами совершить поездку по той удивительной железной дороге, что шла на востоке от Волги и на протяжении многих месяцев служила единственным путем подвоза припасов для советских войск, оборонявших Сталинград. По этой же дороге в октябре и ноябре перебрасывались войска, оружие и продовольствие в район к югу от Сталинграда, откуда 20 ноября начали свое наступление войска Сталинградского фронта.

Глава из книги Александра Верта «Россия в войне 1941—1945 гг.». М., изд-во «Прогресс», 1967.

Мы выехали из Москвы утром 3 января 1943 г. в старомодном, дореволюционного выпуска спальном вагоне, который прицепили к скорому поезду Москва — Саратов.

То, что мы путешествовали в таких сравнительно роскошных условиях, не было в Советском Союзе чем-то неслыханным даже в 1942—1943 гг.; кроме нас, в спальном вагоне были и другие пассажиры: ответственные служащие, следовавшие с какими-то специальными заданиями, офицеры в чине полковника и выше и другие. Никакого вагона-ресторана в поезде, конечно, не было, и мы вынуждены были довольствоваться «сухим пайком», запивая его чаем из самовара нашего добродушного старого проводника. Поезд, кроме нашего вагона, состоял из жестких вагонов, до отказа забитых пассажирами, в основном солдатами. Так как все окна были закрыты, стояла ужасающая жара.

В тот день, когда мы уезжали из Москвы, была оттепель, стоял туман; с сосулек за окном вагона капало. Проехали Каширу с ее сожженными домами, свидетельством немецкого наступления на Москву год назад; эти мрачные дни теперь казались очень далекими. После окружения немцев в Сталинграде все понимали, что ничего похожего уже не может повториться...

В Саратове, куда мы прибыли утром 5 января, было солнечно и очень холодно — минус 25° по Цельсию. Все было покрыто снегом. Саратов с его красивыми широкими улицами являл собой картину необычайного процветания. Из Москвы, Ленинграда и других мест сюда было эвакуировано множество важнейших учебных заведений, так что городу даже присвоили шутовское название «Профессаратов»... Театры (в том числе опера) и несколько кино работали вовсю. Мы плотно пообедали в клубе железнодорожников...

Вечером наш вагон прицепили к товарному поезду. Уже стемнело, и можно было разглядеть только бесчисленное количество всяких составов на самой станции Саратов и вокруг нее.

7 января 1943 г., в метель мы пустились в путь по совершенно плоским и необитаемым калмыцким степям. Шел сильный снег, но было не очень холодно — 5—10° ниже нуля по Цельсию. Мы ехали уже не в легковых ма-

шинах, а в стареньком автобусе, который еще недавно использовался как санитарная машина для перевозки раненых в Ленинск. В автобусе посредине стояла маленькая железная печка-буржуйка, в которую Гаврила, пожилой, давно не бритый мужик с добрым грубоватым лицом северорусского типа, добросовестно подкладывал щепки. Он был похож на смиренного медведя. Время от времени буржуйка начинала немилосердно дымить, и дым смешивался с выхлопными газами, проникавшими в автобус через поломанную заднюю дверцу. Эта такая странная на вид бывшая санитарная машина как бы символизировала ту нехватку хорошего мототранспорта, от которой все еще страдала Красная Армия.

У Гаврилы было двое сыновей в армии; от одного из них он не имел известий с самого начала войны. На протяжении всей Сталинградской битвы Гаврила служил санитаром-носильщиком при этой санитарной машине. «Раненым нелегко было ехать в такой развалине. Но чего не выдержат наши люди! Правда, прежде чем погружать их в машину, им всегда делали укол морфия...»

От Райгорода до Абганерова по железной дороге, ведущей из Сталинграда на Кавказ, около 160 км, а оттуда до Котельникова — еще 100 км.

На некотором расстоянии к западу от Райгорода, в калмыцких степях, тянется цепочка озер, которая служила первой линией обороны, прикрывавшей правый фланг сталинградского клина немцев. Издали, сквозь густую пелену падающего снега, можно было различить темную полосу воды одного из соленых озер, а немного дальше мы остановились посмотреть на громадную свалку разбитых немецких танков и бронеавтомобилей. Все эти обломки были собраны на довольно обширном пространстве вокруг озер, где советские войска прорвали оборону, которую держали румыны. 20 и 21 ноября здесь сдались тысячи румын. Теперь от них не осталось и следа, если не считать нескольких касок, до половины наполненных снегом. На касках спереди красовалась большая буква «С» и королевская корона: «С» означало «Кароль», хотя Кароль уже не был королем.

Пока мы ехали по степи, шел такой густой снег, что сопровождавший нас офицер, полковник Таранцев, начал сомневаться, доберемся ли мы до цели. Однако во второй половине дня небо прояснилось, и, когда мы подъезжали

к Сталинградской железной дороге, ослепительно белая степь сверкала под лучами солнца. В одном месте мы переправились через реку Аксай; здесь тоже валялись полузасыпанные снегом румынские каски и масса разбитых машин, но немецких касок не было видно. Место, где немцы форсировали Аксай во время их последнего наступления, находилось несколько дальше к западу, и первые следы наступления Манштейна, происходившего всего несколько дней назад, мы увидели, только когда добрались до станции Абганерово и Жутово. Абганерово было совершенно разрушено бомбежками еще во время летнего наступления немцев, но на железнодорожных путях стояло множество вагонов и паровозов. Жутово было километрах в пятнадцати отсюда на железной дороге, которая шла параллельно шоссе. Мимо прошло несколько товарных составов; русские уже успели снова перешить железнодорожную линию на широкую колею.

Котельниково, где мы обосновались на неделю, был довольно большой город с 25-тысячным населением. Немцы и румыны находились в нем со 2 августа по 29 декабря, когда войска Манштейна были выбиты отсюда после своей неудачной попытки прорваться к Сталинграду. В скором времени мне удалось услышать, что здесь творилось в период немецкой оккупации. Котельниково находилось в зоне военных действий всю оккупацию, и немецкая армия была здесь, по-видимому, полной хозяйкой. Поскольку район считался казачьим, немцы воздерживались здесь от массовых зверств. Эдгара Сноу и меня поместили в небольшой деревянной избе, принадлежавшей местной учительнице. Она жила здесь со своей старухой матерью и единственным сыном, пятнадцатилетним мальчиком, по имени Гай. Муж ее был железнодорожник; с июня она не имела о нем никаких вестей.

То, что мне рассказали в Котельникове сорокалетняя учительница и ее пятнадцатилетний сын, не было повестью о каких-нибудь страшных немецких зверствах. Это был рассказ о презрении немцев к русским, о горечи и унижении, которые русским пришлось испытать. Только это. Но и этого было вполне достаточно.

В нашем доме были две маленькие комнаты — кухня и спальня. Их перегораживала большая русская печь, от

которой было очень тепло. Елена Николаевна — здоровая, пышная женщина с полными руками и двумя золотыми передними зубами, поблескивавшими при свете единственной керосиновой лампы. Познакомив нас с бабушкой, тщедушной сморщенной старушкой, сидевшей скрючившись в углу на кухне, возле затемненного окна, она взяла керосиновую лампу и повела нас в спальню, оставив бабушку в темноте. «Бабушка обойдется,— сказала Елена Николаевна,— она привыкла чистить картошку в темноте». В спальне стояли две большие кровати, стол и книжный шкаф. «Ну и жизнь тут у нас была последние пять месяцев! — воскликнула Елена Николаевна. — Сначала у нас стояли румыны, потом немцы — экипаж танка, пять человек. Гордые, неприятные люди; впрочем, они ведь, наверное, видели в нас врагов. Не знаю, какими бы они оказались в мирных условиях!..» Дом остался цел и невредим, отчасти, несомненно, потому, что грабить здесь было просто нечего: книжный шкаф с учебниками физики, химии и русской литературы, на стенах множество семейных фотографий, и все... Уходя, немцы оставили здесь — странно было видеть эти вещи в задонских стенах! — карту парижского метро с указателем улиц и номер газеты «Виттгенштейнер цейтунг» от 4 декабря с передовой статьей «К 50-летию Франко, спасителя Испании».

На следующее утро мы познакомились с Гаем. Это был довольно высокий, но очень худой мальчик со свежим умным личиком. Говорил он на чудесном русском языке, чистым и звонким голосом. «Это немцы довели тебя до такого состояния?» — спросил я. «Нет, я всегда был худощав; но под немцами жить, конечно, было несладко, они ужасно действовали на нервы; ну и, кроме того, не хватало продуктов. В прошлом году мы ездили с мамой в Сталинград, были у хорошего врача, и он сказал, что я совершенно здоров, только есть малокровие... Жалко, что вчера вечером меня здесь не было, но при немцах я никогда не выходил по вечерам, да и днем тоже очень редко — как-то не хотелось. А теперь я хожу повидаться с товарищами, с которыми вместе учился в школе». — «Да, какое счастье,— вмешалась Елена Николаевна,— что Гай теперь снова сможет ходить в школу».

Я еще много раз беседовал с Гаем. Он охотно говорил обо всем — о себе, кем он хочет быть, о немцах, о фильмах, которые видел. «Я люблю американские картины,— сказал

он. — У нас в Котельникове всем очень понравились фильмы «Песнь о любви», «Большой вальс» и «Огни большого города» с Чарли Чаплином. Мы очень весело жили до войны. Я был пионером и сейчас был бы уже в комсомоле, если бы не немецкая оккупация. Все наши ребята готовились стать инженерами, врачами или учеными. Я хочу поступить в военно-морское училище. Если бы немцы здесь остались, девушек заставили бы мыть полы, а парней — пасти скот. Они нас и за людей не считали... Вот как было при немцах. Они вывесили на стенах домов портреты Гитлера с надписью «Гитлер-освободитель». Он мало был похож на человека — лицо прямо звериное.словно дикарь из малайских джунглей. Ужас! Немцы открыли церковь; сначала там служил румынский священник, а потом — русский. Я однажды зашел, когда там еще был румын. В церкви было полно румынских солдат. Я видел, как все они вдруг бухнулись на колени. Потом по церкви стали носить тарелку, и румыны клали на нее деньги — кто рубли, кто марки, а кто леи... Разницы большой не было, так как никакие деньги не имели цены. Марка стоила десять рублей, но марки-то эти были оккупационные, без водяного знака и, по существу, ничего не стоили. У немцев была прямо страсть все разрушать. Они повыдергивали все овощи на нашем огороде. А в последнюю ночь сожгли городскую библиотеку. Они не пощадили даже мою библиотечку, — сказал Гай, указывая на книжный шкаф, — порвали журналы и выдрали из книг все портреты какие там были. Глупо, правда? Это все те танкисты. Чудные какие-то. Видели бы вы их на рождество. Они так расчувствовались! Им прислали много посылок из Германии. Они зажгли маленькую бумажную елку, распаковали громадные торты, открыли множество консервных банок и бутылок вина, напились и стали распевать чувствительные песни». — «А ты где был в это время?» — «Да где всегда — рядом, на кухне». — «Они не предложили вам вина или кусочек торта?» — «Конечно, нет, им это и в голову бы не пришло. Они не считали нас за людей». — «А ты не был голоден?» — «Был, конечно, но мне противно было бы участвовать в их пиршестве». Гай вынул из кармана зажигалку. «Они забили ее здесь. Я нашел ее под кроватью. У нас нет спичек, так что это полезная штука. Но я не хочу иметь что-то от этих людей... Да, я сильно похудел. Наверно, это бомбардировки подействовали мне на нервы, а также ощу-

щение, что я уже больше не человек. Немцы постоянно нам это внушали. Они никого не уважали — они могли даже раздеваться при женщинах. Мы для них были просто рабы. К тому же и продуктов не было — колхозного рынка не стало; а когда не получаешь жиров, это очень вредно для организма», — заключил он с ученым видом.

Елена Николаевна много говорила о себе и о бабушке, своей матери. Сама она была последним оставшимся в живых членом казачьей семьи, разорившейся в годы гражданской войны. Ее отец, крестьянин, жил в казачьей станице на Дону. Но он не был хозяйственным человеком, и во время гражданской войны его дела пришли в упадок. Тогда он продал свое имущество кулаку за 10 мешков муки, и семья переехала в Новочеркасск. Во время эпидемии тифа и отец и брат ее умерли. «Мне было тогда всего 18 лет. Я вступила в комсомол и стала учиться пению в Новочеркасском музыкальном училище, где мне назначили небольшую стипендию». Однако жить на стипендию было трудно, тем более что на эти деньги надо было содержать еще и мать; поэтому, когда ее будущий муж, железнодорожник, сделал ей предложение, она согласилась за него выйти.

«Муж мой — хороший человек, хотя и не очень образованный. Но он воспитан в настоящих большевистских традициях; его отец тоже сорок лет служил на железной дороге и получил именнные золотые часы от самого наркома». Поселившись с мужем в Котельниково, Елена Николаевна стала преподавательницей заочных курсов по подготовке учителей начальной школы.

А бабушка, сидя в своем углу, говорила нам, как это было ужасно, когда в доме стояли немцы. «Я все время плакала, думала, что скоро умру, а оставлять своих родных в такой беде было страшно... Но теперь, когда наши дорогие вернулись, я думаю, что доживу до ста лет», — сказала она, и ее маленькое личико сморщилось в беззубой улыбке... Говоря как бы сама с собой, она продолжала: «Я когда-то знавала английских и американских господ. Мой муж был извозчик. У него была красивая пролетка на ресорах. Он, бывало, возил английских и американских господ на тот берег Дона. Они были инженеры. Это было очень давно, еще при царе...»

А что слышно о муже Елены Николаевны, железнодорожнике? Последний раз они от него имели весточку в июне 1942 г. В то время он был в Воронеже. Теперь, когда

в Котельникове снова стала работать почта, они, может быть, скоро получат от него известие. Может быть, а может быть, и нет...

«Что ни говорите, — сказала Елена Николаевна (хотя никто ничего не говорил), — а наша советская власть — хорошая власть. Даже бабушка, которой вначале все казалось очень странным, теперь очень ее полюбила. Возьмите хотя бы этот наш домик. Я плачу за него только пять рублей в месяц; ни в одной другой стране вы не можете иметь дом за такие деньги».

Эта семья представляла собой поистине причудливое смешение разнородных элементов: бабушка, все еще вспоминающая о «добрых старых временах» при царе; мать с ее казачьим происхождением и мелкобуржуазными инстинктами; отец, настоящий советский пролетарий, и сын, не мыслящий себе счастливого будущего иначе, как в условиях советского строя, придающего столь большое значение образованию. Но при всех различиях между ними немцы всем им были одинаково ненавистны.

Немцы захватили Котельниково 2 августа столь внезапно, что эвакуировать удалось лишь около трети населения, притом в ужасных условиях. Многие погибли от бомб на железной дороге или от пулеметного обстрела на шоссе; значительная часть скота, который перегоняли в астраханские степи, тоже погибла во время воздушных налетов. По словам председателя местного исполкома Терехова, который вновь приступил к исполнению своих обязанностей на следующий же день после освобождения города, немцы расстреляли четырех человек за укрывательство советского офицера; около 300 человек — по большей части молодежь — были угнаны как рабы в Германию; если бы у немцев было время, они угнали бы гораздо больше советских людей и разрушили бы весь город. Кое-кто, сказал Терехов, добровольно сотрудничал с немцами, другие, в том числе несколько железнодорожников, были насильно завербованы в «полицай», и, хотя им пришлось делать кое-что для видимости, они сохранили лояльность к советской власти. Некоторые случаи «чересчур близкой дружбы» с немцами придется расследовать...

Немецкая авиация все еще проявляла довольно большую активность. Со все более отдаленных аэродромов нем-

цы — их ближайшей базой был теперь Сальск, в 200 км от Котельникова и 350 км от Сталинграда,— продолжали посылать свои транспортные самолеты с припасами для окруженной армии Паулюса. Их сбивали целыми десятками, и лишь очень немногим самолетам удавалось теперь прорваться. Обещание, которое дал Гитлеру Геринг — доставлять ежедневно в Сталинград 500 т различных грузов,— оказалось полнейшим блефом. Многие из пленных немецких летчиков, которых нам довелось видеть в те дни, были явно удручены «почти самоубийственной» задачей, которую им пришлось выполнять, и сомневались, что немцам в Сталинграде удастся удержаться. Впрочем, некоторые утверждали, что весной начнется новое немецкое наступление и Сталинград будет взят. Ростов немцы, «конечно», не оставят. Пленные пехотинцы (многие из них целую неделю брели по степи, пытаясь догнать быстро отступавшие немецкие войска, и страшно изголодались) были еще более доморализованы. Фанатичные нацисты, особенно из «парней Геринга», все еще считали поражение Германии совершенно исключенным, но допускали, что война может кончиться вничью. Такое воздействие уже успел оказать на них Сталинград.

Самым близким к фронту пунктом, где мы побывали, были Зимовники, километрах в 90 от Котельникова, на железной дороге Сталинград — Кавказ. Немцы оставили город всего два дня назад и в настоящий момент вели ожесточенные арьергардные бои километрах в пяти к югу отсюда. Авиация действовала весьма активно. Пока мы двигались в сторону Зимовников по совершенно ровной, покрытой снегом степи (по дороге нам попался громадный склад боеприпасов, в спешке брошенный немцами), над нашими головами ежеминутно проносились советские истребители; неподалеку шли воздушные бои, и, кроме того, истребители преследовали отступавших немцев. Однако теперь немцы отступали медленнее; остатки двух немецких танковых дивизий, пытавшихся прорваться к Сталинграду, были усилены дивизией СС «Викинг», переброшенной с Кавказа. Орудийный огонь был слышен совершенно отчетливо, а один раз неподалеку от нас шлепнулся снаряд, из которого вырвалось облако желтого дыма. Время от времени с юга доносился громкий гул — это стреляли знамени-

тые «катюши». Живописный маленький городок был сильно разрушен артиллерийским огнем, элеватор горел до сих пор. Местные жители рассказывали то же, что мы уже слышали в других освобожденных городах. Четыре дня, пока в Зимовниках шли бои, они отсиживались в погребах, еды у них было очень мало, а вместо воды приходилось глотать снег.

На домах все еще висели таблички с румынскими и немецкими названиями улиц; от памятника Ленину на пьедестале уцелела только одна нога. Большое здание клуба немцы превратили в казарму. Весь пол был покрыт связками соломы, на которой они спали. Трибуна все еще была украшена еловыми ветками, на столах и на соломе валялись остатки рождественского ужина — десятки пустых бутылок из-под вина и коньяка, преимущественно французского, опорожненные консервные банки и коробки из-под сигарет и печенья. Здесь же лежала кипа журналов. В одном из них я видел фотографию, на которой были изображены немецкие солдаты, сидящие в шезлонгах и греющиеся на солнышке на веранде какого-то дома на берегу Черного моря — может быть, это была Анапа? Здесь же была помещена статья, рекламирующая «*Der herliche Kaukasus und die Schwarzseeküste*» («Прекрасный Кавказ и Черноморское побережье»). Как видно, немцы чувствовали себя тогда на Кавказе совсем как дома. Теперь они удирали оттуда со всех ног...

Гораздо более мрачным было зрелище, представившееся нашим глазам в маленьком саду за зданием клуба. Советские солдаты копали братскую могилу для своих товарищей, убитых в Зимовниках всего два или три дня назад. Здесь, в саду, были сложены рядами 70 или 80 трупов, окоченевших в страшных позах — один в сидячем положении, другие с широко раскинутыми руками, третьи с оторванной головой; у нескольких трупов пожилых, бородатых мужчин и юношей 18—19 лет глаза были широко раскрыты... Сколько же вот таких братских могил копали ежедневно на всем протяжении огромного фронта!..

Маршал Малиновский, которому теперь уже перевалило за шестьдесят, полный и, по-видимому, не склонный к каким-либо шуткам мужчина, в 1943 г. выглядел совсем иначе. Тогда это был энергичный молодой генерал-лейте-

нант — ему было 44 года, — великолепный образчик профессионального военного, одетый в элегантный мундир, высокий, красивый, с длинными темными волосами, зачесанными назад, и с круглым загорелым лицом, на котором после нескольких недель непрерывных походов не было заметно ни малейших признаков утомления. Он казался гораздо моложе своих 44 лет. В то время Малиновский все еще командовал 2-й гвардейской армией, которая сыграла главную роль в отражении наступления котельниковской группы Манштейна. В скором времени ему предстояло сменить Еременко на посту командующего Сталинградским фронтом (который был переименован в Южный фронт), а в феврале 1943 г. — отбить у немцев Ростов.

Малиновский принял нас 11 января в своем штабе, помещавшемся в просторном школьном здании в большом селе на Дону. Рассказав нам о том, как он был солдатом русских экспедиционных войск во Франции во время первой мировой войны, Малиновский затем обрисовал первый этап сталинградской наступательной операции, завершившейся окружением немецких войск и продвижением Красной Армии на запад. Второй этап должен был начаться 16 декабря, но Манштейн опередил русских, предприняв 12 декабря наступление в направлении на Сталинград. Малиновский сказал, что эта ударная группа состояла из трех пехотных и трех танковых дивизий, из которых одна была переброшена с Кавказа и одна — из Франции. У них было около 600 танков и мощная поддержка с воздуха.

Описав аррьергардные бои, которые советские войска вели с 12 по 16 декабря, оборонительные бои в течение следующей недели на реках Аксай и Мышкова, контрудар, отбросивший немцев за Зимовники, и еще одно наступление, в результате которого была разгромлена тормосинская группировка немцев на Среднем Дону, Малиновский высказал затем ряд важнейших соображений:

«Впервые немцы проявляют признаки серьезного замешательства. Пытаясь затыкать образующиеся бреши, они перебрасывают свои войска с места на место, что свидетельствует о нехватке у них резервов. Многие немецкие части отступают на запад в беспорядке, бросая огромное количество техники. Такие части становятся легко уязвимыми для наших самолетов. Войска гитлеровских сателлитов в большинстве разгромлены полностью.

Немецкие офицеры, которых мы захватили в плен, крайне разочарованы в своем верховном командовании и в самом фюрере. От самоуверенности, которой они отличались еще летом, не осталось и следа.

Мы испытываем значительные трудности из-за растянутости наших коммуникаций, но довольно успешно справляемся с этими трудностями. Красная Армия, несомненно, изменилась в лучшую сторону. В организационной структуре Красной Армии летом 1942 г. были произведены некоторые поистине революционные перемены.

Наступательный дух наших войск сейчас гораздо выше, чем прежде. Наше зимнее наступление 1942—1943 гг. мы ведем по гораздо более широкому фронту, чем зимнее наступление 1941—1942 гг. У наших солдат сейчас гораздо больше опыта, и они ненавидят немцев. Теперь они способны стойко держаться в таких положениях, которые год назад показались бы им невыносимыми,— например, при наступлении 150 вражеских танков. Во время последнего наступления Манштейна наши войска, хорошо вооруженные противотанковыми средствами, успешно отражали такие атаки».

По поводу окружения немцев в Сталинграде Малиновский сказал:

«Сталинград — это лагерь вооруженных военнопленных. Положение его безнадежно. Ликвидация «котла» уже началась, и огромные потери, которые немцы понесут в Сталинграде, будут иметь решающее значение для исхода войны. Попытки снабжать Сталинград по воздуху теперь, когда немецкие истребители не могут сопровождать транспортные самолеты, полностью провалились».

Но при всем том немцы, по его мнению, еще сильны в воздухе, и танков у них тоже еще много. Солдаты войск СС дерутся яростно, что же касается боевых качеств остальных немецких войск, они весьма неравноценны.

Малиновский был осторожен в своих прогнозах на 1943 г.: он выразил довольно твердую уверенность в том, что Ростов будет освобожден, но «пока что» не хотел обещать что-либо еще. По его мнению, немцы еще могут пред-

принять контрнаступления ограниченных масштабов, но не такие, которые имели бы решающее значение. Однако он подчеркнул, что русским предстоят новые тяжелые испытания, что они несут «небывалые в истории» жертвы, и призвал союзников умножить свои усилия на Западе. Высадка в Северной Африке, по его мнению, — лишь скромное начало: она незначительно ослабила нажим немцев на Востоке. На этом фронте, сказал он, техника, полученная от союзников, еще не использовалась, если не считать некоего количества американских грузовиков.

Малиновский угостил нас отличным обедом, в конце которого был подан трофейный французский коньяк и немецкие сигары. Он беседовал с нами остроумно и непринужденно и снова вспоминал отдельные эпизоды, относящиеся к его пребыванию во Франции во время первой мировой войны. В заключение он с большой теплотой и доброжелательностью провозгласил следующий тост:

«Победа — самый счастливый момент в жизни каждого солдата, и я не щажу усилий ради ее достижения. Мы, советские люди, понимаем технические трудности, препятствующие открытию второго фронта в Европе. В настоящее время мы сражаемся одни, но мы твердо верим, что второй фронт очень скоро будет открыт. Расскажите вашим народам о том, как чисты и ясны наши цели и наши мотивы. Мы хотим свободы — так не будем же препираться по поводу некоторых различий, имеющихся в нашем понимании свободы, — это вопрос второстепенный. Мы хотим победы для того, чтобы война не могла больше повториться».

В тот вечер, повидав еще нескольких немецких летчиков, только что сбитых русскими, мы, несмотря на сильную метель, отправились на свою «базу» в Котельниково.

В течение первой половины января было много сильных снегопадов, но погода стояла сравнительно мягкая — обычно от 5 до 10° ниже нуля. Только к концу операции по очищению Сталинграда от остатков вражеских войск, то есть во второй половине января и в первые дни февраля, начались жестокие морозы, доходившие до 30—40°. В этом мне пришлось убедиться лично, так как две недели спустя я вновь возвратился в район Сталинграда и на этот раз побывал в самом Сталинграде.

Сталинград в дни капитуляции немцев: личные впечатления

Третьего февраля (1943 г.) днем наши два самолета приземлились в широкой, покрытой снегом степи. Было солнечно и очень холодно; с востока дул резкий ветер. Возле аэродрома виднелась деревушка и несколько административных зданий. Из труб поднимались клубы белого дыма. Никаких следов бомбежек не было видно. Мы находились где-то северо-западнее Сталинграда *.

Накануне вечером я слушал немецкое радио. Оно передавало траурную музыку Вагнера, повторяя снова и снова похоронный марш Зигфрида и «Ich hatt' ein' Kamaraden» («Был у меня товарищ»), «Götterdämmerung» («Гибель богов») — приятное слово, от него, наверное, Гитлера мороз по коже продирал, — снова «Ich hatt' ein' Kamaraden». Да, был, и не один, а 330 тыс. Kamaraden!

В столовой для летчиков, где нам пришлось долго ждать, оказались три советских корреспондента в военной форме — Олендер из «Красной звезды», Розовский из «Известий» и еще один, чью фамилию я забыл. Они время от времени посещали Сталинград. Олендер рассказал о Гумраке, местечке к западу от Сталинграда, где он был свидетелем самого грандиозного побоища немцев, какие он когда-либо видел. «Земля была буквально усеяна трупами. Мы их плотно окружили, и тут наши «катюши» открыли огонь. Боже, какая это была мясорубка! У немцев там остались тысячи грузовиков, легковых машин — по большей части сваленных в овраги, так как у них не было уже ни времени, ни средств их уничтожить, тысячи орудий. 60—70 процентов грузовиков и орудий можно еще отремонтировать и снова пустить в дело... Мы захватили даже продовольственный склад — за четыре или пять дней до конца! Вот небось немцы горевали!»

«В деревнях, которые уцелели на территории окруженной немецкой группировки — а некоторые деревни все-таки уцелели, — жуткая, страшная атмосфера, — сказал другой собеседник. — Кое-кто из крестьян там еще остался;

* Это была самая многочисленная группа иностранных корреспондентов — около 20 человек, — когда-либо выезжавшая на фронт за все время войны. В поездке в Котельниково участвовало всего 6—7 человек.

к счастью, большинство ушло за Дон еще задолго до окружения. Даже в этом небольшом районе были свои партизаны. Ну, не совсем партизаны, а просто отчаянные люди, которые прятались от немцев и ждали прихода наших войск. Был один полусумасшедший старик, который воспользовался общим замешательством немцев — это было за час до нашего прихода, — спрятался в какой-то яме и оттуда ухитрился перестрелять с десяток фашистов. У него были личные счеты с ними. Немцы не то изнасиловали его дочерей, не то еще что-то сделали. В чем там было дело, я так точно и не выяснил».

К разговору присоединился только что вошедший в комнату грубоватый капитан с вислыми усами. Он рассказал, что немцы бросили огромное количество техники в Питомнике и на аэродроме около него, где бои носили очень упорный характер. Там было очень много немецких дотов, которые в конце концов пришлось подавить мощным огнем артиллерийских орудий и «катюш». «Теперь там вся земля усеяна тысячами замерзших трупов фрицев. Наши пушки разбили также почти все самолеты, находившиеся на аэродроме, в том числе несколько «юнкерсов-52»... До войны там был замечательный фруктовый питомник, где выращивались лучшие сорта яблонь, грушевых и вишневых деревьев. Теперь все это уничтожено.

По соседству, — продолжал он, — мы обнаружили лагерь для советских военнопленных, прямо под открытым небом. Да, под открытым небом... Он окружен колючей проволокой. Ужас! Сначала там находилось 1400 человек, которых немцы заставили строить укрепления. В живых осталось только 102 человека. Вы скажете, что немцам самим было нечего есть, но ведь пленные начали голодать задолго до того, как немецкие войска попали в окружение. К сожалению, когда наши бойцы нашли несколько полумертвых людей, лежавших среди множества замерзших трупов, они начали тут же кормить их хлебом и колбасой, и в результате некоторые из них умерли...»

К нам подошли два молодых солдата. Один из них, украинец, начал говорить о своих родителях и жене, которые остались в Киеве. Он не имел от них никаких известий. «Но если дела и дальше так пойдут, — заметил он, улыбаясь, — то мы, возможно, скоро сами будем в Киеве. Вчера я спустился к Волге, хотел поудить рыбу в проруби, и видел, как через реку гнали тысячи немецких военно-

пленных. Это была картина! Грязные, небритые, некоторые с длинными косматыми бородами, многие покрыты язвами и чирьями, одеты все ужасно. Трое упали и тут же замерзли».

«Мы стараемся подкормить их, даем кое-что из одежды, — сказал с брезгливой гримасой один корреспондент, — но многие в очень тяжелом состоянии, а мест в сталинградских больницах для них просто нет, поэтому приходится направлять их сначала в сортировочный лагерь». — «А я бы не стал особенно о них беспокоиться, — заметил украинец. — Вспомните, как они поступали с нашими людьми. И откуда я знаю, может, они убили или уморили голодом мою жену или моих отца и мать».

Я вышел на улицу. Предо мной расстилался поразительный по чистоте красок трехцветный ландшафт. Яркий красный закат; дальше к востоку — синее небо, без единого облачка, а вокруг — до самого горизонта — бескрайняя белая степь. Кроме нескольких часовых, не видно ни одного человека. Наши два самолета улетели, а других здесь не было. Ветер утих, и в этот холодный зимний вечер кругом царилла какая-то странная тишина. «Далеко ли отсюда до Сталинграда?» — спросил я одного из солдат. «Около 80 километров», — ответил он.

На следующее утро пас повезли в другую деревню. Ехали примерно час по заснеженной степи; стоял 20-градусный мороз. Название деревни нам не сообщили, и причина такой секретности была понятна: мы должны были встретиться с немецкими генералами. Что, если там внезапно высадутся немецкие парашютисты, чтобы предпринять отчаянную попытку освободить их (хоть это и было маловероятно), или вдруг немцы решат сбросить на своих генералов бомбы и таким образом покончить с ними, поскольку они уже не способны принести никакой пользы рейху и могут даже оказаться помехой?

Избы в деревне были довольно ветхие, кое-где виднелись деревца. Местных жителей здесь будто бы не осталось — всюду были только солдаты, гражданское население отсутствовало. Немецкие генералы занимали четыре избы — по пять-шесть человек в избе. Заходить к ним в комнаты мы не могли, так что разговаривать с ними — если кто из них желал с нами разговаривать — приходи-

лось через дверь, стоя в сенях. Некоторые немцы старались держаться подалеже от двери, сидели или стояли, повернувшись к нам спиной. Все это немножко походило на зоологический сад, где одни животные проявляют интерес к публике, а другие мрачно жмутся по углам. Из тех, кто держался в отдалении, некоторые время от времени оборачивались к двери и свирепо на нас поглядывали. Первое, что бросилось в глаза, — это ордена, медали и кресты на их мундирах. Некоторые были с моноклями в глазу. Они так были похожи на карикатуры Эриха фон Штрогейма, что трудно было поверить, что это настоящие немецкие генералы. Однако вели себя немцы очень по-разному. Одни старались не падать духом. Так, генерал фон Зейдлиц — тот, кому предстояло в скором времени сыграть важную роль в создании комитета «Свободная Германия», — пытался смотреть на вещи юмористически. Так же вел себя и генерал Дебуа. Он улыбался и, как бы для того, чтобы мы не пугались, сообщил, что он не немец, а австриец. Генерал фон Шлеммер тоже улыбался и говорил: «Ну-с, так что вы хотите знать?» Фамильярно похлопав по плечу одного из сопровождавших нас советских офицеров и указывая на его новые погоны, он спросил: «Что — новые?» На лице его было написано комическое удивление, и он одобрительно кивал головой, как бы желая сказать: «Ну что ж, теперь вы, по-видимому, стали настоящей армией».

Самым неприятным из них был генерал фон Арним, человек громадного роста, с длинным искривленным носом и выражением бешенства на вытянутом лошадином лице с выпученными глазами. На груди у него был целый иконостас крестов и медалей. Когда кто-то спросил, почему немцы позволили поймать себя в ловушку в Сталинграде, он прорычал: «Вопрос неверно поставлен. Вам следовало бы спросить, как нам удалось так долго продержаться, имея перед собой такое подавляющее численное превосходство!» Тогда один из тех, что жались в углу, сказал что-то насчет голода и холода. А когда кто-то заметил, что русская армия, возможно, лучше немецкой и, уж наверное, имеет лучших командиров, фон Арним фыркнул и весь побагровел от злости. Затем я спросил, как с ним обращаются. Он снова фыркнул. «Офицеры, — нехотя ответил он наконец, — держат себя хорошо. Но русские солдаты... — Он весь так и кипел от злости. — Бесстыжие воры!

Они украли все мое имущество. Четыре чемодана! Конечно, это сделали солдаты, а не русские офицеры,— добавил он как бы в виде уступки.— Офицеры вполне корректны». Немцы разграбили всю Европу, но что это было по сравнению с его четырьмя чемоданами? Когда китайский корреспондент спросил что-то насчет Японии, он заявил, снова глядя на нас испепеляющим взором: «Мы безгранично восхищены блестящими победами наших доблестных японских союзников над англичанами и американцами, и мы желаем им новых побед». Потом его спросили, что означают все эти ордена и кресты, и он начал срывать их с груди один за другим. Золотая рамка с черным пауком свастики — это немецкий «Золотой крест», сказал он. Этот крест сделан по рисунку самого фюрера. «Похоже,— заметил кто-то,— что вы недовольны фюрером». Он бросил свирепый взгляд и сказал только: «Фюрер — великий человек, и, если у вас есть на этот счет сомнения, вам скоро придется их отбросить». Фон Арним был одним из немецких генералов, которые до самого конца войны держались в стороне от комитета «Свободная Германия».

Одно поражало в этих генералах. Они были захвачены в плен всего несколько дней назад, и тем не менее вид у них был здоровый, без каких-либо признаков недоедания. Ясно, что на протяжении всей агонии Сталинграда, в то самое время, когда их солдаты умирали с голоду, они продолжали получать более или менее регулярное и хорошее питание. Ничем другим невозможно было объяснить их нормальный или почти нормальный и вес и внешний вид.

Единственным человеком, плохо чувствовавшим себя, был сам Паулюс. Нам не разрешили поговорить с ним *, а только показали его, чтобы мы могли засвидетельствовать, что он жив, а не покончил жизнь самоубийством. Паулюс вышел из большого дома, походившего, скорее, на виллу, взглянул на нас, затем устремил взгляд в пространство и в неловком молчании простоял так минуту или две на ступеньках вместе с двумя другими генералами (одним из них был его начальник штаба генерал Шмидт). Паулюс выглядел бледным и больным; левая щека у него нервно подергивалась. У него было больше врожденного достоинства, чем у других, и на груди его я заметил всего один-

* Впоследствии я узнал, что он наотрез отказался делать какие-либо заявления.

два ордена. Щелкнули фотоаппараты, и советский офицер вежливо разрешил ему удалиться; Паулюс снова ушел в дом. Спутники его последовали за ним. Дверь закрылась. Свидание закончилось.

В деревне солдаты рассказывали друг другу смешные истории про немецких генералов. «Им чертовски повезло, живут в приличных домах, получают трехразовое питание. У некоторых еще полно нахальства. Послушайте историю. Это факт. К генералам приставили девушку-парикмахера, чтобы она каждое утро их брила. И вот один из них в первый же день позволил себе ущипнуть ее за ягодицу. Она возмутилась и дала ему пощечину. Так он теперь до того боится, что она ему горло перережет, что не хочет больше бриться и отращивает бороду!»

Потом нас отвезли еще в какую-то деревню, где нас принял начальник штаба генерала Рокоссовского, генерал Малинин. У Малинина, уроженца Ярославля, было энергичное, типично северорусское лицо. Ему было тогда 43 года. Он участвовал в гражданской войне, потом с 1931 по 1933 г. учился в военной академии, воевал в Финляндии и вместе с Рокоссовским был в сражениях под Москвой. Впоследствии он стал начальником штаба Жукова и в этой должности участвовал во взятии Берлина.

За последние два-три дня в Красной Армии вдруг стало модным словечко «Канны» — это слово замелькало в газетах: сталинградскую операцию стали называть идеальными «Каннами» — самыми совершенными со времен Ганнибала. Малинин тоже заговорил об этом, и слушать здесь, среди донских степей, как этот бывший крестьянский парень из-под Ярославля рассуждает о Каннах, было так же странно, как если бы он вдруг начал декламировать «Энеиду»...

«Шоссейных и железных дорог,— сказал он,— было очень мало, и все-таки мы никогда не испытывали недостатка в продовольствии, вооружении или горючем. Каждый солдат, каждый шофер, каждый железнодорожник сознавал, какая грандиозная задача перед нами стоит. Железнодорожники проводили такое количество составов, что это казалось немыслимым. Водители грузовиков, которые

в нормальных условиях должны работать зимой не больше десяти часов в день, в наших транспортных колоннах часто работали бесменно целыми сутками».

Малинин был убежден, что на начальном этапе окружения немцы могли бы вырваться из Сталинграда, если бы Гитлер дал им на это разрешение.

Отвечая на вопрос насчет техники и припасов, поставленных союзниками, он сказал, что Красная Армия получила «некоторое количество американского продовольствия», немного грузовиков «додж» и танков «черчилль» — техника хорошая, но ее очень мало.

Как мы теперь знаем из немецких источников, одним из ближайших последствий окружения немецких войск под Сталинградом в ноябре явилась острая нехватка зимнего обмундирования у этих войск. В ноябре 76 вагонов с зимним обмундированием застряло на станции Ясиноватая, 17 — в Харькове, 41 — в Киеве и 19 — во Львове. Немецкое верховное командование, не желая, чтобы у солдат в Сталинграде зародилась мысль, что они могут не выиграть сражение до наступления зимы, не спешило посылать им зимнюю одежду. Холод плюс очень скудные продовольственные пайки — под конец они были сведены к 60 г хлеба в день и крошечному кусочку конины (генералы получали теоретически 150 г хлеба) — привели к резкому росту смертности у немцев, особенно в январе. Правда, сильные морозы держались не все время. Во второй половине декабря было очень холодно (20—25° ниже нуля); в первой половине января погода стала гораздо мягче (в среднем — 5—10°), однако потом опять стало очень холодно. Температура понижалась иной раз до 25, 30, 40 и даже до 45°.

Четвертого февраля ночью я на собственном опыте узнал, что такое 44° мороза и что это должно было означать для немцев в Сталинграде, как, впрочем, и для русских, ибо было бы большой ошибкой воображать, будто русскому — как бы тепло он ни был одет — 44-градусный мороз доставляет удовольствие.

Мы двинулись в 80-километровое путешествие из штаба генерала Малинина в Сталинград в 3 часа дня. Наш

шофер-красноармеец сказал, что доедем за 4—5 часов, в действительности мы пробыли в пути около 13 часов.

Нас было человек шесть в этом жалком фургоне. Никаких скамеек в нем не было, и мы сидели или полулежали на мешках и узлах. С каждым часом становилось все холоднее и холоднее. К тому же в задней дверце машины не было стекла, поэтому нам было почти так же холодно, как если бы мы ехали в открытой машине.

Мы жалели, что проезжаем по местам недавних боев не в дневное время, но делать было нечего. Эта ночь все равно осталась в моей памяти как одно из самых удивительных воспоминаний за всю войну. Прежде всего я никогда в жизни не испытывал такого холода.

Утром было всего 20°, потом стало — 30, еще ближе к вечеру — 35, еще позднее — 40 и, наконец, — 44°. Чтобы понять, что такое 44-градусный мороз, надо его испытать. Дыхание перехватывает. Если вы подышите на перчатку, на ней сейчас же появится тоненькая корочка льда. Есть нам было нечего, потому что все продукты — хлеб, колбаса и яйца — превратились в камень. Даже имея на ногах валенки и две пары шерстяных носков, надо было все время шевелить пальцами ног, чтобы поддерживать кровообращение. Без валенок невозможно было. Чтобы руки не замерзли, надо было то и дело бить в ладоши или наигрывать воображаемые гаммы. Я раз вытащил было карандаш, чтобы написать несколько слов. Первое слово получилось ничего, второе вышло так, как будто его нацарапал пьяный, а последние два походили на каракули паралитика; я начал скорее дуть на свои лиловые пальцы и сунул их обратно в меховую рукавицу.

Сидя скорчившись в фургоне и чувствуя себя относительно хорошо, вы не можете заставить себя шевельнуться — разве что двигаете пальцами рук и ног да время от времени потираете нос; вас охватывает какая-то душевная и физическая инертность, вы чувствуете себя словно одурманенным наркотиком. А между тем надо все время быть начеку. Я, например, вдруг обнаружил, что мороз щиплет мои колени; он правильно сообразил, что может атаковать этот оставшийся незащищенным небольшой участок ног в промежутке между дополнительной парой нижнего белья и верхом валенок! Помимо одежды, ваш единственный надежный союзник в подобных случаях — это бутылка водки. Она, слава богу, не замерзает, и даже маленький

глоток сильно меня согревал. Можно себе представить, каково было воевать в таких условиях, а ведь последний этап Сталинградской битвы проходил при немногим более мягкой погоде, чем в эту февральскую ночь.

Чем ближе мы подъезжали к Сталинграду, тем более беспорядочным становилось движение на покрытой снегом дороге. Этот район, где еще так недавно гремел бой, находился сейчас в сотнях километров от фронта, и все войска из Сталинграда перебрасывались теперь к Ростову и на Донец. Примерно в полночь мы попали в «пробку». Что за зрелище представляла собой эта дорога, если ее можно было назвать дорогой! Где тут была собственно дорога, а где прилегающая к ней степь, тоже объезженная транспортом (большая часть которого двигалась в западном направлении, но часть и на восток), разобрать было нелегко. Между двумя потоками транспорта образовалась неровная стена снега, отделявшего от колес машин и от копыт лошадей. Регулировали движение странного вида фигуры — солдаты в длинных белых маскировочных халатах и остроконечных белых капюшонах; лошади, лошади, лошади, из обледенелых ноздрей вырывался пар, бесконечной вереницей брели по глубокому снегу, таща за собой орудия, лафеты и большие крытые фургоны; сотни грузовиков с ярко горящими фарами... У обочины дороги горел громадный костер, от которого поднимались облака черного дыма, разъедавшего глаза; вокруг него плясали, чтобы согреться, какие-то призрачные фигуры; потом кто-нибудь зажигал от его пламени щепку и разводил свой маленький костер, так что в конце концов вся обочина дороги превратилась в сплошную цепочку костров. Огонь! Какими счастливыми он делал людей в такую вот ночь! Солдаты спрыгивали с грузовиков, чтобы хоть на несколько секунд ощутить тепло и почувствовать на лице горячее дыхание черного дыма, а потом бегом пускались вдогонку за своим грузовиком и на ходу взбирались на него.

Из Сталинграда тянулась нескончаемая процессия: грузовики, сани, орудия, крытые фургоны и даже верблюды, впряженные в сани, — мы видели, как они степенно шагали по глубокому снегу, словно это был песок. В ход были пущены все мыслимые виды транспорта. Тысячи солдат шли на запад в эту холодную, страшную ночь. Но они были веселы, удивительно веселы и счастливы и громко говорили про Сталинград и про то, что они совершили там.

На запад, на запад! Многим ли — невольно спрашивал я себя — суждено увидеть конец пути? Но они знали, что направление это верное. Быть может, еще мало кто думал о Берлине, но многие, должно быть, думали о своем родном доме на Украине. В валенках и ватниках, в меховых шапках-ушанках, с автоматами в руках, со слезящимися глазами и инеем на губах, они шли на запад. Насколько это было приятнее, чем идти на восток! Но кое-кто двигался и с запада — то был не поток, а небольшая струйка. Но и у этих людей было что порассказать, у этих крестьян на саях и телегах, у этих жителей Сталинграда, что шли пешком или ехали среди ночи домой — домой, на родные пепелища. А вокруг всей этой неразберихи — грузовиков, фургонов, верблюдов, солдат, кричащих, ругающихся, смеющихся и весело пляшущих вокруг костров, наполнявших воздух едким дымом, — лежала молчаливая, покрытая снегом степь. И когда фары освещали степь, видны были в снегу трупы людей, павшие лошади и разбитые вдребезги орудия войны. Мы находились теперь на территории, которую еще недавно занимала окруженная немецкая группировка. А впереди прожекторы прощупывали небо — небо Сталинграда.

Было уже 4 часа утра, когда мы наконец добрались до Сталинграда. Стоял страшный мороз; в крошечной тьме только кое-где виднелись тусклые огоньки. Окоченевшие от холода, мы вылезли из своего фургона. В нескольких метрах от нас кто-то что-то кричал, кто-то размахивал фонарем. «Двое — сюда, — сказал человек с фонарем, — еще двое — вон туда, подальше». Он осветил какую-то дыру в земле. «Спускайтесь туда, погрейтесь». Дыра была немногим шире человеческого туловища. Сползая по скользким доскам и цепляясь за обледенелые стенки тоннеля, мы скатились в блиндаж, находившийся на глубине 7—7,5 метра. Какая теплынь! Какой уютной показалась нам эта жалкая нора и каким сладким запахом махорки! В блиндаже было четыре человека — двое спали на койках, а двое других скорчились возле маленькой железной печки. Это были молодые ребята — один совсем еще мальчик с легким пушком на подбородке; второй, Николай, был более закаленный боец, хотя и ему, вероятно, было не больше 23 лет. Двое, что лежали на койках, зевнули и снова заснули. Нам предложили две койки, покрытые толстыми коричневыми армейскими одеялами, но в блиндаже, освещенном кероси-

новой лампой, сделанной из гильзы артиллерийского снаряда, было так тесно, что мы почти все время просидели. Николай угостил нас горячим чаем из старых консервных банок. Немного отогревшись, мы начали разбираться в окружающей обстановке. Люди, находившиеся в блиндаже, принадлежали к одному из гвардейских полков, которые только что завершили ликвидацию немецкой 6-й армии и теперь несколько дней отдыхали перед отправкой на фронт. «Когда рассветет,— сказал Николай,— вы сможете увидеть «Баррикады» и тракторный завод. Кажется, они еще стоят, на самом же деле они уничтожены. От Сталинграда ничего не осталось — камня на камне. Если бы это от меня зависело, я бы отстроил Сталинград заново где-нибудь в другом месте — это было бы куда проще. А это все я превратил бы в музей».

«Чудно,— сказал парень помоложе,— как тут теперь тихо. Еще три дня назад здесь вовсю шли бои. Это паршивый блиндаж, его наши строили. У немцев блиндажи гораздо лучше. Последние недели они терпеть не могли вылезать наружу — они не выносят холода... Вопючие, грязные — вы не поверите, в какой грязи они жили. Боялись холода, боялись наших снайперов и «катюш». — Парень покачал головой и по-ребячьи хихикнул. — Вот типы! Пришли завоевывать Сталинград в лакированных ботиночках. Думали, что это будет увеселительная прогулка. Пойдите-ка в Питомник, поглядите на них. Паразиты!» — заключил он этим излюбленным словечком красноармейцев, которое вошло в моду еще в 1941 г.

«...Катюша», — сказал Николай, — показала себя замечательно. Мы окружили в Гумраке громадную группу немцев, и они ни за что не хотели сдаваться. Тогда мы расставили вокруг них 50 или 60 «катюш» и открыли огонь... Бог мой! Посмотрели бы вы, какой был результат! Или, бывало, мы, артиллеристы, подкатим орудия к ихним дотам и с 30 метров начинаем бить по ним. В этой ликвидации наши орудия сыграли главную роль — у нас было полное превосходство в артиллерии. И все-таки немцы умеют держаться. Ух, как они не любят сдаваться! В последний день мы подошли к дому, где засело 50 офицеров. Они продолжали стрелять и сложили оружие только после того, как четыре наших танка подошли вплотную к самому дому. Но ничего,— добавил он, потягивая горячий чай из консервной банки,— еще один Сталинград, и им крышка!»

«Да, туго им пришлось,— сказал третий солдат, который теперь проснулся. Это был смуглый армянин с крючковатым носом и темными, похожими на бусинки глазами; по-русски он говорил со смешным акцентом.— В Карповке немцы ели кошек. Они голодали и страшно мерзли, многие даже умерли от холода. Местные жители кое-как держались; припрятали мороженую конину и ею питались — все-таки это было лучше, чем кошки. Одна старуха, которая жила там в землянке, рассказывала, что немцы отобрали у нее собаку и съели. Но корову немецкий комендант не разрешал резать. Фрицев это ужасно злило. В конце концов ему пришлось уступить. Был там еще старик священник, в августе немцы открыли для него церковь. Он все молился о даровании победы «возлюбленным господам хозяевам» — это можно было понимать как хочешь. Некоторые очень потешались над этой шуткой».

Солдаты рассмеялись. «Ничего,— сказал Николай,— теперь все уже скоро, может быть, кончится. Я сам — рабочий и, когда мы освободим Харьков, я, надеюсь, смогу вернуться на свой завод».

Под конец нам все же удалось часа два поспать, а около восьми утра мы снова выползли из скользкого тоннеля на свет божий. Перед нами был Сталинград.

Он оказался не совсем таким, как я ожидал. На какой-то момент сверкание солнца на снегу совершенно меня ослепило. Мы находились в одном из тех рабочих поселков, которые советские войска оставили в сентябре. Большая часть домов и деревьев была совершенно уничтожена. Справа виднелись вдалеке большие, внушительного вида пяти- и шестизэтажные здания. На самом же деле это были только коробки домов, составлявших центр Сталинграда. Слева, в нескольких километрах от нас, поднималось к небу множество высоченных заводских труб. Впечатление было такое, что там раскинулся настоящий промышленный город; но рядом с этими трубами не было ничего, кроме развалин тракторного завода. В трубы попасть трудно, и они остались стоять, по-видимому, целые и невредимые. Было все еще очень холодно, хотя все-таки немного теплее, чем ночью.

Наконец мы двинулись к Волге, через развалины рабочего поселка, мимо разрушенных товарных складов и железнодорожных строений. Ветер, дувший с противоположного берега Волги, оголил землю; насквозь промерзшая,

она лишь кое-где была покрыта снегом, а надо всем этим расстилалось бледно-голубое небо. У обочины дороги все еще попадались замерзшие трупы немцев. Мы пересекли железнодорожную линию. Здесь громоздились друг на друга паровозы и вагоны, образуя одну огромную, беспорядочную грудку металла. Высокие цилиндры нефтехранилищ, стоявшие вдоль разбитого железнодорожного полотна, были смяты, словно выброшенные за ненадобностью старые картонки, и все изрешечено снарядами, а некоторые и вовсе рухнули. По ту сторону дороги траншеи, блиндажи, воронки от снарядов и бомб походили на пчелиные соты. Дальше, за железнодорожной линией, дорога делала крутой поворот, и мы увидели белую, скованную льдом Волгу. На другом берегу видны были неясные очертания голых деревьев, а еще дальше — белая степь, тянувшаяся в глубь Азии.

Волга! Она была сценой одного из самых мрачных эпизодов войны — по ней шла «дорога жизни» Сталинграда. Об этом напоминали вмерзшие в лед баржи и пароходы, по большей части разбитые. Сейчас по льду спокойно тянулась узкая цепочка транспорта: машины, сани, запряженные лошадьми; шли солдаты. Волга замерзла, но не совсем, несмотря на жесткие морозы, державшиеся последние две недели. Там и сям все еще сверкали голубые полыньи, из которых женщины черпали ведрами воду. Мы спустились с крутого обрыва к самому берегу, загромажденному сотнями «трофейных» немецких легковых машин и грузовиков, и очутились на русской земле, которую противнику так и не удалось захватить.

В тот вечер мы увиделись с генералом Чуйковым. Это был крепкий, коренастый человек — типичный офицер Красной Армии, наделенный, однако, добродушием и чувством юмора. Он громко и весело смеялся. У него был полон рот золотых зубов, и, когда он улыбался, они так и сверкали при свете электрических ламп. Кстати сказать, в этом большом блиндаже, вырытом в скале над Волгой и служившем его штабом на последнем этапе Сталинградской битвы, было электричество. С Чуйковым находился его начальник штаба, генерал Крылов, переживший до этого осаду Севастополя.

Чуйков уделил нам целый вечер и рассказывал без умолку, по крайней мере часа полтора, о ходе Сталинградского сражения. Впоследствии он опубликовал обстоятель-

ную книгу об этой битве, которую я неоднократно цитировал в одной из предыдущих глав. Здесь я приведу лишь несколько наиболее характерных моментов из его рассказа, услышанного сразу же после капитуляции немцев. То, что он рассказал нам в этот вечер, в основном совпадает с тем, что говорится в книге.

Чуйков говорил о важной роли, какую сыграла 62-я армия, задержавшая продвижение немцев на Дону в июле и августе, затем о мощном немецком натиске на Сталинград 14 сентября и об отдельных этапах битвы.

Потом он перешел к рассказу о дне 14 октября.

«Это был день самых кровопролитных и ожесточенных боев за все время сражения. На фронте шириной в 4—5 километров немцы бросили в наступление пять совершенно свежих пехотных дивизий и две танковые дивизии, поддерживаемые пехотой и огромным количеством самолетов... В то утро невозможно было расслышать отдельные выстрелы или взрывы — все слилось в непрерывный оглушительный грохот... В блиндаже вибрация была такая, что стакан разлетелся на тысячи осколков. В тот день в моем штабе был убит 61 человек. После четырех или пяти часов этого ошеломляющего обстрела немцы продвинулись на полтора километра и наконец прорвались в районе тракторного завода. Наши бойцы не отступили здесь ни на шаг, и если немцы все-таки продвигались вперед, то только по трупам наших солдат. Но потери у немцев были так велики, что они не могли продолжать наступление с прежней силой и не сумели расширить свой клин на Волге».

Чуйков с похвалой отзывался о ряде сталинградских дивизий — Жолудева, которая чуть не до последнего солдата защищала тракторный завод, дивизиях Людникова, Родимцева и многих других.

Чуйков сказал также, что, после того как к северу и к югу от города советские войска начали большое контрнаступление, положение в самом Сталинграде стало немного легче. Однако 62-й армии было приказано «активизировать» свой фронт и непрерывно атаковать немцев, окруженных к тому времени в сталинградском «котле».

Чуйков говорил о своих бойцах с отеческой любовью. Он и сам пользовался популярностью у солдат: многие из тех, кто воевал в Сталинграде, впоследствии говорили мне, что они бесконечно восхищались его необыкновенным личным мужеством и умением владеть собой: «На тысячу человек не нашлось бы второго такого, как наш Чуйков, который сумел не потерять голову в этот страшный день 14 октября».

Я снова увидел Чуйкова лишь в июне 1945 г. К тому времени он был уже одним из победителей Берлина. Брошенные нацистами великолепные виллы с их кустами роз и жасмина и моторные лодки на Ванзее были, казалось, далеко-далеко, за миллионы километров от этой насквозь промерзшей сталинградской земли, по которой мы ступали в ту зимнюю ночь, от скованной льдом Волги со вмерзшими в лед обломками барж и пароходов.

«Это был длинный и трудный путь,— сказал мне в тот день в Берлине Чуйков.— Но, знаете ли,— добавил он, сверкнув своими золотыми зубами,— если уж говорить об этих баржах и пароходах, они были не так плохи, как вы думаете. Доставлять припасы в Сталинград было чертовски трудной задачей, и все-таки нам удавалось перебрасывать по реке 90 процентов грузов!»

На следующее утро после встречи с Чуйковым я вскарабкался на скалу, на вершине которой устанавливали небольшой памятник погибшим воинам. Этим делом занимались советский солдат и двое немецких военнопленных. У одного немца была черная щетина. У другого — рыжеватая. Ко мне подошел низкорослый солдат-башкир с веселым лицом монгольского типа и глубоко посаженными смеющимися раскосыми глазами. На ломаном русском языке он начал мне рассказывать, как в самые напряженные дни Сталинградской битвы он воевал в районе завода «Красный Октябрь». Потом, указывая на двух немцев, рывших мерзлую землю вокруг памятника, солдат спросил: «Вы можете говорить по-ихнему?» — «Да». — «В таком случае пошли, поговорите с ними». — «Ну, как дела?» Чернявый немец с радостным удивлением ответил: «Хорошо!» — «Значит, русские вас все-таки не убили?» — «Нет», — снова весело сказал он. Я перевел наш разговор башкиру. «Подумать только, что они натворили. Во время

эвакуации они потопили на Волге пароход, на котором находилось 3 тысячи женщин и ребятишек. Почти все были перебиты или утонули. А теперь ходят в наших валенках!» И действительно, на обоих немцах были валенки. Один из них был одет в грязную немецкую серо-зеленую шинель, из-под которой виднелись клочки каких-то одежек, на другом был русский армейский ватник. У обоих меховые шапки на голове. «Да,— сказал немец с черной щетиной на подбородке,— это русские дали нам валенки. Очень хорошие!»

Оба немца были из Берлина. Я спросил, считают ли они и теперь Гитлера самым великим человеком в мире. Они энергично запротестовали. Рыжебородый заявил, что когда-то он был комсомольцем, а чернобородый уверял, что он бывший социал-демократ. «Ах, сколько горя Гитлер принес всему миру и Германии,— нравоучительным тоном изрек рыжебородый.— Сталинград — да, но и в Германии не лучше. Кёльн, Дюссельдорф и некоторые районы Берлина сильно пострадали, и дела идут все хуже и хуже». Оба немца были довольно тощие, но вид у них был вполне здоровый. По их словам, еды они получают вволю. Их поражало, что с ними так хорошо обращаются. Советский сержант, которому поручено было присматривать за этими двумя немцами, прислушивался к нашему разговору со снисходительной улыбкой. Наконец он решил, что им пора снова браться за работу. «Ну, как они?» — спросил я. «Да ничего, люди как люди».

На заводе «Красный Октябрь» и вокруг него бои продолжались несколько недель. Заводские дворы и даже помещения цехов были изрыты окопами. И сейчас еще на дне окопов лежали замерзшие зеленые трупы немцев, серые трупы русских и мерзлые куски человеческих тел. Среди обломков кирпичей валялись советские и немецкие каски, до половины наполненные снегом. Здесь была колючая проволока, и полузасыпанные мины, и снарядные гильзы, и причудливая путаница искореженных стальных ферм. Трудно было себе представить, как кто-то мог остаться в живых в таких условиях. Один из русских показал на стену, на которой было написано несколько имен. Возле этой стены одна из советских воинских частей погибла до единого человека. Теперь же в этом окаменелом аду все молчало и было мертво, как будто буйный сумасшедший внезапно умер от разрыва сердца.

Было все еще 30° ниже нуля. В этот день мы поднялись на страшные склоны Мамаева кургана по узкой тропинке длиной около 100 м. Русские уже водрузили на вершине горы грубый деревянный обелиск, выкрашенный в яркий синий цвет, с красной звездой на верхушке. Между разбитыми стволами деревьев тоже валялись каски, снарядные гильзы, осколки снарядов и другой металлический хлам. На взрытой, промерзшей земле кое-где лежал снег, по мертвых не было видно — валялась только одна почерневшая от времени большая голова, скалившая свои белые зубы. Кто это был — русский или немец? Один майор сказал нам, что русских всех похоронили, но что 1500 немецких трупов еще ждут своей очереди — они сложены по ту сторону кургана. Сколько тысяч снарядов рвало эту землю, на которой каких-нибудь полгода назад зрели арбузы? На середине склона, повернутый к вершине, стоял обгорелый советский танк.

После этого мы поехали в центральную часть Сталинграда. Мы двигались по длинной улице, по обе стороны которой стояли разбитые деревья. Улица шла параллельно Волге. Вот проехали мимо скопления трамвайных вагонов. Многие из них, вернее, все, были разрушены, разбиты и сожжены. Неужели они стоят здесь с 23 августа — со дня гигантского воздушного налета?.. Теперь мы убедились в том, что Сталинград был одним из современных городов; вся его центральная часть, так же как и его заводы, была построена за последние 10—12 лет. Здесь были обширные кварталы жилых домов — теперь, конечно, целиком выжженные, — общественные здания на центральной площади и разрушенный вокзал на ее краю. Он тоже несколько раз переходил из рук в руки во время жестоких боев в сентябре... Посреди площади стоял замерзший фонтан, вокруг которого еще плясали полуразбитые фигурки детей.

Здесь мы вышли из машины. В одном углу площади громоздилась огромная груда всевозможных бумаг — письма, географические карты, книги, фотокарточки немецких детей и пожилых женщин с ухмыляющимися самодовольными лицами, стоящих, по-видимому, где-то на мосту через Рейн, и зеленый католический молитвенник под названием «Духовная броня для солдат», и письмо от мальчика, по имени Руди, в котором говорилось: «Теперь, когда вы захватили мощную крепость Севастополь, война про-

тив заклятых врагов Германии, проклятых большевиков, скоро кончится».

Мы прошли пешком по главной улице, идущей в южную сторону, меж огромных кварталов сгоревших домов, до следующей площади. Посреди мостовой лежал труп немца. В тот момент, когда его настиг снаряд, он, должно быть, бежал. Его ноги, казалось, все еще бегут, хотя одна из них была срезана снарядом выше лодыжки, и из замерзшего красного мяса торчала расколотая белая кость; все это как-то несуразно напоминало витрину мясной лавки. Лицо убитого представляло собой замерзшее кровавое месиво, а рядом темнела замерзшая лужица крови.

На другой большой площади некоторые дома были разрушены, но два стояли, приземистые и крепкие, хотя и выжженные внутри,— Дом Красной Армии и универмаг.

Содержание

Бессмертный подвиг советского народа на Волге	5
Часть I	
Маршал Советского Союза <i>А. М. Василевский</i> . Между Доном и Волгой	21
Маршал Советского Союза <i>В. И. Чуйков</i> . Кризис нарастает	45
Маршал Советского Союза <i>Г. К. Жуков</i> . Подготовка к наступлению	87
Маршал Советского Союза <i>К. К. Рокоссовский</i> . Тиски сомкнулись	124
Маршал Советского Союза <i>А. И. Еременко</i> . Разгром группировки Гота — Манштейна	157
Главный маршал артиллерии <i>Н. Н. Воронов</i> . Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом	191
Генерал-полковник <i>А. И. Родимцев</i> . Дом солдатской доблести	216
Герой Советского Союза <i>В. Зайцев</i> . Дорога к победе (замечки снайпера)	237
Генерал-полковник <i>И. И. Людников</i> . Есть на Волге утес... . . .	242

Часть II

Об авторах второй части книги	265
Из личного архива фельдмаршала Паулюса	270
<i>Вильгельм Адам</i> . Буря разразилась	313
<i>Луитпольд Штейдле</i> . Агония между Дмитриевкой и Алексеевкой	349
<i>Иоазим Видер</i> . Фельдмаршал Манштейн и битва в «котле»	404
Свидетельство английского публициста	461
<i>Александр Верг</i> . Сталинград. Личные впечатления	463

Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *И. А. Юдина*
Корректор *Лебедева И.*

Подписано в печать 7.12.79 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 26,46.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 641. Цена 1 руб. 30 коп.

Издательство „Прогресс“
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва 119021, Zubovskiy bulvar, 17.

Отпечатано на Можайском
полиграфкомбинате Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.







CLARK'S KIDNEY CURE